№ 1 (41) 2008
Выпуск 5
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БелГУ

История Политология Экономика

Belgorod State University Scientific bulletin

History Political science Economy

Основан в 1995 г.

Учредитель:
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный университет»

Издатель:
Белгородский государственный университет.
Издательство БелГУ

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-21121 от 19 мая 2005 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор
Дятченко Л.Я.
ректор Белгородского государственного университета, доктор социологических наук, профессор

Зам. главного редактора
Давыденко Т.М.
первый проректор, проректор по научной работе Белгородского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор

Ответственный секретарь
Московкин В.М.
заместитель по инновационной деятельности проректора по научной работе, доктор географических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ЖУРНАЛА

Председатель редколлегии
Дятченко Л.Я.
ректор Белгородского государственного университета, доктор социологических наук, профессор

Главный редактор
Шаповалов В.А.
доктор исторических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Заместители главного редактора
Борисоглебская Л.Н.
доктор экономических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Шатохин И.Т.
кандидат исторических наук, доцент (Белгородский государственный университет)

Шилов В.Н.
доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Ответственный секретарь
Колесникова В.Л.
кандидат исторических наук (Белгородский государственный университет)

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Проблемы достоверности оценки товаров в статистике внешней торговли России первой четверти XIX века ***Е.В. Дворецкий*** 5

Российское дворянство и купечество в 60-90-е гг. XIX века: проблемы социального партнерства ***В.А. Шаповалов, И.В. Шаповалова*** 12

Состояние хозяйства помещичьих крестьян Курской губернии в середине XIX в. (по данным выборочного исследования подворных описей крепостной эпохи) ***Л.М. Рянский*** 21

Налоги, повинности и платежи крестьянских хозяйств Центрального Черноземья в пореформенный период ***А.В. Перепелицын*** 29

Из истории районирования территории Центрально-Черноземной области (ЦЧО) ***Е.Ю. Прокофьева*** 36

Политико-стратегические возможности Белгородской области в контексте развития трансграничной интеграции ***К.Н. Лобанов*** 44

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Ростовская стачка в ноябре 1902 г.: факт исторический и факт историографический ***И.М. Пушкарева*** 47

Земские начальники в России и их роль в русской деревне (на материалах Воронежской губернии) ***В.Н. Фурсов, Н.В. Сафронова*** 58

Национальные общины Западной Сибири второй половины XIX – начала XX вв. (по материалам периодической печати) ***В.Н. Шайдуров*** 65

Крестьянство и приходское духовенство в начале XX века ***Л.И. Земцов*** 73

Формирование и эволюция мировоззрения князя Г.Е. Львова ***О.А. Захарова, К.М. Ячменихин*** 80

Депутаты Всероссийского Учредительного собрания: этнонациональный аспект ***Л.Г. Протасов*** 88

Избавить от забвения: к 60-летию смерти Ф.И. Дана (1871 – 1947) ***Хартмут Рюдигер Петер*** 95

Особенности репрессивной политики советской власти в конце 1930-х годов ***М.И. Варфоломеева*** 103

Члены редколлегии

Абрамзон М.Г. доктор исторических наук, профессор (Магнитогорский государственный университет)

Амоша А.И. доктор экономических наук, профессор, академик НАН Украины (Институт экономики промышленности НАН Украины, г. Донецк)

Болгов Н.Н. доктор исторических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Глухова А.В. доктор политических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

Давнис В.В. доктор экономических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

Зубарь В.М. доктор исторических наук, профессор (Институт археологии Национальной академии наук Украины)

Литовка О.П. доктор географических наук, профессор (Институт проблем региональной экономики РАН, г. Санкт-Петербург)

Лобанов К.Н. доктор политических наук, доцент (Белгородский юридический институт МВД России)

Лялин В.Е. доктор экономических наук, профессор, (Ижевский государственный технический университет)

Матросова Л.Н. доктор экономических наук, профессор (Луганский национальный педагогический университет им. Т. Шевченко)

Молев Е.А. доктор исторических наук, профессор (Нижегородский государственный университет)

Нуштатуллин В.К. доктор экономических наук, профессор (Башкирский государственный аграрный университет)

Павлов К.В. доктор экономических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Пушкарева И.М. доктор исторических наук, старший научный сотрудник (Институт Российской истории Российской академии наук)

Флигинских Т.Н. доктор экономических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Шихвердиев А.П. доктор экономических наук, профессор (Сыктывкарский государственный университет)

Щагин Э.М. доктор исторических наук, профессор (Московский государственный педагогический университет)

Оригинал-макет *В.Л. Колесникова, Н.А. Гапоненко*
E-mail: vkolesnikova@bsu.edu.ru
Подписано в печать 14.03.2008.
Формат 60×84/8.
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 24,41.
Тираж 250 экз.
Заказ 59.

Подписные индексы в каталоге агентства «Роспечать» – 18078, в объединенном каталоге «Пресса России» – 39723
Оригинал-макет тиражирован в издательстве Белгородского государственного университета
Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Конституция ДАССР 1978 года: история создания и принятия ***Л.А. Труженикова*** **110**

Где больше власти – там меньше женщин (гендерная экспертиза законодательства и текущей законотворческой деятельности высших органов власти РФ в 1991-2006 гг.) ***Н.Л. Пушкарева*** **117**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Основные проблемы восточно-римской и ранневизантийской политики на Северном Понте (сер. III – VI вв.) ***Н.Н. Болгов*** **128**

Австрийская военная юстиция и гражданское население прифронтовых районов Цислейтании. 1914–1917 гг. ***А.Г. Айрапетов, В.В. Миронов*** **138**

Первая международная кампания социалистов против большевистского режима ***А.П. Новиков*** **145**

Европа и Испания (сентябрь 1936 г. – май 1937 г.): курс «невмешательства» ***В.В. Малай*** **153**

К вопросу о людских потерях в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. ***А.И. Исмаилов*** **162**

Реализация совместных проектов учеными Российской Федерации и стран ЕС по проблемам истории Великой Отечественной и Второй мировой войн ***С.И. Филоненко, Т.В. Филоненко*** **166**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Роль «немецкого образца» в процессе становления и развития университетов России XIX века: оценки и мнения в российской публицистике и историографии ***С.И. Посохов*** **170**

Академическая жизнь Киевского университета св.Владимира в 1917-1918 гг. ***С.И. Михальченко, Е.В. Ткаченко*** **180**

Проблемы преподавания истории России в вузах Украины ***В.М. Духопельников*** **187**

Историческая наука и преподавание отечественной истории в России в конце XX - начале XXI веков (дискуссионные аспекты) ***А.В. Третьяков*** **191**

Лаборатория социальной истории Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина ***В.В. Канищев, Ю.А. Мизис, Р.Б. Кончаков*** **197**

Некоторые дискуссионные вопросы хронологии и терминологии в современной отечественной исторической науке ***В.А. Космач*** **201**

CONTENTS

ACTUAL PROBLEMS OF SOCIAL-ECONOMIC HISTORY

Problems of authenticity of goods evolution in statistics of foreign trade of Russia in the xix century ***E.V. Dvoretsky*** **5**

The Russian nobility and merchant class in 60-90-e of XIX century: problems of social partnership ***V.A.Shapovalov, I.V.Shapovalova*** **12**

Condition of the serf peasants' economy of Kursk province in the middle of 19th century (on basis of sampling peasant homesteads' inventories age of feudalism) ***L.M. Ryansky*** **21**

Taxes, scots and lots and payments of the peasant economies of the black soil region at the post-reform period ***A.V. Perepelicin*** **29**

To the question of regionalization of the Black Earth Region ***E.U. Prokofieva*** **36**

Political and strategic perspectives of Belgorod region in the context of the transnational integration development ***K.N. Lobanov*** **44**

ACTUAL PROBLEMS OF SOCIAL-POLITICAL HISTORY

Rostov Strike in November 1902: a fact of history and a fact of historiography ***I.M. Pushkareva*** **47**

Bailiffs in Russia and their role in Russian village (Based on the Voronezh province materials) ***V.N. Fursov, N.V. Safronova*** **58**

National communities of western Siberia of second half xix – first half xx centuries (on materials of a periodic seal) ***V.N. Shaidurov ch*** **65**

Peasantry and village clergy in the beginning of XX century ***L.I. Zemtsov*** **73**

The formation and evolution of prince glvov's outlook ***O.A.Zaharova, K.M.Yachmenikhin*** **80**

Deputies of the all-Russia constituent assembly: ethno-national aspect ***L.G. Protasov*** **88**

To save from oblivion: on the 60th anniversary of death of F.I. Dan ***Hartmut Ruediger Peter*** **95**

Peculiarities of the soviet authorities` repressive policy in late 1930s ***M.I. Varvolomeeva*** **103**

Constitution of DASSR 1978: the history of creation and adoption ***L.A. Trujenikova*** **110**

Where is a lot of power, there is no women (gender examination of legal documents and lawmaking of Russian supreme legislature 1991-2006) ***N.L. Pushkareva*** **117**

ACTUAL PROBLEMS OF FOREIGN POLICY AND MILITARY HISTORY

Main problems of eastern roman and early Byzantinian policy on a northern Pontus (half III – VI ad) ***N.N. Bolgov*** **128**

The Austrian military justice and civil front-line population of Cisleytanya. 1914-1917. ***A.G. Ayrapetov, V.V. Mironov*** **138**

The first international political campaign of socialists against Bolshevik regime ***A.P. Novikov*** **145**

Europe and Spain (September 1936 – May 1937): the Course of the Non-Intervention ***V.V. Malay*** **153**

On the loss of life in the great patriotic war of 1941- 1945 ***A.I. Ismailov*** **162**

The realization of the joint projects of the scientists of the Russian federation and the scientists of the European union on the issues of the history of the great patriotic and the second world wars ***S.I. Filonenko, T.V. Filonenko*** **166**

ACTUAL PROBLEMS OF HISTORY OF EDUCATION AND TEACHING HISTORY AT HIGHER SCHOOL

The role of «German sample» during the process of standing and development of Russian universities in XIX century: estimations and opinions in Russian publicism and historiography ***S.I. Posokhov, V. N. Karazin*** **170**

Academic life of the Kiev st. Vladimir university in 1917-1918 years ***S.I. Mikhalchenko, E.V. Tkachenko*** **180**

Russian history teaching problems in higher education organizations of Ukraine ***V.M. Dukhopelnykov, V. N. Karazin*** **187**

Historical science and teaching of native history in Russia at the end of the XXth – at the beginning of the XIXst century (discussion aspects) A***.V. Tret'yakov*** **191**

Laboratory of social history Tambov's State University of G.R. Derzhavin ***V.V. Kanichev, Y.A. Mizis, R.B. Konchakov*** **197**

Some Debatable Questions (Problems) of Modern Domestic Historical Science ***V.A. Kosmach*** **201**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47).072

ПРОБЛЕМЫ ДОСТОВЕРНОСТИ ОЦЕНКИ ТОВАРОВ В СТАТИСТИКЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Е.В. ДВОРЕЦКИЙ

Белгородский государственный университет, e-mail: dev@bsu.edu.ru

Исследованы стоимостные показатели экспорта и импорта важнейших товаров во внешнеторговом обороте России в 1824 г. Разработан и применен алгоритм оценки достоверности этих показателей на основе сопоставления с биржевыми ценами. Выявлены существенные расхождения статистической оценки товаров с их рыночной стоимостью. Установлена ошибочность существующих однозначных суждений специалистов лишь о занижении стоимости экспорта российских товаров. Алгоритм среза за 1824 г. может быть применен в анализе данных внешнеторговой статистики за предыдущие годы для моделирования внешнеторговых оборотов на основе достоверных данных.

Ключевые слова: внешняя торговля, статистика, экспорт, импорт, биржевые цены, достоверность, сопоставимость

Применяемые сокращения:
РГИА – Российский государственный исторический архив
А – Архангельская таможня
О – Одесская таможня
П – Петербургская таможня
Р – Рижская таможня
Т – Таганрогская таможня
В – высшая биржевая цена
Н – низшая биржевая цена
С – средняя биржевая цена

Начало статистической обработки сведений таможенного учета в России относится к 1804 г. По инициативе министра коммерции Н.П. Румянцева была осуществлена статистическая сводка движения товаров через границы в 1802 и 1803 гг. Материалы были представлены императору Александру I с предложением: включить в деятельность министерства статистическую обработку информации о внешней торговле и ее публикацию[1].

[1] РГИА Ф 13. Д. 957. Л. 1 - 2

Проект министра получил одобрение императора в виде резолюции: «Приступить к исполнению»[2]. Таким образом было положено начало составлению статистики внешней торговли России и публикации статистических ежегодников. В 1804 г. были опубликованы первые два тома под названием «Государственная торговля России в разных ее видах». Под этим наименованием издание выходило до 1811 (отчетного) года. С 1812 г. название было отредактировано как «Государственная внешняя торговля в разных ее видах». В 1863 и 1864 гг. издание было переименовано в «Виды государственной внешней торговли». В 1865 и 1866 гг. оно выходило под названием «Виды российской внешней торговли». В 1867 – 1869 гг. – называлось Виды внешней торговли России». С 1870 г. окончательно закрепилось наименование «Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам».

Важнейшим назначением статистики являлся расчет внешнеторгового баланса, служившего в экономической теории и практике того времени ключевым макроэкономическим показателем. Ему уделялось особое внимание в силу того, что сальдо внешней торговли было, как правило, единственной положительной статьей внешнего баланса России. Поэтому достоверность стоимостных показателей внешнеторговой статистики имела для ее составителей и имеет для современных исследователей принципиальное значение. С целью совершенствования статистического учета таможенные статистики неоднократно меняли методику расчета этих показателей. Первоначально стоимость провезенных через границу товаров определялась по заявлениям их владельцев. С 1825 г. была введена статистическая справочная оценка, в основном, по биржевым прейскурантам для значительной части товаров. С 1865 по 1871 г. стоимость товаров исчислялась в т.н. «постоянных» ценах и представляла собой не что иное, как физический объем, совершено непригодный к расчету торгового баланса. С 1872 по 1897 г. таможенный департамент Министерства финансов отказался от централизованной оценки товаров, поручив чиновникам на местах корректировать заявления владельцев по справочным ценам бирж, городских дум и ратуш, земских управ. С 1898 г. на смену такому паллиативному варианту оценки вновь пришли справочные цены. Однако они были гораздо более совершенными чем, в прошлом. Оценочный отдел статистического отделения получал более 3-х тыс. выпусков справочных изданий по ценам на 50 российских и зарубежных рынках.

В связи с этим исследователям необходимо учитывать сопоставимость стоимостных показателей, полученных по различным методикам, а так же то обстоятельство, что в различные периоды степень достоверности этих показателей существенно различается. К сожалению, при использовании внешнеторговой статистики историками данные официальной статистики воспринимаются, как правило, некритически, что отрицательно сказывается выводах и суждениях.

Предметом статьи является попытка оценить степень достоверности стоимостных показателей в тот период, когда они основывались на сведениях владельцев товаров: 1802 – 1824 гг. Не подвергая анализу данные за весь период, ограничимся в качестве примера лишь пилотажным срезом за 1824 г. Этот год выбран как рубежный накануне отказа от архаичных методов и перехода к получению расчетных статистических данных.

Начнем с того, что сами составители статистических изданий и некоторые их современники не питали особых иллюзий относительно достоверности таможенной оценки товаров их владельцами. Тот же Румянцев для сравнения цен ввел практику публикации в ежегодниках внешнеторговой статистики прейскурантов Петербургской биржи. Один из его современников – Ф.Г. Вирст, подсчитал стоимость товаров некоторых важнейших товаров (сало, пенька, железо, поташ, конопляное масло, льняное семя), вывезенных через Петербургский порт в сентябре 1803 г. в биржевых ценах и сравнил ее со статистическими данными. Во всех случаях рыночная стоимость оказалась выше таможенной оценки на 11 – 24 %%.[3] В свое время автором статьи было проведено аналогичное исследование данных по Петербургскому порту за 6 лет: 1802 – 1807 гг. При этом выявилось отклонение статистической оценки товаров от их рыночной стоимости в сторону занижения таможенной оценки в среднем на 20 – 25 %%[4].

---

[2] Там же Л. 1

[3] Вирст Ф.Г. Рассуждения о некоторых предметах законодательства и управления финансами и коммерцией Российской империи. – СПб., 1807. – Табл. 9.

[4] Дворецкий Е.В. Статистика внешней торговли // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. – М., 1979. – С. 365.

В конечном итоге в 1824 г. директор департамента внешней торговли Д. Бибиков также вынужден был признать несоответствие статистической оценки реальной стоимости товаров. По его мнению, стоимость импортных товаров нередко существенно завышалась получателями за счет включения в нее, вопреки правилам, таможенной пошлины и даже ожидаемой прибыли. В то же время, оценку экспортных товаров он считал существенно заниженной[5]. Это – всего лишь экспертная оценка, сделанная накануне введения новой методики расчета цен в таможенной статистике и призванная послужить обоснованием для нововведения.

Однако такое однозначное суждение: завышение стоимости импорта и занижение ее для экспортных товаров представляется поверхностным и не соответствующим реальной ситуации 1824 г. В этом можно убедиться, сопоставив данные таможенной статистики с биржевыми ценами, взятыми из прейскурантов, опубликованных в том же ежегоднике внешней торговли.

Оговорим технологию расчетов. Первичной задачей является вычисление средней цены товара (экспортного или импортного) в таможенной статистике и расчет среднегодовой цены того же товара на бирже. Таможенная оценка получается простым путем деления общей стоимости товара на его количество. Расчет средней биржевой цены выглядит несколько сложнее. В биржевых прейскурантах цены приводятся помесячно и отражают их колебания в течение месяца от «низшей» к «высшей» за каждый месяц. В этой ситуации оптимальным вариантом представляется сопоставление их с таможенными ценами так же по месяцам. Однако мы лишены такой возможности ограниченностью таможенной статистики. Документы первичной обработки информации о движении товаров – месячные ведомости таможен, по архивным правилам подлежали хранению 15 лет и к настоящему времени утрачены. Поэтому, имея в распоряжении лишь статистические данные за год, мы вынуждены для адекватного сравнения моделировать среднюю биржевую цену товара за тот же год. При построении модели биржевой цены приходится учитывать два рода колебаний биржевых цен: колебания месячных цен в течение года и колебания цен в пределах одного месяца от низших – к высшим. Промежуточным этапом расчета среднегодовой биржевой цены является определение по данным за 12 месяцев средней высшей и средней низшей цены. Средняя годовая цена определяется как средняя арифметическая средней высшей и средней низшей. Такое усреднение выглядит условным, уже потому, что мы не имеем информации об объемах сделок по высшим и низшим ценам или по ценам, находящимся в пределах колебаний. Но в данном случае для однородных товаров средняя цена представляется наиболее адекватной для большинства продаж, т.к. на высшем пике колебаний сделки, обычно, замирают, а, с другой стороны, пик падения цены является следствием падения торговой активности. Дополнительным условием установления сопоставимости цен является учет в них таможенной пошлины. Она включалась в стоимость экспортных товаров и не должна была включаться в оценку импортных товаров, для которых устанавливалась цена «франко-граница». Поэтому сопоставление таможенных и биржевых цен предполагает корректировку их на размер пошлины: вычитание ее из средней таможенной цены для экспортных товаров и средней биржевой цены – для импортных. Смоделировав биржевые и, отчасти, таможенные цены и обеспечив их сопоставимость, мы получим возможность проверить степень достоверности стоимостных показателей внешнеторговой статистики и в определенной степени оценить погрешности баланса внешней торговли России за 1824 г.

С этой целью были обследованы главные статьи российского экспорта за исключением тех, в которых статистиками объединялись товары различной стоимости. Так, например, не приняты к расчету статьи: «масло льняное и конопляное» и «семя льняное и конопляное», т.к. конопляное масло и семена на бирже были вдвое дешевле льняных. В одной статье статистика объединяла кожи разной степени обработки, причем подошвенные кожи на бирже ценились вторе дороже, то же относится железу: цена сортового железа на бирже в первые пять месяцев сильно колебалась от 4 до 9 рублей. Полученные результаты представлены в приведенной ниже таблице 1, составленной по материалам ежегодника «Государственная внешняя торговля в разных ее видах» за 1824 г.. Наряду с базовыми данными о количестве и стоимости товаров, пропущенных через таможни, большая часть цифровых показателей таблицы являются смоделированными посредством расчетов по описанному алгоритму. В случаях существенных отклонений, когда таможенная оценка оказывается выше высшей или ниже низшей биржевой

[5] Государственная внешняя торговля в разных ее видах. – СПб., 1825. – С. 1.

цены, в таблице указывается вилка биржевых цен. Распределение товаров в таблице дано по модульной убывающей отклонения таможенной оценки от биржевой цены. Товары, таможенная оценка которых ниже биржевой цены, выделены курсивом.

Таблица 1

Сравнительные цены в 1824 г. экспортных товаров по оценкам их владельцев и биржевых прейскурантов

№№ п/п	Наименование товара и таможни	Количество товара (пуды)	Стоимость товара на таможне (тыс. руб.)	Средняя цена таможенной оценки (руб.)	Экспортная пошлина (руб.)	Расчетная цена на таможне (руб.)	Цена по биржевым прейскурантам данного портового города (руб.)	Расчетная таможенная оценка выше или ниже биржевой цены		
								руб.	Расчетная рыночная стоимость по биржевым ценам (тыс. руб)	%%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Полотно равентух (П)	55915 (кусков)	2583	46,19	нет	46,19	В -32 С 29,54	выше 16,65	1652	выше 56%
2	Щетина (П)	45026	2964	65,83	0,47	65,36	Н 125 С 140,5	ниже 75,14	6326	ниже 47%
3	Юфть (П)	28650	1362	47,54	нет	47,54	Н 32 В 35 С 33,57	выше 13,97	962	выше 42%
4	Юфть (Т)	2794	148	52,93	нет	52,93	В 45 С 39,54	выше 13,39	110	выше 34%
5	Полотно фламандское (П)	65104 (куска)	3437	52,79	нет	52,79	В 45 С 39,57	выше 13,22	2576	выше 33%
6	Сало (Р)	27192	413	15,17	0,29	14,88	В11,5 С 11,3	выше 3,58	307	выше 32%
7	Сало (П)	2203156	30629	13,9	0,29	13,61	1 сорт В 11 С 10,56	выше 3,05	23265	выше 29%
8	Полотно фламандское (О)	100 (кусков)	4	40	нет	40	1 сорт Н 38 В 70 С 56,7	ниже 16,76	6	ниже 29%
9	Лен (Р)	1158518	23811	20,55	0,54	20,01	высшая (за лучший) 17,28 среднегодовая 16,1	выше 3,91	18652	выше 25%
10	Поташ (П)	482675	4879	10,11	0,18	9,93	В 9,3 Н 7,1 С 8	выше 1,93	3861	выше 24%
11	Лен (П)	363701	4468	12,28	0,54	11,74	Н 14,5 В 16 С 15,39	ниже 3,65	5597	ниже 24%
12	Полотно равентух (О)	382 (куска)	9	24,08	нет	24,08	1сорт Н 22 В 38 С 27,85	ниже 3,77	11	ниже 14%

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
13	Полотно парусное (О)	880 (кусков)	29	33,4	нет	33,4	1 сорт В 45 Н 28 среднегодовая 36,53	ниже 3,13	32	ниже 9%
14	Медь (П)	215476	7664	35,57	нет	35,57	С 33,9	выше 1,67	360	выше 5%
15	Медь (О)	7891	271	34,33	нет	34,33	листовая Н 35 С 36,19 штыковая Н 34 В 38 С 35,64	штыковая ниже 1,31	286	ниже 4%
16	Пенька (Р)	751154	7590	10,1	0,36	9,74	В 9,7 С 9,47	выше 0,27	7113	выше 3%
17	Сало (А)	89307	732	8,2	0,29	7,91	Н 8,5 В 9 С 8,7	ниже 0,79	777	ниже 9%
18	Пшеница (Т)	95206 (четвертей)	1288	13,53	0,22	13,31	С 13,97	ниже 0,66	1330	ниже 5%
19	Поташ (Р)	3827	38	9,99	0,18	9,81	С 9,96	выше 0,15	38	выше 2%
20	Пшеница (О)	561465 (четвертей)	7595	13,53	0,22	13,31	С 13,6	ниже 0,29	7636	ниже 2%
21	Пенька (П)	1995775	16807	8,42	0,36	8,06	Н 7,6 С 8,13	ниже 0,7	16226	ниже 1%
22	Полотно парусное (П)	50622 (куска)	3611	71,32	нет	71,32	Н 68 С 70,35	выше 0,97	3561	выше 1%
23	Юфть (О)	4379	162	36,9	нет	36,9	С 37	ниже 0,1	162	ниже 0,003%
	Всего		120493						100647	выше 20%

В результате сопоставления выявлены разительные труднообъяснимые расхождения по большинству позиций. При этом нельзя говорить однозначно о какой-либо тенденции завышения или занижения таможенной оценки. Нет единой практики в отношении товаров и на таможнях: стоимость одних и тех же товаров как завышалась, так и занижалась, на одной и той же таможне наблюдается как завышение, так и занижение оценки.

Выделяются по несовпадению таможенной оценки с рыночной ценой три группы товаров. Оценка около половины товаров - 10 из 23-х, представленных в верхней части таблицы, значительно отличается от рыночной стоимости на 27 – 56%%. В таблице дано распределение по модулю, но в большинстве случаев в этой группе присутствует завышенная оценка – по 8 позициям, и лишь в двух случаях оценка занижалась.

Другая небольшая группа демонстрирует существенные отклонения от рыночной цены в пределах 9 – 14%%. Это пять позиций (11 – 15), и в трех случаях имеет место занижение таможенной оценки, в двух – ее завышение.

Наконец, еще одна крупная группа – 8 позиций в нижней части таблицы представлена товарами, оценка которых близка к рыночной стоимости и расхождения таможенной оценки в сравнении с биржевыми ценами колеблются в пределах от 1 до 5%%. Случаи некоторого завышения или занижения встречаются с одинаковой частотой.

Однако самым неожиданным оказывается существенное завышение таможенной оценки товаров их владельцами в сравнении с рыночными биржевыми ценами. Статистическая стоимость экспортных товаров по оценке на таможне оказалась на 20% выше (!), чем они стоили на рынке. Это совершенно противоречит экспертной оценке директора департамента внешней торговли, считавшего, что экспортеры стоимость товаров занижают. Разница только по подсчитанным товарам составила в 1824 г. около 20 млн. рублей.

Аналогичным способом произведены расчеты по сопоставлению таможенной оценки и рыночной стоимости для импортных товаров – табл.2. Выбор импортных товаров ограничен тем обстоятельством, что, среди них – немалую долю составляли готовые изделия, которые не реализовывались на бирже. Из сырья и полуфабрикатов отобраны товары с наименьшим перепадом цен. Исключение составляет хлопок пряденый, у которого перепад цен связан тем, что цена на низкокачественную отечественную продукцию была в 3 раза меньше импортной. Поэтому в данном случае к расчету приняты высшие цены. Корректировка цен с вычетом пошлины осуществлялась при построении модели биржевой цены.

Таблица 2

Сравнительные цены в 1824 г. импортных товаров по оценкам их владельцев и биржевых прейскурантов

№№ п/п	Наименование товара и таможни	Количество товара (пуды)	Стоимость товара на таможне (тыс. руб.)	Средняя цена таможенной оценки (руб.)	Импортная пошлина (руб.)	Цена по биржевым прейскурантам данного портового города (руб.)	Модель цены: биржевая минус пошлина (руб.)	Таможенная оценка выше или ниже смоделированной рыночной цены		
								руб.	Расчетная рыночная стоимость по модельным ценам (тыс. руб.)	%%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Сахар-песок (О)	2188	484	21,84	9	С 20,5	11,5	выше 10,34	25	выше 90%
2	Сахар-песок (П)	622029	15765	25,38	9	С 26,06	17,06	выше 8,32	10611	выше 49%
3	Хлопок пряденый (О)	11916	1524	127,91	12	В 100	88	выше 39,91	1047	выше 45%
4	Сахар-песок (Р)	151172	3893	26,21	9	С 28,54	19,54	выше 6,67	2954	выше 34%
5	Хлопок-сырец (О)	6411	127	19,75	нет	Н 28 С 29,67	29,67	ниже 9,92	190	ниже 33%
6	Хлопок-сырец (П)	22727	729	32,07	нет	Н 30 В 58 С 43,74	43,74	ниже 11,67	994	ниже 27%
7	Кофе (Р)	14455	751	51,94	18	С 60	42	Выше 9,94	607	выше 24%
8	Кофе (П)	87354	4586	52,5	18	В 68 С 62,4	44,4	Выше 8,1	3879	выше 18%
9	Кошениль (П)	2468,5	2516	1019,3	27	С 922,19	895,19	Выше 124,11	2210	выше 14%
10	Хлопок пряденый (П)	304590	34363	112,82	12	В 119,33	107,33	Выше 5,49	32692	выше 5%
	Всего		64738						55209	

Как и в примере с экспортными товарами, в оценке импорта имеются существенные расхождения между таможенной оценкой и рыночной стоимостью товаров. В половине случаев цены расходятся более чем на треть: от 33 до 90%%. В других случаях отклонение составляет 14 – 27%%. Лишь в одном случае с ввозом хлопковой пряжи через Петербургский порт оценка его на таможне превысила рыночную стоимость на 5%. Но и этого достаточно для того, чтобы абсолютная разница стоимости составила около 2-х млн. рублей.

Как и следовало ожидать, на таможне получателями товаров цены, в основном, завышались. Одним из объяснений этого может служить нарушение заявителями таможенных правил, не допускающих включения в них таможенной пошлины и, тем более, ожидаемой прибыли. Однако и в оценке импорта на таможне ситуация выглядит неоднозначно. Наряду с ожидаемым завышением цен имеются случаи с их явным занижением для хлопка-сырца на Петербургской и Одесской таможнях: от 27 до 33%.

Уже в рассмотренных примерах суммарная погрешность таможенных оценок составила около 20 млн. рублей для экспортных и около 10 млн. – для импортных товаров. Это достаточно существенно для того, чтобы критически использовать данные статистики внешней торговли в исторических исследованиях. Специалисту, обращающемуся к изучению истории внешней торговли России в первой четверти XIX в., во избежание ошибочных выводов придется приложить усилия для оценки достоверности стоимостных показателей внешнеторговой статистики и их корректировки.

PROBLEMS OF AUTHENTISITI OF GOODS EVALUTION IN STATISTICS OF FOREIN TRADE OF RUSSIA IN THE XIX CENTURY

E.V. DVORETSKY

Belgorod state university, e-mail: dev@bsu.edu.ru

There have been investigated cost indices of export and import of the most important goods in the foreign trade turnover in Russia in 1824. There has been elaborated and applied an algorithm of evaluating the authenticity of these indices on the basis of their comparison with the stook-exchange prices. There have been detected essential divergences in statistical evaluation of the goods and their market price. There has been established faultiness of the existing monomeaningful judgements of specialist about the under-evaluated cost of export of the Russian goods. The algorithm of the 1824 data can be applied white analyzing the data of foreign trade statistics for proceeding years for modeling foreign trade turnover on the basis authentic information.

Key words: foreign trade, statistics, export, import, stook-exchange prices, authenticity, comparatibility.

УДК 93.1

РОССИЙСКОЕ ДВОРЯНСТВО И КУПЕЧЕСТВО В 60-90-Е ГГ. XIX ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

В.А. ШАПОВАЛОВ
И.В. ШАПОВАЛОВА

Белгородский государственный университет

В статье рассматривается проблема социального партнерства дворянства и купечества в пореформенный период. Особое внимание уделено взаимодействию дворян и купцов на земельном рынке, в фабричном производстве, в сфере частного кредитования и в земских структурах.

Ключевые слова: дворянин, купец, социальная психология, земельный рынок, земство

Пореформенная либерализация межсословных отношений в начале 60-х гг. XIX века не сократила социально-психологическую дистанцированность между различными сословиями Российской империи. Социально-психологические основы мировоззрения представителей каждой отдельной социальной общности генерировались веками, поддерживаясь сословным характером российского законодательства. Отчетливо это просматривалось на широком спектре взаимоотношений дворянства и купечества. Российские дворяне к 1859 г. заложили в кредитных учреждениях 66% принадлежавших им ревизских душ[1]. В ходе реформы отмены крепостного права банковская задолженность была ликвидирована, а выкупные платежи за освобождение крепостных крестьян, с перспективой выплаты выкупа на 49 лет, не решали проблемы дефицита наличных денег на хозяйственное переустройство поместий в новых условиях или просто на их поддержание.

Банковская реформа 1860 г. фактически лишила поместных владельцев возможности поземельного кредита. В данной ситуации особый интерес представляли частные кредиторы. В отчете Ш отделения императору за 1861 год на это было обращено особое внимание, «Вообще из хода дел видно, что помещики к устройству своего хозяйства на новых основаниях не приготовились и что, не имея капиталов, они претерпевают чувствительные лишения от крайнего затруднения в частном кредите»[2]. Частными кредиторами могли выступать представители верхней страты дворянства или купечество. Первые, в своей основе, были заняты модернизацией своих латифундий, а купечество могло реально выступить в качестве кредитора. Это понимала и основная масса поместного дворянства. С. Атава прямо указывал: «Купец начинает чувствовать свою возросшую хозяйственную власть и силу. Всем нам в это время дозарезу были нужны деньги, а деньги были у купца. Теперь, когда приезжает купец, необходимо было его положить спать в кабинете на диване, надо было ему подавать обед, строго-настрого приказав детям не смеяться, если купец станет сморкаться в салфетку»[3]. Финансовый интерес дворянства начинает внешне превалировать над чувством своего сословного превосходства. Но осознание же собственной сословной исключительности оставалось и «на купца смотрели не то чтобы с презрением, а так, как-то чудно. Где, дескать, тебе до нас. Такой же ты мужик, как и все, вот только синий сюртук носишь, да и пообтесался немного между господами»[4].

Авторы мемуаров рассматриваемого периода однозначно подчеркивали, что дворянство нуждалось в купеческих капиталах, а взамен купеческому бизнесу ничего не могло предложить. В реальности экономическая заинтересованность взаимного сотрудничества поместного дворянства и купечества уже на то время была очевидна и она не находилась только в рамках частного кредитования. После отмены крепостного права цена на

---

[1] Кауфман И.И. О задолженности землевладения в связи со статистическими данными о притоке капиталов к поместному землевладению со времени освобождения крестьян // Временник Центрального статистического комитета МВД. СПб., 1888 № 2. Прил. I.

[2] Россия под надзором. Отчеты Ш отделения. 1827-1869. М., 2006. С. 553-554.

[3] Шаповалов В.А. Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период. М., - Белгород, 2002. С. 134.

[4] Бурышкин П.А. Москва купеческая. М., 1991. С. 96.

землю и арендная цена земли стали быстро расти, причем по темпам роста в первые пореформенные годы арендная стоимость была выше продажной[5]. Дворянство, заинтересованное в получении наличных денег, и не заинтересованное в продаже собственных земель, которые стали составлять их основной капитал и имели тенденцию к ценовому росту, ставку сделало на сдачу земли в аренду. Крестьянская аренда, в силу отсутствия должного количества денег у общинников, не могла решить проблемы так, как она носила краткосрочный характер и в подавляющем количестве случаев имела смешанный характер (за деньги и отработки, за деньги и из части урожая и т.д.). Поместные владельцы в этой ситуации старались сдавать свои земли большими площадями в долгосрочную аренду, которая традиционно имела денежную основу. Здесь их интересы совпадали с интересами купцов, которые часть свободного капитала вкладывали в долгосрочный найм дворянских земель, с целью их пересдачи в субаренду крестьянам. Так, в Бобровском уезде Воронежской губернии в 60-е гг. XIX в. аренда купечеством дворянских земельных участков в несколько тысяч десятин была не редкостью. Купцы, как правило, не вели сами хозяйство, а пересдавали землю мелким съемщикам. Арендная плата при снятии купцами земли от 2 до 10 и более тысяч десятин колебалась ль 2 до 3,5 руб. за 1 десятину, а мелким съемщикам пересдавались: пахотная от 6 до 10 рублей за 1 десятину, целина после одного посева – от 10 до 15 рублей за 1 десятину[6]. На один вложенный купцами в субаренду рубль за пашню они получили в год 5,25 рублей. Данные арендные операции приносили огромные прибыли купцам.

Этот вид найма земли выгоден был купцам не только более низкой арендной ценой 1 десятины за снятие больших площадей (при долгосрочной 2,75 рублей, краткосрочной – 8 рублей), но и тем, что при аренде крупных участков земельный фонд состоял из различных угодий. В этом случае соединение хозяйства арендатора со снятым участком давало те агрокультурные преимущества (установление прогрессивного севооборота, наличие пастбищ, покосов и т.п.), которые не мог получить арендатор при краткосрочной аренде, как правило, снимавший определенный вид угодий. То есть, купец имел возможность варьировать ценами при передачи земель в субаренду, исходя из дефицита в конкретной местности того или иного вида угодий.

Купеческая субаренда имела для бобровских помещиков и обратную сторону. Завышение арендных цен при краткосрочной аренде способствовало оттоку местных крестьян на заработки в другие уезды и губернии, что затрагивало интересы дворян – землевладельцев ведущих собственное хозяйство. С середины 60-х гг. XIX века они стали оговаривать при сдачи в аренду больших участков земли цену для пересдачи мелким съемщикам. По условиям договора купцы уже не могли превышать установленную цену[7]. Это был ответный шаг, целью которого было стремление удержать крестьян в рамках своего уезда.

Таким образом, при всей очевидности социально-психологической дистанцированности дворянства и купечества, взаимный экономический интерес стал основой для их тесного хозяйственного сотрудничества. При этом необходимо учитывать, что этот экономический интерес относился к верхним подгруппам средней страты дворянства (от 500 десятин), крупной страте (свыше 1000 десятин) и купцам, имевшим в свободном обороте тысячи рублей.

С конца 60-х гг. XIX века продажная цена земли стала обгонять по темпам роста арендные цены на землю и купечество стало вкладывать деньги в земельные участки, особенно в черноземные.

Таблица 1

Цены за 1 десятину земли в рублях по 45 губерниям в Европейской России[8]

1877 г.	1887 г.	1897 г.	1902 г.
19,8	34,2	53,2	73,7

[5] Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других Европейских государствах. СПб., 1881. Т. 1. С.456.

[6] Село Анна Воронежской губернии Бобровского уезда // Труды Императорского Вольного экономического общества. СПБ., 1869. Т. 2. Вып. 4. С. 308.

[7] Село Анна Воронежской губернии Бобровского уезда. С. 313.

[8] Материалы по статистике движения землевладения в России. СПб., 1896. Вып. ХШ. Табл. 4.

Рост цен за 1 десятину земли в течение 25 лет вырос в 3,7 раза. Земля становится весьма выгодным объектом приложения капитала. Именно с рубежа 60-70-х гг. XIX века начался интенсивный процесс «раздворянивания» частновладельческой поземельной категории, когда дворянство стало быстрыми темпами продавать свои земли. Если с 1863 по 1868 гг. в Воронежской и Курской губерниях площадь дворянских земель не сократилось, а наоборот, увеличилось на 1,6%, то за период с 1863 по 1877 гг. дворянский фонд земель уменьшился на 7,2%[9]. Противоречивость этих процессов наиболее рельефно отразилась на общероссийском земельном рынке.

С 1863 по 1872 гг. по 45 губерниям Европейской России дворянство заключило 72041 сделку на продажу земли или 66,7% от всего количества данных сделок, купечество – 3823 (3,5%) сделки. По этим сделкам дворяне продали 16120232 десятины или 86,7% всей реализованной земли, представители купечества – 567070 десятин (3%). В совокупности дворяне и купцы контролировали 89,7% рынка реализуемых земель. Крестьяне всех категорий, занимавшие по этому показателю третье место (не считая категории неуставленного сословия продавцов), продали на земельном рынке 262689 дес. (1,3%)[10]. Средний размер проданного дворянством земельного участка составлял 223,7 десятины, купечеством – 148,3 десятины. То есть, на земельном рынке продавцами земель были представители среднего (101-1000 дес.) и крупного (свыше 1000 дес.) дворянского и купеческого землевладения. За этот же период на покупку земель дворянство заключило 31051 сделку или 28,7% всех сделок подобного характера, купечество – 11812 сделок (10,9%). Дворянство по этим сделкам приобрело 9673317 десятин или 52,8% всех купленных земель, купечество – 4601052 десятины (25,1%)[11]. Как и в случае с продажей земли, дворянство и купечество контролировали рынок покупаемых земель (77,9%). Средний размер земельного участка, купленного дворянством, составлял 311,5 десятин, купечеством – 389,5 десятин. Купечество, в отличие от дворянства, приобрело на земельном рынке на 4033982 десятины больше, чем продало. Дворяне же, в ходе операции купли-продажи, потеряли 6446915 десятин. К тому же, средний размер купленного купечеством земельного участка, был больше, чем у представителей дворянства.

Для выявления новых тенденций, с участием дворянства и купечества, рассмотрим процессы на земельном рынке в период с 1883 по 1892 гг. За этот отрезок времени дворянство заключило на продажу земли 90252 сделки или 40% от всех сделок подобного рода, купечество – 10789 сделок (4,7%). В начале 90-х гг. XIX века по количеству сделок на продажу земли (44,7%) дворянство и купечество утратили лидирующие позиции на общероссийском земельном рынке. По этим сделкам поместные владельцы реализовали на земельном рынке 17996079 десятин, или 69,1% всех проданных земель, купечество – 2321478 десятины (8,9%). Третий показатель по количеству проданной земли принадлежал крестьянству – 1810941 десятина (6,9%)[12]. Как и в 60-70-е гг. XIX века дворяне и купцы контролировали рынок реализуемых земель (78%), но сократив этот показатель на 11,7% в сравнение с предыдущим этапом. Средний размер проданного дворянством земельного участка составил 199 десятин или на 11,1% меньше, чем на рубеже 60-70-х гг. XIX века, у представителей купечества – 215 десятин, или на 66,8 десятины больше предыдущего аналогичного показателя. К началу 90-х гг. XIX века купечество реализовывало на рынке более крупные земельные участки, чем дворянство. За этот же период времени дворяне заключили 30864 (14%) сделки на покупку земли, купцы – 13918 (6,3%) сделок. В сравнение с рубежом 60-70-х гг. XIX века данный показатель у дворян сократился на 14,7%, у купцов – 4,6%. По этим сделкам представителями дворянства было куплено 9688277 десятины или 38,8% всех приобретенных земель, купцами – 4042334 десятины (16,2%).

---

[9] Движение землевладения потомственных дворян с 1861 по 1897 г. Приложение к отчету Государственного Дворянского Земельного Банка за 1896 г. СПб., 1898. С. 38-39; Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Воронежская губерния, Курская губерния. Т.1. СПб., 1860; Скребицкий А. Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Бонн-на-Рейне, 1868. Т. IY. С. 1531-1533; Шаповалов В.А. Указ. соч. С. 234-235. Подсчитано нами. – В.Ш.

[10] Свод данных о купле продаже земель в 45 губерниях Европейской России за тридцатилетие 1863-1892 гг. По сделкам оглашенным в Сенатских объявлениях. Распределение сделок по годам, по сословиям продавцов и покупателей и по районам. Б.М. Б.Г. С. 2-5. Подсчитано нами. – В.Ш.

[11] Там же. С. 8-11. Подсчитано нами. – В.Ш.

[12] Свод данных о купле, продаже земель в 45 губерниях Европейской России за тридцатилетие 1863-1892 гг. С. 2-5. Подсчитано нами. – В.Ш.

Средний размер земельного участка, купленного дворянством, был равен 314 десятинам, купцами – 290,4 десятины. Основными игроками на земельном рынке продолжали оставаться представители верхних страт дворянства и купечества. В сравнение с 60-70 гг. XIX века совокупный фонд купленной дворянством и купечеством земли на общесословном земельном рынке сократился с 77,9% до 55 %.

В целом же, с 1863 по 1892 гг. в Европейской России дворянством было продано 57 547696 десятин земли, куплено – 33302269 десятин. Реальное сокращение дворянского земельного фонда составило 24245436 десятин. Купцы же в указанный период времени продали на земельном рынке 5043335 десятин, а приобрели – 14605037 десятин. Третье место на общесословном земельном рынке по данным показателям занимало крестьянство. Им было реализовано 3148230 десятин земли, куплено – 12110816 десятин[13].

Учитывая, что дворянство являлось на протяжении всего пореформенного периода главным продавцом земли, а купечество, не беря в расчет самих поместных владельцев, основным покупателям дворянских земель, можно утверждать, что на главном рынке России – земельном, представители указанных сословий имели не только тесный взаимный экономический интерес, но и опосредовано контролировали все операции на данном рынке.

Пореформенная либерализация социально-экономической жизни российского общества дала мощный импульс для роста рынка промышленных, торговых и финансовых услуг, где дворянские и купеческие капиталы играли первые роли. Остановимся на важнейшем показателе экономики России – фабричном производстве, исходя из учета социального состава фабрикантов.

Таблица 2

Распределение фабрик по группам владельцев И размерам производства в 1900 г.[14]

	Размеры предприятий								Всего	
	Мелкие		Средние		Крупные		Крупнейшие			
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Купечество	420	14	1889	62,8	669	22,3	28	0,9	3006	100
Дворянство	459	21,2	1452	67,1	236	10,9	18	0,8	2165	100
Мещанство	673	47,8	676	48,1	58	4,1	-	-	1407	100
Крестьянство	477	47,6	477	47,6	48	4,8	1	0,001	1002	100
Почетные граждане	55	10,9	289	58,9	137	27,1	16	3,1	506	100
Иностранцы	59	15,8	204	54,5	106	28,3	5	1,4	374	100
Лица свободных профессий	48	22,1	141	65	28	12,9	-	-	217	100
Чиновничество	25	20,8	86	71,7	9	7,5	-	-	120	100
Прочие	889	37,6	1231	52,1	237	10,10	7	0,2	2364	100
Всего	3105	27,8	6453	57,8	1528	13,7	75	0,7	11161	100

Представителям купечества и дворянства принадлежало 5171 (46,5%) промышленных производств из 11161. Как и земельный рынок Европейской России, сфера промышленного производства фактически находилась под их контролем. При этом им принадлежало 3341 среднее предприятие (с годовым производством от 10 до 100 тысяч рублей) из 6453 или 51,7% этой категории фабрик, 933 крупных и крупнейших предприятий (с годовым производством свыше 100 тысяч рублей) из 1603 или 58,2%. Но весьма невелика доля владения мелкими предприятиями – 879 (28,3%) из 3105.

Наиболее яркой особенностью, как отмечает М.К. Щацилло, отличающей купечество от других социальных групп, составлявших российскую буржуазию, стала равномерность представительства купечества во всех отраслях производства народного хозяйства. Исключение составляли сферы деревообработки, обработки животных продуктов и пита-

[13] Свод данных о купле, продаже земель в 45 губерниях Европейской России за тридцатилетие 1863-1892 гг. С. 2-5, 8-10. Подсчитано нами. – В.Ш.

[14] Щацилло М.К. Социальный состав буржуазии в России в конце XIX века. М., 2004. С. 244.

тельных и вкусовых веществ, где доля купеческого производства была незначительной. В свою очередь, дворяне резко отличались от других социальных групп предпринимателей ярко выраженной неравномерностью распределения принадлежавших им заводов по отраслям промышленности. Подавляющее большинство всех дворянских заведений (89,2% фабрик) было сосредоточено в трех отраслях народного хозяйства – обработке питательных и вкусовых веществ (73,2%), минеральных веществ (8,9%) и обработке дерева (7,1%)[15]. Все эти отрасли теснейшим образом были связаны с владением землей, основной формой недвижимости дворянских капиталов. Таким образом, большая часть дворянских предприятий была сосредоточена в тех отраслях народного хозяйств, где предприятия купцов не играли существенной роли.

Занятие дворян предпринимательской деятельностью в сфере промышленного производства было обусловлено осознанием того, что в буржуазном обществе мерилом социального статуса является не факт благородного происхождения, а наличие и объем капитала. К началу XX века психологические барьеры между представителями верхних страт дворянства и крупной буржуазией, если и не исчезли полностью, то уже перестали быть непроходимыми. Авторы воспоминаний о петербургском обществе рубежа XIX-XX веков подчеркивали эти процессы, «общее впечатление у нас сложилось такое, что грани между аристократией, интеллигенцией и богатыми, но неродовитыми людьми в описываемый период уже не было. Некоторые аристократы... роднились с семьями богатых просвещенных купцов, банкиров, крупных инженеров, ученых из разночинцев или из духовного звания... Были случаи, когда некоторые вступали в коммерческие предприятия, акционерные общества, куда их охотно принимали даже без капиталов, так как в интересах дела... выгодно было привлечь людей с громкими именами...»[16]. В то же время, акцентируется внимание на привлекательности для буржуазных элементов иметь деловым партнером представителя аристократии. Магия «высокородства» не могла исчезнуть в короткий период времени.

Другой сферой, где непосредственно соприкасались интересы дворянства и купечества была система местного самоуправления – земство. Земства учреждались на основании «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 года, как всесословные органы местного самоуправления. Избирательная система земств строилась по буржуазному принципу имущественного ценза по куриям. Первая курия – землевладельческая, она составлялась из землевладельцев уезда независимо от их сословной принадлежности, владевших минимумом земли в 200 десятин, и крупных поместных владельцев, имевших в сельской местности различную недвижимую собственность стоимостью свыше 15 тысяч рублей. Вторая курия – городская. В нее непосредственно входили собственники городских промышленных и торговых заведений с оборотом не ниже 6 тысяч рублей в год, а также представители владельцев, располагавших имуществом меньших размеров, в пределах 1/20 части ценза. Третья курия – сельских крестьянских обществ. Выборы по крестьянской курии были многостепенными. Разработчики земской реформы в самой структуре выборов земских гласных заложили принцип доминирования дворян – землевладельцев.

Приоритет дворянского сословия проявился уже на подготовительном этапе введения земских учреждений. По положению о земских учреждениях 1864 года подготовительная работа для открытия земств на местах была возложена в каждом уезде на особые временные комиссии. Во главе этих комиссий стоял временный губернский комитет под руководством губернатора. В состав данного комитета кроме губернатора входили все члены особого по земским повинностям присутствия из местных дворян и губернский прокурор. Уездные временные комиссии состояли из председателя – уездного предводителя дворянства, мирового посредника, исправника, чиновника ведомства государственных имуществ и городского головы[17]. Таким образом, вся подготовительная работа по открытию земств в губерниях была возложена на представителей дворянства. И это было оправдано, так как губернские и уездные структуры управления возглавлялись дворянами.

С первых дней функционирования института земств, среднее и крупное дворянство

---

[15] Щацилло М.К. Указ. соч. С. 136, 146.

[16] Засосов Д.А., Пыпин В.И. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов. Записки очевидцев. Л., 1991. С.72.

[17] Щербина Ф. Воронежское земство. 1865 – 1889. Воронеж, 1891. С. 53.

рассматривало его в качестве своего сословного органа управления на местах. Крупный государственный и военный деятель пореформенной России Д. А. Милютин прямо на это указывал: «При открытии заседания этого собрания (собрание дворянства Московской губернии 3 января 1865 года В. Ш.) московский военный генерал – губернатор генерал Офросимов произнес речь, в которой, желая выразить особенное значение тогдашнего собрания, сказал: «Из среды своей, из вашего именно сословия, предстоит вам избрание, представителей которым по Всемилостивейше дарованному вам праву земского самоуправления будут вверены интересы всех сословий губернии». Оборот, данный в этой речи предстоявшему началу новых земских учреждений, очевидно, был неправильный; из слов генерал – губернатора можно было заключить, что дворянству именно как сословию вверяются интересы всех других сословий»[18]. Подобные речи были характерны и при открытии земских учреждений в провинции. Так, на открытии первого Воронежского губернского земского собрания 1 декабря 1865 года, после вступительного слова губернатора к гласным обратился губернский предводитель дворянства А. Н. Сомов: «При избрании состава управ в уездах и гласных в губернское земское собрание, доверие всех сословий выразилось в значительном большинстве к дворянскому сословию и, хотя, дворянство уже доказало во всех делах, куда призывало его правительство, что оно чуждо сословности, но мы здесь впервые вызваны от всех сословий губернии на служение земскому делу, а избранием поставлены во главе земского управления, а потому на нас лежит правительственная обязанность доказать, что достойны такого призвания»[19]. Направленность и тональность выступления более подходило к дворянскому собранию, чем к земскому.

В отдельных случаях предложения гласных от дворян по социальному составу формирования земских собраний прямо противоречило существующим правовым нормам. В основе этих предложений лежит принцип несомненной сословной исключительности дворянства. Например, землянское уездное земское собрание Воронежской губернии на своем первом заседании постановило ходатайствовать перед правительством о предоставлении крупным землевладельцам уезда права участия в уездном земском собрании вообще без всяких выборов. Губернское земское собрание, осознавая неправильность этого постановления, уклончиво ответило, что это дело крупных землевладельцев Землянского уезда, а не губернского земского собрания[20].

В рассматриваемом аспекте нас в первую очередь интересует желание и перспективы работы в земствах представителей дворянства и купечества. В качестве примера возьмем типичную великорусскую губернию - Воронежскую. На первое трехлетие работы земств (1865 – 1867 гг.) данные имеются только по Бирюченскому и Новохоперскому уездам. В этих уездах по землевладельческой курии из крупных землевладельцев имели право выбора уездных гласных: 92 дворянина (83,6%), 12 купцов и мещан (10,9%) из 110 крупных землевладельцев всех сословий обладавших данным правом. На избирательные съезды прибыли 29 дворян или 31,5 % от имевших право голоса, купцов и мещан – 6 (50%)[21]. Все они баллотировались и были избраны в уездные гласные. Совпадение числа прибывших на избирательные съезды, баллотировавшихся и избранных на должность уездного гласного указывает на то, что в дворянской и купеческой корпорациях были предварительные договоренности о кандидатурах на должность уездного гласного. Вместе дворяне и купцы заняли 35 мест из 39 по землевладельческой курии от крупных землевладельцев. Сам факт численного преобладания в уездах крупных землевладельцев из дворян позволил им занять подавляющее количество мест уездных гласных от рассматриваемой землевладельческой категории.

От мелких бирюченских и новохоперских поместных дворян уполномоченных правом голоса было 47 избирателей (20,9%), купцов и мещан – 5 (2,2%) из 224 избирателей данной категории. Всего 8 (17%) уполномоченных от мелкопоместных дворян явилось на избирательные съезды, купцы и мещане этой категории землевладельцев полностью проигнорировали избирательные съезды. Поэтому по землевладельческой курии от мелких землевладельцев уездными гласными были избраны: 6 дворян, 4 представителя духовенства, 1 крестьянин.

---

[18] Милютин Д. А. Воспоминания. 1865 – 1867. М., 2005. с. 46 – 47.

[19] Щербина Ф. Указ. соч. С. 77.

[20] Там же. С. 84.

[21] Щербина Ф. Указ. соч. Приложение. Табл. 1. С. 4 – 5.

Дворяне имевшие 1/5 часть избирателей от мелких землевладельцев, заняли в этой категории более 50% мест уездных гласных.

В целом же в 1865 г. по землевладельческой курии в указанных уездах места земских гласных, исходя из сословной принадлежности, распределились следующим образом: 35 дворян (73%), 6 купцов (12,5%), 4 духовного звания (8,3%), 3 (6,2%) крестьянина.

К девятому трехлетию работы земств (1889 – 1891 гг.) соотношение активности при желании занять место уездного гласного у бирюченского, новохоперского дворянства и купечества изменилось. Из 97 крупных дворян – землевладельцев на избирательные съезды прибыло 35 (36%), что на 4,5% выше аналогичного показателя 1865 года. В купеческой и мещанской среде, наоборот, резко сократилось число желающих принять участие в работе избирательных съездов. На них прибыло 6 из 38 обладавших правом голоса. Процент активности по данному показателю с 1865 года сократился с 50% до 15,7%. Таким образом, у купцов и мещан из крупных землевладельцев число обладавших правом избирательного голоса увеличилось более чем в 3 раза, но при этом сократилось число желавших работать в земстве тоже в 3 раза. Отсюда гласными от дворян в 1889 году были избраны 35 представителей (77,7%), от купцов и мещан – 6 (13,3%) из 45 общего числа гласных по данной категории землевладельцев.

Из 79 уполномоченных от мелкопоместных дворян на избирательные съезды прибыл всего 1 представитель, от купечества и мещанства данной поземельной категории из 19 уполномоченных не прибыл ни один[22].

Все это может стать основанием для утверждения, что на рубеже 80 – 90 – х гг. XIX века представители купечества, баллотировавшиеся по землевладельческой курии от крупных и мелких земельных собственников, утратили интерес к работе в земских управленческих структурах. С полным основанием это можно отнести и к мелкопоместному дворянству. Отсюда же напрашивается вывод, что в рамках сословных корпораций дворянства и купечества, по вопросам земства, играли доминирующую роль горизонтальные социальные связи, при полном фактическом отсутствии вертикальных.

Городские курии хотя и находились под контролем купцов и мещан, но в силу мизерного количества избираемых гласных в сравнении с землевладельческой курией (за исключением столиц), не могли внести существенного изменения в количественный расклад гласных от дворян и купцов, где первые явно доминировали.

Представители верхних страт дворянства, имевшие, в отличие от других социальных общностей, больший образовательный и управленческий потенциал, подкрепленный собственной убежденностью в социальном лидерстве, рассматривали себя в качестве непосредственных руководителей земских структур. На это указывали представители всех политических течений дворянства. Видный общественный деятель пореформенного периода, крупный представитель рязанского земства А. И. Кошелев отмечал, «Крестьяне и купцы почти отсутствовали, и были в нем только дворяне; а потому собрание все более и более принимало характер дворянских собраний... Грустно, но несомненно было, что наши губернские земские собрания в начале и даже в первые двенадцать лет своего существования являлись и действовали по большей части как учреждения всесословные, т.е. земские, и в них с интересом принимали участие и крестьяне, и купцы, и что теперь, т.е. с последних выборов, эти собрания превращались все более и более в сословные собрания, и дворяне вследствие этого переставали уже себя сдерживать и позволяли себе высказывать чисто дворянские понятия и требования»[23].

Кошелев с сожалением рассуждает о все возраставшем влиянии дворян в рязанском земстве. Но и вместе с тем, когда вопрос зашел о выборе земским председателем купца, отметился следующим соображением: «Я радовался тому, что в председатели попал А. В. Аляпчиков, человек молодой, умный, либеральный, и хотя из купцов, но любящий земское дело»[24]. У автора вызывает удивление, что представитель купечества предан земскому делу.

О приоритете дворян в земских структурах однозначно указывал представитель новгородского земства кн. Б. Васильчиков, «Хотя до самого конца дворянство почти исключительно поставляло из своей среды деятелей земства, ни один добросовестный ис-

---

[22] Там же.

[23] Русское общество 40 – 50 – х гг. XIXв. Часть I А. И. Кошелев. Л., 1991. С. 187.

[24] Там же. С. 189.

следователь не сможет сказать, что дворянство использовало это для своих классовых выгод... Внешние признаки кажущегося засилья явственнее всего проявлялись в поместной земской жизни, где деятели, принадлежавшие к дворянству, несомненно преобладали. Но и тут это было результатом не столько действия законов о земском представительстве и, тем более, какой-либо сословной политике, сколько результатом фактического положения вещей. Те, кто сменяли дворян в качестве земских деятелей, в большинстве случаев вовсе не проявляли вкуса к общественной деятельности, а тем более к общественной службе, и эта служба фактически оставалась почти монополией дворянства»[25].

Определенная часть крупнопоместного дворянства вообще отвергала идею земства как всесословного органа самоуправления, «Крупные землевладельцы со времени реформ перестали посещать свои имения и разорвали все связи с провинцией. Новый бессословный склад уездной жизни не мог удовлетворить этих лиц, привыкших к почету... Земская деятельность много способствовала деморализации поместного дворянства. Эта земская деятельность поставила дворян в ненормальное положение двойной зависимости от своего сословия и бессословной толпы... Став в ряды земства, многие дворяне порывали нравственные связи со своим сословием и старались приладиться к вкусам бессословной толпы, вполне погрузились в пучину земских интриг»[26].

Первое, на что обращает внимание в высказываниях дворянского публициста, так это противопоставление дворянства и «бессословной толпы». Более тридцати лет прошло с момента отмены крепостного права, земской реформы и написания вышеуказанных строк, но дворянское самосознание не может перебороть пренебрежения к представителям иных сословий.

Осознание собственной сословной исключительности, тем не менее, не мешало отдельным представителям пореформенного дворянства видеть все возрастающую роль купечества в российском обществе. Приведем характерные высказывания дворян в адрес купечества в 60 – 70 – х гг.XIX века: «Я был приятно поражен... их быстрым совершенствованием на пути образования. Как они живут, - чудо! Ничем не хуже нашего брата: дом, меблировка, стол; некоторые даже лучше нас, право! и богаче и привольнее – чисто в русском духе – много лучше... За всем следят: мода, литература, все театралы, политико – экономы есть... И во всем такой вкус, знание. Да, надо признаться, это сословие со временем и скоро далеко шагнет»[27]. И проницательно подчеркивали: «... это люди новые, ни от кого не зависят, кроме себя»[28]. Далее добавляли: «Сколько в вас здоровья, свежести... Ведь вы купцы, еще совершенно не жившее племя, целое племя с оригинальными традициями, с огромной энергией души и тела»[29].

В данных строках дворяне верно подмечают, что пореформенный период в деловой жизни России стал временем купцов – «новых людей», а для большей части собственного сословия – период «вишневых садов».

Полярность вышеприведенных высказываний показывает всю противоречивость отношений в дворянской среде к представителям купечества, начиная от противопоставления дворянства и «бессловесной толпы», заканчивая виденьем несомненных сословных перспектив купечества. Единой социально-психологической основой этих отношений было осознание постепенной утраты привилегированного положения дворянства в российском обществе, на фоне все более набирающего силу купечества. Дворяне в реалиях повседневной жизни видели как целые имения, с огромными земельными фондами, городские особняки аристократии переходили в купеческие руки. Именно переход значительной части дворянской недвижимости к купцам воспринимался высшим сословием особенно болезненно. Этот процесс в глазах последнего был знаком заката дворянского первенства в сословной структуре общества, где уже не происхождение, а капитал определял статусность представителя любой социальной общности. Видный либерал пореформенной России Б. Н. Чичерин в своих воспоминаниях, рассуждая на примере рода князей Трубецких, выразил общее настроение дворян: «... Сын женатый на двоюродной своей племяннице, дочери Екатерины Николаевны Всеволжской, так умел расстроить состояние, что пришлось продать и имение, и дом. Кости кня-

---

[25] Князь Борис Васильчиков. Воспоминания. Псков, 2003. С. 89.
[26] Пазухин А. Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886. С. 30 – 31.
[27] Ушаков А. С. Из купеческого быта. Повести и очерки. М., 1862. С. 107.
[28] Боборыкин П. Д. Китай – город. М., 1960. С. 419.
[29] Ушаков А. С. Указ. соч. С. 109.

зя Николая Ивановича должны были содрогнуться в могиле, когда его старые барские хоромы перешли в купеческие руки»[30].

Тем не менее, проведенный анализ операций на земельном рынке, проблема частного кредитования, структура социального состава фабрикантов показывают, что в сфере предпринимательства дворяне и купцы были не только крайне заинтересованы друг в друге, они были обречены на сотрудничество. Операции с десятками и выше тысяч рублей, как правило, могли проходить в рамках этих сословий. Правда, дворянство, в основном, выступало в роли продавца или заемщика, купцы – покупателя, кредитора. Относилось это, в первую очередь, к средней и верхней стратам обоих сословий.

THE RUSSIAN NOBILITY AND MERCHANT CLASS IN 60-90-E OF XIX CENTURY: PROBLEMS OF SOCIAL PARTNERSHIP

V.A.SHAPOVALOV
I.V. SHAPOVALOVA

Belgorod state university

In clause the problem of social partnership nobility and merchant class during after a cancelling of the serfdom is considered. The Special attention is given to interaction of noblemen and merchants on the ground market, in a manufacturing, in sphere private crediting and in structures of a zemstvo.

Keywords: nobleman, a merchant, social psychology, the ground market, a zemstvo

[30] Русское общество 40 – 50 – х годов XIX в. Часть II. Воспоминания Б.Н. Чичерина. М., 1991. С. 77.

УДК 94 (47). 084

СОСТОЯНИЕ ХОЗЯЙСТВА ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В СЕРЕДИНЕ XIX В. (ПО ДАННЫМ ВЫБОРОЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОДВОРНЫХ ОПИСЕЙ КРЕПОСТНОЙ ЭПОХИ)

Л.М. РЯНСКИЙ

Курский государственный университет

e-mail: rianskij@mail.ru

Л.М. Рянский при помощи математико-статистических методов доказал, что перед реформой 1861 г. крестьянское хозяйство Курской губернии сохраняло стабильное состояние. Следовательно, сохранялась основа для дальнейшего развития крепостной экономики.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство, математико-статистические методы, крепостная экономика, отмена крепостного права

Изучение предреформенной крепостной деревни в историко-исследовательском плане началось в отечественной историографии еще на рубеже XIX – XX вв., но особенно широкий размах оно приобрело в середине прошлого столетия в русле разработки проблемы кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства в России. При этом главное внимание историками было уделено исследованию процессов, протекавших в крестьянском хозяйстве, так как «они определяли социально-экономическое развитие русской деревни ... служили основным фактором крушения старых феодально-крепостнических форм хозяйства и складывания предпосылок ликвидации крепостного права»[1].

Характеризуя сущность кризиса крепостничества, И.Д. Ковальченко выделил две тенденции в социально-экономическом развитии предреформенной России: 1) возможности развития производства на основе крепостнических отношений были в основном исчерпаны, что особенно ярко проявилось в барщинной деревне, где в силу предельно высокой интенсивности эксплуатации крестьян в наибольшей мере снизился уровень их хозяйства и тем самым «подтачивался фундамент, на котором возвышалась вся система феодального производства»; 2) «ведущей и определяющей была тенденция прогрессирующего развития общественного производства на основе мелкотоварных и капиталистических отношений»[2]. Но если вторая тенденция, по нашему мнению, была обоснована И.Д. Ковальченко, В.А. Федоровым и другими историками достаточно убедительно, хотя и несколько односторонне, то первая требует по меньшей мере дополнительного изучения. В частности, не были определены достаточно четко границы снижения уровня крестьянского хозяйства, за которыми должно начинаться «подтачивание» фундамента крепостнической системы. Как представляется, простой констатации и даже показа динамики такого снижения в данном случае явно недостаточно. Необходимо определение четких количественных критериев для оценки указанного снижения, которые помогли бы если и не разрешить данный вопрос, то по крайней мере, к нему приблизиться. Нетрудно понять, что искать критерии такого рода следует в состоянии самого крестьянского хозяйства, в первую очередь в период, который предшествовал отмене крепостного права, когда масштабы его ожидаемого разорения в принципе должны были быть наибольшими.

Безусловно важным является и вопрос о направленности изменений, происходивших в крестьянском хозяйстве, но он же относится и к числу трудно разрешимых из-за состояния источников. В литературе уже высказывалось предостережение об опасностях, ожидающих исследователей на этом пути: «легко принять локальную особенность за общую закономерность и выдать кратковременное преходящее колебание за необратимый сдвиг»[3]. Наглядной иллюстрацией сказанному может служить следующий факт, касаю-

---

[1] Федоров В.А. Помещичьи крестьяне Центрально-Промышленного района России конца XVIII – первой половины XIX в. М., 1974. С.3.

[2] Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С.378 – 380.

[3] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Том третий. Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений. М., 1986. С.246.

щийся, правда, соседней Воронежской губернии. В Копьянском имении Бибковых в 1840 г. средняя обеспеченность крестьян тягловой силой составляла 4,9 лошади в расчете на двор и 2,3 – на работника-мужчину. К 1851 г. произошло сокращение количества лошадей до 4,2 головы на двор и до 1,6 – на работника. Однако к 1854 г. эти показатели повысились соответственно до 4,7 и 1,9[4]. В такой ситуации конечные данные, т.е., относящиеся к середине XIX в., приобретают особое, приоритетное значение, так как в них саккумулировались итоги предшествующего развития.

Целью настоящей статьи является изучение состояния хозяйства и положения помещичьих крестьян Курской губернии в 40 – 50-х гг. XIX в. на основе подворных описей 65 курских имений[5]. Заметим попутно, что в числе выявленных и изученных И.Д. Ковальченко подворных описей 183 имений Европейской России фигурируют и описи 7 курских поместий, однако они относятся к 20 – 30 гг. XIX в.

Содержащаяся в данных источниках информация, пожалуй, наиболее адекватно отражает состояние хозяйства крепостных крестьян в первой половине XIX в. Подворные описи хранятся в личных фондах помещиков и в фондах некоторых учреждений. Подавляющее их большинство обнаружено нами в фондах Курской палаты гражданского суда (Ф.59) и Рыльской дворянской опеки (Ф.294) Государственного архива Курской области.

Имеются определенные основания рассматривать всю совокупность подворных описей 65 имений Курской губернии как случайную естественную выборку объемом примерно 1,6%. В ней представлены описи поместий, находившихся на территории 14 уездов губернии из 15 (исключением стал Новооскольский уезд). Возникновение источников было связано с таким случайным обстоятельством, как установление над имениями опеки. В данной совокупности преобладают средние и мелкие поместья, что в целом соответствует стратификации курского дворянства. Большинство имений были барщинными, в четырех крестьяне находились на оброке, в одном – на смешанной повинности. Единственным существенным изъяном представленной совокупности описей является отсутствие в ней данных о крупнейших курских латифундиях. В самом крупном из вошедших в нее имений – Волоконовской вотчине Кочубеев – в 1847 г. насчитывалось более 700 душ мужского пола. Все сказанное, на наш взгляд, допускает возможность применения выборочного метода при обработке и анализе данных совокупности с целью получения хотя и не идеально точных, но все же близких к реальным оценок средних значений важнейших характеристик крестьянского хозяйства.

Поскольку выводимые показатели – не абсолютные величины, а отношения, для компьютерной обработки информации была избрана наиболее адекватная генетически разновидность выборочного исследования – метод отношения средних и соответствующие формулы оценок по отношению[6].

Результаты обработки данных представлены в табл. 1.

Таблица 1

Основные показатели состояния хозяйства помещичьих крестьян Курской губернии в 40 – 50-х гг. XIX в.

Признаки	Средние значения R	Стандартная ошибка (s(R))	Доверительные интервалы R при вероятности 0, 9545 (t = 2)
1	2	3	4
душ мужского пола на двор	4,935	0,125	4,685 – 5,185
работников-мужчин на двор	2,716	0,097	2,522 – 2,910

[4] Государственный архив Воронежской области. Ф.167. Оп.1. Д.2230.

[5] Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф.33. Оп.2. Д. 3587; Ф.59. Оп.2. Д.2192, 3005, 3009, 3070, 3079, 3091, 3223, 3601, 3642, 3644, 3645, 4142, 4145, 4214, 4259, 4327, 4527, 4729, 4788, 4789, 4889, 4972, 4976, 6722, 6727, 6857, 6881, 6907, 6916, 7012; Ф.294. Оп.1. Д.479, 492, 493, 499, 551, 552, 554, 555, 622, 634, 639, 641, 642, 646, 658, 694, 707, 730, 733, 735, 743, 778, 783, 786, 787, 794, 795.

[6] См. Кокрен У. Методы выборочного исследования. Пер с англ. М., 1976. С.45 – 47.

Окончание табл. 1

1	2	3	4
лошадей:			
на двор	4,119	0,222	3,675 – 4,563
на мужскую душу	0,835	0,036	0,763 – 0,907
на работника-мужчину	1,516	0,079	1,358 – 1,674
крупного рогатого скота:			
на двор	2,321	0,317	1,687 – 2,636
на мужскую душу	0,470	0,062	0,346 – 0,594

Итак, данные табл. 1 свидетельствуют о том, что в помещичьих имениях крестьянские дворы были весьма многолюдными. В среднем на один двор приходилось почти 5 душ мужского пола при достаточно узких доверительных границах этой оценки – от 4,7 до 5,2 души. Так как число женщин было примерно таким же, то, следовательно, в одном дворе проживало в среднем около 10 человек. Таким образом, крестьянские хозяйства располагали солидными ресурсами семейной рабочей силы. На селе в трудовом процессе принимали то или иное участие все трудоспособные члены семей. Однако ведущую роль в ведении хозяйства и выполнении различных повинностей играли, конечно, полные работники (к ним мы относим мужчин от 18 до 60 лет и женщин от 17 до 55 лет). По выборке, в одном крестьянском хозяйстве насчитывалось в среднем 2,7 работника-мужчины или более 5 работников обоего пола Доверительные вероятности этих оценок составляют соответственно 2,5 – 2,9 и 5,0 – 5,8. Предположительно, этого количества полноценной рабочей силы крестьянам должно было быть достаточно как для ведения собственного хозяйства, так и для выполнения повинностей, тем более что в семьях имелись также полуработники обоего пола.

Помещики, несомненно, уделяли пристальное внимание вопросам обеспечения крестьянских дворов рабочей силой. Одной из мер в этом направлении был запрет несанкционированных семейных разделов. Другая мера – слияние семей или дворов. Показательным в этом отношении является изменение количества дворов в с. Цуканов Бобрик, принадлежавшем Сафоновым. Согласно подворной описи 1848 г., в этом имении насчитывалось 52 двора и 211 мужских душ, а по описи 1852 г. – соответственно 34 и 222. Следы подобных, иногда частичных, объединений крестьянских дворов просматриваются и в подворных описях других поместий (появление в семьях приемышей, отдаленных родственников и т.д.). Например, из описи 1860 г. Низовцевского имения В.С. Воропанова, где безлошадные и однолошадные дворы отсутствовали вовсе, видно, что в семье Федора Михайленкова числился тридцатипятилетний приемыш Иван Григорьев с двумя малолетними сыновьями, у Феоктиста Тимонина – двадцатилетний Иван Рыкалов, у Ивана Осипова – Харитон Щураков. Видимо, институт приемышей был довольно распространенным, хотя это и слабо отразилось в источниках. Все приведенные факты есть не что иное как проявление регулирующего патронажа со стороны помещиков.

Прежде чем перейти к анализу обеспеченности крестьянских хозяйств рабочим скотом необходимо сделать весьма существенное замечание источниковедческого характера. В большинстве описей крестьянский скот не разделяется на взрослый и молодняк. Между тем при рассмотрении вопроса о состоянии производственного потенциала крестьянства требуются данные о количестве именно рабочего скота. Однако это обстоятельство не является непреодолимым препятствием для получения этого показателя. В 14 описаниях указанное подразделение приведено, что и позволяет найти величину необходимой поправки. Из общего количества 14 имений в 3-х крупных вотчинах отношение жеребят к рабочим лошадям составляло 0,3, также в 3-х (одно из них мелкое) – 0,2, в 4-х мелких – 0,1, еще в 4-х мелких – 0,4. Среднее же значение показателя по всем имениям составило 0,3, следовательно, поправочный коэффициент для вычисления количества взрослых лошадей будет равен 0,7.

Как свидетельствуют данные табл. 1, в крестьянских дворах насчитывалось в среднем по 4,1 лошади. Нижней границей данной оценки было значение 3,7, верхней – 4,6. Таким образом, с учетом коэффициента (0,7) крестьянские хозяйства должны были иметь в среднем по 2,9 головы рабочей лошади при амплитуде колебаний этого показателя от

2,6 до 3,2. Даже если ориентироваться на значение нижней границы анализируемого параметра, следует признать обеспеченность крестьян рабочими лошадьми удовлетворительной. Стоит заметить, что трехлошадные дворы в 1890-х гг. В.И. Ленин относил к зажиточной группе[7], хотя тогда численность крестьянских семей, наверняка, была меньшей, чем до отмены крепостного права. Поэтому встает вопрос об определении уровня крестьянского хозяйства.

И.Д. Ковальченко в своей первой публикации, посвященной анализу расслоения крепостного крестьянства по данным подворных описей, выдвинул в качестве важнейшего показателя уровня крестьянского хозяйства количество скота в расчете на одного работника[8], что впоследствии было высоко оценено другим крупным исследователем – Б.Г. Литваком[9], но позже сам же от него и отказался, отдав предпочтение расчету на мужскую душу.

Солидаризуясь с позицией Б.Г. Литвака, мы также оцениваем показатель количества рабочего скота, приходящегося на работника, как один из важнейших и предлагаем использовать его в качестве критерия при установлении той грани, за которой могло начинаться саморазрушение крепостной системы хозяйства. Количественным выражением предложенного критерия для земледельческих крестьян должно быть, по нашему мнению, ***наличие рабочей лошади у каждого работника***. Разумеется, указанную величину не стоит слишком абсолютизировать, напротив, следует учитывать конкретную ситуацию. При необходимости можно привлекать данные о других параметрах крестьянского хозяйства в качестве корректирующих показателей. По большому счету, выдвинутое нами условие можно признать даже завышенным, поскольку целый ряд сельскохозяйственных работ не требовал обязательного привлечения тягловой силы. В других случаях, например, при доставке на усадьбу убранного урожая или сена, на одну упряжку требовалось по несколько работников. Тем более надежными и достоверными должны быть полученные на основе проведенного исследования выводы.

Обратимся теперь к конкретному анализу поставленного вопроса об обеспеченности лошадьми работников-мужчин. Из табл. 1 видно, что в выборочной совокупности имений на работника приходилось в среднем 1,52 лошади. Нижняя граница данной оценки составляет 1,36, верхняя – 1,67. Введя в расчеты поправочный коэффициент (0,7), получаем оценку количества ***рабочих*** лошадей, приходящихся на работника: среднее значение – 1,06, его нижний доверительный интервал – 0,95, верхний – 1,17. Таким образом, оценка по нижней границе (0,95) практически не пересекает обозначенную нами черту (1 рабочая лошадь на работника). Более того, в действительности ее следовало бы даже несколько поднять, так как крестьяне некоторых поместий, вошедших в выборку, кроме лошадей содержали рабочих волов (в таблице они включены в состав крупного рабочего скота). Также данный показатель можно повысить и за счет жеребят, потому что они использовались на некоторых работах частично. В число жеребят тогда включались вообще все лошади, не достигшие рабочего возраста. По наблюдению современника, «обязательно каждое тягло имеет езжалую лошадь с подростком, который ходит в бороне»[10]. К сожалению, количество жеребят старших возрастов не поддается учету.

Мы рассмотрели предельно низкий, невыгодный для крестьян вариант анализируемого параметра, но гораздо более правильной будет ориентация на его среднее значение. И дело не только в том, что в репрезентативной выборке средняя оценка стремится к генеральной средней. Имеется еще один резерв для повышения значения анализируемого показателя среди тех имений, которые, на первый взгляд, не отвечают заданному достаточно жесткому требованию. Для этого необходимо выяснить, не нуждаются ли в коррективах показатели в таких имениях. Соответствующие данные приведены в табл. 2, где единицы совокупности сгруппированы по количеству лошадей в расчете на 1 двор. Кроме

---

[7] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.3. С.135.

[8] Ковальченко И.Д. Хозяйство барщинных крестьян в Рязанской и Тамбовской губерниях в первой половине XIX в. (к вопросу о кризисе феодально-крепостнической системы хозяйства) // Исторические записки. 1956. Т.56. С.164.

[9] Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации (XIX – начала XX в.). М., 1979. С.92.

[10] Цит. по: Хок С.Л. Крепостное право и социальный контроль в России. Петровское, село Тамбовской губернии. Пер. с англ. М., 1993. С.43.

того, они сведены в два массива по признаку количества рабочих лошадей, приходящихся на 1 работника.

Таблица 2

Распределение имений в выборке по мощности крестьянских хозяйств

Группы имений по числу лошадей в расчете на двор	Имений	Дворов	В среднем на двор			
			душ м.п.	работников	лошадей	КРС
Имения с показателем менее 1 рабочей лошади на работника-мужчину						
до 2 лошадей	6	84	3,5	2,1	1,5	1,0
до 3 лошадей	8	154	4,3	2,3	2,6	1,4
3 и более лошадей	10	243	5,4	3,0	3,7	2,0
итого	24	481	4,7	2,6	3,0	1,6
Имения с показателем 1 рабочая лошадь и более на работника-мужчину						
от 2 до 3 лошадей	6	70	3,5	1,7	2,5	1,3
до 4 лошадей	10	155	4,6	2,5	3,7	1,7
более 4 лошадей	25	669	5,3	2,8	5,2	3,1
Итого	41	894	5,0	2,7	4,7	2,7
Всего	65	1375	4,9	2,7	4,1	2,3

Как показывают данные табл. 2, по своим экономическим показателям первый массив имений значительно уступает второму (по лошадям на 56,7%, по крупному рогатому скоту – на 68,8), чего нельзя сказать относительно данных о населении и особенно работников (разница составляет 6,4 и 3,8%). Пожалуй, самого пристального внимания заслуживает высшая группа (3 и более лошадей на двор) первого массива имений, отличавшаяся весьма высокими хозяйственными показателями. По количеству лошадей и КРС на двор она существенно превосходила первую группу второго массива и не слишком уступала второй. Закономерно возникает вопрос о причинах попадания столь состоятельной группы в, так сказать, не подходящую ей компанию. Ответ на него следует искать в сложившейся в группе демографической ситуации. В самом деле, по количеству населения и работников она опережала все три группы второго массива (см. табл. 2). Словом, рассматриваемый показатель (число рабочих лошадей на работника) оказался в ней заниженным из-за непропорционально большого количества самих работников. Но то, что плохо для показателя, вовсе не является таковым для крестьянского хозяйства. В любом случае, наличие в нем большего количества работников, пусть и безлошадных, предпочтительнее, чем их отсутствие. Входящие же в рассматриваемую группу крестьянские хозяйства были в целом ничуть не хуже, а может, даже и лучше, чем хозяйства в низшей группе, принадлежащей ко второму массиву. Но если данная группа равноценна первой и второй группам второго массива, то она и должна занять в нем свое законное место. В этом случае наш «черный список» (первый массив имений) сократится с 24 до 14 имений, а их доля составит: в числе имений – 21,5%, в населении – 2,2, в работниках – 2,3, в лошадях и КРС – 1,3%. Соотнеся долю имений (21,5%) с остальными показателями мы увидим, что недостаточная обеспеченность крестьян рабочим скотом была характерной для совсем небольшой части преимущественно мелких имений, т.е. являлась исключением. Правилом же было противоположное сказанному.

Выше уже указывалось на такой недостаток нашей выборки, как отсутствие в ней подворных описей крупнейших помещичьих латифундий. В какой-то мере это компенсируется наличием данных по части громадной по своим размерам Ракитянской вотчины Юсуповых, относящихся, правда, к несколько более раннему периоду. В 1837 г. в слободе Ракитной в расчете на одного работника приходилось в среднем 1 рабочая лошадь, 0,2

нерабочей, 0,2 рабочего вола. Следовательно, ракитянские крестьяне незадолго до изучаемого периода имели необходимый минимум рабочего скота[11].

Для более полной и всесторонней характеристики изучаемого явления полезно дополнить его количественный анализ анализом описательным. В первый массив имений попало Гламаздинское имений Нелидовых, где на работника приходилось менее одной рабочей лошади, и значит, формально оно было малосостоятельным в экономическом отношении. Однако такое предположение опровергается напрочь корректирующими показателями. Здесь в среднем на двор насчитывалось 7,2 души мужского пола, около 4-х работников-мужчин, 3,8 лошади, 3,6 головы крупного рогатого скота. До трети дворов имели маслобойни, заведение которых обходилось дорого и было под силу только по-настоящему зажиточным сельским хозяевам. К тому же имение было оброчным. Совершенно очевидно, что оно должно находиться в массиве «нормальных» имений.

Между прочим, это применимо не только к имениям третьей группы, но и к некоторым поместьям второй группы первого массива. Что касается первой, не блещущей своими показателями, группы, то поместья попали в нее вовсе не обязательно по причине чрезмерной эксплуатации крестьян. Повседневность крепостной деревни изобиловала ситуациями, когда на положение крестьян сильное, а порой и решающее воздействие оказывали внешние и, в сущности, случайные факторы.

Возьмем Ломакинское поместье Бураго, где количество лошадей и жеребят сократилось с 2-х голов на работника в 1819 г. до 1,2 головы в 1855 г. Рост эксплуатации, судя по всему, не стал ведущей причиной обеднения здешних крестьян: размер барской запашки сократился за указанный период с 2,5 до 2-х дес. на мужскую душу. Естественный ход эволюции крестьянского хозяйства, видимо, был нарушен следующими обстоятельствами. По разделу 1826 г. часть имения, доставшаяся дочерям умершего владельца, по существу оказалась бесхозной. Крестьяне «с умысла скудоумного» распродали лошадей. Самовольный уход на заработки и побеги из имения приняли повальный характер. Впоследствии это разоренное хозяйство возвратилось в состав Ломакинского поместья, понизив в нем хозяйственные показатели. А в 1845 г. владельцы сдали Ломакинское поместье в аренду сроком на 10 лет дворянину Самойлову[12].

Самым бедным, точнее сказать нищим, поместьем, попавшим в выборку, было Сухиновское имение Юстовых. Здесь на каждый из 14 дворов приходилось в среднем по 4,1 мужской души, 2,8 работника-мужчины, 1,2 лошади, 1 голове крупного рогатого скота. Не обладая никакой другой информацией, кроме этих цифр, очень легко можно было бы придти к опрометчивым выводам. Однако в подворной описи содержатся не бросающиеся в глаза пометки, из которых следует, что в 11 крестьянских усадьбах «строение сгорело».

Яркие жизненные зарисовки пожаров и других стихийных бедствий приводятся в документации личного архива Барятинских. Например, в 1845 г. в Ивановской вотчине местная крестьянка «от неосторожности» зажгла в сенях пеньку. В результате сгорело 5 крестьянских усадеб. Пожар удалось локализовать и потушить только благодаря тихой погоде[13].

Здесь же с 14 на 15 июня 1817 г. ударил «необыкновенный по теперешнему летнему времени мороз», побивший или повредивший кретьянскую гречиху на площади 2 тыс. десятин. С 23 августа после жары «сделалась холодная погода, а по ночам изрядные мороза», которые «повредили» посеянные в начале лета поля гречихи. Поэтому, по словам конторщика, взыскать с крестьян и малороссиян недоимки «никак не возможно», и «бедность крестьянская через тяжелые работы и неурожай хлеба усилилась достаточною степени ... многие имеют нужду и приступают с новым требованием от господских (хлебных) магазейнов на пропитание семейства»[14].

---

[11] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.1090. Оп.3. Д.5076. Л.406 – 477 (подсчет наш).

[12] Рянский Л.М. Помещичье и крестьянское хозяйство XIX в. (на примере ломакинского имения Бураго Рыльского уезда) // Материалы для изучения селений России. Ч.1. История, демография, экономика, экология, верования. М., 1997. С.91 – 92.

[13] Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (РГБ ОР). Ф.19 (Барятинские). Оп.1. Д.156. Л.118.

[14] Там же. Л.118, 145 – 145об., 155 об.

Рассмотрим теперь еще один существенно значимый вопрос о соотношении работников и тягол. В нашем распоряжении имеются данные о количестве тягол по 15 имениям. Обработка этих данных дала следующие результаты. В среднем на тягло приходилось 1,8 работника. При вероятности 0,9545 (для малой выборки t = 2,13) предельная ошибка средней оценки составила 0,177. Следовательно, ее нижней границей было значение 1,623, а верхней – 1,977. Обратное соотношение – 0,55 тягла на работника-мужчину. Таким образом, крестьянские хозяйства располагали значительными ресурсами затягловой рабочей силы, притом, как мы уже знаем, вооруженной достаточным количеством тяглового скота.

В слободе Ракитной анализируемый показатель был хуже, чем по выборке (1,2 работника на тягло), но в Ракитянском имении и размер барской запашки в расчете на мужскую душу (1,5 дес.) был ниже, чем в других имениях.

Другим важнейшим критерием, по которому можно судить о степени устойчивости крепостной системы хозяйства в условиях Курской губернии, является, на наш взгляд, наличие у барщинных крестьян земельного надела в размере ***не менее двух десятин пашни на мужскую душу***. В оброчных имениях он мог быть и меньше, так как здесь крестьяне располагали довольно широкими возможностями для промысловой деятельности. Приведем результаты несложных арифметических подсчетов применительно к определенному по выборке среднему крестьянскому двору из 10 чел., имевшему надел в 10 дес. пашни. При трехпольной системе в хозяйственном обороте находилось 6,7 дес. из 10. С такой площади даже при урожайности равной сам-3 можно было собрать, за вычетом семян, 20 четвертей зерна или по 2 четверти на каждого члена семьи. Тогдашняя норма годового продовольствия крестьян оценивалась современниками в 2,5 четверти на душу.

Но на самом деле среднегодовая урожайность хлебов на крестьянских полях, по всей видимости, была выше уровня сам-3, о чем свидетельствуют даже явно заниженные сведения губернаторских отчетов, не говоря уже о свидетельствах других источников. Согласно обследованию Министерства госимуществ, в середине XIX в. урожайность ржи в Курской губернии колебалась в пределах от сам-3 до сам-8,5, при среднем значении сам-6,4[15]. Автор превосходного описания о крестьянском быте указывал, что «на лучших крестьянских полях» в благоприятные годы урожайность ржи достигала значения сам-15, пшеницы – сам-20, овса – сам-13, гречихи – сам-12, гороха – сам-25 и конопли – сам-10[16].

Если в нашем примере уровень урожайности повысить до сам-4, то на каждого члена крестьянской семьи будет приходиться уже по 3 четверти разного хлеба, а при урожайности сам-5 – 4 четверти.

Что касается реального надела барщинных крестьян Курской губернии перед реформой 1861 г., то он был выше указанного нами минимума. По данным Б.Г. Литвака, он достигал 2,8 дес. всех угодий на мужскую душу, в том числе 2,4 дес. пашни[17]. Это обеспечивало продовольственные и хозяйственные потребности крестьян в зерне даже при урожайности, равной сам-3.

Часть подворных описей содержат сведения (к сожалению, лапидарные и не всегда надежные) об обеспеченности крестьян собственным хлебом. Приведем несколько твердо установленных фактов, касающихся вошедших в выборку имений, достоверность которых не вызывает сомнения.

Крестьяне Забужевского поместья П. Апостола-Кегича (Суджанский уезд) в октябре крайне неурожайного 1855 г. имели по 1,5 четверти озимого и ярового зерна на душу обоего пола. Следовательно, до нового урожая им не хватало по 0,4 четверти хлеба для продовольствия, а также семян для посева яровых. Крестьянам Бяховского поместья Сафоновых (Рыльский уезд) собранного в том же году хлеба оказалось достаточно для удовлетворения всех своих потребностей. В июне 1856 г. у них еще оставалось по 0,4 четверти зерна на душу.

---

[15] Материалы для статистики России, собираемые по ведомству государственных имуществ. Вып.II. СПб., 1859. С.250.

[16] Машкин. Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда //Этнографический сборник РГО. Вып.V. СПб., 1862. С.196.

[17] Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр 1861 – 1895 гг. М., 1972. С.77, 101.

В Костровском имении Кусаковых (Рыльский уезд) в 1846 г. обеспеченность крестьян хлебом составляла в переводе на зерно 2,9 четверти. У крестьян Пятницкого имения Мацневых (Старооскольский уезд) в июле 1852 г. еще имелось по 0,7 четверти зерна прошлогоднего урожая на каждого члена семьи, а у крестьян Петропавловского поместья Логофетов накануне жатвы 1847 г. – по 0,2 четверти.

Обладателями внушительных запасов хлеба были крестьяне Андреевского имения Андреевых (Белгородский уезд) и Кондоровского В. Коробковой (Старооскольский уезд). У первых в марте 1851 г. только невымолоченного хлеба имелось по 4 копны или примерно по 2 четверти зерна на душу, у вторых на 1 апреля 1850 г. – по 2,6 четверти. Подворная опись Волоконовской вотчины Кочубеев (Старооскольский уезд) зафиксировала в июне 1847 г. отсутствие хлеба у крестьян малочисленной беднейшей прослойки (13,7% дворов) и его наличие у среднесостоятельных крестьян по 0,4 четверти и у зажиточных по 3 четверти на душу обоего пола.

Наконец, согласно данным подворной описи слободы Ракитной за 1837 г., сбор озимых и яровых хлебов в 1836 г. составил в группе однолошадных и безлошадных крестьян 3,8 четверти на человека, в группе 2 – 4-лошадных – 4,8 четверти и в зажиточном слое - 5 четвертей[18]. Во всем Ракитянском имении, по подсчетам И.Д. Ковальченко, средние крестьяне собрали тогда по 5,5 четвертей зерна на душу обоего пола[19].

Помещичьи крестьяне получали жизненные средства не только от земледелия, но и от животноводства, промыслов, «больших и ценных конопляников» или огородов, «свекловичных плантаций», упоминаниями о которых буквально пестрят уставные грамоты и другие источники.

Таким образом, количественный анализ важнейших производственных показателей крестьянского хозяйства продемонстрировал, что в середине XIX в. оно еще находилось в состоянии относительной стабильности и в целом обеспечивало крестьянам по меньшей мере простое воспроизводство жизненных и хозяйственных средств. С нашей точки зрения, это может служить убедительным доказательством прочности фундамента крепостной системы хозяйства на территории Курской губернии, которая накануне реформы 1861 г. еще не исчерпала всех возможностей для своего развития. Тем не менее, отмена крепостного права становилась все более настоятельным велением времени. Однако анализ причин реформы 1861 г. не входит в задачи данного исследования.

CONDITION OF THE SERF PEASANTS' ECONOMY OF KURSK PROVINCE IN THE MIDDLE OF 19TH CENTURY (ON BASIS OF SAMPLING PEASANT HOMESTEADS' INVENTORIES AGE OF FEUDALISM)

L.M. RYANSKY

Kursk State University

e-mail: rianskij@mail.ru

In this essay L. M. Ryansky by means of mathematico-statistical methods demonstrated that before abolition of serfdom privately-owned peasants of the Kursk province were able as a whole to keep their own house. Therefore corvee economy's production basis for the subsequent operation and development was remained.

Key words: peasants' homestead, mathematico-statistical methods, corvee economy, abolition of serfdom

[18] РГАДА. Ф.1290. Оп.3. Д.5209.

[19] Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство... С.119.

УДК 94(47).08

НАЛОГИ, ПОВИННОСТИ И ПЛАТЕЖИ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

А.В. ПЕРЕПЕЛИЦЫН

Воронежский государственный педагогический университет

В статье анализируется уровень налогообложения крестьянских хозяйств Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерний в 60–90-е гг. XIX в. Рассматривается структура, размеры, практика взимания налогов, величина недоимок, оценивается воздействие налоговой политики на развитие крестьянского хозяйства.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство, налоги, повинности, платежи, налоговая задолженность

Крестьянство являлось основным и самым многочисленным податным сословием. Добиваясь укрепления своей финансовой мощи, государство установило для взимания с крестьян сложную систему разнообразных прямых (казенные, земские, мирские, страховые) и косвенных налогов, выступавших в форме непосредственного обложения предметов потребления. Их своевременная и в полном объеме уплата представляла для многих крестьянских хозяйств непростую, порой трудно выполнимую задачу, для решения которой требовалось большое напряжение усилий всех членов семьи. На протяжении всего пореформенного периода крестьянство переживало все более усиливавшийся кризис платежеспособности. Опасность обложения сельского населения высокими и многочисленными платежами состояла, прежде всего, в изъятии тех средств, которые можно было использовать для развития аграрного производства и повышения уровня жизни российской деревни.

Земские переписи 1880–1891 гг. зафиксировали, что крестьяне в Воронежской губернии в год переписи уплачивали 4 148 028 руб. выкупных платежей и оброчных податей, 932 870 руб. государственного обложения, 1 002 765 руб. земских налогов, 1 227 302 руб. мирских сборов; в Курской губернии соответственно – 3 196 362 руб., 2 136 691 руб., 1 147 572 руб., 1 371 394 руб.; в Тамбовской губернии – 3 202 414 руб., 2 390 955 руб., 754 412 руб., 1 097 801 руб. Кроме того, курские крестьяне платили 641 073 руб. страховых сборов. Общая сумма недоимок составляла у воронежских крестьян 3 260 189 руб., а у тамбовских крестьян – 1 450 515 руб.[1] Как видим, размеры платежей, лежавших на крестьянском населении, были весьма значительными, не менее внушительными выглядели и недоимки.

Все прямые налоги разверстывались на надельную землю, при этом за официальную единицу обложения принималась мужская ревизская душа. Среди прямых налогов, уплачиваемых крестьянами в 1900 г., доминировали казенные платежи: 66,2 % годового оклада в Воронежской губернии, 65,1 % в Курской губернии, 67,0 % в Орловской губернии, 62,7 % в Тамбовской губернии. На втором месте находились мирские сборы (соответственно по губерниям 17,5 %, 19,1 %, 20,4 %, 21,4 %), несколько опережая по размерам земские сборы (соответственно по губерниям 16,3 %, 15,8 %, 12,6 %, 15,9 %). Расчеты показывают, что в среднем на десятину крестьянской земли в 1900 г. приходилось в Воронежской губернии 1 руб. 96 коп. прямых платежей, в Курской губернии – 2 руб. 86 коп., в Орловской губернии – 2 руб. 54 коп., в Тамбовской губернии – 2 руб. 63 коп., а на мужчину рабочего возраста соответственно 12 руб. 1 коп., 12 руб. 69 коп., 11 руб. 59 коп. и 12 руб. 90 коп. Тяжелым грузом давили на крестьянское хозяйство недоимки прежних лет, составлявшие по губерниям от 112,7 до 188,9 % оклада 1900 г.[2].

Современники обращали внимание на такую несправедливую особенность налогообложения: чем меньший надел имеют крестьяне, тем большая сумма налогов и податей приходилась на десятину. Происходило это оттого, что при определении оброка и затем при капитализации его для выкупа, первая десятина, на которой располагались усадьба и огород, цени-

[1] Свавицкая З.М., Свавицкий Н.А. Земские подворные переписи 1880-1913: Поуездные итоги. М., 1926. С. 30-31.

[2] Шванебах П.Х. Наше податное дело. СПб., 1903. С. 143.

лась дороже, чем остальные. По оценкам Д.И. Воейкова, в Елецком уезде Орловской губернии бывшие государственные крестьяне, получившие в целом больше земли, с одной десятины вносили в среднем 2 руб. 56 коп. всех платежей, а бывшие помещичьи крестьяне – 3 руб. 87 коп. (собственники) и 4 руб. 8 коп. (временнообязанные). Учитывая, что доходность десятины пашни составляла по уезду 5–15 руб., то становятся вполне понятными те трудности, с которыми сталкивались многие крестьяне, уплачивая налоги. «Можно признать, – писал в 1881 г. Д.И. Воейков, – что во всех деревнях с наделом менее 1,5 десятин на каждую душу при урожае несколько ниже среднего едва хватает хлеба на прокормление самих крестьян и уцелевшего еще скота. Уплата же податей основывается исключительно на заработках»[3]. По расчетам податного инспектора Воронежского уезда на десятину ярового и озимого поля крестьянской земли приходилось 4 руб. 55 коп. платежей, а стоимость выращенного на ней зерна оценивалась в среднем в 1895 г. при хорошем урожае в 12 руб. 54 коп.[4] На основании этого делался вывод, что земля в уезде окупает платежи. При этом не учитывалась стоимость использованного и нового семенного фонда, потребность в продовольствии и фураже, оплата труда, амортизация инвентаря и прочие обстоятельства. Между тем, даже без этих вычетов, платежи составляли значительную величину: более трети возможной цены произведенной продукции.

Переобременение крестьянского хозяйства платежами являлось одной из главных причин, затруднявших ведение крестьянское хозяйство. Бюджетное обследование 176 821 хозяйства 6 уездов Воронежской губернии свидетельствует, что подати составляли в среднем 13,3 % по отношению к сумме денежных годовых доходов, а вместе с недоимкой – 17,3 %. При этом, в безземельных хозяйствах эти показатели равнялись соответственно 1,3 % и 8,5 %, во дворах, имеющих до 5 десятин надельной земли – 6,7 % и 11,5 %, от 5 до 15 десятин – 13,1 % и 17,9 %, от 15 до 25 десятин – 17,6 % и 20,7 %, свыше 25 десятин – 18,2 % и 19,8 %[5]. В среднем, на одно крестьянское хозяйство приходилось 391,3 руб. доходов, в том числе 145,4 руб. денежных поступлений, тогда как податей – 19,3 руб., недоимок – 5,8 руб. Конечно, эти суммы податей не кажутся какими-то чрезвычайными по сравнению со средним уровнем дохода, более внушительными они выглядят в отношении денежных поступлений от земледелия, а также применительно к бедным слоям деревни. При этом представляется весьма существенным мнение А.С. Ермолова, отмечавшего, что «важно тут не абсолютная высота самих сборов, а сама система, время и способы их взимания. Важно не то, что приходится крестьянину уплатить в подати 3–4 рубля с души в год, а то, что для выручки каждого рубля он вынужден бывает продать за рубль то, что стоит два и три рубля, продать не вовремя, не в ту минуту, когда предложение превышает спрос, когда невольною нуждою его в деньгах пользуются разные спекуляторы»[6].

Согласно бюджетным данным по 230 типическим хозяйствам Воронежской губернии, в структуре денежных расходов подати и повинности составляли в хозяйствах, не имевших рабочего скота, 8,2 %, во дворах с 1 головой рабочего скота – 14,1 %, с 2 головами – 12,2 %, с 3 головами – 11,6 %, с 4 головами – 10,2 %, с 5 головами – 9,0 %, а в среднем по всем хозяйствам – 10,8 %. Отношение сумм, уплачиваемых в качестве налогов и повинностей, к денежному доходу, получаемому исключительно лишь от земледелия, в этих же группах хозяйств равнялось соответственно 370,9 %, 124,3 %, 70,7 %, 39,6 %, 42,4 %, 67,4 %, а средний показатель – 62,6 %[7]. Эти цифры наглядно показывают, насколько важны были для своевременной уплаты налогов доходы от промыслов и продажи скота, пополнявшие денежную часть крестьянских бюджетов. Эти цифры наглядно показывают, насколько важны были для своевременной уплаты налогов доходы от промыслов и продажи скота, пополнявшие денежную часть крестьянских бюджетов. «Влияние на успешное поступление сборов различных промыслов весьма заметно и чувствительно»[8], – признавали податные инспектора. С точки зрения платежеспособности и благополучия крестьянских хозяйств представлялась крайне желательной возможность получения денежных средств вне хозяйства. Положение крестьянской семьи, даже при средних и небольших размерах землевладения, могло быть вполне обеспеченным, если один–два взрослых

---

[3] Воейков Д.И. Экономическое положение крестьян в черноземных губерниях. СПб., 1881. С. 4.

[4] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.573. Оп.25. Д.119. Ч.I. Л.137 об.

[5] Щербина Ф.А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900. С. 284-285.

[6] Ермолов А.С. Неурожай и народное бедствие. СПб., 1892. С. 157.

[7] Кореневская Н.Н. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М., 1954. С. 122-124.

[8] РГИА. Ф.573. Оп.25. Д.1185. Л.126.

ее членов имели вненадельные заработки: «деньги на необходимые расходы и уплату податей готовы, самые платежи необременительны, так как земли мало, все продукты, получаемые с надела, идут на прокормление семьи или скота и на сторону продается лишь самый незначительный излишек»[9].

Сельское население в пореформенный период с трудом справлялось с высоким налогообложением, поэтому постоянно росли недоимки. Вплоть до конца 1870-х гг. Воронежская и Тамбовская губернии считались более-менее благополучными в податном отношении: процент недоимок хотя и увеличивался, но не превышал 7–8 % оклада. Резкое возрастание недоимок в них началось с начала 1880-х гг., когда их отношение к окладу составило в 1881–1885 гг. в Воронежской губернии 32 %, в Тамбовской губернии – 29 %, в 1886–1890 гг. соответственно по губерниям 42 % и 51 %, в 1891–1895 гг. – 140 % и 125 %, в 1896 г. – 159 % и 93 %, в 1897 г. – 186 % и 137 %, в 1898 г. 185 % и 133 %. В Курской губернии обострение податной ситуации произошло позднее, в 1890-е гг., когда отношение недоимок к окладу колебалось по годам от 47 % до 83 %. Тяжелое положение с уплатой налогов наблюдалось в Орловской губернии, приняв к концу XIX в. чрезвычайные формы. В этой губернии уже в 1871–1875 гг. недоимки составляли 14 % оклада, достигнув в 1881–1885 гг. 60 %, в 1886–1890 гг. 81 %, в 1891–1895 гг. 122 %, в 1896 г. 131 %, в 1897 г. 191 %, в 1898 г. 167 %[10].

Большие трудности с уплатой налогов усугублялись растущими долгами крестьян по продовольственным ссудам. Так, в 1895 г. долги по продовольственным ссудам составили в Воронежской губернии 4 358 тыс. руб.; в Курской губернии – 1 271 тыс. руб.; в Орловской губернии – 1 353 тыс. руб.; в Тамбовской губернии – 1 989 тыс. руб.[11] Воронежский губернатор в отчете за 1895 г. указывал: «Общая задолженность крестьян по платежам в хлебозапасные магазины и частным лицам равнялась до 22 миллионов 434 тысяч рублей, что составляет до 70 рублей на каждый крестьянский двор или около 10 рублей на каждую наличную душу населения»[12]. Конечно, одним крестьянам справиться даже с продовольственной задолженностью было чрезвычайно трудно.

Практика взыскания налогов с крестьян отличалась жесткостью. Курские земские статистики так описывали порядок и практику сбора налогов: «Взимание казенных и земских платежей возложено на уездную полицию, которая, впрочем, оставляет за собой только надзор за поступлениями и принятие мер взыскания в случае несвоевременного поступления. Непосредственное же собирание этих сборов лежит на волостных и сельских начальствах. … Для обеспечения безнедоимочного поступления казенных и земских сборов крестьяне каждого общества обязаны круговою порукою, то есть ответственностью всех за каждого. В случае неплатежа некоторыми домохозяевами полициею может быть продано имущество всех членов общества». В то же время общество имеет «право принимать меры побуждения по отношению к неисправным плательщикам; меры эти следующие: отобрание надела, сдача его во временное пользование другому лицу, отдача неплательщика в работники и арест. Если недоимка обусловлена «нерадением к хозяйству» и пьянством, то волостному суду предоставлено право налагать даже телесное наказание и этим правом широко пользуется волостной суд»[13].

Местные должностные лица, непосредственно занятые сбором налогов, побуждались начальством «к отдаче в работники недоимщиков, к отобранию полевых наделов, к составлению приговоров на опись, оценку и продажу имущества неплательщиков»[14]. Орловский губернатор указывал, чтобы земские начальники приступали к взысканию налогов с неплательщиков «немедленно по снятии хлебов с поля, для чего, оставив у домохозяев часть, необходимую для обсеменения полей и прокормления семьи, остальной хлеб подвергали описи»[15]. Требуя уплаты податей, власти действовали предельно жестко: выставляли караулы на подступах к

---

[9] Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Вып. 19: Курская губерния. СПб., 1903. С.77.

[10] Поленов А.Д. Исследование экономического положения центрально-черноземных губерний. Труды Особого совещания 1899-1901 г. М., 1901. С.7.

[11] Головин К. Наша финансовая политика и задачи будущего. СПб., 1899. С.246; Минц Л.Е. Трудовые ресурсы СССР. М., 1975. С.10.

[12] РГИА. Ф.1284. Оп.223. Д.47. Л.4.

[13] Курская губерния. Итоги статистического исследования (Материалы подворной переписи 1882-1885 гг.). Курск, 1887. С.233-234.

[14] Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф.И-26. Оп.5. Д.245. Л.164-164об.

[15] Северный вестник. 1893. №8. С.97.

деревням для препровождения возвращающихся с промыслов крестьян к старостам, чтобы сразу же отобрать у них в счет налогов заработанные средства[16], применяли серьезные штрафные санкции к семьям, не сумевшим ликвидировать долги. В одном только 1895 г. в 3 680 селениях Воронежской и Тамбовской губерний были произведены описи имущества недоимщиков по казенным и земским сборам на 21 323 620 руб., а у 20 641 домохозяина произведены продажи движимости и строений на 128 905 руб., кроме того, было зафиксировано 7 793 случая временной конфискации надела[17]. Болховское уездное по крестьянским делам присутствие в 1881 г. признавало, что за долги «ежегодно описывается имущество не менее как у половины крестьян всего уезда», но, исходя из того, что, по мнению присутствия, «главная причина неуплаты крестьянами недоимок есть упорство крестьян и желание их оттянуть уплату, а в некоторых случаях бедность их», считало, что «в обоих этих случаях и меры для взыскания недоимок должны быть различны; когда можно предположить упорство крестьян, то единственное средство для взыскания недоимок остается продажа имущества, ибо все остальные меры ... не приведут к цели»[18]. С небогатых и бедных крестьян общество в основном «само взыскивает недоимку действительною продажею имущества, отобранием земли и по большей части отобранием и продажею урожая конопли и пеньки, что с избытком может покрыть не очень запущенную недоимку»[19]. Вопрос о тяжести налогового обложения при этом даже не рассматривался. Зато земские деятели Орловской губернии прямо говорили об этом: денежные и натуральные налоги и повинности крестьян, доходящие в среднем до 3 руб. на десятину (в 10 раз больше сбора с землевладельцев), «чрезмерно велики и разорительны. Часто приходится наблюдать, что крестьянин, чтобы уплатить исправно эти налоги, совершенно расстраивает свое хозяйство, продавая необходимые орудия производства (так как, ежели он сам это не сделает, то у него продадут, а иногда даже подвергнут телесному наказанию)»[20].

Хотя закон формально не допускал продажи в счет податей и недоимок крестьянской избы, надела, лошади и всего того, что считалось неотъемлемой принадлежностью крестьянского хозяйства, но на практике применялось отбирание наделов и сдача их в аренду в посторонние руки; недоимщиков побуждали, в том числе под угрозой телесных наказаний, закладывать коров и лошадей. Большой вред наносили злоупотребления полицейских чинов, стремившихся отличиться на сборе недоимок. Орловские земцы считали, что «взыскание недоимок без всякой определенной системы, отсутствие охранителей и блюстителей порядка, безнаказанное нарушение закона, развивая в народе смутное понятие о самом законе и власти, не может не отзываться вредно и на его материальном положении»[21]. Получалось так, что не только размеры налогов и повинностей, но и сложившаяся практика их уплаты мешали поступательному развитию крестьянского хозяйства: «самый способ взыскания податей, отличаясь крайнею энергиею без соображения хозяйственных условий времени и места, наносит неизгладимые ущербы крестьянскому благосостоянию. В силу этого, во время взыскания податей крестьяне массами сдают свои наделы для того, чтобы достать нужные деньги»[22].

Воронежское земство высказывались за «желательность изменения системы современного податного обложения, при котором земельные имущества облагаются совершенно неуравнительно по сравнению с другими предметами обложения торгового и промышленного характера». Кроме того, предлагалось существенно пересмотреть «порядок взыскания податных сборов с крестьян. Приурочивание взимания этих сборов исключительно на осеннее время вполне неправильно, так как очень обременительно для крестьян, принуждаемых сбывать свои хлебные продукты за бесценок, и всегда отзывается сильным, иногда вполне ненормальным понижением хлебных биржевых цен. Вполне было бы рационально производить эти сборы в течение целого года более равномерно и с понижением этих платежей в тех местностях, где они достигли ненормально высокого уровня сравнительно с настоящей ценностью и доходностью земли»[23].

---

[16] РГИА. Ф.573. Оп.25. Д.218. Л.214-214об.
[17] Там же. Л.6; Там же. Д.1185. Л.6-7.
[18] Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф.36. Оп.1. Д.699. Л.7-7об.
[19] ГАОО. Ф.36. Оп.1. Д.699. Л.6об.
[20] ГАОО. Ф.525. Оп.1. Д.3082. Л.124.
[21] Там же. Д.51. Л.34об.
[22] Очерки по крестьянскому вопросу. Вып.2. М., 1905. С.269.
[23] ГАВО. Ф.И-20. Оп.1. Д.2232. Л.46-46об.

Характерной особенностью налогообложения в России, подмеченной еще современниками, являлось то, что размеры государственных расходов «идут в направлении как раз противоположном платежам населения в казну, то есть чем местность больше платит в казну, тем менее в ней расходуется казною»[24]. Центрально-черноземные губернии, уплачивая одни из самых значительных в стране налоговых сумм, получали наименьшие государственные расходы, что еще больше усугубляло социально-экономическое положение региона. На местах прекрасно понимали уязвимость и опасность подобной финансовой политики. В докладе председателя Землянской земской управы Воронежской губернии А.Г. Хрущева в январе 1905 г. указывалось, что казна ежегодно получает с Воронежской губернии 18 миллионов рублей, а расходует на ее потребности не более 8 миллионов рублей; это противоречит интересам народа, следовательно, нужно принимать меры для более правильного распределения государственных расходов[25].

Угнетенное финансовое положение многих крестьянских хозяйств являлось важнейшей проблемой, препятствующей их развитию. Орловская губернская земская управа в 1876 г. сделала, предварительно запросив мнение уездных управ, однозначный вывод об ухудшении положения значительной части сельского населения: «несомненно, благосостояние крестьян Орловской губернии упадает»[26]. «Один из существеннейших признаков обеднения крестьян, – считала губернская управа, – это то, что единственный получаемый доход от земли недостаточен на покрытие их расходов, чрез что недоимки на них с каждым годом возрастают»[27]. Главными причинами подобного упадка крестьянского благосостояния, по мнению управы, являлись: неурожаи, семейные разделы, отсутствие кредита, неграмотность, пьянство, общинное землевладение и круговая порука, густота населения и стеснение свободы переселений, истребление лесов, скотские падежи, недостатки правил о найме рабочих, тяжесть налогов, предоставление полиции права взыскания недоимок и отсутствие ее власти как охранителя и блюстителя порядка, отсутствие попечительства над крестьянами[28]. Бросается в глаза, что многие из названных здесь проблем развития крестьянского хозяйства вызвали в конце XIX – начале XX вв. беспокойство правительства и властей разного уровня, их обсуждали, пытались смягчить или разрешить в рамках проводившейся аграрной политики, в том числе и в период подготовки и проведения столыпинской аграрной реформы.

«Задолженность крестьян правительству и частным лицам чрезвычайная, – отмечалось в 1895 г. в докладе сельскохозяйственной комиссии, принятом Воронежским уездным земским собранием. – Огромное большинство крестьян не только не может погашать сделанных ими долгов, но даже не в состоянии вносить текущих платежей, так что недоимки и другие долги с каждым годом все растут. Подобное положение крестьянского хозяйства произошло от малоземелья. Всякие улучшения современного хозяйства немыслимы при этой задолженности. Осенью, при наступлении времени сбора податей, цены на все сельскохозяйственные продукты сильно падают благодаря вынужденным продажам крестьянами своего хлеба для уплаты податей. В этом печальном явлении ужаснее всего то, что крестьяне продают не только избыток своего производства, но также и необходимое для своего продовольствия. Весной же крестьяне покупают тот же хлеб в долг по повышенной, конечно, цене». Комиссия полагала, что вывести крестьянское хозяйство из кризисного состояния можно было «только путем полного уничтожения крестьянской задолженности, для чего требуется не рассрочка, а отсрочка всех крестьянских недоимок до последних лет выкупной операции», кроме того, необходимо было провести «уменьшение выкупных платежей»[29]. Задонская уездная земская управа отмечала, что многие из накопившихся недоимок «совершенно уже безнадежны к поступлению, было бы весьма желательно в видах улучшения экономического быта большую часть этих недоимок сложить»[30]. Мысль о том, что чрезвычайная задолженность крестьян являлась главным

---

[24] Бехтеев С.С. Хозяйственные итоги истекшего сорокапятилетия и меры к хозяйственному подъему. СПб., 1902. С.77.

[25] См.: Карпачев М.Д. Воронежское земство и аграрные реформы начала XX века // Общественная жизнь в Центральной России в XVII – начале XX века: Сб. науч. тр. Воронеж, 2002. С.83.

[26] ГАОО. Ф.525. Оп.1. Д.51. Л.220б.

[27] Там же.

[28] Там же. Л.23-350б.

[29] ГАВО. Ф.И-20. Оп.1. Д.2232. Л.42-43.

[30] Там же. Л.460б.

препятствием на пути развития и преобразования сельского хозяйства, просматривается в заключениях многих земских учреждений.

При этом не следует абсолютизировать недоимочность крестьянского населения. Податные инспектора отмечали, что в Воронежской губернии в 1894 г. из 2 352 крестьянских селений 446 (19,0 %) не имели недоимок по казенным окладным сборам, в 1895 году из 2 395 – 474 (19,8 %); в Тамбовской губернии соответственно по годам из 4 068 – 1 064 (26,2 %), из 4 075 – 1 470 (36,1 %)[31]. Безнедоимочные общества были во всех уездах этих губерний, но в разных количествах. Хотя в приводимых цифрах учитывались далеко не все крестьянские налоги и платежи, а только казенный оклад, но все же они подтверждают, что конкретные условия жизни и деятельности крестьян оказывались разнообразными, отличающимися от средних показателей.

Крайне обременительными для крестьян были натуральные повинности: квартирная (предоставление жилых помещений и содержание приезжающих чиновников, урядников, стражников и т.п.), подводная (предоставление разъездных и почтовых лошадей), дорожная (ремонт дорог, мостов и т.п.), воинская, пожарная, несение ночных караулов, служебная (выполнение обязанностей старосты, сотского, десятского). Их объем, форма, сроки реализации определялись местными властями, которые зачастую не учитывали возможностей крестьян. Нередко крестьян побуждали оплачивать деньгами эти повинности полностью или частично. Совершенно справедливо сообщалось из Тамбовской губернии, что «особенно расшатывает экономическое положение крестьянина малоземелье в связи с обременительными платежами и повинностями, стоящими в полном несоответствии с его платежными силами»[32].

Обычно при характеристике налогообложения деревни основное внимание уделяется прямым налогам, уплачиваемым крестьянами. Между тем, весьма значительные суммы изымались из бюджетов крестьян в виде косвенных налогов. Учитывая это обстоятельство, современники делали вывод, что «обложение тяжелыми косвенными налогами предметов первой необходимости ... вызвало большое перенапряжение платежных сил страны и явилось могучей причиной упадка благосостояния деревенской России»[33]. Крупными статьями доходов казны являлись: обложение водки, таможенное обложение импортируемых товаров (чай, орудия и средства производства, предметы потребления и прочие товары для сельского хозяйства), налоговое обложение предметов массового потребления (сахар, табак, спички, керосин). Податной инспектор Острогожского уезда Воронежской губернии в отчете за 1895 г. отмечал, что «крестьянин всегда недополучает на хлебах и переплачивает на приобретаемом товаре»[34].

Увеличению крестьянских платежей в пользу государства способствовал так же рост различных пошлин: судебных, канцелярских, гербовых, железнодорожных. Современники обращали внимание на то, что существующие железнодорожные тарифы разоряют сельское хозяйство, демонстрируют явное несоответствие стоимости перевозимых грузов и тарифных ставок на них. Особая комиссия Богучарской уездной земской управы Воронежской губернии докладывала в 1895 г.: «В настоящее время по 1/10 копейки с пуда и версты перевозятся шелковые и бархатные ткани, кружева, драгоценные камни и проч. и рядом с этим крестьянские сапоги, рукавицы, телеги и сани в разобранном виде и живые поросята. ... За перевозку 305 пудов хлопка в вагоне на расстояние в 1 400 верст уплачивается 88 рублей 44 копейки, что составит за пуд 22,5 копейки, за перевозку же на то же расстояние овец, 60 штук в вагоне, весом 240 пудов, уплачивается 142 рубля 20 копеек, или за пуд 60 копеек. А за перевозку вагона телят, весом в 216 пудов, уплачивается 170 рублей 64 копейки, или 79 копейки за каждый пуд живого веса, то есть за перевоз пуда хлопка, стоящего 8 рублей, уплачивается 29 копеек, а за перевозку одного пуда живого веса телят, стоящего 2 рубля, уплачивается 79 копеек»[35]. Как видим, и в этом вопросе интересы сельского хозяйства и крестьянства центральной России оказывались ущемленными.

Складывалась парадоксальная ситуация, когда в условиях обострения аграрных проблем, значительного роста крестьянской задолженности, признавая «оскудение» центральных аграр-

---

[31] РГИА. Ф.573. Оп.25. Д.218. Л.30об.-5; Там же. Д.1185. Л.30об.-5.

[32] Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Вып. 41: Тамбовская губерния. СПб., 1903. С.43.

[33] Бехтеев С.С. Хозяйственные итоги истекшего сорокапятилетия и меры к хозяйственному подъему. СПб., 1902. С.213.

[34] РГИА. Ф.573. Оп.25. Д.218. Л.247об.

[35] ГАВО. Ф.И-20. Оп.1. Д.2232. Л.108-108об.

ных районов, власти не только не оказывали финансовой поддержки крестьянскому хозяйству, а, наоборот, облагали крестьянство высокими, постоянно увеличивавшимися налогами и повинностями. Современники хорошо осознавали ущербность подобной финансово-экономической политики. Земский гласный из Орловской губернии Ф.А. Деревицкий писал в докладе 1895 г.: «Так как страна наша земледельческая и большая часть населения занимается и живет, так или иначе участвуя в этой промышленности, то все налоги прямые и косвенные перелагаются на сельскохозяйственную промышленность… Покровительство заводской и фабричной промышленности, при настоящем экономическом строе, угнетает сельскохозяйственную промышленность и разоряет нашу страну; если принять во внимание, что каждый из нас принужден покупать по высокой цене произведения нашей фабричной промышленности неудовлетворительного качества и прочности, приобретать машины и орудия часто совсем негодные, то в итоге наше государственное хозяйство платит грандиозные суммы для поддержания фабричной промышленности, которая при отсутствии конкуренции, несмотря на все жертвы, все-таки делает весьма слабые успехи»[36]. Схожие мысли высказывал Ф.А. Щербина: «Казалось бы, что в России, как стране чисто земледельческой, краеугольным камнем дальнейшего экономического развития следовало бы положить исключительно интересы земледелия и сельского хозяйства. И, однако, на деле ничего этого не случилось, и вышло как раз наоборот: земледелие было принесено в жертву всему, что можно было развить на счет его средств и истощения естественных богатств, – и железным дорогам, и банкам, и торговле, и фабричному производству, и заводской промышленности… Между тем как любимыми детищами попеременно у нас были то банки, то железные дороги, то крупная индустрия и торговля, – земледелие всегда считалось пасынком, в пользу которого ничего почти не делалось, но на средства которого воспитывались и развивались эти детища»[37]. В таких экономических условиях рассчитывать на быстрый прогресс в сельском хозяйстве было невозможно, и винить в этом крестьян, их жизненный и производственный уклад было бы несправедливо. В формировавшейся модели российской экономики аграрному сектору отводилась второстепенная роль, основные усилия направлялись на форсированное развитие промышленности, используя для этого в качестве важнейшего источника доходы от сельского хозяйства. Одним из последствий такой политики являлось настороженное отношение крестьян к власти. Знакомство с воронежскими крестьянами позволило Н.М. Астыреву написать, что это «люди, всем складом своей жизни убежденные, что в каждом эксперименте, над ними совершаемом, в каждой попытке участия в их личных или общественных делах кроется какой-нибудь подвох, какое-нибудь посягательство на их тощий кошелек»[38].

Итак, высокое налогообложение относилось к числу важных факторов, тормозивших развитие крестьянского хозяйства. Для уплаты налогов крестьяне принуждались продавать произведенную продукцию, прежде всего хлеб и нерабочий скот, не дожидаясь выгодных цен, утрачивая часть продовольственного и семенного фонда. Тяжесть налагаемых на крестьян налогов и повинностей заключалась в «несоответствии размера податей платежным средствам населения»[39]. «Чрезмерная задолженность и отсутствие необходимых средств для дальнейшего развития»[40] являлись важными характеристиками состояния крестьянского хозяйства Центрального Черноземья в конце XIX в.

TAXES, SCOTS AND LOTS AND PAYMENTS OF THE PEASANT ECONOMIES OF THE BLACK SOIL REGION AT THE POST-REFORM PERIOD

A.V. PEREPELICIN

Voronezh State Pedagogic University

The level of the taxing of the peasant economies of the Voronezh, Kursk, Orel, and Tambov oblast's is at the 60-s-90-s of the XIX century analyzed in an paper. The structure, sizes, practice of the taxes receiving, the under-payments scales are depicted? Peasant economies development action of the tax police influence is estimated.

Key words: peasant economy, taxes, debts, payments, tax debts.

---

[36] ГАОО. Ф.525. Оп.1. Д.3082. Л.122-122об.

[37] Памятная книжка Воронежской губернии на 1899 год. Воронеж, 1899. С.7, 9.

[38] Астырев Н. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1886. С.90.

[39] Бехтеев С.С. Хозяйственные итоги истекшего сорокапятилетия и меры к хозяйственному подъему. СПб., 1902.С.195.

[40] ГАВО. Ф.И-20. Оп.1. Д.2232. Л.145.

УДК 94(47).084.5

ИЗ ИСТОРИИ РАЙОНИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОЙ ОБЛАСТИ (ЦЧО)

Е.Ю. ПРОКОФЬЕВА

Белгородский государственный университет

Автор статьи на значительном количестве источников, почерпнутых из региональных и центральных специализированных журналов 20-х гг., анализирует причины, ход и результаты административно-территориальных изменений в Черноземной Центре РСФСР середины – второй полвины 20-х гг. XX в., известных как процесс районирования. В статье представлен фактический материал исторического и статистического характера, позволяющий составить представление о социально-экономическом состоянии округов ЦЧО накануне перехода к индустриальной модернизации его хозяйства.

Ключевые слова: Центрально-Черноземная область, районирование, округ, район, сельсовет, волость, уезд, сельхозперерабатывающая промышленность.

Центрально-Черноземная область (ЦЧО) была образована в 1928 г. и ликвидирована в 1934 г., просуществовав на карте РСФСР полных 6 лет. Несмотря на значимость для региона возникновения такой крупной области с территорией в 192 тыс. кв. км и населением более 11 млн. чел., важнейшие исторические этапы ее образования до середины 90-х гг. XX в. не были предметом специального исторического исследования и впервые научно были определены П.В.Загоровским в его монографии, посвященной социально-политической истории ЦЧО, опубликованной в 1995 г.[1]

Площадь ЦЧО в различных изданиях варьировалась от 187,3 до 209 тыс. кв. км в то время как наиболее достоверные сведения были опубликованы специалистами по экономической географии и статистике еще во второй половине 20-х гг. XX в. и определены в 192 тыс. 418 кв. км[2]. Существуют серьезные разночтения с определением внешних и внутренних границ ЦЧО. В литературе встречаются существенные различия в цифрах проживающего в городах области населения. Многочисленные крупные административно-территориальные изменения, происходившие в Черноземье в предвоенный период – 1928, 1934, 1937, 1939 гг. и сегодня существенно затрудняют возможность сопоставления регионального статистического материала при изучении социально-экономических процессов в Черноземье. При определении целесообразности создания ЦЧО в монографическом исследовании П.В.Загоровского главной причиной обоснованно названы политические интересы правящей элиты.

Вместе с тем, с нашей точки зрения помимо политических интересов, игравших приоритетную роль в приятии окончательных решений в процессе экономического районирования, важное значение при появлении новой области имел и социально-экономический фактор.

Решение о необходимости нового административно-территориального переустройства, имевшего целью создание укрупненных экономических районов в Советской России, появилось у большевистского руководства вскоре после октябрьского переворота 1917 г. и уже в 1919 г. государственной плановой комиссией был введен в оборот термин «Центрально-Черноземная область». С 1922г. к процессу начавшегося экономического районирования РСФСР присоединились задачи строительства нового союзного государства – СССР. В целом, с 1917 до 1928 гг. на территории Советской России и СССР в ходе

---

[1] Загоровский П.В. Социально-политическая история Центрально-Черноземной области. 1928 – 1934. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1995; Загоровский П.В. История Центрально-Черноземной области (1928 – 1934 гг.): Источники и исследования. М.: Изд-во РУДН, 1997. С.5-7.

[2] См.: Материалы по районированию Центрально-Черноземной области. Воронеж, 1925; Дьяконов П. Центрально-Черноземная область. Ее организация, территория и окружное деление. Воронеж, 1928. С.13; Демидов Р.Г., Кривцун Л.В. Социалистическая индустриализация и рост культурно-технического уровня трудящихся Центрального Черноземья (1928 – 1941). Воронеж, 1978; Очерки истории Воронежской области. В 2-х т. Т.2. Эпоха социализма. Воронеж, 1967.

административных реорганизаций было заново создано или преобразовано 87 новых губерний, областей и республик, произведено 732 изменения административных границ на местах[3]. Внешние границы четырех основных губерний Центрального Черноземья в указанные годы корректировались в общей сложности 6 раз.

Образование ЦЧО стало важной исторической вехой в истории Центрального Черноземья, имевшей существенные экономические, социальные и политические последствия. Ядром Центрально-Черноземной области стала территория бывших т.н. центрально-земледельческих губерний России. К ним в исследуемый период относили Курскую, Воронежскую, Тамбовскую и Орловскую губернии. Естественно – исторические, экономические и культурные условия развития данных территорий позволяли говорить о них как о цельном по природному и хозяйственному единству массиве. Сходство в примерных объемах посевных площадей, а также в ассортименте основных видов продукции полеводства и животноводства накладывало отпечаток на состояние индустрии региона: небольшая по численному составу предприятий и по количеству занятых на них рабочих, слабая по энерговооруженности и технической оснащенности промышленность Черноземного центра была ориентирована в основной своей части на переработку сельскохозяйственного сырья. К 1926/27 г. в черноземных губерниях имели место близкие показатели в объемах доходной и расходной частей местных бюджетов, при этом они свидетельствовали о серьезном отставании от средних значений как общероссийского, так и общесоюзного уровней. Наконец, сходными для 4-х губерний показателями характеризовалась общая культурная отсталость края. Среднестатистический по 34-м губерниям РСФСР процент грамотности взрослого населения, составлявший к середине 20-х гг. XX в. примерно 65,1% взрослого населения, в губерниях Черноземного Центра РСФСР был существенно ниже средне-российского (при этом следует учесть, что в указанный период территория Орловской губернии была примерно в 2,5 раза меньше территории Воронежской губернии).

Таким образом, важнейшие черты хозяйственного единства Центрально-земледельческих губерний РСФСР являлись одновременно и общими показателями их культурно-хозяйственной отсталости. К последним, прежде всего, относились: большая плотность населения; подавляющее преобладание сельского населения над городским; архаичность сельскохозяйственного производства; большое аграрное перенаселение; чрезвычайно медленное развитие хозяйства в сторону его интенсификации (в том числе через производство технических культур на рынок и развитие промыслового животноводства); слабое развитие местной промышленности, ее распыленность и удаленность от городов; медленное развитие городской инфраструктуры, недостаточная развитость торговых отношений и невыгодная в целом роль, которую играл регион на хлебном рынке страны, поставляя туда в основном серые, наименее ценные хлеба, а также маломощность местных бюджетов и общая культурная отсталость населения. Решение проблемы культурно-хозяйственного подъема губерний Черноземья в середине 20-х гг. XX в. руководство страны видело в объединении их в единую Центрально-Черноземную область[4].

Подготовительные мероприятия по созданию ЦЧО начались в 1922 г. созданием при Воронежском губисполкоме специальной межгубернской комиссии. Комиссия помимо изучения природно-климатических, экономических и демографических особенностей региона, должна была составить для Госплана РСФСР проект внутригубернского районирования и участвовать в определении внешних границ создающейся области. В июле 1924 г. начатая работа получила новый импульс: в Воронеже состоялась первая областная конференция по изучению производительных сил ЦЧО. Председатель воронежской губернской плановой комиссии Б.А. Петерс в своем докладе на конференции определил примерные внешние границы области и обозначил ее внутреннее деление на 11 округов[5]. В ноябре 1924 г. в Воронеже для непосредственной подготовки к оформлению новой области было создано областное организационное бюро ЦЧО во главе с председателем во-

---

[3] Административно-территориальное деление Союза ССР и список важнейших населенных пунктов с хронологическим перечнем постановлений об изменении границ губерний, областей и республик с 1917 до 1929 г. М., 1929. С. 7-8.

[4] Дьяконов П. Центрально-Черноземная область. Ее организация, территория и окружное деление. С.16 - 18, 20-21, 25-27.

[5] Петерс Б.А. Внешние границы Центрально-Черноземной области и проект окружного деления ее // Народное хозяйство ЦЧО. Воронеж, 1925. Книга 4. С.99, 113 -119

ронежского губисполкома С.П.Агеевым. В феврале 1925 г. при организационном областном бюро ЦЧО начала работу областная плановая комиссия. Секретарем комиссии был назначен ученый-экономист А.Н.Татарчуков. Работа этих структур в значительной степени подготовила условия для создания ЦЧО: на ряде областных совещаний шел процесс межгубернского согласования внешних границ области, был принят в основе проект окружного ее деления, улажен вызвавший ожесточенные споры вопрос об административном центре объединяемых территорий.

Вместе с тем, вопрос о внешних границах ЦЧО продолжал дискутироваться. В середине 20-х гг. Госплан РСФСР к Центрально-Черноземным губерниям считал возможным отнести не только Курскую, Воронежскую, Орловскую и Тамбовскую, но и Пензенскую, Рязанскую и Тульскую губернии. Пользуясь нечетким географическим определением региона председатель воронежской губернской плановой комиссии Б.А.Петерс предлагал включить в состав ЦЧО помимо Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерний, части Хоперского округа Царицынской губернии, Чембарского уезда Пензенской губернии и Балашовского уезда Саратовской губернии, а также часть Карачевского и Севского уездов Брянской губернии[6]. Существовал и альтернативный проект районирования. Например, осенью 1925 г. руководство Орловской губернии выступили против ее вхождения в состав ЦЧО. Они предложили создать Северо-Черноземную область, включив в ее состав Курскую, Орловскую, Брянскую, Рязанскую и Тульскую губернии. Но он не был поддержан правительством и в сентябре 1925 г. после согласования на высшем уровне оргбюро ЦЧО утвердило внешние границы области[7]. Южная граница ЦЧО с Украиной была проведена «по соображениям политического свойства» и в соответствии с этими «соображениями» в октябре 1925 г. Украине были переданы большая часть территории Путивльского уезда Курской и часть Валуйского уезда Воронежской губерний. После этого ставить под сомнение границу ЦЧО с Украиной не допускалось. Однако жесткие дискуссии по определению границ ЦЧО внутри РСФСР продолжались. Учитывая это обстоятельство, а также в связи с серьезным отставанием от общероссийских темпов восстановления народного хозяйства губерний Черноземья, в 1926 г. было принято решение отсрочить организационное оформление ЦЧО, а «временные областные структуры» – организационное бюро и плановую комиссию ЦЧО – ликвидировать. Они прекратили свою деятельность 16 июня 1926 г. Можно согласиться с мнением П.В.Загоровского[8], что на приостановку оформления крупных территориальных объединений в стране повлиял прежде всего политический фактор, поскольку образование обширных административно-территориальных единиц влекло за собой появление крупных партийно-хозяйственных чиновников, прежде всего секретарей укрупненных областных комитетов. В условиях продолжающейся борьбы за власть в ЦК ВКП(б), когда Сталин еще не имел полного контроля в Политбюро и ЦК партии «создавать» таких крупных региональных лидеров представлялось ему опасным.

Возврат к идее завершения экономического районирования произошел через два года. В марте 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о завершении процесса создания ЦЧО. Возобновление процесса оформления ЦЧО в 1928 г. было вызвано теперь не только политическими обстоятельствами, но в равной степени завершением процесса восстановления хозяйства, началом реконструктивного периода, а также необходимостью выработки заданий 1-го пятилетнего плана. Именно на стыке двух важнейших этапов развития страны Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 14 мая 1928 г. была образована Центрально-Черноземная Область. В соответствии с принятым постановлением, в Воронеже началось формирование областных структур: областного временного бюро ЦК ВКП(б) под руководством И.М.Варейкиса и временного организационного комитета, которое возглавил Ф.П.Грядинский.

Хотя образование ЦЧО уже было оформлено законодательно, ее географические контуры продолжали уточняться еще почти на протяжении 2-х месяцев, поскольку правительст-

---

[6] Петерс Б.А. Внешние границы Центрально-Черноземной области и проект окружного деления ее. С.108.

[7] Загоровский П.В. Социально-политическая история Центрально-Черноземной области. 1928 – 1934. С.25.

[8] Загоровский П.В. Социально-политическая история Центрально-Черноземной области. 1928 – 1934. С.27; Расширенное совещание Госплана РСФСР 18-20 мая 1925 г. Стенографический отчет. М., 1925. С.11; .Дьяконов П.П. Путь областной реформы. (По поводу статьи тов. Егорова) //Народное хозяйство Центрально-Черноземной области. Книга 11 (У1). Воронеж, 1926. С. 82-84.

венное постановление не определило точный перечень территорий, включенных в состав области, оно назвало лишь ее «основной массив». В этом составе границы ЦЧО не совпадали полностью ни с первым проектом, который был одобрен Госпланом РСФСР в 1923/24г., ни с прежними «естественными» географическими границами центрально-земледельческих губерний РСФСР. Даже после окончательного утверждения Президиумом ВЦИК РСФСР 16 июля 1928 г. территориального состава ЦЧО, вопрос внешних ее границ продолжал дискутироваться, правда к числу спорных относились теперь только восточные, западные и северные границы ЦЧО. 16 июля 1918 г. ВЦИК РСФСР своим постановлением окончательно узаконил границы ЦЧО: в состав области наряду с Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерниями вошли шесть из семи волостей Раненбургского уезда Рязанской губернии и два района Тульской губернии[9]. Таким образом, на момент своего образования ЦЧО граничила с УССР, Брянской, Калужской, Тульской, Рязанской губерниями, Средне-Волжской областью, Нижне-Волжским и Северо-Кавказским краями РСФСР и ее территория составляла примерно 192 тыс. кв. км. В административном отношении область была разделена на 11 округов, 178 районов и 4806 сельских советов. Однако в таком составе область просуществовала недолго. В сентябре 1929 г. был ликвидирован Воронежский округ и созданы два новых – Усманский и Старо-Оскольский округа. Город Воронеж с пригородными рабочими поселками и слободами стал самостоятельной административной единицей. В июле 1930 г. было принято правительственное решение о ликвидации округов и начался процесс укрупнения районов через их объединение друг с другом. К сентябрю 1930 г. количество районов сократилось со 178 до 155, а к 1932 г. – до 144. В постановлении ЦК ВКП(б) от 15 июля 1930г. и в выступлении И.В.Сталина на XVI съезде ВКП(б) разъяснялось, что ликвидация округов имела целью максимально приблизить партийно-хозяйственный управленческий аппарат к нуждам районов. В выступлении первого секретаря обкома ЦЧО И.М.Варейкиса в августе 1930 г. называлась главная причина очередной реорганизации областного управления: только к 1928 г. благодаря росту рядов ВКП(б) стало возможным обеспечить «надежными партийными кадрами» многочисленные районные партийные комитеты и хозяйственные структуры на территории ЦЧО[10].

Центром ЦЧО в первоначальных проектах Госплана и специальной комиссии ВЦИК, обсуждавшихся в 1922 г. на 3-ей сессии ВЦИК IX созыва, намечался город Воронеж. В 1923-1924 гг. появилось альтернативное предложение перенести центр вновь создаваемой области в Курск, однако Госплан отметил наличие целого ряда бесспорных преимуществ Воронежа: город находился на оптимально близком расстоянии от географического центра ЦЧО, находившегося между Нижнедевицком и Землянском, примерно в 40 км от Воронежа, тогда как Курск располагался в 160 км, Орел – в 190 км, а Тамбов – в 215 км от географического центра создаваемой области. Кроме того, Воронеж имел удобную железнодорожную связь с предполагаемыми округами ЦЧО, город исторически являлся крупным торговым и промышленным центром региона, насчитывая по данным переписи 1926 г. 116 576 жителей. Население города росло быстрыми темпами: с марта 1923 г. до декабря 1926 г. оно увеличилось на 23 135 чел., в то время как население Курска за этот же период увеличилось на 12 552,Орла – на 4 646 и Тамбова – на 3 785 чел. Госплан РСФСР учел и поставленные задачи по реализации связанных с Воронежем широкомасштабных транспортных проектов: по строительству магистрали Москва – Донбасс с веткой через Воронеж, железнодорожной линии Пенза – Воронеж – Харьков и существенному расширению судоходства по Дону, что превратило бы город в транспортно-торговый узел для семи направлений. Наличие нескольких машиностроительных заводов, крупного маслобойного производства, химкомбината, железнодорожных мастерских делало город крупнейшим промышленным центром Черноземья. Три высших учебных заведения – университет, сельскохозяйственный и ветеринарный институты превращали Воронеж в научный и культурный центр региона. Учитывая указанные обстоятельства, в 1925 г. областным организационным бюро было принято решение утвердить Воронеж в качестве будущего областного центра, одновременно был утвержден проект окружного деления ЦЧО[11] (см. табл. 1).

---

[9] См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабочее-Крестьянского правительства РСФСР. М., 1928. № 96. Отд.1.Ст.617.

[10] Загоровский П.В. Социально-политическая история Центрально-Черноземной области.1928 – 1934. С.31-32.

[11] Ремейко А. На путях восстановлении ЦЧО // Хозяйство ЦЧО. 1928. №2. С.3 – 13; Дьяконов П. Центрально-Черноземная область. Ее организация, территория и окружное деление. С.27.

Таблица 1

Проект окружного деления Центрально-Черноземной области

Названия округов ЦЧО	Площадь в кв. км	Число жителей в тыс.	Число б.волостей, районов и сельсоветов
Белгородский	12 600	851	24 ; 14; 481
Борисоглебский	24 500	1 023	38;14;312
Воронежский	21 800	1 188	33;20;488
Елецкий	19 800	1 196	44;20;512
Козловский	16 400	943	33;19;444
Курский	15 300	865	28;14;535
Льговский	12 300	843	21;11;381
Орловский	23 600	1 167	53;17;482
Острогожский	17 700	922	23;16;421
Россошанский	18 800	784	23; 16;310
Тамбовский	26 000	1 409	51;17;440

Центральное Черноземье было признано территорией, весьма удобной для районирования. Оформившиеся округа сравнительно незначительно отличались друг от друга как по площади их территории, так и по числу проживающего населения, что выгодно отличало ЦЧО от других экономических областей страны. Так, на Урале территории формирующихся округов по масштабу колебались от 16 до 90 тыс. кв. км, в Нижнем Поволжье – от 13 до 75 тыс. кв. км, а по численности населения – от 250 до 850 тыс. и от 170 до 850 тыс. жителей соответственно. По ЦЧО эти колебания составляли от 11 до 22 тыс. кв. км и от 720 тыс. до 1.295 тыс. жителей. Поскольку территория ЦЧО была бедна крупными и даже средними городами, не всегда представлялось возможным найти на территории формируемого округа такой город, который соответствовал бы своему назначению, как окружной центр. Исторически сложилось так, что к первой четверти XX в. города Черноземья по своему количеству и числу жителей были невелики. Из 12 городов и рабочих поселков Курской, 9 – Тамбовской, 8 – Орловской и 10 – Воронежской губерний в значительной степени преобладали города с численностью населения менее 20 тыс. чел. (25 из 39 городов) (см. табл.2).

Таблица 2

Население городов губерний Черноземного центра РСФСР в 1927 г.,
тыс. чел.

Курская губерния	Воронежская губерния	Орловская губерния	Тамбовская губерния
Курск – 98,8	Воронеж – 120,0	Орел – 77,9	Тамбов – 76,4
Белгород – 31,1	Бутурлиновка – 27,5	Елец – 43,2	Козлов – 54,4
Старый Оскол – 20,2	Острогожск – 23,0	Ливны – 19,2	Борисоглебск – 39,4
Обоянь – 12,2	Бобров – 17,4	Мценск – 10,0	Моршанск – 27.8
Короча – 14,1	Россошь – 16,0	Болхов – 7,5	Кирсанов – 26,0
Рыльск – 10,7	Усмань – 13,3	Мало-Архангельск – 6,0	Рассказово – 23,2
Грайворон – 8,9	Валуйки – 10,2	Дмитровск – 5,0	Липецк – 21,4
Льгов – 7,3	Богучар – 7,9	Новосиль – 2,7	Лебедянь – 12,1
Щигры – 6,9	Задонск – 7,9		Раб.пос. Грязи – 9,3
Суджа – 6,0	Ново-Хоперск – 7,4		
Дмитров – 4,7			
Фатеж – 4,5			
Итого: 225,4	250,6	171,5	290,0

Хроническая хозяйственная депрессия черноземных территорий, продолжавшаяся вплоть до второй половины 20-х гг. XX в., не благоприятствовала быстрому развитию городов. Преобладающий тип мелких городских поселений региона делал очень условным само понятие живущего там населения как горожан. Часто эти поселения были похожи на большие села, не имеющие специфически-городского уклада хозяйственной и социальной жизни. Например, трамвай в середине 20-х гг. XX в. существовал только в Воронеже, Курске и Орле, причем в двух последних – как узкоколейный. 5/6 всего городского населения Черноземья пользовались не электрическим, а керосиновым освещением. По

данным переписи 1926 г. в 4 губернских городах к водопроводной сети было присоединено лишь 10,1% домовладений (в Воронеже чуть больше – 15,2%), а в 13 уездных городах – всего 2,9%. Следует отметить и медленный темп роста населения городов Черноземья. В связи с указанными обстоятельствами в ходе районирования особенно серьезные сомнения вызвали предложения определить в качестве окружных центров Россошь и Льгов[12]. Но в конечном итоге отсутствие альтернативы и удобство связи привели к решению комиссии по районированию утвердить как их в качестве административных центров соответствующих округов. По сравнению с окружной районная сеть ЦЧО оказалась разработанной не столь тщательно. Первоначально укрупнение волостей и формирование территории районов проводились каждой бывшей губернией самостоятельно, без четкого согласования на межгубернском уровне, без примерного плана будущей районной сети ЦЧО. Нижеприведенные данные таблицы (см. табл. 3) характеризуют процесс изменения числа волостей на территориях 4-х основных губерний ЦЧО в связи с их укрупнением[13].

Таблица 3

Динамика численности волостей на территории ЦЧО в 1890 - 1928 гг.

Годы / **Губернии**	**1890**	**1917**	**1920**	**1923**	**1924**	**1928**
Воронежская	259	275	305	215	92	91
Курская	214	197	224	173	82	78
Орловская	149	-	155	67	66	58
Тамбовская	214	224	265	92	92	92
Итого:	836	-	949	547	332	319

К 1928 г. средняя численность одной такой укрупненной волости составляла примерно 3 тыс. жителей, а средняя территория равнялась примерно 580-600 кв. км. Комиссией по районированию было отмечено, что даже укрупненные, волости все же были малы для передачи им прав новых административно-хозяйственных районов, и поэтому процесс укрупнения этих территорий продолжался. При окончательном утверждении районной сети ЦЧО были определены примерные нормы территории и численности населения будущего района: около 1000 кв. км территории и 45-55 тыс. жителей, при этом предельное расстояние от населенных пунктов до райцентра не должно было превышать 20-25 км. При практическом выстраивании районной сети превышение заданной средней территории районов составило не более 60 кв. км, что являлось вполне допустимым. Но с учетом очень большой плотности населения ЦЧО гораздо сложнее оказалось уложиться в заданные параметры численности жителей района. В результате было создано 178 районов с населением примерно около 63 тыс. жителей в каждом, при этом 116 районов (64% от общего их числа) имели от 40 до 70 тыс. жителей; 44 района (или 26% от общего числа) – более 70 тыс. жителей и 18 районов (10% от общего их числа) – менее 40 тыс. жителей. В документах отмечалось, что «районная сетка» проектировалась и проводилась в спешном порядке, в условиях жесткого дефицита времени, остающегося на проведение районирования ЦЧО и вся она подлежит возможному пересмотру.

Таким образом, процесс районирования во второй половине 20-х гг. XX в. по существу полностью изменил старые административные территории бывших центрально-земледельческих губерний. Новые округа зачастую создавались не только из территорий разных уездов, но даже – разных губерний. Так, Елецкий округ был образован из территории, ранее входившей в состав 4-х губерний. В свою очередь районы создавались из территории различных волостей. Указанные обстоятельства привели к тому, что весь имеющийся статистический материал по волостям, уездам и губерниям Черноземного центра после районирования и образования ЦЧО должен был быть использован с известной долей осторожности, поскольку требовал пересчета применительно к новому районному окружному делению. Вместе с тем, в статистико-экономических исследованиях конца 20-30-х гг. XX в.

---

[12] Рутцен А.А. Районирование Центрально-Черноземной области//Хозяйство ЦЧО. 1928. №1. С.10 -11; Материалы по районированию ЦЧО. Вып.1,2. Воронеж, 1925; Тутыхин Б.А. Центрально-Черноземная область. М.,1929.

[13] Рутцен А.А. Районирование Центрально-Черноземной области //Хозяйство ЦЧО. 1928. №1. С.10-12; Тутыхин Б.А. Центрально-Черноземная область. С.34.

отмечается, что «расхождение по-видимому, невелико, поскольку население, исчисленное по районам, путем пересчета на местах волостных данных, дает по области 11.292 тыс. жителей, а подсчет населения четырех губерний, Раненбургского уезда и 2-х районов Тульской губернии – 11.160 тыс. человек, т.е. расхождение примерно 1,2%».

Таким образом, имеющийся статистический материал давал «приближенные к действительности» данные при социально-экономической характеристике созданных в ЦЧО округов. В данной статье представляется возможным лишь кратко отметить важнейшие особенности каждого из них[14]. Белгородский округ по плотности населения – 72 чел. на 1 кв. км он занимал первое место по ЦЧО, более 35% населения округа были этническими украинцами. Белгород являлся крупным железнодорожным узлом. Территория округа была богата полезными ископаемыми, среди которых – важнейший тогда белый мел очень высокого качества, его промышленные разработки имели общереспубликанское значение. **Сельское хозяйство округа** характеризовалось значительными посевами пшеницы и технических культур, прежде всего сахарной свеклы, высоко развито было садоводство. Промышленность округа была представлена сахарными, мукомольными и винокуренными заводами, а также несколькими крупными предприятиями по добыче и переработке мела[15].

Окружной центр Борисоглебского округа г. Борисоглебск имел хорошую железнодорожную связь со всей территорией округа. Окружная промышленность была связана с переработкой сельхоз сырья. Наиболее развитыми отраслями являлись мукомольно-крупяная и маслобойная, а также свеклосахарная. Округ занимал первое место в ЦЧО по развитию товарного мукомолья, причем значительное количество зерна для переработки на его предприятия поставлялось из Нижнее – Волжского края. Под зерновыми кроме ржи и овса свыше 85% пахатной земли занимала пшеница. Из технических культур на первом месте находились посевы подсолнечника, на втором – сахарной свеклы.

Центр Воронежского округа г. Воронеж, он же областной центр ЦЧО, был крупнейшим городом, железнодорожным узлом, культурным и промышленным центром региона. Кроме зерновых культур в центральных районах округа были значительны посевы картофеля. В южных районах в наибольшей степени был распространен подсолнечник и сахарная свекла. В районе Усмани культивировался табак. Промышленность специализировалась не только на переработке сельхоз сырья, хотя наибольшее число цензовых промышленных заведений приходилось на долю мукомольных, маслобойных и винокуренных предприятий. Недалеко от Воронежа были разведаны запасы ценных латненских глин, служивших базой для предприятий стройматериалов, в самом Воронеже работало несколько предприятий так называемой металлической промышленности.

Окружной центр Елецкого округа г. Елец был крупным железнодорожным узлом, центром мукомольной и табачной промышленности, а также известного кружевного кустарного промысла. Округ специализировался на выращивании зерновых культур. Промышленность округа помимо сельхозперерабатывающих предприятий имела налаженное металлургическое производство, которое базировалось на богатых залежах бурых железняков в восточной части округа в районе Липецка, поэтому Елецкий округ считался одним из наиболее развитых в промышленном отношении на территории ЦЧО.

Центром Козловского округа являлся г. Козлов – крупный торговый центр региона. Сельское хозяйство округа специализировалось на выращивании ржи и овса, из технических культур преобладали картофель и табак. Промышленность даже по меркам ЦЧО была развита чрезвычайно слабо. Главными ее отраслями являлись мукомольная и табачная.

Курский округ окружным центром имел бывший губернский город Курск, крупный железнодорожный узел, культурный и промышленно-торговый центр территории. Сельскохозяйственная специализация округа была направлена на развитие зернового производства, но с начала XX в. резко возросли посевы технических культур и прежде всего сахарной свеклы. Промышленность была ориентирована на переработку сельскохозяйственного сырья. Наиболее крупные отрасли – мукомольно-крупяная и сахарная.

---

[14] Рутцен А.А.Районирование Центрально-Черноземной области. С.13-14, 16-17, 19; Территориальное и административное деление СССР.М.: Изд. НКВД, 1928.

[15] Белгородский округ ЦЧО. Характеристика народного хозяйства, культуры и административного строительства (Предварительные итоги). Белгород, 1929; Тоцкий Н. ЦЧО в системе народного хозяйства СССР // Хозяйство ЦЧО. 1928. №2. С.20-24.

Льговский округ по плотности населения (64 чел. на 1 кв. км) находился на втором месте в ЦЧО после Белгородского округа. Окружной центр – г. Льгов имел удобное сообщение по железной дороге со всеми районами. Округ производил сахарную свеклу, поскольку эта культура занимала большую часть всей его посевной площади. Северные районы специализировались на выращивании конопли. По выработке промышленной продукции на душу населения Льговский округ занимал одно из первых мест в ЦЧО. Главными отраслями промышленности являлись свеклосахарная, винокуренная и мукомольная.

Окружным центром Орловского округа стал бывший губернский город Орел. Сельское хозяйство округа было ориентировано на производство овса, картофеля и конопли. По площади посевов конопли округ занимал первое место по ЦЧО, по посевам картофеля – второе место. В промышленности основную роль играли мукомольно-крупяная, маслобойная (в основном, производство конопляного масла), обработка пеньки и кожевенная отрасли. В Орле работал завод по производству плугов и другого сельхозинвентаря.

Административным центром Острогожского округа являлся г. Острогожск. Около 50% населения округа составляли украинцы. Сельское хозяйство было ориентировано на преобладающее производство яровой пшеницы, из технических культур – подсолнечника. В округе имелись цензовые предприятия мукомольной отрасли, однако главной промышленной специализаций округа являлось маслобойное производство.

Россошанский округ по территории являлся одним из самых крупных в ЦЧО, но по плотности населения (41 человек на 1 кв. км) занимал последнее место в области. До 75% всего населения составляли украинцы. Окружным центром являлся г. Россошь. Основными сельскохозяйственными культурами были ячмень и яровая пшеница, из технических преобладали подсолнечник, сахарная свекла и эфирно-масличные – анис и кориандр. При значительном объеме производства технических культур, промышленная их переработка была развита очень слабо и велась как правило кустарным способом. Вместе с тем, на территории округа успешно развивалось промышленное птицеводство.

Тамбовский округ по территории был самым большим в ЦЧО. Окружным центром стал бывший губернский город Тамбов. Округ занимал первое место по площади лесных массивов (в северной его части они занимали до 25% территории). В сельском хозяйстве преобладало производство преимущественно серых хлебов – ржи и овса, из технических культур – картофеля и табака. Традиционно было развито овцеводство. Среди отраслей сельхозперерабатывающей промышленности преобладали мукомольная, крахмалопаточная и табачно-махорочная. Весьма развитым в округе было шерстоткацкое производство, представленное как крупными фабриками, так и сотнями кустарно-ремесленных мастерских.

Таким образом, Центрально-Черноземная область с точки зрения социально-экономического развития ее составных частей – округов – представляла собой единое целое и являлась отдельной, вполне сложившейся исторической и экономико-географической зоной России. Административное переустройство в Центральном Черноземье в середине – второй половине 20-х гг. XX в. было вызвано как настоятельной необходимостью упорядоченных производственных связей, так и стремлением власти к созданию эффективной системы контроля за социально-экономической и общественно-политической жизнью населения региона[16].

TO THE QUESTION OF REGIONALIZATION OF THE BLACK EARTH REGION

E.U. PROKOFIEVA

Belgorod State University

The reasons, process and results of the so called regionalization of the Black Earth Region during the 20-s of the XX century are analyzed by the author in the paper. The regional archives and specialized journals of the 20-s were used. The paper gives factual historical and statistic material, that shows the social and economic region state of the Black Earth Region on the eve of the industrial modernization of the sector.

Key words: the Black Earth Region, regionalization, district, area, village, volost, uyezd, processing agriculture industry.

[16] См.: Статистический справочник СССР. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1927; Труды плановой комиссии Центрально-Черноземной области. Том 1. Материалы по изучению вопроса о восстановлении хозяйства Центрально-Черноземной области / Под ред. А.Н.Татарчукова. Воронеж, 1926; Булгаков Г.И. Природа и экономика ЦЧО. Курск, 1926 и др.

УДК 94(470)

ПОЛИТИКО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

К.Н. ЛОБАНОВ

Белгородский юридический институт МВД России

e-mail: lobanov_pol@pochta.ru

В данной статье затрагиваются проблемы конструирования системы трансграничного сотрудничества России со странами СНГ на примере создания еврорегиона «Слобожанщина» в составе Белгородской области России и Харьковской области Украины. Основное внимание уделяется вопросам экономического и гуманитарного взаимодействия субъектов трансграничной интеграции с выходом на исследование широкого круга политических и геополитических аспектов проблемы.

Ключевые слова: трансграничная интеграция, еврорегион, приграничное сотрудничество, российско-украинские связи, «Слобожанщина»

Распад СССР вызвал появление большого числа новых стран и обширного нового пограничья. Протяженность новых границ России составила около 13 тыс. км, из которых 12 тыс. км – со странами СНГ. Новые российские границы не оформлены в договорно-правовом отношении (например, не проведена делимитация и демаркация), границы также не прикрыты в войсковом плане. Невозможность полноценного обустройства границ предполагает известную «прозрачность» рубежей России, что делает территорию страны уязвимой со стороны различного рода угроз и рисков. Таким образом, необходимость укрепления экономической и иной безопасности России требует и укрепления новых государственных границ. Различные темпы экономических преобразований, углубляющиеся различия в правовом пространстве, очевидно разные геополитические ориентации объективно способствуют усилению барьерной функции российских границ со странами СНГ. Однако, это лишь одна сторона вопроса.

Другая часть проблемы заключается в том, что ни Россия, ни большинство новых государств на ее рубежах не могут позволить себе колоссальные затраты, которых требует обустройство границ. А это означает, что еще на длительное время статус новых государственных границ России сохранит свой транзитный характер.

Оценка специфического положения новых российских границ, вместе с тем, возможна не только в негативном плане, т.е. с точки зрения угрозы национальным интересам и безопасности страны в приграничном пространстве. В передовых странах граница для прилегающих к ней районов – давно уже не источник угроз им самим и стране в целом, а одна из основ благосостояния, фактор притяжения высокодоходных и инновационных сфер деятельности. Поэтому в нынешних условиях необходима выработка «позитивного» – в смысле перспектив и основных направлений сотрудничества – подхода к трансграничному взаимодействию.

К такому подходу располагают как минимум три обстоятельства: во-первых, это общая направленность цивилизационного развития, которая заключается во все большей регионализации глобализирующегося мира, во-вторых, это переход России к новой интеграционной стратегии в рамках СНГ, а именно – признанию многоуровневости и многообразия форм интеграции, а также легитимации ее новых субъектов – регионов, районов, муниципальных образований, в-третьих, формирование и необходимость удовлетворения этими трансграничными территориями своих специфических интересов и потребностей.

Демонстрацией позитивного опыта трансграничного взаимодействия может служить попытка формирования трансграничного района «Слобожанщина», состоящего из сопредельных Белгородской области России и Харьковской области Украины. Этот район мыслился и создается по модели так называемых «еврорегионов», представляющих собой социально-экономические системы из двух или нескольких территорий соседних стран, характеризующиеся определенным единством природной первоосновы или расселения, трудовых и культурно-бытовых связей населения, хозяйства, инфраструктуры, нередко также исторических, этнических и культурных традиций[1].

Как и в случае с зарубежным опытом, отправной точкой для начала формирования трансграничного сообщества, стал консенсус местных политических и экономических

[1] Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2005. С.350.

элит и жителей приграничных территорий относительно тех выгод, которые может извлечь каждая область и каждый район из своего нового, приграничного положения. В целом же, специфические интересы населения трансграничного района «Слобожанщина» можно условно разделить на экономические и гуманитарные.

Экономические интересы района обуславливают, прежде всего, установление особого режима для предприятий, традиционно связанных с партнерами на приграничной территории соседней страны. Без создания живой и самовоспроизводящейся ткани сотрудничества, т.е. субъектов экономической деятельности по обе стороны границы, объединенных общими хозяйственными интересами, невозможно запустить его экономический механизм, и любые экономические решения останутся большей частью благими пожеланиями. Для оживления предприятий в приграничной зоне в рамках трансграничного региона «Слобожанщина» существует или запланировано введение ряда преференций:

- освобождение от ввозных и вывозных пошлин, НДС, акцизных и других сборов;
- определение перечня продукции, вывоз которой в пределах местных квот возможен без пошлин и на основе местных лицензий;
- облегчение создания совместных предприятий и финансово-промышленных групп;
- упрощение таможенного оформления грузов, переправляемых в соответствии с договорами, заключенными между предприятиями приграничных районов двух стран;
- создание гарантированных условий трансграничных взаиморасчетов и взаимозачетов, отсутствие препятствий для финансовых потоков, путем учреждения специальных совместных банков[2].

Значительную помощь в активизации трансграничного экономического сотрудничества призваны сыграть совместные инвестиционные проекты, о которых стоит упомянуть особенно. За последние два-три года наметилось несколько крупных площадок, где созидание ведется на паритетных началах российской и украинской стороной. Прежде всего, речь идет о сооружении на территории Белгородской области крупного авиотранзитного терминала, способного обслуживать международные рейсы, в том числе и трансконтинентальные. Новый международный аэропорт мыслится не только как важный экономический объект, но и как системообразующий элемент складывающейся инфраструктуры трансграничного региона. Обращает на себя внимание активно развернувшееся строительство Яковлевского рудника в Белгородской области. Эти уникальные копи, где железная руда добывается открытым способом, а процентное содержание железа в сырье достигает максимальных в Европе 70% – разрабатываются при участии украинской стороны, а часть продукции идет на покрытие нужд соседней Харьковской области. Долгосрочным и весьма продуктивным проектом можно считать и совместную экологическую программу по очистке русла реки Северский Донец на участках сопредельных областей. С украинской стороны весьма выгодным стало предложение белгородским компаниям и банкам поучаствовать в модернизации Шебекинского газового месторождения, питающего природным газом не один сопредельный район Белгородской области. К этому списку можно также прибавить некоторые совместные инициативы в сфере дорожного строительства и обустройства конвертируемых систем оптоволоконной связи.

Гуманитарные интересы трансграничного региона состоят:

- в облегчении режима пересечения границы для жителей приграничных территорий. В этом направлении уже многое сделано, поскольку такая практика широко распространена во многих странах и регионах. Ближайшей целью здесь объявлено введение совместного пограничного и таможенного контроля;
- для жителей по обе стороны границы важно обеспечить равные права в сфере здравоохранения, образования, культуры и спорта. Иными словами, если в больнице украинского Волчанска нет специализированного кардиологического отделения, то гражданин должен быть уверен, что его примут в таком отделении, расположенном неподалеку в белгородском Шебекино, но по другую сторону границы. Также если речь идет о возможности использования гуманитарных ресурсов, например, культурного и образовательного потенциала Харькова, в вузы которого белгородская молодежь имеет небольшую квоту на поступление;
- администрации приграничных районов в целом добились освобождения своих жителей от применения к ним норм и квот на перемещение через границу продуктов, произведенных в личных хозяйствах, на провоз личного имущества и нетоварных партий грузов;

---

[2] Программа межрегионального и приграничного сотрудничества России и Украины на 2001 – 2007 годы // Российская газета. 2000. 16 июня.

• в условиях проницаемых границ важное место в контактах соседних областей занимает сотрудничество правоохранительных органов. Преступники не будут ждать, пока местные прокуратуры направят в свои столицы запрос на привлечение к их задержанию соответствующих органов соседней страны. Практикуются также совместные рейды милиции вглубь территории сопредельных районов – до 30 км для преследования правонарушителей[3].

Стоит отметить, что далеко не все из перечисленных направлений обрели зримые очертания. Многое еще предстоит воплотить в реальные действия. Здесь много объективных трудностей и препятствий. Так, к сожалению, трансграничная политика на многих направлениях остается заложницей большой политики. Например, каково будущее «Слобожанщины» и всей российско-украинской границы, если остается неопределенным статус некоторых сопредельных территорий (Крым, акватория Азовского моря, районы Брянской, Воронежской, Ростовской областей, часть Краснодарского и Ставропольского краев)? Более того, по некоторым частным вопросам трансграничного взаимодействия возникло очевидное напряжение, особенно после «оранжевого» переворота 2004 г. и смены Харьковской областной администрации[4].

Есть сложности и более фундаментального плана. Например, отсутствие государственной помощи и специальной федеральной пограничной политики. Разумеется, трансграничные районы пытаются и сами решать многие проблемы, но местные бюджеты на это явно не рассчитаны. В целом же не вызывает сомнения, что региональные и центральные власти должны оказать приграничным территориям помощь в адаптации к их новому геополитическому положению. Важно также определить законодательно глубину трансграничного пространства. Должен ли льготный режим распространяться только на жителей пятикилометровой пограничной полосы, установленной в законе об охране государственной границы? Или же охватывать приграничные административные районы? Или, того больше, целиком субъекты Федерации как в случае с Белгородской областью? Решение этих проблем – одна из основ трансграничной политики[5].

Вместе с тем, за трансграничными районами будущее. По сути, они представляют «точечные» очаги интенсивного регионального сотрудничества, своего рода небольшие свободные экономические зоны. При наличии устойчивой политической воли региональных элит, развитии соответствующего государственного и местного законодательства такие фрагменты трансграничного взаимодействия (планируется, например, создание еще одного трансграничного объединения в составе Брянской области России, Черниговской области Украины и Гомельской области Беларуси под рабочим названием «Днепр») могут слиться в единую зону экономического роста, социально-политической стабильности, правовой защищенности всех субъектов деятельности[6]. Таким образом, трансграничное взаимодействие и его материальное воплощение – трансграничные районы – способны выступить в роли локомотива, вытягивающего весь комплекс интеграционных межгосударственных связей в рамках «большого» СНГ, и в определенной мере быть буфером, амортизирующим на местном уровне последствия мер, принимаемых центральной властью.

POLITICAL AND STRATEGIC PERSPECTIVES OF BELGOROD REGION IN THE CONTEXT OF THE TRANSNATIONAL INTEGRATION DEVELOPMENT

K.N. LOBANOV

Belgorod Law Institute of Internal Affairs

e-mail: *lobanov_pol@pochta.ru*

The aticle concerns problems of the formation of the transnational cooperation system between Russia and the countries of the Commonwealth of Independent States taking “Slobozhantchina” Euroregion Project comprising territories of Belgorod Region, the Russian Federation and Kharkov Region, the Ukraine. A great attention is paid to the matters of economic and humanitarian collaboration of the subject of transnational integration with special concern to outcome to a wide range of political and geopolitical aspects of research.

Key words: transnational integration, Euroregion, frontier collaboration, Russian-Ukrainian relations, “Slobozhantchina”.

---

[3] Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика… С.350-351.

[4] Балан И.С. Еврорегионы: российско-украинский диалог // Урядовий вісник. 2007. 12 липня.

[5] Еврорегионы: модель «малой» интеграции. Материалы круглого стола // Современная Европа. 2006. №2. С.6-8.

[6] Лобанов К.Н. СНГ: брак после развода? // Белгородская правда. 2002. 11 июня.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47).083

РОСТОВСКАЯ СТАЧКА В НОЯБРЕ 1902 г.: ФАКТ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ФАКТ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ

И.М.ПУШКАРЕВА

Институт российской истории РАН

Статья обращает внимание на почти забытую сейчас историками тему истории массового рабочего движения в России в начале XX в., поднимает вопрос о наследстве, которое оставила советская историческая наука, об использовании источниковедческих приемов и методов, с помощью которых следует подходить к критике этого наследства и работ Ленина, а также о новых подходах и понятиях в изучении рабочей истории, в том числе – о «гражданской идентичности» рабочих России. В статье представлен новый массовый источник – «Рабочее движение в России. 1895-февраль 1917 гг. Хроника».

Ключевые слова: история рабочих, стачка, рабочее движение в России, протестное движение, исторический факт, исторический источник, историографический факт, В.И.Ленин, гражданское общество.

По истории рабочих существует огромная литература, и нужно определиться, от какого наследства следует отказаться, а что и в какой мере принять из арсенала советской историографии. Историческая наука в России не свободна от методологических рефлексий, и, как и обществоведение[1]. Конечно, повествовательные приемы истории не противопоказаны. Иногда удачный пример усиливает эмоциональное воздействие исторического труда, но он никогда не сможет служить фундаментом для концепции, дать обобщенную объективную оценку фактам и событиям[2].

Современное историческое знание требует иного взгляда и на работы классиков социальной теории, в том числе В.И. Ленина, которые в советское время считались «главным источником», фундаментальной основой исторических наук, особенно когда речь шла об истории страны, рабочего класса, его партии. Новые подходы востребованы в особенности сейчас, когда подводятся итоги работы над специальным проектом, объединившим ученых и архивистов многих городов России. Результат работы по этому проекту – издание сводной истории отечественного рабочего движения в виде подборки основных данных, хронологически организованной из первоисточников. Первая серия (350 п.л.) нового массового источника «Рабочее движение в России. 1895-февраль 1917 гг. Хроника» (далее – Хроника)[3]. Задача состоит в том: чтобы прибли-

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект n 06-01-00220а.

[2] Литвак Б.Г. О путях развития источниковедения массовых источников // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С.108.

[3] Рабочее движение в России. 1895–1904 гг. Хроника». Вып. 1-X. М.- СПб. 1992–2008. (Далее: Хроника). Имеется в виду проект : «Контент, структура и динамика протестного движения рабочих России в начале XX в. (Информационный потенциал нового массового источника).

зиться к пониманию самостоятельного значения природы трудовых конфликтов в России, которые в новой исторической парадигме следует рассматривать не только через призму назревания революции, но и через так называемую «гражданскую идентичность».

В советской историографии обращение к историческим источникам по любой теме подчинялась строгим идеологическим и политическим детерминантам. На практике это сводилось к ограниченному отбору факторов, определявших движение исторического процесса, к абсолютизации социально-экономических и классовых причин рабочего движения, а также к особому отношению к событиям из рабочей истории, упомянутым в работах Ленина. В качестве доказательства возьмем, например, такой хрестоматийный факт из истории рабочего движения России как Ростовская стачка 4–25 ноября (17 ноября-10 декабря) 1902 г. В литературе ее оценка целиком совпадает с тем, что сказал о ней Ленин в статьях – «Новые события и старые вопросы», «Первые уроки,» «Самодержавие и пролетариат», «О хороших демонстрациях пролетариев» и др.[4]

Источниковедческий анализ включает в себя несколько компонентов – время появления источника, место в группе источников, раскрытие индивидуальных особенностей (язык источника, широта или узость взглядов, полнота или скупость сведений, типичность или уникальность и т.д.), выявление достоверности сообщаемых данных при обязательном впоследствии сопоставлении содержания различных источников и др. Ориентируясь на эти составляющие источникведения, обратимся вначале к установлению времени и места отложения первых источников о Ростовской стачке 1902 г. Уже через неделю после ее окончания в социал-демократической газете «Искра» 1 декабря 1902 г. под названием «Борьба ростовских рабочих» появилась подборка писем о Ростовской стачке[5]. Опубликованная в том же номере этой газеты статья Ленина «Новые события и старые вопросы» фактически комментировала их содержание, и, как можно предположить, Ленин не только прочел эти письма, как редактор газеты, но и расставил в подборке писем нужные ему акценты. В целом статья в письмах о Ростовской стачке представляет собой своеобразное мозаичное полотно «прямого набора» пересказов ее организаторов ярких на их взгляд эпизодов, которые произошли в ходе стачки с 4 по 14 ноября 1902 г., начиная с забастовки в железнодорожных мастерских и кончая тем, что в устах самодержца страны безобидно называлось «умирением» – разгоном и расстрелом, Подборка содержит то, что называется в источниковедении «формами обобщенного описания сложных явлений». Представленные в источнике, они не могли быть восприняты одним наблюдателем и являлись как бы заключением по поводу того, что происходило. Например, что Донской комитет «воспользовался стачкой для широкой политической агитации», что «Ростов вышел из спячки», что «значительная часть рабочих относится еще враждебно к политической агитации», что «толпа повинуется каждому слову оратора и т.д. Каждый из эпизодов, отмеченный в подборке, для установления достоверности может быть самостоятельным предметом изучения путем сопоставлений того, как он изложен в источниках разного происхождения. К сожалению, активно используемые в литературе, эти эго-документы, содержащие голоса людей, находившихся в гуще событий, пока не были предметом источниковедческого анализа.

Ленин, находясь в Женеве, не мог являться очевидцем стачки в Ростове в ноябре 1902 г. Сведения о ней он получил, как редактор газеты «Искра», от одного из главных организаторов стачки – И.И.Ставского[6]. Ленин, как исследователь-статистик, в общем-то был сторонник создания «фундамента из точных и бесспорных фактов», а чтобы «это был действительно фундамент,

---

[4] Ленин В.И. Новые события и старые вопросы // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.7. С.59.; его же. Первые уроки // Там же Т.9 С.251; его же. Тезисы статьи «Первые уроки» // Там же. С.400; его же. Самодержавие и пролетариат // Там же Т.9. С.135; его же О хороших демонстрациях пролетариев // Там же. Т.9. С.140).

[5] Газета «Искра» N 29, 1 декабря 1902 г.; см. также: «Искра» NN 1–52. Декабрь 1900-ноябрь 1903 г.Полный текст под ред. и с пред. П.Лепешинского и со вступительной статьей Н.К. Крупской. Вып. 1–7 Л., 1925–1929. В 1925 г. статья из «Искры» была перепечатана комиссией «Истпрофтана» в книге « Сборник N 3. Комиссия по изучению истории профессионального движения на железнодорожном транспорте. М.-Л., 1925. С.49–57.(Далее: Сборник №3).

[6] 5(18) декабря 1902 г. Ленин писал Л.И.Аксельрод в Берн: «Многоуважаемая Л.И.! Получил сейчас от Вас письмо и спешу ответить, чтобы поздравить с таким громадным приобретением как Ставский. У нас в письмах из Ростова на Дону называлась его фамилия, но я вычеркивал ее, боясь скомпроментировать человека. Прилагаю N 29 « Искры» для Вас и для него, чтобы поскорее показать ему наше описание событий. Предлагаю и письмо к нему с просьбой насчет брошюры о ростовских событиях». (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.46. С.240).

– писал он, – необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения...»[7]. Но здесь был не тот случай.

Информация о Ростовской стачке исходила от его единомышленников, которым он полностью доверял. Статью же свою в «Искре» «Новые события и старые вопросы» он связывал только с решением задач пролетарской борьбы, и эмоциональная окраска писем в «Искру» соответствовала его внутреннему состоянию в полемике с группой эсеров, выступивших в печати с позиций неверия в скорую революцию в России и защищавших тактику единоличного террора. Отсюда – публицистичность и выборка Лениным лишь тех фактов, в которых он находил подтверждение тому, что в России наступил новый «революционный этап» в освободительном движении. С утверждения этого положения начиналась и первая фраза в подборке писем (возможно написанная Леиным). Она содержала ответ «всем маловерным» в стремлении доказать, «какая громадная революционная энергия накоплена рабочим классом и как глубоко проникли в него семена социал-демократии»[8]. Назвав Ростовскую стачку «революционным актом», «способным внушить действительное одобрение тем, кто борется за русскую революцию», Ленин выделил из писем и комментировал для широкого круга рабочих поведение народа в Ростове на собраниях, организованных Донским комитетом РСДРП по ходу стачки в Камышевахской балке в Темерницкой части города. Во-первых, он отметил, что эти собрания поражали «своей серьезностью и организованностью», во-вторых, тем, что на них «читаются и комментируются с жадностью соц.-демократические прокламации, говорятся политические речи, разъясняются самым случайным и неподготовленным представителям трудящегося народа азбучные истины социализма и политической борьбы»[9].

Воображаемая картина события не может не определяться целями и страстями того, кто работает с источником. Но каждый факт, установленный исследователем, предполагает сложную интеллектуальную операцию, даже если он совершает «акт веры» в источник. При этом, конечно, возможно огрубление и искажение исторического факта с определенными целями. Историку, уже знающему итоги развития событий в стране в 1905 г., конечно, нельзя не отметить правоту Ленина, если обратиться к последним фразам в конце статьи. «Всенародное вооруженное восстание против самодержавного правительства, – писал Ленин, – созревает не только как идея в умах и программах революционеров, но... и как неизбежный, практически-естественный, следующий шаг самого движения, как результат растущего возмущения, растущего опыта, растущей смелости масс, получающих ценные уроки, такое великолепное воспитание от русской действительности»[10].

Но статья Ленина была построена, что называется, на «малой выборке» – одной лишь стачке – и ее пример может быть квалифицирован только как отдельный случай. Текстологический анализ писем в «Искру» проясняет, почему эта стачка выделялась в массовом рабочем движении , что могло повлечь за собой выводы, которые не подходили к большинству стачек в России. Главную роль в Ростовской стачке играли рабочие особой отрасли – транспортной. Железнодорожники в России были наиболее развитым отрядом рабочего класса в социальном отношении, отличаясь в том числе высокой степенью экономической успешности. В самом начале стачки от них исходили не жалобы «голодных», а требования к администрации Владикавказской ж.д. о 9-часовом рабочем дне, о повышении заработной платы для достойной жизни рабочего (на 50%!), контроль за ее выдачей, отмена штрафов, школа для детей, уважение вообще личности рабочего человека. Но, заметим, что сформулированы эти требования были с помощью членов Донского комитета РСДРП, т.е. представителями радикальной, в том числе рабочей интеллигенции[11]. Администрация мастерских адресовала их правительству, что уже делало стачку политический, усиливая значение агитации социал-демократов. Уже в начале стачки при обсуждении требований в мастерских возник поворот, неожиданный для Донского комитета. Он указывал, что комитет в общем-то ориентировался больше на маргиналов. Но представители цехов, откликнувшись на призыв к стачке и ознакомившись с требованиями,

---

[7] Ленин В.И. Статистика и социология // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.30. С.50–351.

[8] Сборник №3. С.49.

9 Ленин В.И. Новые события и старые вопросы... С.59.

10 Там же. С.62.

[11] Сборник №3. С.49. Требования состояли из 26 пунктов; большинство из них было связано с повседневным трудом в мастерских.

которые от имени рабочих были составлены комитетчиками, потребовали заменить формулировку одного из пунктов и вместо отказа от сдельной оплаты, наоборот, – ввести сдельную оплату труда. Это доказывало, что уровень трудовой этики рабочих, оказавшихся причастными к составлению требований был выше обычного[12]. Не случайно и администрация мастерских была «поражена» поведением забастовщиков («не слышно было ни одного ругательства, не разбито ни одного окна»[13]).

Судя по отрывкам из писем, многотысячная толпа народа, которая в течение нескольких дней располагалась на склонах Камышевахской балке, была сложной по составу. Одни группы «очень внимательно» слушали политические речи» и дружно «скандировали»: «Да здравствует политическая свобода, свобода стачек, сходок и собраний, слова и печати. Мы требуем справедливых законом и равенства всех перед законом» и др. Но были и другие, в которых «не было единодушия», «в виду того, что там «значительная часть рабочих относилась враждебно к политической агитации» и «угрожала стать на работу, если народ будут «запутывать в политику»«. В этом случае ораторам приходилось разъяснять, «почему произносятся политические речи», и, учитывая состав аудитории в своих выступлениях «идеи христианства сопоставлять с социалистическими идеями»[14].

Начиная с писем руководителей стачки в газету «Искра» и статьи в ней Ленина пошло формирование источниковой базы о Ростовской стачке 1902 г. Оно продолжилось до начала 1903 г. появлением в той же газете листовок и других откликов на эту стачку пока новые события в рабочем движении не затмили ее в этом печатном органе социал-демократов[15]. По мере удаления от времени события в воспоминаниях его участников, например, А.М. Мочалова (Амвросия), стачка окрашивалось во все более революционные тона с геройскими поступками руководителей, с описаниями жестокого поведения «ненавистной своры жандармов», разгонявшей собрания в Ростове и т.д.[16] Эта тенденция усилилась после 1917 г. в советской историографии с изданием воспоминаний участников стачки, многие из которых отложились в партийных архивах после вечеров встреч с участниками революционного движения, начиная с 20-летнего ее юбилея.[17]

Повышенное внимание историков к Ростовской стачке 1902 г. возросло в 1926 г. в связи с выходом в свет пятого Ленинского сборника и впервые опубликованной статьей «Первые уроки», давно написанной Лениным на волне подъема массовых протестов в России сразу после 9 января 1905 г. Фразы из этой статьи вплоть до сегодняшнего дня бытуют в литературе. В ней Ростовская стачка 1902 г., названа»выдающейся демонстрацией», ставшей « вехой» в рабочем движении, было сказано, что этой стачке «пролетариат впервые противопоставляет себя как класс, всем остальным классам и царскому правительству»[18]. Последняя фраза стала определяющей в периодизации освободительной борьбы в России в начале XX в. в советской историографии. На основе работ Ленина, и воспоминаний организаторов Ростовской стачки оформился ее общий событийный контур, были утверждены на долгие годы ее однозначные оценки. Массовое выступление рабочих свелось в конечном счете к одному из важных событий в истории Донского комитета РСДРП[19]. Опубликованная в 1952 г. в журнале «Вопросы истории» выполненная в соот-

---

[12] Сборник №3. С.49; см. также: Миронов Б.Н. Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник 1998/1999. М., 1999. С.279–280.

[13] Сборник №3. С.49.

[14] Там же. С.53, 54.

[15] «Искра». 1903. №32. 15 января. №37. 15 апреля; РГАСПИ. Ф.24. (Редакция газеты «Искра» и журнала «Заря» (1900–1903 гг.). Оп.14»у». Д.39845.

[16] Амвросий. Правда о ростовских событиях. Штутгарт, 1903. С.10,12 и др.

[17] С.Василенченко и Ставский И. Первый бой (К двадцатилетней годовщине ростовской стачки 17 ноября 1902 г.). М. 1922; Станчинский А. Ростовская стачка в 1902 г. (17(4) ноября-9 декабря (26 ноября) // «Пролетарская революция». М.-Л., 1927. N 12. С. 141–170; Stawski J. Vom spontan zum planmassig organisierten Streik. M.-L., 1934. S.125, 145 и др.; Областной партийный архив Ростовского обкома ВКП(б). Ф.12; Рабочее движение и социал-демократия в Азово-Черноморском крае в 90-х и начале 900-х годов. Сборник документов и материалов. Ростов-на-Дону, 1935 и др.

[18] Ленин В.И. Первые уроки // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.7. С. 251.

[19] Коган И. Ростовская стачка (2–25 ноября 1902 г.) М., 1928; Корчин М. От первых рабочих кружков к Донскому комитету РСДРП. Ростов-на-Дону, 1945; его же. Ростовская стачка 1902 года и деятельность Донкома РСДРП (К 50-летию стачки). Ростов-на-Дону, 1952. Вещиков А.Т. Ростовская стачка 1902 года // Вопросы истории. 1952. №11. С.89–111.

ветствии с «Кратким курсом истории ВКП(б)» статья А.Т.Вещикова, мобилизовавшая максимально большое число воспоминаний, известные к тому времени листовки и материалы архивного фонда старых большевиков в Ростове, долгие годы оставалась единственным изложением истории стачки в литературе. Сейчас трудно даже обвинить автора в игнорировании им источниковедческого анализа источников, поскольку сам уровень источниковедения в советской исторической науке нового и новейшего периодов был очень низок и сведен к сопоставлению данных источников с теорией марксизма-ленинизма. Статья же 1952 г. не могла обойтись без Сталина, как руководитель демонстрации в том же 1902 г. в Батуми, Ленин был представлен Вещиковым вождением рабочего класса, как бы незримо «следившим», как политическая борьба в России развертывается под руководством революционной партии. Подобные статьи, опубликованные к тому же в теоретическом журнале, расположенном рядом с газетой «Правда» не могли быть подвергнуты критике – любое такое обращение к ним означало бы в глазах партийных идеологов критическую оценку марксистско-ленинской методологии. Таким образом, история событий Ростовской стачки 1902 г., (в том же состоянии находятся до сих пор и другие события рабочего движения в России начала XX в., подверглись двойной субъективации и искажениям, связанным с необходимостью соответствовать, так называемому, «партийному подходу» – при фиксировании ее истории ее же руководителями и на втором уровне, связанном с восприятием этого исторического события историками-марксистами.

Однако возрастающая значимость исторической науки в российском обществе в связи с потребностями общественной практики выдвигала необходимость гарантии точного знания. В связи с этим использование историками субъективной картины прошлого, оставленного им современниками события все настоятельнее требовало критического анализа исторических источников, выявления степени адекватности и полного отражения ими исторической действительности. Решения этой задачи продвинуло формирование источниковедения в стране как важной отрасли исторического знания, хотя в советской науке его методы и в начале 60-х гг. мыслилось все же как удел далекого средневекового прошлого. Приемы источниковедческой критики работ, связанных с массовым рабочим движением на рубеже XX в., внедрялись очень медленно, а стачка в царской России оставалась только школой политического воспитания масс под руководством большевиков в интересах победы революции.

Лед тронулся и в рабочей истории, коснувшись и Ростовской стачки 1902 г. В 1972 г. на научной конференции, организованной Северо-Кавказским научным центром в очередной «юбилейный» для Ростовской стачки год. Е.И.Демешина, литературе. Повторив ее ленинскую оценку, как «стачки-демонстрации», обратила внимание на не исследованные ее стороны: неподготовленность в виду того, что организация РСДРП не могла преодолеть стихийность движения, в результате чего стачка-то потерпела поражение[20]. К сожалению, как в те годы, так и позднее история Ростовской стачки не вышла за рамки истории Донского комитета РСДРП. Оценки ее до сих пор сохраняются в ленинской интерпретации, как и другие эпизоды рабочего движения в России начала XX в., примерно в таком изложении, как представлены в обобщающем труде «История рабочего класса России», изданном в конце 80-х гг.»[21].

Между тем еще в 70-е гг. в связи с выходом в свет сборника по рабочему движению начала XX в. источниковая база для изучения Ростовской стачки 1902 г. расширилась. Была нарушена «классовая» однотипность источников за счет телеграмм и рапортов управляющего Владикавказской дорогой И.Д.Иноземцева и войскового наказного атамана Войска Донского К.К. Максимовича – тоже очевидцев стачки[22]. С этого времени появилась возможность сопоставить источники разного происхождения. В распоряжении исследователей появилось две «классовые» группы источников: одна – отражала поведение руководителей и участников стачки, другая – так называемых «карателей». Хотя рапорты Максимовча должны были придерживаться определенной регламентации, он, (на радость будущим историка!) вышел за эти

---

[20] См.: Рабочие России в эпоху капитализма, Сравнительный порайонный анализ. Материалы к научной сессии по истории рабочего класса. Ростов-на-Дону, 1972. С.262–264. Эта постановка вопроса присутствовала в главах написанных Е.И.Демешиной в очерках партийных организаций Дона и в ее книге: Очерки истории партийных организаций Дона. Часть первая. 1898–1920. Ростов-на Дону, 1973. С.78–88; Демешина Е.И. Рабочее движение на Дону в период империализма. 1900–1914 гг. Ростов-на Дону, 1973. С.56–57.

[21] Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М. 1983. С.379–381; изд. 2-е М., 1989..С. 545–548.

[22] Рабочее движение в России в 1901–1904 гг. Л., 1975. С.110–119.

рамки. А его донесения, в которых было рассказано о тех же эпизодах, случившихся во время стачки, о которых говорилось в письмах в «Искру», позволяют или принять их устоявшиеся оценки, или внести в них коррективы. Надо учитывать, что Максимович держал ситуацию в городе под контролем с начала собраний на Темернике, ведя переговоры с депутацией от стачечников и довольно бдительно следя за развитием событий.

Прежде всего отметим, что в рапортах Максимовича поведение толп народа «отделено» от стачки, организованной Донским комитетом, хотя он признает, что «забастовка выполнялась по определенной программе», что речи политических агитаторов (в донесении Максимовича выделены Ставский и Брагин) «возбуждают рабочих против существующего государственного строя», что благодаря «ежедневно выпускающим листовкам» в мастерских (у Максимовича в рапортах только там!) «настроение рабочих отличается чрезвычайною твердостью и упорством в достижении намеченной цели». (В статье Ленина «серьезность и организованность» относится к собраниям народа Камышевахской балке). Если в литературе о Ростовской стачке эти собрания называются «рабочими», то в письмах в «Искру», в статье Ленина и в рапортах Максимовича они квалифицируются как «толпы народа». В статье Ленина они постепенно преобразуются в «организованные революционные силы», Максимович же видит в них «праздную толпу» или «толпу рабочих и праздных городских обывателей»[23].

Своей убежденности в «гнилости» самодержавной системы и слабости аппарата насилия Ленин искал подтверждение в Ростовской стачке, Он пишет, что народ в Камышевахской балке сумел «преподать практические и «предметные» уроки обращение с солдатами и обращения к солдатам», и в результате – власть стала «терять голову» «вследствие ненадежности войска» и оказалась «не в силах помешать устройству в течение нескольких дней невиданных на Руси массовых политических сходок...»[24]. Такое заключение Ленин могло вынести только из беседы со Ставским, так как письма в «Искру» не дают для этого оснований. В них, правда, отмечен факт «контакта» толпы народа с Максимовичем, но весьма далек от того, о чем пишет Ленин. В одном из писем сказано, что Ставский выдвинул ультиматумом: «пока казаки не удаляться, народ не разойдется. Казакам было велено удалиться и народ понемногу разошелся»[25]. Отсутствие в течение пяти дней решительной реакции жандармов и казаков на становившиеся постоянно действующими собрания объяснялось, во-первых, ожиданием Максимовичем и Иноземцевым ответа министра путей сообщений Хилкова на предъявленные рабочими требования. Во-вторых, дело заключалось в количестве войск, необходимых для того, чтобы заслоном преградит путь рабочим в растянувшуюся не менее, чем на километр в Камышевахскую балку. В-третьих, как следует из рапорта Максимовича, в первые дни стачки он не хотел применять оружие, так как в толпах народа было «много жен и детей рабочих» и могли быть «совершенно неповинные жертвы». Только после отказа министра Хилкова удовлетворить требования рабочих и ответной реакции толпы на приказы Максимовича покинуть место собраний, нападений на казаков, им была дана команда к использованию оружия, вызвавшая кровопролитие[26].

Давая оценку событиям в Ростове, нельзя не согласиться с Лениным в использовании им выражений: «поле гражданской войны», «военные атаки». Как иначе характеризовать использование в один из дней солдатами и казаками при разгоне толп народа пик и нагаек, а народом – дрючков, камней, досок от забора и т.п.? Сам Максимович рапортовал о «маневрах» казаков как о выполнении боевой задачи, об «атаках конного строя по причине крайне пересеченной местности», а военный министра в телеграмме Максимовичу счел «действия войск неудачными», «слабыми» и т.д.» Нельзя забывать, что «на поле» боя в Темерницкой части города осталось 6 убитых и 12 (или 16) раненных[27].

Подборка писем в «Искру» указывает, что стачка началась по инициативе агитаторов, «не работавших в мастерских». Под их крики: «Бросай работу!» рабочие цехов высыпали во двор, при этом, когда инженеров и кочегар попытались противиться оставлению работы, они были избиты». В рапортах Максимовича рабочие четко разделены на тех, кто воспринял «семена социал-демократической пропаганды» и «большинство рабочих», «подпавших влиянию пропаганды лишь потому, что надежды, вселяемые в них зажига-

---

[23] Там же. С.112–114, 116; ср.: Ленин В.И. Новые события и старые вопросы... С.59.

[24] Ленин В.И. Новые события и старые вопросы... С.59.

[25] Сборник №3. С.51.

[26] Рабочее движение в России.1901–1904 гг. М., 1975. С.112–119, 355.

[27] Ленин В.И. Новые события, старые вопросы С.61, 64; Рабочее движение в России... С.118–119.

тельными речами агитаторов, совпадают с их собственными стремлениями к улучшению экономического и служебного положения.» По мнению Максимовича это большинство, «совершенно не разделяло политических учений своих вожаков и никогда не примкнуло бы к ним, если бы пропаганда велась исключительно на политической почве.» Он выделяет «старых рабочих, людей семейных и имеющих в г. Ростове свои дома», которые, как он уверен «принимали участие в забастовке против своего желания, из-за боязни мести и насилия со стороны вожаков движения, людей более молодых и пришлых из других местностей», т.е. «рабочего люда, более всего склонного к уличным беспорядкам»[28]. Но пока остается вопрос об удельном весе насилия в «разогреве» стачки, на которое указывают некоторые источники. Только ли оно приводило «в движение» во время стачек большинство рабочих? Можно ли ограничиться при ответе на вопрос о причине таких коллективных стачек в начале XX в., как Ростовская, только сферой производственных отношений, хотя в ней в структуре трудовой мотивации сильно доминировал мотив заработка (повышение на 50%!)? Насколько у этого большинства пробуждалось чувство собственного достоинства, какого характера были другие притязания и т.д?

Важный шаг в изучении Ростовской стачки 1902 г. был сделан Хроникой. Каждая из ее статей – источниковедческий факт, рожденный усилиями архивистов и историков на основании первоисточников, а ссылки на них – путеводитель для исследователей. Ростовская стачка в Хронике представлена в трех разделах: о массовом рабочем движении, о политических и рабочих партиях и - в разделе листовок[29]. Она заняла свое место среди более 7 тыс. стачек периода с 1895 по 1904 гг. в России.

Представление о Ростовской стачке в Хронике расширено за счет материалов 5 архивов и 10 архивных фондов, в том числе – Департамента полиции МВД (Особый отдел), Хозяйственного департамента МВД, Министерство юстиции, Временной канцелярии министерства юстиции, Министерства торговли и промышленности (Отдел промышленности), Общей канцелярия Министерства финансов, Канцелярии Министерства путей сообщения, Управления железных дорог, Главного штаба военного министерства, Главного управления казачьих войск, Казачьего отдела Главного штаба, Донского охранного отделения, Донского областного жандармского управления и ряда местных архивов. К работе над Хроникой были привлечены с учетом репрезентативности и ранее опубликованные источники.

Отметим лишь некоторые моменты, указывающие на роль материалов Хроники в проверки на достоверность до нее существовавших исторических, источниковедческих и историографических фактов. Так, в статье «Новые события и старые вопросы» Ленин пишет, что до стачки «последние полгода или три четверти» в 1902 г. в России наблюдалось «непродолжительное «затишье»« открытых выступлений[30]. Конечно, у историка имеется преимущество перед современниками: ни один политический лидер или правительственный чиновник в начале XX в. не имели полного представления о масштабах рабочего движения. Хроника же документально подтверждает, что в 1902 г. в 61 губернии в России рабочие участвовали в 589 стачках; из них – 92 были, как и Ростовская, коллективными, притом их подавляющее число приходилась на первые три четверти года. Всего в 1902 г. рабочее движение в России затронуло 39 губернских и областных, 46 уездных и 11 заштатных городов. Семь крупных стачек длились более двух недель и были не менее значительными, чем Ростовская стачка. Кроме того в 1902 г. в разных населенных пунктах страны произошло зафиксировано 26 демонстраций и самая массовая из них не в Батуме, а 25–30 тысячная – в Сормове, где в стачке 1 мая здесь участвовало более 5 тыс. рабочих)[31].

Ленин считал Ростовскую стачку одной из четырех «вех» в рабочем движении до 1905 г. Но таких «вех» в нем с 1895 по ноябрь 1902 г. было гораздо больше среди более 650 – коллективных стачек, в которых участвовало в общей сложности почти 300 тыс.рабочих. Самые крупные из них пришлись на Петербург, Иваново-Вознесенск, Варшаву, Харьков. Многие из коллективных стачек превосходили Ростов или по количеству участников, или по числу вовлеченных в них предприятий, или по уровню требований, или по итогам борьбы, Многие развивались по тому же сценарию, что и в Ростове, заканчиваясь кровавыми столкновения-

---

[28] Сборник №3. С.49; Рабочее движение в России… С.114.

[29] Хроника. Вып. VIII. 1902 год. В 2-х частях. Ч.I. 2002. С.187–191, 193, 195, 312–317; Ч.2. С.648- 650, 658–659, 664–669, 681–682, 693–694, 732.

[30] Ленин В.И. Новые события и старые вопросы… С.58.

[31] Хроника. Вып. VIII. 1902 год. В 2-х частях. Ч.I. 2002. С.5–29, 112–113, 120–121, 187–191, 736 и др.

ми[32]. Материалы Хроники позволяют отметить неожиданный алогизм в определении Ростовской стачки Лениным, будто бы она была одной из «самых обыкновенных и «будничных». Она не была таковой, поскольку в ней ведущую роль играл передовой отряд рабочих железнодорожных мастерских, во-вторых, далеко не всем организациям в России, как Донскому комитету удалось символически за несколько дней установить на Темернике, свою легитимность и превратить акцию протеста в заметную черту здесь повседневной жизни. В этот комитет входило не менее 21 чел. (именно столько было привлечено к следствию после стачки), а число «организованных» рабочих вокруг комитета составляло не менее 250 чел. Комитет имел гектограф и нелегальную типографию. В отчете комитета за 1902 г. сказано о 60 тыс. прокламаций 46 наименований, изданных в 1902 г.[33]

Хроникой уточнена дата начала стачки – 4(17) ноября 1902 г. – подача общих требований рабочими мастерских[34]. При определении количества участников собраний во время стачки составители Хроники вывели максимальную эту цифру – около 15 тыс.[35] Составители не приняли определение участие в похоронах рабочих на другой день после стачки как о «политическую демонстрацию», согласившись с секретарем Донского комитета С.И. Гусевым, что этим похоронам сопутствовало лишь собрание-сходка, поскольку «призыв к демонстрации тогда не встретил поддержки»[36].

Хроника дает возможность сравнить лозунги и призывы в листовках, изданных с начала стачки и в конце ее. Если в канун стачки они заканчивались призывами: «Проснитесь же граждане!, «Да здравствует стачка!» ио «Да здравствует борьба!,» то после отказов в удовлетворении основных требований рабочих, кровавых инцидентов в Ростове и на ст. Тихорецкая, ростовские прокламации уже заканчивались лозунгами: «Долой министров-вешателей и душителей! Да здравствует политическая свобода!» «Долой самодержавие!», «Да здравствует грядущая революция!»[37]

Хроника расширила представление о демонстрационном эфекте Ростовской стачки 1902 г., вызвавшим резонанс на ближних и дальних расстояниях в стране. В кульминационный ее момент она была поддержана, выступлениями рабочих Предкавказья – в г. Нахичевань-на Дону, Новороссийск, с. Геленджик, на ст. Тихорецкой Владикавказской ж.д., где только стачках с 12 по 25 ноября участвовали более 11 тыс., а на ст. Тихорецкая железнодорожная забастовка была подавлена 4-мя сотнями казаков и 2-мя ротами железнодорожного батальона, где – 2 рабочих убиты и 23 чел. ранены. Логика подсказывает, что можно вполне расширить понятие «Ростовская стачка» географически на весь Предкавказский регион. Эхо Ростовской стачки прокатилось и далее по стране, и проявилось в сходках протеста и выпуском листовок о ней не менее чем 30-ти комитетами и группами РСДРП: в Петербурге, в Закавказье (Баку), в Сибири (Иркутске и Томск) на Урале (Пермь) в Поволжье (Саратов), в Украине (Кременчуге, Житомире, Харькове), в Белоруссии (Минске) и в ЦПР (Москва, Тула, Тверь) и др. Пример рабочих Ростова пропагандировался и во время всеобщих стачек Юга России в 1903 г.[38]

Итак, обращение к Ростовской стачке 1902 г. как одному из множества событий в массовом рабочем движении начала XX в. в России дает возможность оценить наследие советской исторической науки. Нужно иметь в виду, что также как история этой стачки представлены в литературе другие забастовки и формы рабочего движения в России, ка-

---

[32] Там же. Вып. II. С.7–9, 55–70; Вып. III.С.8–9. 133–136; Вып. V. С.8, 140–152; Вып. VI. С.7, 24, 91–97; Вып. VII. С.7–8, 20–28, 115–118, 130–132.

[33] Ленин В.И. Новые события и старые вопросы... С.59. Хроника. Вып.VIII. Ч.I. С.312–314.

[34] В примечаниях к ленинским трудам названо 2 (15) ноября (См. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.7. С.458).

[35] У Ленина в статье «Новые события и старые вопросы» сказано о 20–30 тыс.; Максимович указывал в рапортах о «нескольких тысячах»; большой разброд в цифрах участников собраний в письмах в «Искру»: «несколько тысяч», «8 тыс. и около полутора тысячи женщин»,»10 тыс.»; «около 15 тыс.», «20 тыс.», «15–30 тыс.» Нельзя не учитывать, что на рубеже XIX-XX в. 20–30 тыс. – это население уездного города. В Ростове-на-Дону в это время насчитывалось от 90 до 120 тыс. жителей. (Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А.Брокгауз, И.Е.Ефрон Т.XXVII. СПб, 1899. С.138; Малый энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А.Брокгауз, И.Е.Ефрон. Вып. XI. СПб, 1901. С.1065).

[36] Ленин В.И. Новые события и старые вопросы.. С.59; Хроника. Вып. VIII. Ч.I. С.77, 105; Очерки истории партийных организаций Дона. В 2-х частях. Ч.I Ростов-на-Дону, 1973. С.81.

[37] Хроника. Вып. XVIII. 1902 год. Ч.2. С.648-650, 658–659, 664–669, 681–682, 693–694, 732.

[38] Там же. Вып. VIII. 1902 год. Ч.2. С.648-650, 657–659, 664–669, 681–682, 693–694, 732: Там же. Вып. IX. 1903 год. Ч.3. С.726, 728–729, 741–742, 744, 753, 770, 774, 819, 823, 850, 873, 956, 1089, 1082, 1085.

ждая из которых может стать самостоятельным предметом изучения, как важный фрагмент российской действительности начала XX в. Отношение к теме требует активной творческой работы историка, умения отличить жизненные реалии прошлого от разного рода их трактовок современниками и литературных напластований. Его задача – реконструировать исторические факты в факты источниковедческие, имея в виду, что только последние способствуют объективной оценке любого события.

Советская наука с 20-х гг. развивалась по линии накопления фактов по истории массового рабочего движения и лишь в последней четверти XX в. эмпирический материал в ней начинал уступать место обобщениям. Первыми источниками для воссоздания выступлений рабочих были воспоминания участников протестного движения и лишь спустя десятилетия с ними «на равных» была восстановлена делопроизводственная документация фондов правительственных учреждений. Содержание ее отличается охранительным и попечительным характером. Но не это, как и многое другое не должно мешать историкам преодолеть полярное мышление и видеть рабочего только в схеме производство – производительные силы – производственные отношения – революция.

Если взгляд большинства современников был ограничен г.Ростовом, Ленин со свойственной политическому лидеру интуицией высвечивал и подчеркивал те девиантные черты в рабочем движении, которые отклонялись от «рядовых» трудовых конфликтов, были «знаковыми» для лидера революционной партии, хотя в утверждаемой им повышенной революционности российских рабочих в начале XX в. историку очень трудно найти явно выраженную у них «субъектность», тем более если исключить рабочих членов РСДРП. Отмеченные Лениным черты отражали болевые точки и проблемы российского общества с его бесправным и низким материальным положением трудящихся масс. Находясь в полемике с эсерами и выстроив свое отношение к Ростовской стачке на впечатлениях своих единомышленников, Ленин допустил неточности в оценке самих «сцеплений» механизма движения масс в этом событии. Они были основаны на убежденности Ленина в скорой революции, несмотря на имевшиеся в обществе альтернативы.

Партийные, а после 1917 г. и правительственные документы выстраивали систему власти, опираясь на опыт, накопленной большевиками за годы революционного прошлого. Вслед за ними и литература о рабочем движении скромно обходила многие факты исторической реальности, а главное – возможности альтернативного исторического развития событий в стране в целом. Они были сокрыты в особенностях социально-экономического и политического развития страны, в структурах российской власти, в освободительном движении в целом, составной частью которого были трудовые конфликты. Историк не может сбросить со счета того факта, что и до 1905 г. не раз возникали ситуации (связанные с поступками самого самодержца, власть предержащих), которые могли изменить ход событий. Достаточно напомнить ход событий во время подписания указа от 12 декабря 1904 г., во время назревания стачки на Путиловском заводе в Петербурге в конце 1904 г., в самый канун 9 января 1905 г., и это далеко не все примеры[39].

Ранее все проблемы массового рабочего движения в советской историографии сводились к анализу истории социал-демократических организаций, позднее – партии большевиков. Так что задачи историков были сведены к поискам фактов, свидетельствовавших об увеличении численности комитетов и групп РСДРП, масштабов их деятельности, числа членов в них и их героических поступков. При этом история массового рабочего движения, хотя и была тесно связана с историей рабочей партии, существовала и существует и на собственном поле.

Рабочие на производстве образуют самостоятельную социальную группу, имеющую свои законы развития. Понятие *рабочее движение* несводимо к формам открытого протеста – стачкам. Социальное напряжение в обществе возникает в разных формах при участии больших групп людей, в том числе и рабочих, но не только их одних.

Советская литература убеждала в течение десятилетий, что все рабочие были объединены общим «протестным» интересом. Но ведь ни одна социальная среда не бывает однородной ни при каких обстоятельствах. Как правило, только небольшой авангард поддерживает инициаторов выступлений. Еще советской статистикой было замечено, что в стачках и волнениях – во все периоды пролетарского периода освободительной борьбы участвовало не более 8–10% от общей численности индустриальных рабочих, включая

---

[39] Пушкарева И.М. Была ли альтернатива у «Кровавого воскресенья»? // Отечественная история. 2005. N5. С.17–25.

повторные стачки. На крупных предприятиях сплошь и рядом в забастовках участвовала только часть рабочих. Чем крупнее была стачка, тем более неоднородным был состав ее участников. Рапорты Максимовича бесстрастно указывают на то, что большинство рабочих на более чем 4-х тысячном предприятии с сомнением относилось к политической агитации, становясь участниками стачки даже насильно и временно. Некоторые из рабочих уже тогда имели «собственные дома», их устраивала стабильность, но порой они все же включались в движение под влиянием общей царящей атмосферы.

Чтобы разобраться в этом досконально, требуется историко-антропологический метод. Нужно отказаться от «монолитных» понятий – «рабочие», «пролетариат», «буржуазия». Необходимо принято в расчет, что участники рабочего движения были разного пола, отличались по возрасту и материальному положению, а потому и отношению к задачам борьбы, к политике, к революции.

Конкретный человек, которой статистикой может быть причислен к революционному движению, часто вкладывал в понятия, с ним связанные, совсем другой смысл, нежели лидеры партий. Достаточно поставить в центр исследования такое новое для российской историографии понятие как категория «гражданское общество». В отечественной науке оно появилось сравнительно недавно и имеет довольно размытые контуры[40]. Тем не менее, достаточно обратиться к истории рабочего движения начала XX столетия, чтобы заметить, что призывы к революции в рассматриваемый период были по сути борьбой за демократическое (гражданское) общество. Рабочие России еще до революции 1905 г. (оказавшись вырванными из «социальной спячки» борьбой за улучшение условий жизни и социальные права в рамках как коллективных, так и индивидуальных усилий) были отнюдь не в стороне от действий, направленных на ускорение социального прогресса и движения по направлению к гражданскому обществу. Если допустить, что изменения во внутреннем мире человека, связанные с осознанием своих социальных прав и потребностей, входят в понятие «становление гражданской идентичности», то даже в таком событии, как Ростовская стачка, можно увидеть ростки таких изменений

В каждом рабочем протесте содержалось конструктивное начало и альтернативы решения трудового конфликта. В каждом участвовавшем в нем русском рабочем, пристально анализируя его требования, можно рассмотреть виртуального борца за демократию и гражданские права. В толпах народа в Ростове на Камышевахской балке в ноябре 1902 г. было много тех, кто не принимал вовсе революцию как метод борьбы, а были и те, что принимали, не вдумываясь в содержание этого слова, но поддерживая требования свобод, достойных, правовых отношений в сфере труда, кто желал такой власти, которая могла бы это обеспечить. Не случайно народ во время Ростовской стачки начал обращаться с прошениями в Донской комитет РСДРП, настаивая на том, чтобы требования «получили законную силу»[41]. В революционном лозунге «Долой самодержавие!», однозначно понимаемом революционными партиями, а вслед за ними и советской литературой, у определенной (и не малой!) части рабочих виделось не столько разрушительное, сколько созидательное начало. Для большинства рабочих, свободных от фанатизма, реализация этого лозунга кончалась получением демократических прав в справедливом государстве и при таком правительстве, которое обеспечило бы им сносные условия жизни. Представляется, что перед революцией 1905–1907 гг. смутное представление о таких понятиях как «социализм» и «марксизм» имело небольшое число рабочих-активистов, группировавшихся вокруг организаций РСДРП.

Готовность рабочих к компромиссам, признание возможности добиться поставленных целей через реализацию договоренности в ходе трудового конфликта – есть показатель включенности рабочих в число людей формирующейся в России «гражданской формации», какие бы оговорки мы в этом случае ни использовали. Учет историко-антропологического и биографического факторов (личности простого участника и лидера), атмосферы в обществе, создаваемой и прессой, и слухами, и агитацией, – все это факторы, которые нельзя не учитывать. Напомню, что в связи с ситуацией в Ростове министр путей сообщения Хилков, отказав рабочим в их требованиях, добавил: если им «не нравятся условия найма и заработной платы, то пусть берут расчет и обращаются в суд»[42].

---

[40] Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX в. – начало XX в. М., 2007. С.35–50 и др.

[41] Амвросий. Указ. соч. С.10.

[42] Рабочее движение в России… С.114; Сборник №3. С.51.

Иными словами, он предложил путь решения проблемы в правовом поле – как тому и положено быть в гражданском обществе.

В понятие становления гражданской идентичности современные исследователи вводят и культурную компоненту. Действительно, общий образовательный уровень лиц наемного труда в начале XX в. быстро рос. Тому способствовали не только партии и рабочие профессиональные организации, но и оживленное общение в рабочих клубах и библиотеках, где посетители иной раз могли прослушать выступление какого-либо общественного деятеля. Определенную роль в ряде городов играли и «общества взаимного вспомоществования» (так называемые, «зубатовские»). Конечно, предназначением последних было защитить государство от быстро набравшей силу волны радикализма. Но парадокс заключался в том, что они играли положительную роль в окультуривании рабочих; при этом количество вовлеченных в них работников только в Москве составило не одну тысячу человек[43].

Словом, изучая рабочее движение в России, историки еще недооценили значение для науки значимости исследования особой ментальной сферы между неосознаваемым бесправием и сознательной революционностью. Между тем, именно в ней рождали и вызревали ростки самосознания и самосознания (идентичности), без которых невозможно представить становление гражданского общества. А они были, и были и в рабочей среде, дав всходы – как это ни парадоксально! – еще до революции. В незавершенности последней проявилась в том числе и их слабость. Элементы становления гражданской идентичности в рабочей среде можно заметить, анализируя историю создания различных объединений, союзов, органов самоуправления, советов уполномоченных и, наконец, Советов рабочих депутатов.

Конечно, увлекшись новыми подходами в изучении рабочего движения, нельзя забывать о реалиях российской истории начала XX в. – истории самодержавной империи. Остается непреложным фактом то, что решение социальных проблем, рождавших протесты, сводилось российской властью к помощи «максимовичей» и «куропаткиных», солдафонски выполнявших приказы в отношении тех, кто выходил на улицы, требуя демократических свобод, справедливости, равенства всех перед законом.

Новый массовый источник по истории рабочего движения, Хроника, открыла возможности, как мы видим, для исследования Ростовской стачки. Но это – лишь «кейс-стади», анализ одного случая из истории рабочего движения в России, проведенный на основе различных методов и новых подходов. Рабочей истории в России нужно пройти сложный путь становления в новых условиях. Ее исследователям предстоит огромная работа, связанная не с разоблачительной, а с источниковедческой критикой всей предшествующей литературы, включая работы В.И.Ленина. При обращении к событиям, аналогичным истории Ростовской стачки, важно уйти от повествовательности и направить исследование от идеологически навязанного историкам отображения «картины мира по мнению» (классиков, авторитетов и т.д.) к воссозданию картины мира, какой она виделась современникам и видится нам, историкам нового тысячелетия.

ROSTOV STRIKE IN NOVEMBER 1902: A FACT OF HISTORY AND A FACT OF HISTORIOGRAPHY

I.M. PUSHKAREVA

Institute of Russian History RAS

The article deals with the almost forgotten by historians topic of mass workers` movement in Russia in early XX. The author brings up the question of heritage of the Soviet historical science, of the proper source-study techniques and methods to analyze and criticize this heritage and Lenin`s works, of a new approach and definitions in studying the workers` history, including «civil identity» of the workers of Russia. A new mass source «Workers` Movement in Russia. 1895 – February 1917. Chronicle» is introduced in the article.

Key words: labor history, workers movement in Russia, protest movements, historical fact, fact of historiography, V.I. Lenin, civil society

[43] Хроника. Вып. IX. 1903 год. Ч.II. С.567–571, 622–623.

УДК 947.083 (471.324)

ЗЕМСКИЕ НАЧАЛЬНИКИ В РОССИИ И ИХ РОЛЬ В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В.Н. ФУРСОВ[1)]
Н.В. САФРОНОВА[2)]

[1)] Воронежский государственный педагогический университет

[2)] Воронежский государственный педагогический университет

e-mail:
nat.val.saf@mail.ru

В статье делается попытка переосмыслить роль административных преобразований Александра III в России. В частности анализируются причины и состав нового института власти в деревне в лице земских участковых начальников. На материалах Воронежской губернии показана роль земских начальников в деревне с учетом человеческого, личностного фактора.

Ключевые слова: земские участковые начальники, местные органы власти, административная реформа.

Современное прогрессивное развитие России невозможно без учета накопленного поколениями опыта. В свете данного обстоятельства особенно важным становится изучение переломных эпох русской истории, к коим, без сомнения, относится пореформенное время. Преобразования 60-х годов XIX в. принесли перемены в экономику, внутреннюю политику, социальную структуру российского общества. Изменения в области самоуправления коснулись и самой значительной части русского общества, от которого во многом зависело экономическое благосостояние всей страны – крестьянства. В деревне вводится должность земского начальника, наделенного весьма существенными полномочиями, включавшими административные и судебные функции.

История института земских начальников в научной литературе оценивалась неоднозначно. Так, в дореволюционной историографии отсутствовали специальные исследования института власти в лице земских начальников. Либеральный историк начала XX в. А.А. Корнилов[1], характеризуя мероприятия Александра III и давая им отрицательную оценку, отмечал, что причиной введения должности земского начальника стало «с одной стороны, стремление создать на местах «крепкую и близкую к народу власть» – власть, которая могла быть в состоянии осуществлять всемогущую административную опеку, а с другой стороны, признание необходимости обеспечить помещикам–дворянам возможность занимать в местной жизни почетное и влиятельное положение»[2].

Непосредственное изучение реформ Александра II и последующих преобразований Александра III, началось в 60-е годы XX в. В поле зрения историков попадали нововведения в различных сферах жизни общества. Так Б.В. Виленский[3], занимался изучением судебных реформ второй половины XIX века и пришел к выводу, что в результате создания правительством Александра III нового института власти в лице земского участкового начальника в деревне усилился полицейско-административный гнет над крестьянами, а со многими либеральными элементами судебной системы (в частности с принципом отделения судебной власти от административной) в России было покончено.

Историю системы органов правительственно-дворянского надзора представил в своей работе Н.П. Ерошкин[4]. Большой вклад в изучение вопроса о создании института земских начальников внес П.А. Зайончковский[5]. Историк подробно описал борьбу мнений в высших государственных органах власти и в кругах общественности при обсужде-

[1] Корнилов А.А. Курс истории России XIX в. М.: Высшая школа, 1993.
[2] Корнилов А.А. Курс истории… С.407.
[3] Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969.
[4] Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М.: Учпедгиз, 1960.
[5] Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970.

нии проекта Положения 12 июля 1889 г., дал анализ альтернативных проектов реформы местных органов власти.

В постсоветской историографии наметился интерес к изучению и переосмыслению многих явлений и процессов прошлого. В этом контексте реформаторская деятельность Александра III привлекает особое внимание исследователей. Однако выводы историков зачастую диаметрально противоположны. Так, по мнению авторов вышедшей в 1993 г. коллективной монографии «Российские самодержцы 1801-1917гг.»[6], деятельность Александра III в целом носила разрушительный характер и подтолкнула Россию к революции. Другой позиции придерживается А.Н. Боханов[7], в монографии которого прослеживается апологетика, как личности, так и мероприятий императора, который заботился, по мнению автора, о благе простых людей.

Современные исследователи стараются более объективно оценить роль преобразований Александра III, прибегая при этом к фактическому местному материалу. Так попыткой переосмыслить роль земских начальников в России, используя материалы Тамбовской губернии, является диссертация Н.А. Бузановой[8], в которой автор отходит от резких оценок этого института власти, придавая большое значение так называемому человеческому фактору.

Таким образом, можно констатировать, что специальных работ, посвященных непосредственно институту земских начальников, особенностям его функционирования, отдельным представителям этого органа власти ни в дореволюционной, ни в советской, ни в постсоветской историографии нет.

Задачей данной статьи является попытка показать неоднозначность оценки роли преобразований Александра III на примере анализа одной из так называемых «контрреформ» императора – создании в деревне нового института власти в лице земских начальников.

Источниковая база исследования представлена законом 12 июля 1889 г.[9], содержащим сведения о порядке комплектования, правах и обязанностях нововведенной должности. Судебные полномочия земских начальников конкретизируются в «Правилах о производстве судебных дел, подведомственных земским начальникам и городским судьям», изданных 29 декабря 1889 г[10].

Несомненную ценность представляют воспоминания министра финансов С.Ю. Витте[11], негативно оценивавшего новый институт власти, а также чиновников Министерства внутренних дел: Владимира Иосифовича Гурко[12], содержащие сведения о составе земских начальников и их деятельности, а также Константина Дмитриевича Кафафова[13], приводящего яркие примеры, характеризующие службу земских начальников. Не менее интересным источником является Дневник государственного секретаря А.А. Половцова[14], в котором отражен ход обсуждения законопроекта о земских начальниках в Государственном совете.

Для воссоздания портретов отдельных земских начальников Воронежской губернии использовались воспоминания Коротоякского уездного предводителя дворянства Леонида Михайловича Савелова[15], который, непосредственно контактировал с чиновниками уезда по долгу службы и оставил их емкие характеристики.

Особую значимость для исследования представляют материалы фондов Государственного архива Воронежской области. Так, фонд Канцелярии Воронежского губернатора (ф.6) содержит информацию о лицах, назначаемых на должность земских участковых на-

---

[6] Российские самодержцы 1801 -1917гг. 2-е изд. М.: Международные отношения, 1994.

[7] Боханов А.Н. Император Александр III. М.: Русское слово, 1998.

[8] Бузанова Н.А. Земские начальники Тамбовской губернии (1889-1917 гг.): дисс. … кандидата ист. наук. Тамбов, 2005.

[9] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. (Далее ПСЗ-3) Т.9. № 6196.

[10] ПСЗ-3. Т.9. № 6483.

[11] Витте С.Ю. Избранные воспоминания 1849-1911гг. М.: Мысль, 1991.

[12] Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое литературное обозрение, 2000.

[13] Кафафов К.Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 2. С.73-96.

[14] Дневник государственного секретаря А.А. Половцова в 2-х т. Т.2. М.: Наука, 1966.

[15] Савелов Л.М. Из воспоминаний 1892-1903. Воронеж: Петровский сквер, 1996.

чальников в Воронежской губернии, их происхождении, возрасте, имущественном и служебном цензе; ходатайства лиц о занятии вакантных должностей; документы об утверждении в должности земского начальника или об отказе в этом.

Принятию Положения о земских участковых начальниках от 12 июля 1889 г. и введению новой должности в русской деревне предшествовала активная борьба в бюрократических и общественных кругах.

Необходимость проведения реформы местного управления в России была очевидна. Соглашался с этим и Александр III, желавший укрепления самодержавия и главной его опоры – местного дворянства. Однако не только желание правительства хотя бы частично вернуть помещикам утраченные в ходе провозглашения Манифеста 19 февраля 1861 г., властные полномочия над крестьянским миром, являлось ведущим мотивом разработки административной реформы. Дворяне, чиновники давно сетовали на ослабление вертикали и авторитета власти в деревне. Ощущалась необходимость упорядочения крестьянского управления вследствие возникшего вакуума власти на волостном уровне после ликвидации института мировых посредников в 1874 г.

Для подготовки реформы местного управления по воле императора в 1881 г. начала работать комиссия во главе с М.С. Кахановым. Однако либеральный проект, выработанный комиссией, предполагавший создание всесословного сельского общества, всесословной волости, участие представителей земства в уездном и земском управлении, не мог удовлетворить консервативно настроенное крыло дворянства во главе с министром внутренних дел графом Д.А. Толстым. Последнему не составило труда получить от императора, также склонявшегося к более консервативной позиции, положительный ответ на свое предложение о завершении работы комиссии.

Однако вопрос реформирования оставался открытым, что предрешило появление новых проектов преобразования системы местного управления, реализация которых способствовала бы укреплению роли поместного дворянства в деревне.

Одним из таких проектов стало предложение алатырского уездного предводителя дворянства А.Д. Пазухина, поддержанное министром внутренних дел графом Д.А. Толстым, предполагавшее введение в деревне должности земского начальника, соединявшего в своих руках и административную, и судебную власть (что влекло за собой ликвидацию мирового суда). Проект встретил резкую критику со стороны либерально настроенной общественности, в результате чего 16 января 1889 г. на Общем собрании Государственного совета за предложение графа Толстого проголосовало 13 человек, против – 29. Однако личное вмешательство Александра III, окончательно попавшего под влияние консерваторов, решило судьбу проекта и 12 июля 1889 г. он был окончательно утвержден.

Таким образом, 12 июля 1889 г. в России, а точнее в русской деревне, был введен новый институт власти в лице земских участковых начальников. Негативное отношение советских историков к нововведению объяснялось продворянским характером реформы. Дело в том, что земскими начальниками, в большинстве своем, являлись представители «благородного сословия», причем обладавшие достаточно высоким имущественным цензом, тогда как непосредственной сферой их деятельности являлось разрешение вопросов, связанных с сельским миром и крестьянской жизнью. Однако следует отметить, что согласно ст.15 Положения о земских участковых начальниках[16], в случае недостатка местных дворян министру внутренних дел разрешалось замещать должности земских начальников другими лицами, имевшими образование не ниже среднего. Таким образом, открывалась, хоть и небольшая, но возможность получения должности не только дворянами, но и выходцами из других сословий и социальных групп (интеллигенции, мещан, купечества, даже крестьянства). Это обстоятельство ставит под сомнение определение института власти в лице земских начальников как абсолютно продворянского и реакционного.

Историки критиковали также низкий образовательный уровень и некомпетентность новоиспеченных чиновников. Еще граф С.Ю. Витте едко замечал в своих воспоминаниях: «Земские начальники явились и судьями, и администраторами, и опекунами. В сущности явился режим, напоминающий режим, существовавший до освобождения крестьян от крепостничества, но только тогда хорошие помещики были заинтересованы в благосостоянии своих крестьян, а наемные земские начальники, большей частью прогоревшие дворяне и чиновники без высшего образования, были больше всего заинтересо-

[16] ПСЗ-3. Т.9. № 6196.

ваны в своем содержании»[17]. Анализ списка земских начальников Воронежской губернии, утвержденных в должности 1 июля 1891 г.[18], обнаруженный нами в фондах Государственного архива Воронежской области, показал, что подавляющее большинство из них (65,6%) имели низшие гражданские (коллежский регистратор, губернский секретарь, коллежский секретарь) и военные (поручик, подпоручик, штабс-капитан) чины. Большая часть земских начальников являлась военными в отставке. Живя, как правило, в своих имениях, они действительно стремились получить эту не только значимую для сельского, крестьянского мира, но и оплачиваемую должность (закон определил размеры жалованья земского начальника в сумме 2500 руб. в год, включая деньги на разъезды и канцелярские расходы).

Что касается уровня образования и компетентности данных лиц, то о ее степени свидетельствуют следующие данные. Лишь 25% земских начальников Воронежской губернии имели высшее образование, тогда как подавляющее их большинство – 68,5% – имели среднее образование, в основном военное, а 4 человека из 67 земских начальников получили лишь домашнее воспитание. Это обстоятельство говорит о том, что теоретических знаний по юриспруденции, необходимых для исполнения судебных полномочий, они не имели. Таким образом, утверждая заведомо некомпетентных лиц в должности земского начальника, власть заботилась не об эффективности местного управления, а о поднятии авторитета местных дворян в глазах крестьянства, об усилении контроля за крестьянским миром со стороны помещиков.

Не имея специального юридического образования, тем не менее, основная масса земских начальников Воронежской губернии, утвержденных в должности в 1891 г., а именно 77,4% от их числа были не только непосредственно знакомы с крестьянскими проблемами и вопросами, но и имели опыт разрешения судебных тяжб и поземельных споров, так как прослужили не менее трех лет в одной из следующих должностей:

– мирового судьи (47,7%) и почетного мирового судьи (7,7%)
– непременного члена уездного по крестьянским делам присутствия (17,9%)
– мирового посредника (4,4%)

Назначение этих лиц на новую должность было логичным, так как по «Положению» 12 июля 1889 г. должность мирового судьи упразднялась, а должность мирового посредника была ликвидирована еще в 1874 г. Таким образом, дворяне, занимавшие ранее эти должности, оказались не у дел. И, предвидя это обстоятельство, царское правительство в качестве служебного ценза для занятия должности земского участкового начальника указало трехлетний срок службы именно в этих должностях.

Естественно, с одной стороны, мы видим, что правительство всячески заботилось, в первую очередь, о дворянском сословии, но, с другой стороны, новоиспеченные земские начальники имели опыт судебной практики, разрешения крестьянских споров, то есть были вполне готовы к исполнению должностных обязанностей. А вот уже добросовестность и качество их исполнения зависели от личностных характеристик конкретного чиновника.

Негативную оценку среди исследователей получили и обширные полномочия земского начальника. Так, его административные функции заключались не только в руководстве «поземельным устройством сельских обывателей» (ст.22), но также согласно ст.23, 24 Положения 12 июля 1889 г. новому должностному лицу вверялся надзор за решениями органов крестьянского управления (сельского, волостного схода), за действиями волостных старшин и сельских старост по охране общественного порядка, предупреждению и пресечению преступлений. К тому же земский начальник имел право вносить к рассмотрению на волостном сходе нужные, по его мнению, вопросы (ст.25), удалять от должностей неблагонадежных волостных и сельских писарей (ст.29), а также приостанавливать приговоры волостного и сельского сходов (ст.31).

Однако земский начальник сосредоточил в своих руках не только административную, но и судебную власть, получив ряд функций, которые ранее лежали на мировых судьях (ст.47). Значительно увеличился контроль со стороны государственной власти в лице земских начальников за деятельностью волостных судов. Так земский начальник утверждал волостных судей из числа кандидатов от сельского общества. По представле-

[17] Витте С.Ю. Избранные воспоминания… С.509.
[18] ГАВО. Ф.6. Оп.1. Д.49. Л.98-145, 170-173.

нию того же земского начальника уездным съездом утверждался председатель волостного суда. Решения волостного суда могли быть обжалованы вновь земскому начальнику.

Таким образом, очевидно, что земский начальник имел ряд полномочий, позволяющих ему влиять на решения сельских, волостных сходов, осуществлять надзор за деятельностью сельской администрации, контролировать волостной суд, тем самым, чиновник получал возможность определенным образом регулировать крестьянскую жизнь.

Стоит констатировать, что земский начальник, контролируя крестьянскую жизнь, сам оставался по сути бесконтрольным. Парадоксально, но ревизировать земских начальников должен был уездный съезд земских начальников. Естественно, что такой контроль был скорее формальным, нежели фактическим, ведь многие из земских начальников в губернии, особенно в уезде, были связанны родственными узами. Например, в Воронежской губернии, в Новохоперском уезде в должности земских начальников служили братья Аршеневские, в Нижнедевицком – братья Решетовы, а также родственники из семьи Харкеевичей[19].

И уездный предводитель дворянства, и губернское присутствие, которые также имели право ревизии, фактически не контролировали деятельность земских начальников. По этому поводу В.И. Гурко, знавший дело не понаслышке, писал, что «по своем учреждении он (институт земских начальников – Н.С.) был представлен самому себе без должного или, вернее, всякого руководства»[20].

Естественно, такой объем властных полномочий в одних руках, с одной стороны, ощущение безнаказанности и вседозволенности с другой, приводило к произволу на местах.

Из донесения начальника Воронежского жандармского управления в департамент полиции от 3 марта 1903 г. мы узнаем о неправомочных действиях земского начальника 4 участка Задонского уезда Алексея Ивановича Лермонтова. В документе говорится, что Лермонтов «…вследствие жестокого обращения с прислугой своей и рабочими, а также несвоевременного расчета с ними, возбудил против себя местное население. Потерпевшими лицами возбуждены дела в уголовном порядке против означенного Лермонтова несколько лет тому назад, но дела эти находятся без движения в губернском присутствии. Лермонтов, желая отомстить местному населению, воспользовался голодом в 1901 году и отказал крестьянам в выдаче им хлеба из Губернского комитета. Местное население, имея крайнюю нужду в хлебе, просило Лермонтова разрешить им взять свой хлеб из общественных магазинов, но и в этом Лермонтов им отказал. Тогда крестьяне с. Донорова, Ивовской волости, самовольно взяли свой хлеб из магазинов, за что Лермонтов оштрафовал каждого из них на сумму от 25 до 50 рублей»[21].

Очевидно, что действия земского начальника выходили за рамки его должностных полномочий, вследствие чего отношения его с крестьянским миром были крайне напряженными.

Не лучше обстояли дела в Коротоякском уезде Воронежской области. В 1904 г. крестьяне с. Мастюгина, Оськинской волости, Коротоякского уезда обратились в волостной суд по делу о возвращении им 319 десятин земли, находившейся в то время в руках трех частных владельцев. Эта земля, по имевшемуся у мастюгинского общества плану межевания, входила в наделы крестьян и за нее же они уплачивали выкупные платежи. Волостной суд вынес решение в пользу крестьян. Однако, земский начальник Борис Дмитриевич Гаршин, узнав об этом решении, изъял дело из волостного суда и «уволил» весь его состав[22].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, как зачастую земские начальники злоупотребляли властью в своих интересах, игнорируя не только нужды крестьян, но и непосредственное исполнение своих полномочий.

Различные характеристика земских начальников Коротояксого уезда Воронежской области оставил коротоякский предводитель дворянства в 1892-1903 гг., общественный деятель и генеалог, человек либеральных взглядов Леонид Михайлович Савелов, который непосредственно имел дело с земскими начальниками, а потому мог достаточно объективно оценить их деловые, а зачастую и личностные качества.

---

[19] ГАВО. Ф.6. Оп.1. Д. 49. Л.128-132.

[20] Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого… С.181.

[21] Тяжелов П.П. Экономическое и политическое положение крестьян Воронежской губернии накануне революции 1905-1907 годов. Отдельный оттиск из Известий Воронежского государственного педагогического института. Воронеж, 1950. Т. XII. Вып.1. С.70.

[22] Тяжелов П.П. Экономическое и политическое положение… С.70-71.

По мнению Савелова отставной майор Валентин Платонович Троцкий, земский начальник 3 участка Коротоякского уезда «был добрый, бесхарактерный человек, подпадал чужому влиянию и был под командой своей жены, Александры Ивановны, урожденной Шишкиной, женщины неглупой, довольно властной, несдержанной, но по существу доброй, у них был открытый дом, всегда толкался народ… Как земский начальник был, конечно слаб и ему, в конце концов, пришлось уйти»[23].

Земский начальник 1 участка, коллежский регистратор Михаил Павлович Чайковский «представлял собой остаток старины, он когда-то окончил губернскую гимназию и закопался в своем хуторе (близ с. Безгинки), кроме своего уездного и ближайшего города (Новый Оскол, Курской губернии) нигде не бывал, ничего не желал, ничем кроме своего небольшого хозяйства не интересовался, немилосердно нюхал табак. Чайковский как земский начальник был чрезвычайно слаб, и губернатору Куровскому хотелось очень от него избавиться, и он просил предводителя дворянства передать Чайковскому его просьбу подать в отставку, но Чайковский с этим не согласился и ответил, что если губернатору не хочется с ним служить, то он не встречает препятствий к тому, чтобы тот подал в отставку, так он и пробыл земским начальником еще несколько лет, до своей смерти»[24].

Корнет запаса армейской кавалерии Петр Александрович Ренье, земский начальник 5 участка Острогожского уезда «был убит через окно у себя в усадьбе, как предполагали, это было местью за то, что он выпорол одного мальчишку, который нагадил в колодец»[25].

Действительно, в апреле 1899 г. в своей усадьбе двумя выстрелами в окно П.А. Ренье был убит. Подозреваемый в преступлении мещанин г. Острогожска Павел Бельмасов, чья вина судом так и не была доказана, провел четыре года в ссылке в Кишиневе.

Губернатор, выступавшей в первую очередь на стороне должностных лиц и органов власти в губернии по поводу случившегося высказывался следующим образом: «…принадлежа к государственным крестьянам, они (крестьяне южной части губернии – Н.С.) почти не знали над собой помещичьей власти, поэтому с неудовольствием и недоверием встречают всякие мероприятия местных властей, направленные к поддержанию в их среде порядка и законности»[26].

Приведенный пример ярко свидетельствует о методах, которыми пользовались некоторые земские начальники на практике, об их отношениях с крестьянским миром, а также с вышестоящей властью, выступавшей в союзе с ними.

Помимо таких нелестных характеристик, у Савелова в воспоминаниях присутствуют и положительные оценки и описания.

Так, дворянин Владислав Болеславович Таргонский, по мнению предводителя дворянства, «был дельным земским начальником»[27]. А коллежский асессор Петр Михайлович Миловский «юрист по образованию, был прекрасным земским начальником»[28].

Эти две последние цитаты подтверждают утверждение о том, что нельзя категорически негативно оценивать институт земских начальников, ведь многие из них добросовестно исполняли свои обязанности, к тому же некоторые из них были незаурядными личностями.

Например, статский советник Владимир Николаевич Тевяшов (1840-1919), земский начальник 3 участка Острогожского уезда, являвшийся почетным гражданином г. Острогожска[29]. Он происходил из древнего рода, ведущего свое начало с XIV в. Предки Владимира Николаевича были выходцами из окружения хана Тохтамыша[30]. Владимир вместе с братом Евгением владел имением в слободе Колыбелке Острогожского уезда, где занимался выведением новых сортов ржи, озимой пшеницы, яблок, которые получали дипломы и золотые медали на различных сельскохозяйственных выставках. Помимо этого, Тевяшов занимался краеведением, археологией и археографией, публикацией древних рукописей.

---

[23] Савелов Л.М. Из воспоминаний… С.28.

[24] Там же С.29.

[25] Там же С.24.

[26] Фурсов В.Н. Классовая борьба в деревне центрально-черноземных губерний пореформенной России. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1991. С.168.

[27] Савелов Л.М. Из воспоминаний… С.30.

[28] Савелов Л.М. Из воспоминаний… С.31.

[29] ГАВО. Ф.6. Оп.1. Д.49. Л.99.

[30] Акиньшин А., Ласунский О. Воронежское дворянство в лицах и судьбах: историко-генеалогический очерк родов Воронежской губернии. Воронеж: Петровский сквер, 1994.

Еще одним примером незаурядной личности является земский начальник 2 участка Воронежского уезда, штабс-капитан 141-ого Пехотного Можайского Полка Михаил Павлович Паренаго (1852-1920)[31]. Происходил Михаил Павлович из рода, ведущего свое начало со 2 пол. XVII в. Отец его, Павел Аполлинариевич увлекался искусством, играл на скрипке, любил поэзию[32]. Эти увлечения во многом передались и сыну. Михаил Паренаго, живя в г. Воронеже в собственном доме на ул. Петропавловской, превратил его в целую галерею, так как собирал гравюры XVI-XIX вв. (к началу 1900 г. собрал их ок.3 тысяч), рисунки, книги. К тому же Михаил Павлович сам увлекался рисованием и даже давал уроки[33].

Приведенные факты свидетельствуют о том, что при оценке роли земского начальника в деревне следует уделять должное внимание человеческому фактору и не подходить к рассмотрению данного вопроса с заведомо негативной характеристикой. Также необходимо отметить, что для объективного понимания событий и явлений прошлого важно отказаться от резких оценок, в том числе реформаторской деятельности Александра III.

BAILIFFS IN RUSSIA AND THEIR ROLE IN RUSSIAN VILLAGE (BASED ON THE VORONEZH PROVINCE MATERIALS)

V.N. FURSOV[1)]
N.V. SAFRONOVA[2)]

[1)] Voronezh State Pedagogical University
[2)]Voronezh State Pedagogical University e-mail: nat.val.saf@mail.ru

In the article we try to reconsider the role of administrative changes of Alexander III in Russia. In particular we analyze the causes and structure of administration institution represented by bailiffs. On the basis of Voronezh province materials the role of bailiffs is shown taking into account human and personal factors.

Key words: bailiffs, local authority, administrative reform.

[31] ГАВО. Ф. 6. Оп.1. Д.49. Л.24.
[32]Акиньшин А. Ласунский О. Воронежское дворянство...
[33]Акиньшин А. Ласунский О. Воронежское дворянство...

УДК 94(47).08

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЩИНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

В.Н. ШАЙДУРОВ

Санкт-Петербургский государственный университет
e-mail: s-w-n@mail.ru

В статье определяются источниковедческие особенности периодической печати Западной Сибири второй половины XIX – начала XX вв. как источника по истории немецкой, польской, еврейской общин. Анализ государственных и частных периодических изданий показал высокую информативную ценность газет, которые часто содержат информацию, отсутствующую в других письменных источников этого времени. Это касается вопросов географического размещения, численности общин, особенностей их экономического развития.

Ключевые слова: исторический источник, периодическая печать, история диаспор, немецкая община, польская община, еврейская община, Западная Сибирь.

В последнее время исследователи все чаще обращаются к периодической печати как источнику по истории национальных общин в досоветский период. Однако, следует признать, что этот источник до сих пор используется чрезвычайно слабо. Как правило, в качестве рабочего материала из него заимствуются авторские статьи, в которых представлено то или иное событие. В полной мере это относится к исследованиям по истории сибирских национальных общин (немецкой, польской, еврейской). При этом из поля зрения историков выпадает тот массив информации, которая содержится в различного рода объявлениях, рекламе и т.п.

Во второй половине XIX в. в Сибири шел активный процесс формирования целого ряда национальных общин: украинской, белорусской, польской, немецкой, еврейской и т.д., который нашел свое отражение и на страницах ряда сибирских периодических изданий. При этом необходимо отметить особенность ряда общин (польской, немецкой). Они фактически состояли из двух частей. Первая была представлена местной элитой из числа военных и гражданских чиновников, которые жили своей, обособленной, жизнью; вторая – прочими представителями этнической группы (ссыльные или представители податных сословий). Эти различия не преминули отразиться и на страницах газет.

В течение длительного времени единственным печатным органом являлись «Губернские ведомости», издаваемые в Тобольске, Томске. С 1880-х гг. число газет возрастает. Это уже не только официальные издания, но и газеты, издававшиеся частными лицами, например, «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» (Томск), «Сибирская газета» (Томск), «Сибирский листок» (Тобольск), «Сибирская торговая газета» (Тюмень). Издателями-редакторами газет являлись представители либеральных кругов сибирского общества (П. Макушин, В. Картамышев и др.), которые тем самым стремились преодолеть культурную отсталость региона.

Издатели использовали периодическую печать, в первую очередь, с целью информирования населения о событиях, которые происходили в мире, России, регионе. Анализ содержательной части сибирских газет позволяет сделать вывод о том, что в течение первых лет существования они были непрофессиональными, что объяснялось отсутствием журналистов. Но постепенно сотрудники газет накапливали опыт, и это отражалось в содержании материалов. Появляются не только перепечатки из столичных газет и сообщения Российского телеграфного агентства, но и авторские статьи, заметки, письма, фельетоны. Достаточно быстро владельцы газет начинают дополнять издания рекламным блоком, который начинает занимать все больше объема: частные объявления занимают первую и последние полосы. Подобного рода изменения способствовали значительному расширению круга читателей. Теперь это не только чиновники и интеллигенция, но и предпринимательские круги, мещанство. Таким образом, газеты конца XIX в. стремились охватить все читающую публику, заявляя о том, что в них освещаются вопросы политики, литературы и общественной жизни.

В начале XX в. количество сибирских печатных изданий резко возрастает, что было связано с некоторыми демократическими преобразованиями. Об этом свидетельству-

ют, например, данные об изданиях за 1905 – 1917 гг.: в Западной Сибири – 33, в Центральной Сибири – 12, в Восточной Сибири – 40 наименований. Для сравнения: до 1905 г. во всей Сибири было около 10 частных газет, выходивших в разные годы. Теперь газеты выходят не только в губернских центрах, но и прочих городах региона. Несколько изменяется жанровая направленность. Появляются партийные газеты: «Верхнеудинская конституционная газета», «Сибирская правда» (издавалось томским отделением «Союза русского народа»); начинают выходить издания, ориентированные на крестьян («Алтайский крестьянин», г. Барнаул), промышленные круги («Деловая Сибирь», г. Иркутск). Заметным событием стало появление «толстых» журналов, например, «Сибирские вопросы», которые являлись трибуной для сибирских областников.

В течение второй половины 1850-х – 1870-х гг. «Губернские ведомости», издававшиеся местными властями, являлись основным источником информации для сибиряков. В «Официальной части» и «Неофициальной части» газет появляется большое количество объявлений, фигурантами которых выступают евреи, немцы, поляки. Преимущественно они касались движения по службе, хозяйственных вопросов, имущественных отношений между отдельными лицами и пр.

Краткие газетные сообщения дают информацию о географии расселения и численности общин в Западной Сибири. В 1860-е гг. под руководством Н.А. Кострова в Томской губернии проводились частые городские переписи. Их результаты с комментариями также публиковались на страницах «Томских губернских ведомостей». Они позволяют определить долю нерусского населения в среде горожан[1]. Источниками статистических данных, публикуемых в газетах, становились полиция и духовные правления. Последние представляли сведения о количестве родившихся, умерших, вступивших в брак и разведенных за истекший год[2]. В последующее время «Губернские ведомости» регулярно представляли сведения о текущей статистике народонаселения губерний, которые заимствовались из ежегодных губернаторских отчетов. В начале 1880-х гг. в наиболее крупных городах была проведена однодневная перепись населения, промежуточные результаты которой так же были представлены в местных газетах.

Некоторые газетные публикации, в первую очередь, объявления, позволяют значительно расширить географию расселения представителей некоторых общин. Так, например, до конца 1880-х гг. проживание евреев на Алтае было недопустимо. Однако, судя по материалам периодики, они там не только проживали, но и занимались хозяйственной деятельностью. Так, например, встречаются упоминания о барнаульском мещанине Марке Левшице[3], проживавшем в Бийске отставном унтер-офицере Мовше Фельдмане[4] и др.

В мае 1884 г. мещанское общество г. Колывань возбудило перед Главным Управлением Алтайского горного округа вопрос о причислении новых членов из числа евреев, однако получило отрицательный ответ[5]. В то же время на страницах «Томских губернских ведомостей» встречаются неоднократные упоминания о колыванских купцах и мещанах из числа евреев. Например, в начале 1883 г. в Томским городовым полицейским управлением разыскивался колыванский купец Монтий Лейбович «по делу о потраве скотом, принадлежащим Лейбовичу сена в стогах бухарца Набыша Апмена»[6]. В одном из номеров газеты в рубрике «О наложении запрета на имение» было помещено объявление об аресте недвижимого имущества томского мещанина Хаима Рубанова и его брата колыванского мещанина Абрама Рубанова за неуплату по векселям виленскому купцу 2-й гильдии Исаю Вульфину[7]. Таким образом, закон на местах далеко не всегда соблюдался в соответствии с «духом и буквой». Подобного рода ситуации могли возникать вследствие попустительства властей, а также на основе действовавшего тогда в отношении евреев достаточно противоречивого законодательства.

---

[1] См., напр., по г. Мариинску на 1864 г.: Томские губернские ведомости. 1867. №6; по г. Томску: Там же. №16.

[2] См., напр., Сибирская жизнь. 1901. 24 февраля.

[3] Томские губернские ведомости. 1883. №17.

[4] Там же. №40.

[5] ЦХАФ АК. Ф. 3. Оп.1. Д.575. ЛЛ.130 об. – 132.

[6] Томские губернские ведомости. 1883. №4.

[7] Там же. №8.

Разночтения в действующем законодательстве нередко приводили к печальным последствиям для нерусского населения. Наибольшее притеснение со стороны властей испытывали евреи, и периодика не оставалась в стороне от освещения подобных ситуаций. Так, окружные полицейские управления проводили переписи и устраивали проверку разрешительных документов. В 1895 – 1897 гг. частыми стали случаи высылок евреев из городов Томской губернии. В Томске наибольшую активность проявлял полицмейстер А.А. Зеленский. В одной из газетных заметок современник указывал, что в результате решения общего присутствия Томского губернского правления и придирок полиции под угрозой выселения из Томска оказывалось ок. 800 семей[8].

Официальные сообщения «Губернских ведомостей» позволяют сделать вывод о том, что достаточно часто на протяжении второй половины XIX в. посты губернатора и вице-губернатора в сибирских губерниях занимали лица немецкого или польского происхождения (например, Бекман В.А., Гасфорд Г.Х., Лакс А.И., Ломачевский А.А., Таубе М.А., Тобизер Г.А. и др.). То же можно сказать о чиновниках губернских правлений, судебной палаты, финансовых органов, полиции и прочих органов управления. Представленная в них информация позволяет отследить прохождение по служебной лестнице, получение наград и высочайших благодарностей.

Достаточно большое внимание местная пресса уделяла хозяйственным вопросам, поэтому основная часть хроникальных материалов, заметок, корреспонденций, объявлений, фельетонов была посвящена именно им. Упоминание в них польских, немецких, еврейских фамилий позволяет восстановить сферы экономики, в которых они играли заметную роль. Среди таковых, в первую очередь, необходимо назвать промышленное и торговое предпринимательство.

Объявления позволяют определить сферу занятия еврейских купцов и мещан. Так, например, братья Рубановы вели торговлю мануфактурными товарами, которые они получали из Вильно. Томская купчиха Зиновия Флеер содержала в Томске 4 питейных заведения[9]. Томский купец 2-й гильдии Кальман Розенбаум в начале 1860-х гг. занимался продажей кож на Ирбитской ярмарке, которые ему поставляли из Бийского округа местные крестьяне[10]. Томская купчиха 1-й гильдии Марина Хотимская занималась не только торговлей и строительными подрядами, в ее руках находились золотые прииски[11].

Периодическая печать позволяет выявить целый ряд особенностей развития отечественного предпринимательства второй половины XIX в. Одна из них, как это неоднократно отмечали исследователи, заключалась в том, что семейное предприятие в редких случаях переживало своего основателя. Как правило, наследники либо пускали капитал «на ветер», либо разорялись вследствие неумелого ведения дел. Наиболее показательным примером может служить торгово-промышленное предприятие томского купца первой гильдии Б.Л. Хотимского, который оставил своим наследникам значительный капитал. Основная часть предприятия оказалась в руках вдовы – Марины Хотимской. В 1881 г. она в судебном порядке взыскивала с должников задолженности по векселям с процентами[12]. Однако, уже в 1883 г. на все имущество той же Хотимской был наложен арест, как было сказано «в обеспечение могущего пасть на Хотимскую взыскания по делу о неправильности постройки Больше-Косульского моста, находящегося в Мариинской округе, и по другим делам…»[13]. А уже через месяц (13 апреля 1883 г.) «по определению Томского Окружного Суда Томская 1-й гильдии купчиха Марина Григорьева Хотимская объявлена несостоятельной должницею…»[14]. И таких примеров было немало.

Особое внимание на себя обращают две отрасли пищевой промышленности, в которых немцы и евреи играли ведущую роль, – винокурение и пивоварение.

Одним из «водочных королей» Урала и Сибири был А.Ф. Поклевский-Козелл, который начал свою деятельность на этой почве после отмены откупной системы в 1863 г. К 1890 г. вследствие бурного развития отрасли он был уже «первым среди равных». Но ин-

---

[8] Томский листок. Томск. 1897. №120.
[9] Томские губернские ведомости. 1867. №4.
[10] Там же. 1861. №11.
[11] Там же. 1883. №13.
[12] Там же. 1881. № 5.
[13] Там же. 1883. № 13.
[14] Там же. № 17.

терес к этой персоне не угасал и после смерти, о чем свидетельствует ряд публикаций, появившихся в тобольских газетах в 1890 – 1891 гг.[15]

В 1888 г. томские обыватели с огромным интересом следили за развитием так называемой «стачки виноторговцев», возникшей осенью 1887 г., в которой приняли активное участие еврейские «тузы винного дела» (Фуксман, Файнберг, Юдалевич, Буткевич, Каймановичь). Этой теме была посвящена обширная редакторская статья «Стачка томских виноторговцев», помещенная в одном из первых номеров «Сибирской газеты» за 1888 г. В ней, в частности, отмечалось, что «почти во всех столичных и некоторых провинциальных газетах уже давно появилось подробное описание стачки», и только местная пресса замалчивает этот факт[16]. Поместив подобное «заявление» редакция взяла на себя обязанность извещать томичей о развитии ситуации. И, действительно, на страницах газеты появляется целый ряд публикаций на эту тему. Причем журналисты сообщали не только о деятельности участников стачки, но и реакции центральных и местных властей. В июне 1888 г. дело было рассмотрено в публичном заседании Томского окружного суда, по итогам которого зачинщики были приговорены к шестимесячному тюремному заключению. Редакция откликнулась на это событие подробным репортажем из зала суда и фельетоном[17], общий тон которых отразил положительные эмоции в обществе.

В 1879 г. начал свою деятельность первый паровой пивоваренный завод М.И. Рейхзелигмана. Владелец был настолько уверен в качестве производимой продукции, что в нескольких объявлениях в 1897 г. заявил, что «дальнейшая реклама для ... завода не нужна»[18]. В конце XIX в. томское пивоварение развивалось достаточно динамично, о чем свидетельствуют результаты исследования 13 сортов пива, сваренного на томских заводах Крюгера, Рейхзелигмана и Зеленевского[19].

Гораздо меньше внимания газеты уделяли различным ремеслам и промыслам, которыми занимались поляки, евреи или немцы. «Сибирский листок» на своих страницах опубликовал статью «Кое-что о ремеслах в г. Тобольске», в которой основное внимание уделено оценке культурного влияния поляков на развитие местных ремесел. Так, например, автор отдает дань уважения мастерству Игнация Пляпаса, резные изделия из кости которого, отличавшиеся изяществом и оригинальностью, «иностранцы скупали ... на крупные суммы», и даже «шли заказы из Москвы и Петербурга». Из других мастеров упоминается в статье ссыльный Флеоровский, который делал шкатулки, табакерки. За образ распятия из бересты им была получена золотая медаль из Лондона. После его смерти «берестяное дело двинулось назад; хотя в 70-х гг. были попытки делать шкатулки из бересты ..., но это ... было только ремесло»[20].

В 1870-е гг. начинается некоторое оживление общественно-политической жизни в регионах. В частности, это было связано с реализацией буржуазно-демократических реформ. Определенные изменения в положении отдельных категорий населения нашли свое отражение в содержании официальной части губернской прессы. Так, например, с введением в 1870 г. нового «Городового положения» в «Губернских ведомостях» начинают печатать списки выборщиков гласных в городские думы по всем городам губерний региона. Списки составлялись на местах на последующее четырехлетие. Подобные списки были опубликованы в «Томских губернских ведомостях» за 1883 г.[21]

С 1874 г. новый военный устав изменяет принцип комплектования русской армии: новобранцами становились лица, подлежащие по возрасту призыву. Как правило, список призывников формировался путем жеребьевки. В дальнейшем он подлежал публикации в местных газетах. Так, например, в 1883 г. подобного рода жеребьевка была проведена в Томской городовой управе среди дворян, купеческих детей, мещан и иногородних[22]. Анализ опубликованных материалов позволяет не только установить фамилию и сословную принадлежность каждого призывника, но и определить долю различных категорий населения, при-

---

[15] См., напр., Сибирский листок. Тобольск. 1891. № 19.
[16] Стачка томских виноторговцев // Сибирская газета. Томск. 1888. № 2.
[17] Там же. № 44, 45.
[18] Томский листок. Томск, 1897. № 188.
[19] Пиво томских заводов // Томский листок. 1897. № 112.
[20] Кое-что о ремеслах в г. Тобольске // Сибирский листок. Тобольск, 1891. № 3.
[21] См., напр., по г. Мариинску: Там же. № 41.
[22] Там же. №. 39.

званных на военную службу. Так, например, в 1883 г. евреи-призывники г. Томска составили среди купеческих детей 43%, иногородних – 22%, а среди мещан лишь 4%[23].

В конце XIX в. на Сибирь была распространена судебная реформа. С этого времени на страницах «Томских губернских ведомостей» и других аналогичных изданий публиковались списки очередных и запасных присяжных заседателей, принимавших участие в сессионных заседаниях окружных судов[24]. В данных списках представлены порядковый номер, именные данные заседателей, сословная принадлежность и адрес. Например, по г. Томску:»42. Фонштейн Вениамин Яковлев, купец, Никитинская, 56»; «43. Фельштейн Нахим Киселев, купец, Спасская, 5»[25]. Анализ списков выборщиков и присяжных заседателей позволяет выявить круг лиц еврейской национальности, которые по различным цензам подходили под ту или иную избирательную категорию.

Таким образом, публикуемые списки позволяют сделать некоторые выводы о вовлеченности нерусского некоренного населения региона в процесс реализации реформ. Кроме того, эти материалы дают дополнительную информацию об особенностях этнической антропонимики региона.

Одним из механизмов общественной самореализации становятся в конце XIX в. различные общества. Первые благотворительные общества были созданы евреями. Так, в Томске оно появилось в июне 1885 г. и должно было оказывать помощь неимущим[26]. В 1890-е гг. в Томске начинают свою деятельность католическое и лютеранское благотворительные общества. Их деятельность начала привлекать внимание местных сообществ, что не замедлило отразиться на количестве публикаций на тему этноконфессиональной благотворительности.

Еврейская благотворительность, по материалам местных газет, была ориентирована преимущественно на систему образования. Это прослеживается на протяжении 1870-х – 1890х гг. Первоначально она носила индивидуальный характер. Так, в одном из июньских номеров «Сибирской газеты» за 1882 г. была помещена заметка о бедственном положении еврейской школы: «нет ни книг, ни школьных принадлежностей, ни других учебных пособий»[27]. Уже выпуск спустя в этом же издании сообщалось, что «на нужды еврейской школы … с полным сочувствием отозвались И.Л. Фуксман и Г.Я. Цам», которые прислали деньги для приобретения необходимых учебных пособий[28]. Оказание финансовой помощи Томскому еврейскому училищу в дальнейшем станет одним из приоритетов в общественной деятельности семьи Фуксманов. В одном из номеров «Сибирской жизни» за 1912 г. была размещена информация о детской еврейской колонии, которая помещалась в Степановке в домах, предоставленных Г.И. Фуксманом. Колония была создана для оздоровления детей в летний период. Здесь же приводятся сведения о числе мальчиков, прошедших лечение в течение 1909 – 1912 гг.[29]

Большую активность проявляло на рубеже XIX – XX вв. католическое общество, представлявшее в Сибири преимущественно поляков. Организуемые и проводимые им мероприятия н**е** единожды оказывались в центре внимания журналистов. С одной стороны, этому способствовала направленность концертов, вечеров, а с другой – активное участие в них видных томичей и гостей города. Так, например, один из танцевальных вечеров, устроенных римско-католическим обществом в пользу детского приюта, посетил томский губернатор генерал-майор А.А. Ломачевский[30]. В марте 1897 г. в Томском католическом костеле с благотворительным концертом выступила оперная певица Н.В. Сикорская[31]. Сбор от выступления был передан в пользу того же приюта.

Сообщений о мероприятиях, устраиваемых лютеранским благотворительным обществом, крайне мало. В значительной степени это объясняется малочисленностью общины, которая была представлена в это время преимущественно немцами. Тем не менее,

---

[23] Там же. Подсчет наш.

[24] См., напр., Томские губернские ведомости. 1912. № 1 (по г. Тайга Томской губернии); Там же. № 3 (по г. Бийску и г. Татарску); Там же. № 4 (по г. Ново-Николаевску и по г. Томску) и др.

[25] Там же. № 4.

[26] Сибирская газета. 1885. № 23.

[27] Сибирская газета. Томск. 1882. № 43.

[28] Там же. № 45.

[29] Сибирская жизнь. 1912. 28 сентября.

[30] Томский листок. Томск. 1897. № 86.

[31] Там же. № 66.

оно в целом действовало в общепринятом направлении, организуя семейные вечера в пользу детского приюта при лютеранской церкви.

В целом, публикации о благотворительных мероприятиях, устраиваемых различными обществами, хронологически были сконцентрированы вокруг основных религиозных и светских праздников – Рождество Христово, Пасха, Новый год и др.

Не оставалась вне внимания религиозная жизнь общин. Разбросанность католической и лютеранской общин заставляла их настоятелей совершать постоянные разъезды по церковным округам. Насколько велики были эти округа свидетельствует, например, тот факт, что для совершения поминальной мессы по А.Ф. Поклевскому-Козелл в его пермском имении был приглашен капеллан омского костела Чудовский[32]. В постоянных разъездах традиционно находились и лютеранские пасторы. Так, в конце 1880-х гг. по Томской губернии постоянные пастырские поездки совершал Бонвеч, наиболее часто посещая Алтайский горный округ, в котором была значительная лютеранская община.

Однако основное внимание было обращено на иудейскую общину. Большая часть материалов носит хроникальный характер. Содержательных работ немного. Их авторами были как сами евреи, так и представители иных конфессий. Характер публикаций был различным: от исторических экскурсов до критики современной иудейской религиозной жизни. Одна из первых статей принадлежала рабби Дижь-ракелю и была помещена в «Тобольских губернских ведомостях» в 1895 г.[33] В ней автор представлял свой взгляд на историю евреев с древности и до конца XIX в. Обращает на себя внимание тот факт, что именно со стороны первых достаточно часто звучали критические замечания в адрес духовного собрания. Так, в одном из номеров «Сибирской жизни» за 1882 г. была помещена пространная заметка, автором которой, несомненно, был еврей. На это указывает, в частности, то, что текст написан от имени членов общины: «Все ничего, если бы обираемые с **нас** (выделено нами – В.Ш.) суммы достигали бы своей цели»[34].

Еще во второй половине XVIII в. Россия сталкивается с «еврейским вопросом», который достался ей в наследство от Речи Посполитой вместе с присоединенными землями. Он заключался в конфронтации еврейства и населения украинских и белорусско-литовских губерний. По мере увеличения удельного веса евреев в западных и южных губерниях начинает усиливаться их противостояние с русским и малороссийским населением.

В 1880-е гг. «еврейский вопрос» выплескивается на страницы газет и журналов. Причиной тому стали частые еврейские погромы на Юге России. К освещению «еврейского вопроса» оказываются причастными и сибирские издания. Так, например, в одном из номеров «Сибирской газеты» достаточно подробно описывается еврейский погром в Елизаветграде. При этом в редакторской статье указываются не только движущие силы погромов (мещане, мастеровые, крестьяне), но и предпринимается попытка объяснить их размах. Во главу угла ставится экономический фактор: «Один ли раз в печати указывалось на влияние кабатчика, ростовщика и земельного арендатора? Следовательно, можем ли мы удивляться, что при сохранении благоприятных всем этим операциям экономических условий и при бессилии борьбы против них, старое раздражение продолжало расти?»[35].

В начале XX в. численность еврейской общины в Сибири была значительной. Постоянное увеличение концентрации евреев в крупнейших городах и заметное усиление их позиций в промышленной, торговой и транспортной сферах привели к переносу на сибирские просторы и «еврейского вопроса». С одной стороны, он оказывается в поле зрения официальной прессы, которая имела преимущественно консервативно-охранительный характер. С другой стороны, к его обсуждению присоединяются либеральные издания, например, «Сибирские вопросы», на страницах которого публиковались материалы областников.

Одним из первых к еврейской теме в «Сибирских вопросах» обращается Т.И. Тихонов, издатель-редактор газеты «Земский голос», в своей статье «Сибирские евреи, их права и нужды»[36], в которой поднимаются наиболее острые проблемы, связанные с по-

---

[32] Сибирский листок. Тобольск. 1891. № 19.

[33] Дижь-ракель. Еврейский вопрос и евреи в Сибири // Тобольские губернские ведомости. 1895. № 5, 8, 10, 12, 14, 16.

[34] Сибирская газета. 1882. № 40.

[35] Сибирская газета. 1881. № 13.

[36] Тихонов Т.И. Сибирские евреи, их права и нужды // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 278 – 309.

ложением сибирских евреев. Автор уже на первых страницах отмечает факт несхожести евреев Европейской России и Сибири, объясняя это немногочисленностью последних и их неспособностью к корпоративности.

«Еврейский вопрос» в Томской губернии выплеснулся в погромы октября 1905 г. На страницах «Сибирской жизни» и «Сибирского вестника» публиковались связанные с этим сообщения. В них указывалось, что жертвами погрома стали многие евреи Томска и других населенных пунктов губернии. Так, например, сообщалось, что в губернском центре были разбиты и разграблены магазины еврейских купцов Гольдберга, Перман, Фуксмана, Пейсахова, Цукермана и многих других[37]. Судебные процессы по этому поводу растянулись на несколько лет. В «Голосе Томска» сообщалось о суде над 23 крестьянами, участвовавшими в погроме в с. Наумовском, в результате которого пострадала лавка Бейлина[38]. В газете «Утро Сибири» несколько позже была помещена заметка о начавшемся в Барнауле судебном слушании дела о погроме в Барнауле в 1905 г.[39]

После погрома в Томске в 1905 г. «еврейский вопрос» получает свое развитие на страницах различных изданий. Авторы указывают на то, что он искусственно культивируется в Сибири. С ним, по их мнению, повторилось то же, что и с другим, на первый взгляд, не менее абсурдным сибирским вопросом – аграрным: казалось бы, в Сибири при ее многоземелье и редком населении, при отсутствии в ней частной земельной собственности и почти исключительно трудовом землепользовании, – нет и не может быть места аграрному вопросу, а между тем он в ней существует. То же наблюдается и по отношению к вопросу еврейскому. В самом деле, по последней переписи, евреи составили всего лишь 46,2 тыс., т.е. ок. 0,6% населения. При таких условиях, о каком же «еврейском вопросе» может быть сколько-нибудь серьезная речь? Евреи в Сибири как бы растворяются в остальной массе сибирского населения и мало чем выделяются из нее[40]. Но «еврейский вопрос» в Сибири имеет те же черты, что и в Европейской России: от «выдворения в 24 часа» «не имеющих права жительства» евреев и до трехдневного погрома с убийствами и открытыми грабежами имущества[41]. В статьях журнала неоднократно публиковались свидетельства о мытарствах евреев, которые возникали в результате действий властей. «Все проявления зверства по отношению к евреям … проходят не только безнаказанно, но, часто, и незаметно, не достигая гласности, в застенке, куда «чужой» глаз не может проникать»[42].

Национальные общины Сибири не могли остаться в стороне от начала военных действий в августе 1914 г. На страницах газет различных регионов появляются сообщения о молебствиях в синагогах о здравии Николая II и ниспослании победы русскому оружию[43]. Томские евреи не остались в стороне от призывов оказывать всяческую помощь беженцам и нуждающимся. Об этом свидетельствуют заметки о проведении благотворительных вечеров, сборы от которых направлялись в пользу беженцев-евреев из прифронтовых губерний и на подарки воинам-евреям на передовой[44]. Сибирские евреи в этом отношении ничем не отличались от своих однообщинников из других регионов России. Так, например, в южнорусских губерниях также проводились религиозные службы, образовывались благотворительные комитеты для оказания помощи семьям призванных в армию, беженцам, открывались столовые для нуждающихся и т.д.

Трудно согласиться с некоторыми исследователями, которые отказываются от использования периодики или обращают на нее незначительное внимание лишь вследствие «ее особенной политизации, а также пристрастностью в отношении еврейского вопроса»[45]. В газетных и журнальных публикациях достаточно часто можно обнаружить информацию, которая в иных нарративных источниках не отложилась. Материалы носят

---

[37] Подробнее см. Сибирская жизнь. 1905. 26, 28 октября; Сибирский вестник. 1905. 26, 28, 30 октября, 3, 4 ноября.

[38] Голос Томска. 1908. 14 ноября.

[39] Утро Сибири. 1912. 14 октября.

[40] Еврейский вопрос в Сибири // Сибирские вопросы. 1908. № 19-20. С. 9-10.

[41] Там же. С. 9.

[42] Мытарства евреев в Сибири // Сибирские вопросы. 1911. № 22-23. С. 65.

[43] См., напр., Сибирская жизнь. 1915. 25 июля; Херсонские новости. 1915. № 315, 316.

[44] Сибирская жизнь. 1915. 12 февраля.

[45] Савиных М.Н. Законодательная политика российского самодержавия в отношении евреев во второй половине 19 – начале 20 вв. Омск, 2004. С.21-22.

преимущественно информативный характер. Количество публикаций аналитического характера крайне невелико, они касаются преимущественно внутриполитической ситуации («еврейские погромы» и т.д.).

Таким образом, на страницах периодических изданий во второй половине XIX – начале XX вв. находили отражение различные аспекты экономической, социальной, культурной жизни национальных общин региона. Опубликованные материалы, несмотря на свой неоднозначный характер, позволяют в совокупности с прочими историческими источниками более полно реконструировать картину жизни социума в целом и его составных частей в частности в конкретный исторический период.

NATIONAL COMMUNITIES OF WESTERN SIBERIA OF SECOND HALF XIX – FIRST HALF XX CENTURIES (ON MATERIALS OF A PERIODIC SEAL)

V.N. SHAIDUROV CH

Saint-Petersburg State University

e-mail: s-w-n@mail.ru

The article is concerned with the problem of source features of a periodic seal of Western Siberia in second half XIX – first half XX centuries as source for history of German, Polish, Jewish communities. The analysis of the state and private periodic editions has shown high informative value of the newspapers, which often contain the information, which is absent in other written sources of this period. It concerns questions of geographical accommodation, number of communities, features of their economic development.

Key words: historical source, periodic seal, history of communities, German community, Polish community, Jewish community, West Siberia.

УДК 94 (47+57).083

КРЕСТЬЯНСТВО И ПРИХОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Л.И. ЗЕМЦОВ

Липецкий государственный педагогический университет
e-mail: leozem@rambler.ru

Рассмотрен вопрос об отношении крестьянства к приходскому духовенству в русской деревне начала XX века. Использованы публикации периодической печати и архивные материалы. Показано, что отношение сельского населения к духовенству определялось не только личными качествами священника, влияла система материального обеспечения служителей церкви, вызывавшая протест как священнослужителей, так и прихожан. Главным было то, что в мировоззрении крестьян существовали убеждения о христианской справедливости, опиравшиеся на обычное право.

Ключевые слова: крестьянство, духовенство, крестьянское мировоззрение, обычное право

При современном внимании к вопросам социальной истории представляется необходимым изучение не только состояния тех или иных групп населения России, но и их взаимоотношений. С этой точки зрения исключительный интерес представляет отношение великорусского крестьянства к православному духовенству. Важность взаимопонимания крестьян, составлявших около трех четвертей населения страны (при том, что во многих губерниях Европейской части России крестьян было свыше 90 %) и главной идеологической силы[1] в деревне – православного духовенства, очевидна. Ведь священнослужители своей проповедью христианских ценностей в первую очередь должны были снизить накал противоречий: противостояние помещиков и крестьян, внутри крестьянства. Неоднозначные характеристики религиозного состояния крестьянства в советской и современной российской литературе не позволяют выяснить, почему в условиях краха империи, конфронтации новой власти и церкви значительная часть населения страны осталась вне активного протеста.

В начале XX в. существовала достаточно обширная литература, посвященная одной из серьезных проблем императорской России – приходской, которая своим содержанием имела как раз вопрос о взаимоотношениях местного населения и церкви[2].

С конца 80-х гг. прошлого века произошло назревшее – отход от «единственно верной концепции», в рамках которой напрочь отсутствовал анализ целостного восприятия действительности, в том числе и конкретно-фактическое изучение взаимоотношений деревенского населения и духовенства[3]. Продолжилось, после длительного перерыва, научное решение проблем православия и церковной жизни России, в том числе и в рассматриваемый нами период. В современной исторической науке появился ряд работ, которые посвящены наиболее обделенному в исследовательской практике предшествующего времени сословию – духовенству[4].

---

[1] На 1.01.1916 г. в России существовало 38976 приходов. См.: Статистический ежегодник России. 1916. Пг., 1918. С.78. «Независимо от приобретенного у прихожан «неформального статуса» – в империи с преобладающим сельским населением именно на деревенского «попа» ложилась основная проповедническо-миссионерская нагрузка». – Леонтьева Т. Жизнь и переживания сельского священника (1861-1904 гг.) // Социальная история. Ежегодник. М., 2000. С.34.

[2] Церковное управление в пределах уезда. СПб., 1890; Болдовский А.Г. Возрождение церковного прихода. СПб., 1903; Заозерский Н.А. Что есть православный приход и чем он должен быть? Сергиев Посад, 1912; Тихомиров Л. Современное положение приходского вопроса. М., 1907; Щербатов А.Г. Приход и его значение в современном государственном строе. М., 1905; Иванов П.А. Реформа прихода. Томск, 1914.

[3] Одни только наименования некоторых работ дают представление об их содержательной стороне: Венедиктов Д.Г. Палачи в рясах. М., 1923; его же. Попы – провокаторы, тюремщики, погромщики. М., 1930 и др.

[4] Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII-XIX вв. М., 2002; Leont`eva Tat`iana. Сельское духовенство: политика и прихожане // Studia slavica Finlandensia. T. XVII. Helsinki, 2000; Леонтьева Т.Г. Жизнь и переживания...; Розов А.Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб., 2003 и др.

Однако складывается впечатление, что приоритетное изучение деятельности радикальных сил в советской исторической науке, стремительно сменившееся исследованием взглядов и политических действий либеральных и консервативных, все так же не останавливается на рассмотрении взаимодействия неполитических структур низших слоев социума.

Очевидны трудности в изучении взаимоотношений крестьянства и духовенства. Они в значительной степени связаны с необходимостью привлечения нового комплекса источников. В данной работе нами использованы интересные свидетельства об отношениях крестьян и духовенства в последнее десятилетие существования императорской России. Среди них – отчеты благочинных о состоянии церковных округов, одним из которых является отчет за 1907 г. благочинного Моршанского уезда Тамбовской губернии о. Иоанна (Кошеляевского), сохранившийся в архиве[5]. Документ позволяет представить автора как искренне верующего и думающего иерея, озабоченного теми проблемами, которые существовали во взаимоотношениях приходского духовенства и паствы в сложнейшее для страны время – после трагических событий Первой русской революции. Это было время, «когда духовенство испытывало чувство вины из-за того, что не сумело воздействовать на народ и предотвратить кровопролитие, поджоги, погромы в 1905-1907 гг.»[6], и многие размышляли над глубинными основами событий.

Еще один привлекаемый нами комплекс сведений представляют материалы периодической печати. Издатели и редакторы широко печатали сведения о деревне и сообщения грамотных крестьян – добровольных корреспондентов газет и журналов. Крестьянские отклики на внутриполитические события находили отражение в таких изданиях, как «Народная газета», «Ежемесячный журнал», «Правда Божия» (редактор-издатель – известный в политической жизни страны начала XX в. священник Г.С. Петров), «Бог-Помочь», «Мужицкая правда», «Жизнь для всех» и др.

Привлечение газетных и журнальных материалов связано с рядом сложностей, которые необходимо иметь в виду при их использовании. Невозможно, например, с точностью установить авторство публикаций. Очевидно, однако, что большинство статей принадлежит крестьянам-земледельцам[7]. После Первой российской революции появилась возможность представления в периодической печати позиций различных социальных слоев, чем воспользовались и крестьяне, и издатели, стремившиеся и к выражению определенной системы взглядов, и к коммерческому успеху. Один из современников заметил: «Деревня все более и более привлекает внимание печати и общества»[8].

Важны свидетельства тех представителей образованной части населения страны, которые волею судеб вынуждены были оказаться в деревне в связи с событиями Гражданской войны, и сформулировали ретроспективу отношений сельского населения и местного причта[9].

Рассматриваемый нами период (последние полтора десятилетия существования императорской России) – итоговый для процессов, которые развивались в России начиная с середины XIX в. Пореформенный период, консервативная стабилизация[10], политические перемены начала XX века нашли выражение в том взаимодействии власти, общества и народа, которое сложилось в относительно стабильных условиях 1907-1914 гг. Кровавые события Первой русской революции показали многим, что необходимы существенные усилия для перелома тех настроений, которые втягивали страну в гражданский конфликт.

Трудно переоценить, в связи с этим, значение деятельности Русской православной церкви. Еще в пореформенное время возник вопрос об изменении роли священника в его взаимоотношениях с сельским обществом. «Из пассивного исполнителя треб и проповедника кротости он должен был превратиться в деятельного, но бескорыстного просветите-

---

[5] Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф.181. Оп.1. Д.2065. Л.146-148 об.,198-200.

[6] Розов А.Н. Указ. соч. С.51.

[7] См.: Земцов Л.И. Крестьянство в публицистике начала XX века // Гуманитарная наука в современной России: состояние, проблемы, перспективы развития. Материалы IX региональной науч.-практ. конф. Т.2. Белгород, 2007.

[8] Коновалов И. Очерки современной деревни. СПб., 1913. С.238.

[9] Учительница. Три года в деревне // Крестьянская Россия. Сб.V-VI. Прага, 1923; Окнинский А.Л. Два года среди крестьян. М., 1998 и др.

[10] Еще в 1895 г. благочинный одного из округов Усманского уезда Тамбовской губернии заметил в отчете, что «религиозное совершенствование народа не может быть достигнуто в ближайшее время» – ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1835. Л.30-31.

ля, способного развить умственные и духовные способности прихожан»[11], – отмечает современный исследователь. Однако перемены в этом направлении были минимальны; ведь в начале XX в. требовались не только реформа прихода[12], но и существенные изменения в правительственной политике, особенно учет распространенного среди многих церковных служителей представления о необходимости восстановления патриаршества.

Отражением понимания священнослужителями необходимости в ином исполнении пастырских обязанностей, в изменении содержания церковной проповеди являлось появление среди них в годы революции сторонников радикальных перемен. Достаточно назвать священников Г. Гапона, Г. Петрова, А. Пояркова, Колокольникова и др. Яркий показатель наличия таких настроений даже среди черного духовенства – идеи архимандрита Серапиона Машкина, старца Оптиной пустыни, считавшего оправданными любые средства борьбы с монархией и капитализмом[13].

Эти, как и многие менее известные, деятели церкви в содержании своей проповеди и конкретной деятельности выражали мысль о необходимости контакта с трудящимися массами, с теми, чье внимание они старались привлечь. Отвлечемся от обсуждения политических причин усиления их активности. В качестве основания возьмем идею о том, что два главных мотива двигали деятельностью тех священнослужителей, которые поддержкой чаяний трудящихся масс стремились выполнить главную, по их мнению, функцию духовенства. Это были убеждения о необходимости как усиления роли православной веры и авторитета церкви в ситуации начала XX в., так и об учете представлений в мировоззрении крестьян об истинном, христиански справедливом общественном устройстве.

Взаимоотношения в рамках отдельного прихода, как и сословий в целом, строились на двух уровнях: личном (восприятие крестьянами человеческих качеств пастыря) и мировоззренческом.

Нередки свидетельства о низком уровне религиозной культуры населения деревни в начале XX в. Священник Тихон Скворцов отмечал: «Истины православной веры народ знает смутно, поверхностно, а в глухих деревнях – совсем незначительно. … С св. книгами нашей спасительной веры народ незнаком. … Отсюда полная безграмотность в смысле ведения Воли Божией, полное невежество в смысле знания своей религии, условий нашего спасения, отсюда нет горячности веры, нет беззаветной любви и преданности к своей религии …»[14]. Столь резкие («полное невежество», «полная безграмотность») и, на наш взгляд, не совсем точные утверждения Тихона Скворцова связаны с его должностью – Данковского уездного миссионера. С ним невозможно полностью согласиться хотя бы потому, что к середине второго десятилетия XX в. уже значительное количество крестьянского населения прошло через школу, в которой Закон Божий занимал видное место, а в церковно-приходских школах изучался очень внимательно. Понимание ценностей православия в переложении на обыденные жизненные ситуации было достаточно распространено среди крестьян.

Обобщая сведения из разных мест страны, Н.Л. Петерсон обратил внимание на то, что часто повторялось при оценке религиозности крестьянина. Оказывается, «за внешнюю сторону религии он (крестьянин – Л.З.) держится крепко, не допускает от нее отступлений ни для себя, часто в ущерб своим интересам (напр., считая грехом работать в пришедшийся на страдную пору праздник), ни для других…»[15].

Любопытно, что автор приведенного (заметим, опять-таки – не совсем точного!) наблюдения не допускает даже возможности того, что «интересы» у крестьянина могут быть в сфере духовной, а не только экономической. И тогда причиной празднования может быть не только совершенно естественное желание отдохнуть в тяжелейшую страдную пору, но и «не допустить ущерба» православной вере и с ней связанному душевному состоянию.

Из рассуждений Данковского священника-миссионера становится очевидным только одно: необходимо менять формы работы с населением, идти к прихожанам. Но идти можно

---

[11] Leont`eva Tat`iana. Указ соч. С.256.

[12] Современник описал печальную судьбу проекта закона о реформе прихода, неоднократно вносившегося обер-прокурорами Св. Синода в Совет министров. Симптоматично, что это описание приведено в популярном издании – вопрос о приходе был важен для многих. См.: Голос жизни. 1915. № 19.

[13] Поспеловский Д. Русская православная церковь: испытания начала XX века // Вопросы истории. 1993. №1. С.53. Сн.10.

[14] Рязанские епархиальные ведомости. 1915. №10.

[15] Петерсон Н.Л. Просвещение. СПб., 1904. С.10.

только тогда, когда уверен в возможности ответного движения верующих. А этой уверенности у священнослужителей не было. Многое в отношении крестьян к священникам в целом определялось условиями повседневной жизни последних. Сельский священник, Михаил Левитов, считал, что «духовенство не пользуется никаким влиянием, ненавидимо и презираемо народом, служит в глазах его олицетворением жадности, корыстолюбия. Духовенство деморализовалось до потери значительной части не пастырского только, но и человеческого достоинства»[16].

Главную причину такого отношения крестьян к клиру четко обозначил в отчете моршанский священник о. Иоанн. Он писал: «...я узнал, сколько зависти (это главное), недоброжелательства, порою озлобления скопилось в среде простого народа против духовенства. И это явление повсеместное. Причины такого печального явления различны. Главнейшее – это способ содержания духовенства»[17].

Поэтому, предлагал о. Иоанн, требуется немедленное изменение системы материального обеспечения служителей церкви. Необходимость отказа от платы за требы, сборов продуктов в определенные праздничные дни, ликвидации земельного наделения причта, перехода к полному обеспечению со стороны государства и к добровольным приношениям прихожан – все это должно быть в повестке дня церковной политики государства. Такие перемены изменили бы положение представителей духовного сословия и его взаимоотношения с сельским православным населением.

Мысль о необходимости перемен в материальном обеспечении священно- и церковнослужителей была одной из тех, которые обращали на себя самое пристальное внимание не только клира, но и значительного числа мирян, в том числе журналистов и писателей из крестьян. «Чтобы создать для деревни истинного пастыря, способного и достойного насаждать добрые начала, необходимо обеспечить духовенству возможность честного и мирного труда на его служебном поприще, без заботы о насущном хлебе, а для этого следует принять материальное обеспечение его всецело на средства государства, с устранением доходов непосредственно от прихожан», – писал еще до революционных событий исследователь вопроса по материалам Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности[18].

Для иллюстрации крестьянского отношения к отмеченной проблеме приведем приговор крестьянского общества (с. Семеновского, Тверской губернии и уезда). В нем с наибольшей полнотой нашла отражение как раз указанная сторона взаимоотношений крестьян и местного священника: «Мы, нижеподписавшиеся, села Семеновского крестьяне, собравшись на сельский сход для обсуждения вопроса о вымогательстве священством с нас, крестьян, за требы денег, посоветовавшись между собой, единогласно постановили: в Рождество Христово платить 10 к., а сбор льна отменить, в нищенские семьи им не забираться, в Крещенье и в первый Спас мы, крестьяне, не находим нужным принимать священников, в Пасху Христову платить 25 коп., в день святого Пророка Илии – 10 коп., в престольный праздник 10 коп., в Вознесение Господне - 10 коп., а что касается совершения треб, как то: крещение, бракосочетание, похороны, исповедь, святое причащение, то вы обязаны знать, что воспрещено законом насильно брать деньги, а должны брать то, что дадут. Сбор яиц в Петров день просим отменить. Следуют подписи»[19].

Накануне мировой войны крестьянин, корреспондент столичного журнала, заметил: «... духовенство в погоне за разными благами: славой, властью, наживой после 1905 г. окончательно утратило свой прежний учительский авторитет перед народными массами»[20]. Чуть ниже: «Хулиганство в деревне – невелика беда; а вот вместо хлеба подносить голодным камень, вместо христианского жизнепонимания с основной братской любовью друг к другу, с основным понятием Бога любви, действующего через нашу совесть и сердце, поддерживать веру в посты и обряды, в старую сказку «геенны огненной» и заменять этим христианство – это уже другое дело. В этой-то замене и есть основное хулиганство русской жизни и оно-то и питает и поддерживает другие роды хулиганства, делая жизнь низов грубой и бедной, а богатых – развратной и праздной»[21].

---

[16] Церковный вестник. 1905. №32.

[17] ГАТО. Ф.181. Оп. 1. Д. 2065. Л.198-198 об.

[18] Петерсон Н.Л. Указ. соч. С.36.

[19] Народная газета. 1906. №14.

[20] Кр. Мих. Новиков. Хулиганство в деревне // Ежемесячный журнал. 1914. №4. С.111.

[21] Там же. С.112. В данной работе мы не останавливаемся на вопросе о распространенности различных форм отправления религиозных обязанностей крестьянством, о роли и значении обрядоверия и отражения в народных душах отмеченной автором приведенной цитаты сути православия.

Позднее тот же автор высказал вообще крайнюю по содержанию мысль: «…знает мужик по опыту, что скорее добиться закономерности от полицейских, нежели от духовных…; бессилье мужика – в его добродушии и неумении доводить дела до конца, в нежелании связываться со всякой дрянью»[22].

Если крестьянин Мих. Новиков так зафиксировал свой опыт взаимоотношений с духовенством, то были основания и для иных подходов. Для другого отношения нужно было немного. Один из крестьян обозначил возможные отношения в деревне на основании своих и односельчан представлений: «Как скоро в деревне раскусят, что за фрукт к ним пожаловал из нерабочего царства, и если он не вреден, а истинный благожелатель, то, не беспокойтесь, окружат его самой трогательной любовью, на какую культурный человек совершенно неспособен»[23]. Это – такое отношение крестьянина к необщиннику, которое в наибольшей степени отражало традиционно упоминаемые добрые качества простого сельского жителя страны, при всей сложности и неоднозначности их совокупности.

Если таковы крестьянские представления, то очевидна трудность положения достаточно большого числа священнослужителей: как и с чем им надо идти к пастве, если евангельские истины народ перелагает на поведение и существование представителей религии? «Приходское кормление» должно было быть необыкновенно тяжело для священника, тем более, что оно ежечасно заставляло его чувствовать зависимость от паствы. Некоторые же миряне, при нелюбви к священнику, всегда могли своей «подневольной милостью» подчеркнуть его унизительное положение[24].

Было бы неточным ограничиться набором только негативного материала об отношении прихожан к священно- и церковнослужителям, хотя он и носит преобладающий характер. Встречаются и факты иного толка. Сообщение из Воронежа: в Валуйскую тюрьму был помещен арестованный властями приходской священник. На другой день в Валуйки явилось до двух тысяч прихожан, которые с хоругвями, при пении «Спаси, Господи», освободили своего пастыря; при этом и священник, и крестьяне плакали[25].

Помимо указанного материального фактора, оказывавшего серьезное влияние на положение клира в деревне, и основывавшегося на личных взаимоотношениях мирян и клира, значимым было и еще одно обстоятельство. Оно заключалось во вполне определенном мировоззрении русского крестьянина. Остановимся на некоторых сторонах взглядов сельских тружеников.

«Настоящим трудом» сельчанин всегда считал только физический труд, особенно – труд на земле[26]. Поэтому все другие виды деятельности оценивались с точки зрения того, насколько они содействовали или затрудняли выполнение главного в жизни – последовательного цикла сельскохозяйственных работ. И с этой точки зрения «легкая и прибыльная» (по мнению крестьян) работа священнослужителя не создавала положительного отношения к нему. Припомним хрестоматийную формулировку таких представлений еще временнообязанным крестьянином Лукой из Пустопорожней волости, уезда Терпигорева, Подтянутой губернии и мнение священника по этому поводу, так ярко представленные Н.А. Некрасовым[27].

Было и еще одно, скорее всего – главнейшее обстоятельство. Очевидно совпадение христианско-православного и крестьянского народного представления о справедливости: помимо физического труда на земле – равенство везде и во всем, равенство в бедности, но, в первую очередь, равенство в условиях для труда, то есть в земельном обеспечении.

Это равенство в «праве на труд» вовсе не означало жесткого требования имущественного равенства, ибо иные, зависящие не всегда от людей, условия жизни могли существенно отличаться. Например, разным было количество детей в семье и, что особенно сказывалось на благосостоянии крестьянского двора, детей мужского пола, получавших

---

[22] Там же. 1916. №2. Стб.268, 270.

[23] Ежемесячный журнал. 1916. №3. Стб.230.

[24] Мстиславский С. Свое и чужое // Заветы. 1912. №3. С.125 (вторая пагинация).

[25] Правда Божия. 1906. №11.

[26] Позднее, уже в 20-е годы, в письме в газету крестьянин сформулировал это положение следующим образом: «Скажите чем отличается советская воасть от царской власти … тот кто стоит у власти и работает головой а не руками для прокормления себя как это нужно каждому человеку». – Крестьянские истории: российская деревня 20-х годов в письмах и документах. М., 2001. С.103.

[27] См. гл. 1 «Кому на Руси жить хорошо» Н.А. Некрасова. Вряд ли многое и существенно изменилось с тех пор.

земельный надел. Именно поэтому не было определенно однозначного отношения крестьян к зажиточным односельчанам.

При прозрачности деревенской жизни совершено очевидными были для односельчан способы достижения зажиточности. Упорный труд на земле, сноровка в ведении хозяйства и пр. были, с точки зрения соседей, достаточным основанием для уважительного отношения к зажиточности. В связи с общераспространенной чертой крестьянского менталитета, которая считала «настоящим» только физический труд, труд на земле, резко негативным было отношение крестьянина к иным, более легким, по его мнению, способам обогащения соседей. Отрицательное отношение к односельчанам, добывавшим лучшие условия существования иными путями – очевидно в русской деревне. Ростовщики, кулаки, торгаши, маклаки, обычно опутывавшие крестьянина различными формами зависимости, вызывали их стойкую, мягко скажем, нелюбовь, при радостном изумлении их сноровкой, наглостью и хваткой. Совершенно определенно и точно М.М. Громыко замечает о русских крестьянах: «Большое значение они придавали ... источникам богатства, т.е. тем способам, какими оно было изначально накоплено», и предпочтение отдавалось тому, кто разбогател в результате трудолюбия»[28].

Поэтому на первый план в церковной проповеди должны были быть выдвинуты такие черты христианского мировоззрения, которые бы вполне соответствовали крестьянскому представлению о справедливости, в том числе применительно к аграрной сфере. Недаром один из будущих активных участников революционного движения заметил, что поиск им «новой правды» начинался «от тех первых впечатлений о какой-то неведомой, но неизбежной грядущей «правде Христа»[29].

Поддержим автора мнения о том, что «возрождение связи крестьянства и духовенства могло произойти на почве крестьянской аграрной программы»[30]. Крестьянские представления о необходимом решении аграрного вопроса были усвоены многими политическим силами России и использованы ими для привлечения масс к той или иной партии. Это нашло, например, отражение в известном Декрете о земле.

Но в основе убеждений крестьян лежало иное, определяющим было не только решение аграрного вопроса с точки зрения увеличения обеспеченности землей. Дело касалось всего мировоззрения и мироощущения крестьянского населения страны.

На первом плане для крестьян было осуществление в обыденной жизни существовавшего на ментальном уровне представления сельских тружеников о необходимости соблюдения истинной, христианской справедливости. Народное же о ней представление носило ярко выраженный своеобразный характер, и было закреплено в обычном устном народном праве. В основе его лежало и представление о «праве на труд».

В соответствии с этим убеждением любой человек имеет право приложить собственные трудовые усилия для пропитания себя и семьи. Эта правда, с точки зрения крестьянина, была христианской правдой. Такая «настоящая правда» дополнялась убеждением о том, что главный объект приложения трудовых усилий, земля, Божья, ничья. На этом основании и строилась «крестьянская аграрная программа». Священник Ф.В. Тихвинский в выступлении на пленарном заседании Думы обобщил эти представления крестьян следующими словами: «Вот как смотрит крестьянство, вот как смотрит трудовой народ на землю: земля Божья, и трудящийся крестьянин имеет право на нее так же, как каждый из нас имеет право на воду и воздух. Было бы странно, если бы кто стал продавать или покупать, или торговать водою и воздухом, – так же странно звучит для нас, если кто торгует, продает или покупает землю»[31].

В крестьянских убеждениях отсутствовало понимание права частной собственности отдельного лица на землю, собственности без труда на ней, особенно в то время, когда труженику не предоставлялось возможности для приложения трудовых усилий[32]. Только такие идеи могли быть основой установления подлинной связи духовенства и крестьянства.

---

[28] Громыко М.М. Отношение к богатству и предприимчивости русских крестьян XIX в. в свете традиционных религиозно-нравственных представлений и социальной практики // Этнографическое обозрение. 2000. №2. С.87.

[29] Шлихтер А. У колыбели молодой гвардии // Прометей. №7. С.321.

[30] Leont`eva Tat`iana. Указ. соч. С.266.

[31] Цит. по: Ленин В.И. Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе // Полн. собр. соч. Т.15. С.157.

[32] Качоровский К. Народное право. М., 1906. С.170.

Очевидно, что проповеди таких крестьянских ценностей священнослужителями быть не могло, и это-то и было глубинной основой самостоятельных поисков многими крестьянами «настоящей Евангельской истины» и уклонения в ереси.

Таким образом, определяли отношение крестьянства к приходскому священству два начала. Первое – личное, связанное с типом материальных взаимоотношений крестьян и причта. Действительно, общее отношение крестьян к причту осуществлялось «с обязательным учетом личных, человеческих качеств священника»[33]. И здесь, на личном уровне, преобладало, скорее всего, негативное отношение, хотя оно могло быть достаточно легко изменено. Решающее значение имело второе начало – мировоззренческое, представление о том, насколько политика власти и ее проповедь в храме отвечали мироощущению крестьянского населения, его представлениям о справедливости. Именно «дело» и «проповедь», поскольку, по глубокому крестьянскому убеждению, христианские евангельские истины («слово Божие») в полной мере отвечали народному пониманию справедливости. Представление о несоответствии слова проповеди и дела (государственного) народным убеждениям привело к тому, в определенной степени отстраненному, отношению крестьянского населения к крайностям большевистской политики к православной церкви, которые проявились в начале 20-х гг.

Сотни лет тяжелого крестьянского труда, сложившееся на его основе мировоззрение и мировосприятие тружеников, не давали возможности воспринимать отличающиеся условия жизни помещиков, чиновников, священнослужителей и определяли отношение к ним сельских жителей.

При анализе отношения крестьянства к иным сословиям страны, в том числе и духовенству, необходимо принимать во внимание не только объективные, в данный момент существующие условия – политические, культурные, экономические и пр. Надо иметь в виду объективно существовавшие системообразующие культурологические аспекты. Они трудно и долго меняются, в отличие от способов хозяйствования, даже при крутых переменах повседневного быта.

Обычно-правовые убеждения требовали длительного времени для преобразования, складывания и усвоения новой системы ценностей, в которой заняли бы решающее место, например, представления о необходимости частной собственности, писаного права взамен устного, норм закона вместо обычаев, приоритета интересов личности перед мирской правдой, роли, наряду с трудом физическим, умственного. В рассматриваемый период этот процесс был еще в самом начале становления и проявлялся как составляющая кризиса русского национального самосознания[34].

Кризис сказался во многих сторонах жизни народа и предопределил поведение крестьянства (и не только его) в бурных коллизиях эпохи, и в сфере аграрной, и в отношении к дворянству и, конечно же, к приходскому духовенству.

PEASANTRY AND VILLAGE CLERGY IN THE BEGINNING OF XX CENTURY

L.I. ZEMTSOV

Lipetsk State Pedagogical University

e-mail: leozem@rambler.ru

The question on the attitude of peasantry to clergy in Russian villages of the beginning of XX century is considered. Publications of periodicals and archival materials are used. It is shown, that the attitude of agricultural population to clergy was defined not only personal qualities of the priest, it was influenced by system of material maintenance of ministers of the church, caused the protest as ecclesiastics, and church-goers. The main thing was that in outlook of peasants there were beliefs about the Christian validity, basing on a common law.

Key words: peasantry, clergy, outlook of peasants, common law.

---

[33] Ершов Б.А. Церковь русской провинции в XIX веке (на материалах Воронежской губернии). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Воронеж, 2007. С.18.

[34] Перевезенцев С.В. Русский выбор: очерки национального самосознания. М., 2007. С.383.

УДК 94 (47) «19»

ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ КНЯЗЯ Г.Е. ЛЬВОВА

О.А. ЗАХАРОВА[1)]
К.М. ЯЧМЕНИХИН[2)]

[1)]*Черниговский государственный педагогический университет им. Т.Г.Шевченко*

e-mail: bezugla_olga@mail.ru

[2)]*Черниговский Государственный педагогический университет им. Т.Г. Шевченко*

Статья посвящена формированию и эволюции мировоззрения видного общественного и политического деятеля России конца XIX – первой четверти XX вв. князя Г.Е.Львова. Рассмотрены особенности его коммуникативной сферы, система ценностей, образ жизни, эстетические вкусы и религиозные чувства князя.

Ключевые слова: Князь Г.Е.Львов, мировоззрение, система ценностей, гуманитарная деятельность.

Князь Георгий Евгеньевич Львов (1861 – 1925) играл важную роль в общественной и политической жизни России конца XIX – первой четверти XX вв., однако его личность долгое время оставалась без внимания историков. Объектом изучения чаще всего становилась деятельность князя во главе Временного правительства (март – июль 1917 г.)[1] и его роль в событиях внутриполитической жизни страны как главы Всероссийского земского союза (далее – ВЗС) в годы Первой мировой войны[2]. Предпринимались также попытки исследовать жизненный путь князя и его политическую деятельность[3], а также подробно рассмотреть отдельные периоды его жизни[4]. Однако вопросы формирования мировоззрения и коммуникативной сферы Г.Е.Львова, религиозных чувств, индивидуальных особенностей, эстетических вкусов, привычек и мотивов поведения князя, нашли отражение лишь в мемуарной литературе людей, близко знавших князя[5] и людей, сталкивавшихся с ним сугубо по деловым вопросам[6]. Большое значение для исследования личности Г.Е.Львова имеют также его воспоминания, которые охватывают период детства и юности князя[7].

---

[1] Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980; Катков Г.М. Февральская революция. Париж, 1984; Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988; Гайда Ф.А. Механизмы власти Временного правительства (март – апрель 1917 г.) // Отечественная история. 2001. №2. С.141–153.

[2] Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976; Вишневски Э. Прогрессивный блок // Политические партии и общество в России (1914 – 1917 гг.): Сборник статей и документов. М., 1999. С.89–117; Мультатули П.В. Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. СПб., 2002; Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917). М., 2003; Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914 – 1917). М., 2003; Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914 – 1917). Рязань, 2004.

[3] Пушкарева И.М. Г.Е.Львов // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. С. 153–195; Трут В.П. Г.Е.Львов // История России (IX – XX вв.) / Отв. ред. Я.А.Перехов. М., 2000. С.380–392.

[4] Фомин. Н.К. К биографии князя Г.Е.Львова: документы рода князей Львовых в фондах архива Тульской области // Местное самоуправление: традиции и современность. Материалы 1-й региональной научно-практической конференции. Алексин, 2002. С.12–15; Фролова Л.П. Г.Е.Львов во главе тульского земского движения в к. XIX – нач. XX вв. // Там же. С.16–19; Князь Георгий Львов. Возвращение имени: Сборник статей, посвященных 145-летию со дня рождения. Калуга, 2006.

[5] Полнер Т.И. Жизненный путь князя Г.Е.Львова: Личность. Взгляды. Условия деятельности. М., 2001; Ельцова К. Сын Отчизны // Львов Г.Е., князь. Воспоминания. М., 2002. С.235–265; Львова М.Е., княжна. Воспоминания // Львов Г.Е., князь. Воспоминания. М., 2002. С.317–354; Олсуфьев Д.А., граф. Князь Георгий Львов // Возрождение. 1931. 12 сентября.

[6] Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (г. Москва). Ф.436. Корженевский П.И. К.11. Д.1. Воспоминания. Тетрадь IV. «Война. ВЗС». [1940 – 1950]. 108 л.; Архив Всероссийской мемуарной библиотеки Российского общественного фонда имени А.Солженицына (г. Москва). Д. Е65. Колачевский А.М. Воспоминания. [1976]. 20 л.; Дорошенко Д. Мої спомини про недавнє-минуле (1914 – 1920). Мюнхен, 1969; Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники. Париж, 1988; Трубецкой С.Е., князь. Минувшее. М., 1991; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000; Васильчиков Б.А., князь. Воспоминания. М., 2003.

[7] Львов Г.Е., князь. Воспоминания. М., 2002. С.19–232.

Каким Георгий Евгеньевич видел мир и свое место в нем? Попробуем воссоздать характерные черты личности князя сквозь призму его детских впечатлений и установок, которые, безусловно, и начертали тот жизненный сценарий, которому он следовал в течение всей жизни.

С самого рождения у князя, учитывая аристократическое происхождение, была очень высокая планка относительно будущих поступков и устремлений. Древняя родословная обязывала к осознанию исторической и социальной значимости семьи и своего места в ней, а позже мобилизовала к следованию высоким примерам предков. Тем не менее, Г.Е.Львов был абсолютно лишен присущего некоторым аристократам снобизма. Гордился не титулом, не возможностью быть принятым при дворе, а тем, что из рода Львовых вышло четыре святых[8].

Детство Г.Е.Львов провел в с. Поповка Алексинского уезда Тульской губернии. Это небольшое имение стало колыбелью пятерых детей князей Львовых, с ним, по словам Георгия Евгеньевича, была связана вся его жизнь[9]. Семейная атмосфера Львовых была дружелюбной и демократичной, став, по выражению князя, «более ценным капиталом, чем денежный, которого отец не смог дать детям»[10]. К сугубо воспитательным мотивам родителей добавились материальные сложности, поэтому дети росли настоящими аскетами. Подарки родители делали редко, и даже на дни рождения ребята обычно получали не магазинные гостинцы, а что-нибудь из родительских или домашних вещей. «Сколько было радости, если подарят, например, понравившегося в стаде… жеребенка, или даже любимую дорожку в саду.., дерево, на которое легко лазить», – вспоминала княжна Мария Львова[11]. Ее брат писал, что совсем не помнит игрушек и игр в детстве[12]. Дети жили в деревне, не видели магазинов с их роскошными витринами, а редкие гости не задаривали конфетами. Именно поэтому, когда кто-то из родителей возвращался из города, они не ожидали гостинцев и «искренне радовались их приезду ради них самих»[13].

Младшие Львовы с малых лет приучались к физической работе – не по принуждению, а потому, что это радовало их родителей и потому, что так делали крестьянские дети, рядом с которыми они росли. Судя по воспоминаниям брата и сестры, маленькие взрослые дела действительно увлекали их: выращивание овощей на собственном огороде, сбор лекарственных растений, птицеводство. Трудности лет отрочества и юности, когда братьям пришлось своими силами «поднимать» Поповку, окончательно отделили Георгия Евгеньевича от аристократии. «Ничто не готовит так к жизни, как нужда и борьба с ней»[14], – писал князь позже. Наверняка, не последнюю роль сыграла также территориальная и родственная близость к Москве, по крайней мере, в оформлении внешних признаков образа жизни Г.Е.Львова. Молодой князь отчасти представлял собой тип классического представителя московской аристократии конца XIX в. Сравнивая питерскую и московскую элиты, кадет князь В.А.Оболенский писал, что москвичи одевались небрежно, имели мягкие, но размашистые манеры, были сердечными в личных отношениях. Зная крестьянскую жизнь не понаслышке, были демократичными по духу и быту[15]. А деревенский сленг хорошо образованного Г.Е.Львова[16] лишний раз доказывает определяющую роль семейного и социального окружения в жизни любого человека.

Жизненные принципы, усвоенные в детстве под влиянием родителей, в юности идейно оформились благодаря учению графа Л.Н.Толстого. Толстовство с его лозунгами непротивления злу насилием приобрело большой резонанс в русском обществе 1880-х гг., когда Г.Е.Львов учился в университете. Кроме того, семья Львовых была хорошо знакома с писателем. Хотя идейная непримиримость последнего была чужда компромиссному характеру князя, в целом он прожил жизнь согласно основным принципам толстовства: разумное самоограничение, самообслуживание, посильный физический труд, отречение от личной выгоды, привилегий и денег. Князь никогда не уделял большого внимания собст-

---

[8] Алданов М. Картины Октябрьской революции. Исторические портреты. СПб., 1999. С.166.
[9] Львов Г.Е. Указ соч. С. 20.
[10] Там же. С.57.
[11] Львова М.Е. Указ. соч. С.326.
[12] Львов Г.Е. Указ. соч. С.105.
[13] Львова М.Е. Указ. соч. С.326
[14] Львов Г.Е. Указ. соч. С.200.
[15] Оболенский В.А. Указ. соч. С.363.
[16] Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С.407.

венной внешности, что позволило современникам сравнивать его с земским врачом[17], помещиком средней руки[18], называть спартанцем[19] и пролетарием[20]. Он сам чистил себе ботинки[21], без комфорта жил «на чемоданах» на Дальнем Востоке[22].Обычно рацион Георгия Евгеньевича состоял из традиционных народных блюд. Правда, будучи прекрасным кулинаром, князь иногда из самых простых продуктов готовил весьма мудреные кушанья[23]. Интересно, что пренебрежение к внешним атрибутам своего сословия и привычка к самоограничению сопровождали князя и в годы бедности (детство, старость в эмиграции), и в годы финансового благополучия (зрелость). Физический труд также занимал не последнее место в его жизни. «Без работы человек, как безводное облако, гонимое ветром...»[24], – писал князь в 1922 г. Е.П.Писаревой. Что касается денег, то они никогда не занимали в его жизни значительного места. Возродив Поповку и превратив ее в доходное хозяйство, князь продолжал заниматься предпринимательством для обеспечения будущего семьи. Других резонов для Г.Е.Львова не существовало – лично на себя он денег почти не тратил.

Став взрослым и включившись в общественно-политическую деятельность, Георгий Евгеньевич отличался от многих общественных деятелей своей эпохи отсутствием ненависти к чужим взглядам и убеждениям. «Человека, иначе мыслящего, он выслушивал внимательно и соглашался с ним, если тот говорил дело»[25], – вспоминал современник князя. Без преувеличения можно сказать, что толерантность князь перенял от отца.

Влияние Евгения Владимировича на детей и, особенно на Георгия, было колоссальным. Всю жизнь Г.Е.Львов боготворил свою семью, ставя на пьедестал почета, прежде всего, отца. Княгиня В.А.Львова по причине ранней потери слуха не могла стать для детей полноценной собеседницей и воспитательницей. А между тем глава семьи всегда был для сына «внутренним критерием дозволенного и недозволенного. Он был проверочным инструментом, который давал самые точные измерения в духовной и моральной области»[26]. Огромное воспитательное значение, по словам Г.Е.Львова, имел родительский пример уплаты так называемых «долгов совести»[27]. Когда Львовы в 1870-х гг. разорились, ситуация осложнилась многими юридически не оформленными долгами, причем происхождение большинства из них с течением времени было утрачено. Отец считал своей моральной обязанностью выплачивать их, стремясь вместе с тем не лишать детей радостей жизни и маленьких развлечений. Г.Е.Львов писал, что с тех пор уплата долга, как и исполнение долга вообще, приносили ему радость глубокого морального удовлетворения, личного и семейного торжества[28]. Кстати, последний семейный долг, который насчитывал более ста лет, Георгий Евгеньевич выплатил уже накануне Первой мировой войны.

Читая воспоминания князя и людей, которые встречались с ним, особенно в кризисных ситуациях, бросается в глаза сходство поведения отца и сына по отношению к жизненным неурядицам. Испытания судьбы старый князь переживал спокойно, никогда не падал духом и часто повторял фразу «Ну, Бог даст, все образуется»[29]. Эти же слова приходилось часто слышать от Г.Е.Львова его сотрудникам в первые месяцы Февральской революции[30].

---

[17] Локкарт Р. Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. Рига, 1933. С.159.

[18] Тыркова-Вильямс А. Подъем и крушение // Возрождение. 1956. № 52. С.68.

[19] Ельцова К. Указ. соч. С.241.

[20] Олсуфьев Д.А. Указ. соч.

[21] Полнер Т.И. Указ. соч. С.207.

[22] Там же.

[23] Там же. С.206, 379.

[24] Почтовые открытки, отправленные князем Г.Е.Львовым из США в Париж (Из архива Алексинского художественно-исторического музея) // Развитие земских традиций в деятельности современных представительных органов местного самоуправления: Материалы регионального семинара. Тула, 2003. С.44.

[25] Цит. по: Смирнов А.Ю. История Общеземской организации (1904 – 1914). Дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. СПб., 2001. С.109.

[26] Львов Г.Е. Указ. соч. С.55–56.

[27] Там же. С.28.

[28] Там же.

[29] Там же. С.27.

[30] Из дневника генерала А.Н.Куропаткина // Красный архив. 1927. Т.1 (20). С.65; Оболенский В.А. Указ. соч. С.375; Трубецкой С.Е. Указ. соч. С.109.

Как и отец, Георгий Евгеньевич никогда и ни в чем не искал виноватых. Когда Львовы разорились, глава семьи даже в семейном кругу никогда не роптал на реформу 1861 г.[31], экономические последствия которой, как известно, стали причиной разорения многих помещичьих хозяйств. Пережив политический взлет и падение, Г.Е.Львов тоже не склонен был пенять на судьбу. «Когда мысленно окинешь глазами пережитое – благодарить надо Господа за милосердие, а посмотришь вперед – надо уповать на него», – писал князь[32].

Положение младшего сына в семье, на наш взгляд, также стало немаловажным фактором в формировании характера князя. Г.Е.Львов признавался, что «чувство, вытекавшее из того, что я действительно был меньше всех, осталось у меня на всю жизнь. Всегда я чувствовал, что все старше меня и я до них не дорос»[33]. Психологи считают, что зачастую младший ребенок хочет всех опередить, всегда спешит начать новое дело, руководствуясь верой в то, что должен достичь большего, чем остальные[34]. В детстве и юности Георгий постоянно соперничал с братом Сергеем, который был на год старше него. Сначала соревнования имели вид ссор и драк, но со временем приобрели сугубо деловой оттенок. Остроты прибавили годы восстановления родового гнезда, а тот факт, что Сергей, бросив гимназию, дома «ворочал делами»[35], разжигал и волновал младшего брата. Последний неистово желал доказать себе и родным, что тоже способен на самопожертвование. Высокое происхождение и связи при дворе открывали перед князем широкие перспективы, но «он зарылся в деревне»[36].

Впрочем, судьбу не обманешь – скромный, не публичный и малозаметный Г.Е.Львов, который никогда не рвался «наверх», сделал феноменальную карьеру. Несомненно, что детское стремление к самоутверждению и привычка рассчитывать исключительно на собственные силы вкупе с личностными чертами сыграли не последнюю роль в вознесении князя на общественно-политический олимп.

Интересно присмотреться к особенностям коммуникативной сферы Г.Е.Львова, причем нельзя не заметить некоторые противоречия. С одной стороны, среди людей, которые знали князя, он слыл хорошим психологом. Удивительно тонко чувствовал людей. С одинаковым успехом мог понизить нервозность раздраженного начальника[37] и заворожить старенькую горничную друзей Лопатиных разговором о жизни[38]. Когда в конце 1880-х гг. Г.Е.Львов служил в уездных по крестьянским делам присутствиях, то «всюду, где были осложнения, даже волнения – посылали его, и все обходилось»[39]. Князь имел исключительный талант говорить с народом, с толпой[40]. Именно *говорить* (курсив – О.З. и К.Я.), отнюдь не ораторствовать. В большой аудитории он всегда терялся, совсем не умел выступать перед слушателями с речами и всячески избегал таких случаев. Следует отметить, что боязнь публичности не относилась к приобретенным с годами психологическим качествам Георгия Евгеньевича. Склонность к такому поведению проявилась еще в раннем детстве, когда однажды в Поповке ставили домашний спектакль. Маленький Георгий должен был играть Красную Шапочку но, увидев за поднятым занавесом зрителей, «сконфузился и расплакался». «Это был единственный за всю мою жизнь выход на сцену», – признавался он. Современник вспоминал, что князю было невыносимо бывать на больших собраниях[41]. Будучи депутатом I Государственной Думы[42], а потом главой Временного правительства[43], Г.Е.Львов продолжал избегать выступлений, предпочитая «незаметно и скромно отсиживаться» на своем месте[44]. Между тем в общественно-политической деятельности он был мастером кулуарных переговоров, предпочитая частное общение с единомышленниками и влиятель-

---

[31] Львов Г.Е. Указ. соч. С.27.

[32] Почтовые открытки, отправленные… С.37.

[33] Львов Г.Е. Указ. соч. С.117.

[34] Адлер А. Воспитание детей. Взаимодействие полов. Ростов-на-Дону, 1998. С.100.

[35] Львов Г.Е. Указ. соч. С.157.

[36] Кускова Е. Памяти князя Г.Е.Львова (Вечер в Праге) // Дни. 1925. 21 марта.

[37] Полнер Т.И. Указ. соч. С.56.

[38] Ельцова К. Указ. соч. С.248.

[39] Там же. С.242.

[40] Там же.

[41] Зеелер В. Князь Львов в Земско-Городском Комитете // Последние новости. 1925. 16 апреля.

[42] Набоков В.Д. Временное правительство. Воспоминания. М., 1991. С.39.

[43] Амфитеатров-Кадашев В.А. Страницы из дневника // Минувшее. 1996. Вып. 20. М.-СПб.: Atheneum-Феникс. С.470.

[44] Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. London, 1990. С.282.

ными людьми. Делаем акцент именно на личностных причинах «непубличности» Г.Е.Львова – лексические недостатки в данном случае не при чем. Биограф князя Т.И.Полнер вспоминал, что он говорил легко, негромко, быстро, иногда односложно, охотно пользуясь образными выражениями мужицкой речи. Его суждения сразу привлекали внимание[45]. Другого современника, коллегу по гуманитарной работе на Дальнем Востоке, А.А.Татищева князь поразил умением формулировать резолюции, способные объединять представителей разных течений. «В этом отношении он временами был фактическим председателем, хотя скромно сидел в конце длинного стола президиума», – замечал автор[46].

Возвращаясь к противоречивой природе межличностных контактов Г.Е.Львова, следует отметить, что, несмотря на «исключительную проницательность и видение людей насквозь»[47], он все-таки, не очень хорошо разбирался в людях. Согласно своей жизненной философии князь, безоговорочно веря в людей, предпочитал видеть в них только лучшие черты. Иногда его доверчивостью пользовались как некоторые сотрудники по ВЗС, так и мелкие проходимцы[48]. И снова нельзя не заметить сходство с личными качествами отца Георгия Евгеньевича: «...он был очень доверчив, переоценивал людей...»[49]. Следует признать поэтому, что психологические таланты князя имели скорее интуитивно-эмоциональную, нежели рационалистическую природу.

Эстетические вкусы Г.Е.Львова тоже «родом из детства»: равнодушие к классическому искусству, знаменитым шедеврам архитектуры и красотам чужой (точнее, нерусской) природы. Наибольшей эстетической ценностью всегда была для него родная природа. Все без исключения люди, знакомые с князем, в своих воспоминаниях отмечали его патриотизм. Из-под пера Георгия Евгеньевича вышли волшебные картины родной природы и жизни в Поповке, а прекрасная память позволила воссоздать многочисленные детали. С детства князь был хорошо знаком с литературой. Сначала отец подбирал книги для детского чтения, а в гимназический период Георгий увлекался русской классикой. Годы борьбы с нуждой не оставили времени для чтения, во всяком случае, нет информации о его литературных пристрастиях в тот период, а на склоне лет князь сильно заинтересовался евангельской литературой. Т.И.Полнер справедливо называл его мастером русского слова – это очевидно для всех, кто читал воспоминания Г.Е.Львова. Образный и цветистый стиль является несомненным украшением произведения. Однако использование князем высокопарных оборотов в общественно-политических обращениях накануне Февральской революции и в 1917 г. иногда настолько простодушно и наивно выглядело, что со временем приводило в бешенство некоторых историков[50]. Между тем, упомянутый стиль письма был всегда характерен для князя, о чем свидетельствует его частная переписка[51].

Что касается театрального искусства, долгая жизнь в деревне показала юному князю несоответствие хорошо известных ему народных характеров образам, созданным актерами на сцене. Хотя «театры расширяли рамки, в которые вкладывалось мое представление о русской жизни, они никогда не захватывали меня, страсти к ним я не ощущал и не понимал в других», – признавался Г.Е.Львов[52]. Его музыкальные вкусы тоже сформировались на крестьянской почве: любимым инструментом с детства была жалейка, на которой князь хорошо играл. Также он очень любил слушать игру рожечников. Один единственный раз Т.И.Полнер видел скромного князя, буквально неистовствовавшего от восторга, когда случайно попал на игру рязанских музыкантов. От волнения князь уронил шапку, бешено аплодировал и кричал на весь зал: «Спасибо! Спасибо! Вот утешили, так утешили!..»[53]. Чудесно пел, точнее «сказывал» народные песни, захватывая своим искусством немногочисленных гостей в эмиграции. «Это была не передача (песни), а живой русский мужик, живая Россия, деревня со всеми ее звуками и запахами. Одинаково невоз-

---

[45] Полнер Т.И. Указ. соч. С.55.

[46] Татищев А.А. Земли и люди: В гуще переселенческого движения (1906 – 1921). М., 2001. С.61.

[47] Алданов М. Кутузов русской революции (Отрывки) // Дни. 1925. 15 апреля.

[48] Об этом: Наживин И. Накануне. Из моих записок. Б.м., 1923. С.116–118; Российский государственный военно-исторический архив. Ф.12564. Оп.1. Д.23. Л.111.

[49] Львова М.Е. Указ. соч. С.344.

[50] Катков Г.М. Указ. соч. С.173; Аврех А.Я. Распад третьеиюнськой системы. М., 1985. С.190.

[51] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.810. М.В.Челноков. Оп.1. Д.237. Письма Г.Е.Львова к М.В.Челнокову. 33 л.

[52] Львов Г.Е. Указ. соч. С.167.

[53] Полнер Т. Князь Г.Е.Львов // Львов Г.Е. Указ. соч. С.294.

можно было схватить и слова, скороговоркой поспевавшие за мотивом, и те интервалы, свойственные только русской песне…», – вспоминала сотрудница Георгия Евгеньевича Е.М.Ельцова[54]. Пересекая Атлантику, князь совсем не любовался океаном, а Ниагарский водопад оставил его равнодушным[55]. Вместо того, чтобы посетить парламент и Вестминстерское аббатство в Лондоне, Г.Е.Львов попросил отвезти его на английскую ферму, где с огромным интересом рассматривал понятные ему «достопримечательности» хозяйства[56].

Место религии в жизни князя – это особая тема… Будучи глубоко религиозным человеком (не только по обряду крещения, а прежде всего, по миропониманию), он разделял фундаментальные ценности православия, которые определяли как его мировоззрение, так и общественно-политическую позицию. Смирение, кротость, самоотдание – вот какими евангельскими идеалами он руководствовался на жизненном пути[57]. Принятие такой судьбы требует дисциплины, милосердия, почтения, которые принимаются религиозным человеком как жизненные обязательства. Каждый человек, религиозно настроенный или нет, обладает своими собственными предельными постулатами. Он обнаруживает, что не может без них жить, и что они для него являются истинами[58].

Православные посты в детстве Г.Е.Львов описывал как радостный канун светлых праздников Рождества и Пасхи[59], собственную корреспонденцию к родным всегда завершал аббревиатурой Г. с. т. (Господь с тобой), а на стенах парижского кабинета князя висели образы Великих угодников Ярославских. Детская мечта стать лесным сторожем, чтобы уединиться от мирской суеты и под покровом векового леса погрузиться в особое духовное ви́дение[60], с годами трансформировалась в стремление остаться в Оптиной Пустыни. Святая обитель притягивала его не затворничеством, не тяжелым послушанием и молитвой. «Старцы» широко открывали двери своих келий для всех, кто сгибался под тяжестью безмерного горя[61]. Помочь измученной душе обрести мир, успокоить и возродить ее к новой жизни – такой моральный подвиг притягивал князя. Часто посещая обитель, дважды в своей жизни Георгий Евгеньевич принимал решение там остаться. Тяжелое горе потери жены, растерянность и отчаяние после краха премьерства толкнули его на этот шаг. Но каждый раз старец, к которому обращался князь, посылал его в мир, считая не готовым к высокой миссии[62].

В отношении к людям князь руководствовался принципами христианской морали. И хотя ради успеха «дела» мог мириться с ненавистной ему царской бюрократией и даже поступаться политическими принципами, ни разу не поставил под удар жизнь человека. Т.И.Полнер вспоминал о характерном случае, произошедшем во время русско-японской войны, когда князь возглавлял Общеземскую организацию[63]. В августе 1904 г. японской бомбардировкой была разгромлена железнодорожная станция Ляоян, а часть персонала и имущество перевязочного пункта организации остались не эвакуированными. Т.И.Полнер бросился искать добровольцев из местного населения, предлагая людям немалые деньги, а Георгий Евгеньевич категорически ему это запретил. «Вы – взрослый человек и сами можете делать какие угодно глупости. Но сманивать людей деньгами и подвергать их жизнь опасности… Я вам это запрещаю…», – резко сказал он[64]. В конце концов, вещи были погружены на телеги, и ночью под обстрелом обоз тронулся в путь.

Для Г.Е.Львова, как представителя прогрессивной части интеллигенции своего времени, была характерна воля к самопожертвованию, а идея неизбежности жертвы составляла, как нам кажется, важный элемент его этики. Современники отмечали склонность к фатализму[65] и покорность судьбе – он был словно создан для того, чтобы претерпевать[66].

---

[54] Ельцова К. Сын Отчизны // Львов Г.Е. Указ. соч. С.263.
[55] Полнер Т.И. Указ. соч. С.215–216.
[56] Там же. С.213.
[57] Полнер Т.И. Указ. соч. С.88.
[58] Олпорт Г. Становление личности. М., 2002. С.213.
[59] Львов Г.Е. Указ. соч. С.50, 51.
[60] Там же. С.222.
[61] Полнер Т.И. Указ. соч. С.86.
[62] Там же. С.87.
[63] Там же. С.118–120.
[64] Там же. С.119.
[65] Оболенский В.А. Указ. соч. С.376; ГАРФ. Ф.5881. Коллекция отдельных документов эмиграции. Оп.2. Д.335. Еропкин А.В. Записки А.В.Еропкина, члена Государственной Думы. Л.125.
[66] Чебышев Н.Н. Опекун // Зарницы. 1921. №15. С.1.

Причину этого феномена следует искать в области мистической предуготовленности, в русском мессианстве. «Ведь это я сделал революцию, я убил царя и всех...все я...», – повторял князь в Париже Е.М.Ельцовой[67]. «Глаза его смотрели в какую-то даль, и он будто ей улыбался», – вспоминал сотрудник Г.Е.Львова по ВЗС князь С.Е.Трубецкой. Пристальный и вместе с тем мечтательный взгляд человека, который, видимо, верил в свое особое предназначение, не остался без внимания современников. Хотя отчасти славянофильские убеждения князь перенял от отца, в молодости он вполне сознательно увлекся этими идеями, не игнорируя, впрочем, теорий западников, произведения которых прочитал в университете. Он сознавался, что «и славянофилы, и западники разными путями, но в одинаковой мере теоретически обосновали и укрепили во мне любовь к своему русскому, но западники.., привили идеи гражданственности, широкого равноправия и прогресса»[68]. Утверждение славянофилов о том, что Запад гниет и разлагается, не раздражали князя своей несправедливостью, поскольку «касались не своего, а чужого»[69]. Вместе с тем отрицание западниками русской исторической традиции, самостоятельности культуры и общенародного животворящего духа глубокого оскорбляли Г.Е.Львова. Он отмечал, что западники только укрепили в нем славянофильские взгляды. Согласно идеологии славянофильства, «народ» понимался князем не только как «человеческий материал», в то время как понятия «духовная сущность» и «русская народность» рассматривались им «в неразрывной связи с православной верой»[70]. Исключительность исторического пути России, утверждение о том, что русский народ – богоносец, по собственному выражению князя, отвечали его чувствам на протяжении всей жизни[71].

Все, что было связано с русской народной традицией, безапелляционно возвеличивалось Г.Е.Львовым. Он был так увлечен народной жизнью, что терял способность замечать ее теневые стороны. «Любая медаль имеет обратную сторону, – писал Т.И.Полнер, – но когда дело касалось русского народа, кн. Львов не умел ее видеть»[72]. Оценка С.Е.Трубецкого резче: «Кн. Львов верил не в русский народ вообще, а собственно в *простонародье* (курсив – С.Е.Трубецкого), которое рисовалось ему в фальшиво-розовых тонах»[73]. И, наконец, о поведении в Февральской революции: «Ослепленный своей верой в мудрость русского народа, Львов поначалу прекраснодушно принимал разрушительную стихию революции за подъем народного творчества и делал одну ошибку за другой»[74]. Действительно, с детских лет князь не привык замечать отрицательные стороны народной жизни – пьянство, жестокость, грубость и дикость, поскольку поповские крестьяне стыдились показывать все это перед юными господами. С того времени любая критика «русского мужика» и сравнение последнего с работниками других стран воспринимались князем крайне болезненно. В юношеские годы князя приводил в негодование пафос творчества поэтов «гражданской скорби», которое было вызвано, как он писал, политическими запросами современников[75]. В горячих спорах он убеждал товарищей, что они не знают народа так же, как не знают его поэты, народолюбцы и чиновники.

Князь много раз повторял, что «трудовая гиря – лучшая для измерения и характеристики народа»[76]. Наблюдая летом 1904 г. за муравьиным действом китайских землекопов в Ляояне, Георгий Евгеньевич замечал спутникам, что несколько десятков рязанских копачей своим микулинским трудом за месяц выполнят то, что тысячи китайцев будут делать год. Один из собеседников резонно возразил: «Вы забываете, князь, что вашим «микулам» платят сдельно, с куба... Да и харч идет им другой. Со щепотки риса не очень-то размахнешься...». Однако Г.Е.Львов был непреклонен: «Нет, это уж порода такая. Нет работника лучше нашего мужика!»[77]. В 1909 г. с целью изучения переселенческого опыта князь вместе с Т.И.Полнером посетили США и Канаду. Вполне естественно, что наблюдение за американской трудовой жизнью не могло остаться без внимания Г.Е.Львова. Отдавая должное громадной силе творчества че-

---

[67] Цит. по: Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. СПб., 1994. С.330.
[68] Львов Г.Е. Указ. соч. С.171, 172.
[69] Там же. С.172.
[70] Шапошников Л.Е. Идеология славянофильства и современное православие. М., 1985. С.19.
[71] Львов Г.Е. Указ. соч. С.171.
[72] Полнер Т.И. Указ. соч. С.225.
[73] Трубецкой С.Е. Указ. соч. С.109.
[74] Степун Ф. Указ. соч. С.330.
[75] Львов Г.Е. Указ. соч. С.154.
[76] Полнер Т.И. Указ. соч. С.105.
[77] Там же.

ловеческой работы, князь назвал США рабочей страной, которая чтит работу, умеет работать и организовать работу. Однако почтительное удивление перед «образцовой школой труда» не переросло у него в восхищение перед американцами: «Я не имею права, пробыв так мало времени среди американцев, касаться их внутренней, духовной жизни. Сквозь… фигуры их – с вечной жвачкой во рту – не просвечивает души… Духовные интересы *большинства*, по-видимому, скрыты в железных сундуках банков…»[78].

Несмотря на вышесказанное, нам кажется, что «идеализация» Г.Е.Львовым народа не носила сугубо интуитивный и эмоциональный характер. Князь, как человек, хорошо знавший деревенскую жизнь, не мог не понимать ее недостатков и ментальных особенностей своего народа. Его оптимистичные прогнозы насчет духовного возрождения крестьянства и его колоссального экономического потенциала основывались, прежде всего, на объективном понимании не изжитых до сих пор последствий крепостного права: «…от поколения, принявшего… традиции приказного порядка, нажитые столетиями, нельзя было требовать мгновенного перерождения»[79], – говорил князь.

Таким образом, жизненные принципы и основные черты характера Г.Е.Львова сформировались в детстве под влиянием семьи. Культурная и эмоциональная атмосфера семьи Львовых позволила воспитать свободную от предрассудков и развитую личность, добросовестного и неконфликтного человека, который жил в гармонии с окружающим миром. Г.Е.Львов был толерантным и компромиссным человеком, доброжелательным в отношениях с людьми. Однако в ситуациях, несовместимых с его жизненной позицией, всегда демонстрировал твердость убеждений. Важной чертой характера князя, также приобретенной в детстве, была способность оставаться собой, не зависеть от окружения и не падать духом из-за жизненных неурядиц. В то же время внутренним духовным резервом и главным мотивом большинства поступков Г.Е.Львова стали его религиозные чувства.

На формирование мировоззрения князя определяющее влияние оказал его отец. Усвоенные в детстве моральные принципы, стиль жизни и эстетические вкусы Георгия Евгеньевича на протяжении жизни оставались неизменными. Приоритет физического труда, близость к народу и славянофильские взгляды определи призвание князя – гуманитарную деятельность, главным объектом которой стало преданно любимое им крестьянство. Оптимизм и вера Г.Е.Львова в духовный потенциал русского народа в течение всей жизни укрепляли его уверенность в будущем возрождении крестьянства.

THE FORMATION AND EVOLUTION OF PRINCE G.LVOV's OUTLOOK

O.A.ZAHAROVA[1)]
K.M.YACHMENIKHIN[2)]

[1)]Chernigov State Pedagogical University by T.G.Shevchenko

e-mail: bezugla_olga@mail.ru

[2)] Chernigov State Pedagogical University by T.G.Shevchenko

The article is devoted to formation and evolution of outlook of Prince G.E.Lvov – the outstanding public and political person of Russia of the end of the XIXth – the first quarter of the XXth century. The features of his communicative sphere, system of values, the way of life, esthetic tastes and religious feelings of Prince are analyzed.

Key words: Prince G.E.Lvov, outlook, the system of values, the humanitarian activity.

[78] Там же. С.215.
[79] Львов Г.Е. Указ. соч. С.72.

УДК 94(47).084.2

ДЕПУТАТЫ ВСЕРОССИЙСКОГО УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ: ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Л.Г. ПРОТАСОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина

e-mail: lev_pro@mail.ru

Выявлен этнонациональный состав Учредительного собрания, что позволяет уточнить карту «политической географии» России 1917 г. В него вошли представители свыше 30 народов. Выборы показали двойственность национального сознания, асинхронность развития народов России, разный уровень их консолидированности. Революция в полиэтничной стране привела к столкновению националистического и правового начал, к распаду ее на отдельные государства и территории.

Ключевые слова: Учредительное собрание, депутаты, выборы, национальное сознание, революция, полиэтничное государство

Имперская Россия походила на дремлющий вулкан, где самодержавная власть своей прагматичной этнопатерналистской политикой до поры до времени гасила вырывавшиеся на поверхность вспышки национального недовольства. Однако общий кризис имперской идеологии, мировая война, в которой друг другу противостояли многонациональные империи, намеренно разжигавшие межэтнические противоречия в стане противника, и сама революция 1917 г. неизбежно обостряли в стране национальный вопрос.

Для России он осложнялся и геополитически: ее территория являла собой гигантскую контактную зону цивилизаций, конгломерат ста с лишним народов, различавшихся не только уровнем экономического, правового и культурного развития, но и его разнонаправленностью. В этих условиях вестернизация не могла стать универсальным способом решения проблем, поскольку значительная часть населения тяготела к социокультурным ценностям восточного мира. Национальные окраины таили в себе потенциальную угрозу развала империи, которая при ослаблении центральной власти и в связи с практической осуществимостью национального самоопределения стала реальностью.

Революция 1917 г. была не только политической, но и национальной, для нее характерны подъем самосознания входивших в состав империи народов, оформление национальных партий, рост автономистских, федералистских и сепаратистских тенденций, территориальный партикуляризм и пр. Судьбы Всероссийского Учредительного собрания (ВУС) и национального вопроса событийно оказались связаны воедино, и этим звеном было определение будущего государственного устройства России.

В выборах ВУС участвовала 31 национальная партия. По данным Всероссийской избирательной комиссии, в гражданских избирательных округах были заявлены 134 национальных социал-демократа, 31 национальный эсер, 160 национальных трудовиков, 385 национальных демократов[1]. Национальные списки собрали около 10% общего числа голосов. Выявление этнонационального состава депутатского корпуса позволяет уточнить карту «политической географии» России 1917 г., баланс политического и этнокультурного компонентов революции.

Поскольку в дореволюционной России графы «национальность» в официальных документах не было (заменял пункт о вероисповедании), национальность депутатов определялась мною по совокупности признаков (фамилия, имя, отчество, место рождения и жительства, вероисповедание и пр.). В данном случае неизбежны некоторые погрешности, особенно в различении русских, украинцев и белорусов.

ВУС отвечало своему общероссийскому статусу и в национальном аспекте. В него вошли представители свыше 30 народов, в т.ч. 372 великоросса, 138 украинцев, 81 еврей, 18 казахов, 16 армян, по 15 белорусов и латышей, 14 поляков, 12 грузин, по 11 азербайджанцев и башкир, 10 татар, 9 эстонцев, 8 узбеков, 6 немцев, по 5 чувашей и молдаван и т.д. Соплеменников имели в нем и такие малые народности как вепсы, коми, карелы, мордва, якуты, лезгины, курды, осетины.

[1] ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 54. Л. 11-13.

Пропорциональная избирательная система обеспечивала симметричное национальное представительство, давая шанс и малым этносам, правда, при условии их компактного размещения. С этой целью все полиэтничное Закавказье (около 3,5 млн. избирателей) было соединено в один округ, чтобы при дисперсном расселении населения дать равные возможности всем народам, проживавшим на его территории. С другой стороны, в отдельные округа были выделены кочевые калмыки Прикаспия и казахи Букеевской орды, входившей в Астраханскую губернию.

Конечно, принцип избирательной симметрии неизбежно нарушался действием неблагоприятных факторов (оккупация западных губерний, незавершенность выборов на окраинах и пр.). Но закономерно, что оба крупнейших восточнославянских народа – русские (великороссы) и украинцы (малороссы) представлены в ВУС числом депутатов, отвечавшим их удельному весу в общей структуре населения: великороссы – около 48% депутатов (по переписи 1897 г. – 47,8% населения), украинцы – 18% (по той же переписи – 19%).

Показательно, что не менее трехсот депутатов-русских (до 80%) прошли от великорусских губерний, остальные – от инонациональных территорий и от фронтов. Русские были доминирующей этнической группой и притом единственной, которая на выборах не выдвинула национальных списков общероссийского характера. Длительное сосуществование в рамках могущественной империи не сформировало у титульной нации негативного отношения к другим народам страны. В нем не было ярко выраженного «образа врага». Примечательно, что в обстановке войны с Германией русские немцы, которых насчитывалось до 2 млн.[2], имели возможность выставить своих кандидатов в 9 избирательных округах. При этом не отмечено случаев открытой антинемецкой агитации или ущемления их прав.

Впрочем, говорить о русском национальном самосознании в смысле, присущем гражданскому обществу, тоже не приходится – лишь в отдельных округах были выдвинуты кандидатские списки, напоминавшие национальные или с претензией на то. Однако они не могли конкурировать с общероссийскими и национальными партиями, полностью завладевшими политическим пространством 1917 г. По сути, единственным непартийным депутатом от великорусских губерний был нижегородский архиепископ Сергий, прошедший благодаря соединению голосов прихожан с кадетами и старообрядцами. В Киеве не удалось достичь блокового соглашения между русскими националистами во главе с В.В. Шульгиным и кадетами – в результате и те и другие не получили ни одного из 22 мандатов.

Разумеется, для русского избирателя вопрос о национальной идентичности остро не стоял. Иное дело – для других народов России. Для них самоопределение становилось первичным условием решения прочих проблем. Выборы наглядно показали двойственность, дихотомичность национального сознания, содержащего в себе некое интегрирующее начало, выраженное понятиями «мы»-»они», «свои»-»чужие». Голосование за «своих» было свойственно всем малым народам.

Исследователи национального вопроса отвергают мнение, будто с победой Февральской революции в стране вспыхнули сепаратистские тенденции[3]. Скорее наоборот, свержение имперского самодержавия создало предпосылки для реализации идеи национального самоопределения, и Временное правительство было поддержано поначалу всеми национальными партиями. «Считалось, что все зло, приведшее к классовой и национальной вражде, исходит от царизма, - пишет американский историк Р. Суни, - а введение соответствующего законодательства, ориентированного на западные либеральные законы, устранит препятствия на пути решения этих проблем»[4]. Отмена национальных и вероисповедных ограничений, созыв УС с перспективой принятия общеприемлемой многонациональной государственной модели оживили национальные движения, но они, исключая Польшу и Финляндию, не выходили за рамки автономизма.

С изменением политической ситуации, с отсрочкой ВУС национальное нетерпение нарастало, переходя в федералистские и сепаратистские требования. Этническим лиде-

---

[2] См.: Оболенская С.В. Немцы в глазах русских XIX в.: Черты общественной психологии // Вопросы истории. 1997. № 12. С. 103.

[3] См.: Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 140; Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М., 2004. С. 505-509.

[4] Суни Р. Национализм и демократизация в русской революции 1917 г. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 283.

рам становилось все яснее, что добиться своих прав им легче путем самозахвата, чем через ВУС, где их позиции во всех отношениях будут слабее.

Оживление местного национализма было связано и с настойчивым поиском путей сдерживания революции или, проще, противодействия анархии, нараставшему экономическому и социальному хаосу. С особой силой этот механизм заработал после Октября. Хотя Совнарком формально провозгласил равенство, суверенность и даже право наций на самоопределение, дела большевиков говорили о другом. А их мессианизм побуждал подозревать стремление к всемирной революционной империи. Это беспокоило обретавшие себя национальные элиты, угрожая их положению и, как оказалось, самому существованию.

Исподволь разгорался конфликт Временного правительства с Украинской Центральной Радой. Уже летом обстановка накалилась, и, по свидетельству очевидца, «поднималась грозовая туча украинского сепаратизма»[5]. Цифры красноречивы: по Украине в целом украинские национальные списки, партийные и беспартийные, собрали около 60% голосов, в т.ч. в Киевской губернии – 76,9%, на Волыни – 70%, в Подолии – 77,6%, заметно понижаясь на Левобережье. По моим наблюдениям, из 131 мандата от украинских губерний 86 получили украинские социалисты, в том числе 76 украинских эсеров и 10 украинских социал-демократов. Кроме того, от фронтовых округов были избраны 9 украинских эсеров и социал-демократов. Лидерами первых были М.С. Грушевский, В.А. Голубович, Н.Н. Ковалевский, лидерами вторых – В.К. Винниченко, Н.В. Порш, С.В. Петлюра.

Всего же примерно 110 депутатов-украинцев были избраны от Украины, что составляло до 80% всех депутатов украинской национальности. Остальные украинцы прошли от общероссийских партий: большевики В.А. Антонов-Овсеенко, Н.И. Подвойский, Г.И. Петровский, П.Е. Дыбенко, Н.В. Крыленко, эсеры Е.К. Брешко-Брешковская, К.С. Буревой, Ф.М. Онипко и др. И у большевиков, и у эсеров украинцы составляли 9-10% членов фракций.

В свете современных межэтнических коллизий вокруг Крыма уместно отметить, что по списку украинских эсеров и селян-хлеборобов от Таврической губернии в ВУС прошел только Н.В. Салтан, тогда как по списку общероссийской ПСР были избраны украинцы В.Т. Бакута и П.Н. Бондарь. Украинцами были выставлены непартийные списки в Поволжье, на Северном Кавказе, в Приамурье, но успеха они не имели.

В самом ВУС за украинцев (судя по документам, в Петроград съехались 24 депутата от Екатеринославской, Харьковской, Херсонской и Полтавской губерний[6]) развернулась борьба между эсерами, возлагавшими на них надежды в создании антибольшевистской коалиции, и большевиками, которые старались расположить их в свою пользу через посредство левых эсеров. Уже в Петрограде украинские депутаты получили жесткую установку из Киева: при открытии ВУС огласить декларацию о том, что оно должно ограничиться провозглашением принципиальных основ государственного и социального устройства России как федеративной республики, после чего покинуть его[7]. Все остальные вопросы должно было решить Украинское Учредительное собрание, выборы которого были назначены на январь. С позиции невмешательства в российские дела А.С. Северов-Одоевский, И.В. Михайличенко, А.И. Стрельцов требовали гарантий для автономии Украины. От участия в голосованиях украинцы воздерживались.

Многолюдной и многосоставной группой были мусульмане. Изучение мусульманского феномена 1917 г. представляет особую сложность. Неизвестна общая численность мусульман в России, которая, по разным оценкам, насчитывала от 20 до 30 млн. Необходимо также считаться с двухмерностью термина «мусульмане», который охватывает, во-первых, всех приверженцев ислама, независимо от их национальности, во-вторых, все народы, исповедующие ислам. Однако не будет попранием историзма, если применять понятие «мусульмане» к поволжским и крымским татарам, башкирам, исламизированным народам Кавказа и Туркестана.

В пользу такого толкования говорит и современное представление о мусульманстве как некоем этноконфессиональном и социокультурном единстве, несмотря на различия в языке и быте разных народов. Некоторыми мусульманскими идеологами разработана

---

[5] Гольденвейзер А.А. Из киевских воспоминаний // Архив русской революции. Т. 6. М., 1991. С. 174.

[6] См.: ГАРФ. Ф. 1781. Оп. 1. Д. 50.

[7] Петроградский голос. 1918. 4 января.

теория миллятизма – единой мусульманской нации, согласно которой ислам – это не только вероучение, но и свод законов, регламентирующих поведение его приверженцев, почти все бытовые явления. Соответственно, панисламизм предстает не как политический сепаратизм, а как религиозно-духовная общность.

По уточненным данным, мусульмане выдвинули 48 самостоятельных или блоковых кандидатских списков в 29 избирательных округах. Всего по этим спискам в Учредительное собрание прошли 62 депутата[8]. Территориально они распределены так: Волго-Уральский регион – 21, Средняя Азия – 14, Казахстан и Кавказ – по 13, Крым – 1. В этническом отношении это были 17 казахов, 11 азербайджанцев, по 10 татар и башкир, 8 узбеков, по 2 лезгина и осетина, 1 курд, 1 кара-калпак. Мусульманское представительство заметно выросло бы при завершении выборов в Средней Азии, на Северном Кавказе и в Степном округе, на обширных пространствах Акмолинской и Семипалатинской областей.

Подавляющее большинство мусульман – деятели национальной интеллигенции: юристы, врачи, инженеры, журналисты и т.д. Более половины их обучалось в российских и заграничных университетах; по уровню образования мусульмане превосходили все фракции, кроме кадетов. Это обстоятельство представляется знаковым. Мусульмане идентифицировали себя не через политику, а через культуру, прежде всего. Степень консолидации у них была выше, чем у других конфессий и этносов, она была во многом подготовлена культурно-просветительной деятельностью джадидизма. После Февральской революции складывался своеобразный союз всех демократических элементов в мусульманском движении – от либералов до эсеров, готовых принять любую государственную власть, пока она не вторгается в сферу шариата. Многие представители мусульманской элиты вошли в состав местных органов Временного правительства, стали губернскими и областными комиссарами.

До 1917 г. часть мусульманских деятелей участвовала в общероссийских партиях или тесно с ними сотрудничала. Кадетами были азербайджанцы А. Топчибашев, С. Максудов, казахи А. Беремжанов, М. Тынышпаев, узбек М. Бехбуди. Близки к эсерам были башкир Ш. Мухамедьяров, казах М. Чокаев, татары Ф. Туктаров, Н. Халфин, якут Г.В. Ксенофонтов. Как социал-демократы меньшевистского толка могут идентифицироваться лезгин И. Гайдаров, осетин А. Цаликов, башкиры Ш. Манатов и Ф. Тухватуллин, татарин Г. Терегулов. К левым партиям тянулись и другие «инородцы». С эсерами давно были связаны буряты М. Богданов, Б. Вампилун, калмык С. Баянов.

Тем не менее, восточные интеллектуалы обычно не входили в структуры российских партий, не сковывали себя уздой дисциплины. Все политические доктрины своего времени так или иначе пропускались ими через мировосприятие мусульманства, буддизма etc. Характеризуя деятельность татарских эсеров, Д.М. Усманова справедливо замечает: «Позднее их увлечения социальными проблемами и социалистическими учениями пройдут, и взгляды трансформируются в пользу признания и активной защиты идеи национального (мусульманского) единства»[9].

Однако Д.М. Усманова ошибается, полагая, что большая часть мусульманских депутатов прошла по спискам социалистических партий, а не по общемусульманским[10]. По социалистическим спискам прошли только 12 мусульман, еще 9 были избраны по общемусульманским спискам в округах, где социалисты не выдвинули свои списки. Вместе взятые, социалисты составляли около трети мусульман-депутатов. С другой стороны, лишь двое (Н-Х. Тюряев и К. Ходжаев) прошли по списку ортодоксов-исламистов Ферганской области.

Такое персонифицированное изучение вопроса подтверждает, что социалистические идеи не играли в мусульманском мире мобилизующей роли[11]. В Туркестане вообще не было почвы для них, коренное население могли привлечь только лозунги национально-религиозного содержания либо жизненного, практического значения (для казахов, например, у которых религиозный фактор проявлялся заметно слабее, это был вопрос о земле).

---

[8] Д.М. Усманова указывает 37 мусульман, ничем не подкрепляя свои подсчеты. См.: Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906-1916. Казань, 2005. С. 315.

[9] Усманова Д.М. Указ. соч. С. 226.

[10] См.: Там же. С. 315.

[11] Исхаков С.М. Общероссийская партия мусульман // История национальных политических партий России. М., 1997. С. 214.

Всеказахский съезд в Оренбурге в июле 1917 г. наметил кандидатов в Учредительное собрание, установив при этом, что в каждой области из казахов не может быть больше одного кандидатского списка[12]. Реально добиться этого не удалось, но партия Алаш смогла стать объединяющей политической и национальной силой, проведя 43 депутата. Социалистические же партии не пользовались успехом. Выразительный штрих: в партии Уш-жуз (с центром в Омске) из 14 кандидатов 6 человек ко времени выборов покинули ее[13].

1 января 1918 г. в Петроград съехались 7 мусульман-депутатов и создали мусульманскую социалистическую фракцию (А. Цаликов, Г. Ильясов, А. Мухаметдинов, Ш. Сунчаляев, Ш. Мухамедьяров, Ф. Туктаров, С. Салехов[14]). К ним 6-7 января присоединились Ш. Манатов, М. Вахитов, Г. Ибрагимов, М. Ахмеров. Это была надпартийная фракция, объединившая социалистов разного толка.

Совершенно очевидно, что российские мусульмане – это особый мир, который в 1917 г. едва приоткрылся российским политикам. Напрашивается вывод, что обычная политическая шкала к нему мало применима, что социалистичность или либеральность мусульманских деятелей были, скорее, формой взаимодействия с определенными сегментами общероссийского политического мира, а не мировоззренческой системой. В условиях революции мусульмане предпочитали опираться на традиционные идеалы. Не одарив ВУС ни одним большевиком, они на деле отвергли экстремизм.

Мусульмане дали целую плеяду выдающихся деятелей новой эпохи. Правда, их политические биографии создают особое впечатление тонкой интриги, изменчивого поведения. В советской историографии этот вопрос обычно исчерпывался оценкой-приговором типа «буржуазные националисты», «мелкобуржуазные демократы». Рискну утверждать, однако, что и политическое непостоянство, и очевидные элементы авантюрности и даже интриганства (для профессионального политика это даже комплимент) в их поведении имели объективную основу. Она заключалась, с одной стороны, в невозможности молодых национальных элит порознь добиться реализации своих целей, с другой – в противоречивости устремлений этих элит. Но главное было в том, что они оказались заложниками катастрофических ситуаций, в которых им была отведена роль аутсайдеров, разменного материала, особенно в период Гражданской войны, катком прокатившейся по их территориям. Национальным лидерам приходилось проявлять максимум гибкости и изворотливости, чтобы сохранить, насколько было возможно, государственный статус своих народов. Стать же самостоятельной силой они не были готовы ни объективно, ни субъективно, несмотря на объединительные попытки С. Максудова, М. Чокаева, А. Цаликова и ряда других лидеров.

На фоне пропорционального русско-украинско-мусульманского представительства удельный вес еврейства смотрится артефактом. Евреи превышали 10% общего числа депутатов ВУС, хотя в структуре населения России составляли лишь 3,3%[15].

Летом 1917 г. Всероссийский сионистский съезд в Петрограде постановил всюду выставить национально-еврейские списки и лишь в исключительных случаях блокироваться с партиями не правее народных социалистов. С целью этнической консолидации еврейства был образован Еврейский национальный избирательный комитет, включивший сионистов и религиозные еврейские партии. Ему противостояли еврейские социалистические партии Бунд, Поалей-Цион, Объединенная еврейская социалистическая рабочая партия. Всего по стране еврейские списки, партийные и непартийные, собрали 659 тыс. голосов[16], что позволило провести 6 или 7 депутатов (судьба одного мандата от Бессарабии не выяснена). Все они прошли от Еврейского национального комитета, и все были избраны в Черте оседлости, где тогда проживало 94% российских евреев[17]. В цветах российского политического спектра они позиционировались как либералы, близкие к ка-

---

[12] См.: Алаш-орда. Алма-Ата, 1992. С. 50-51.

[13] Там же. С. 116.

[14] Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция... С. 445.

[15] См.: Новейшая история Отечества. XX век. Учебник для вузов. Т. 1. М., 1998. С. 10.

[16] В это число не входят голоса, поданные за Бунд в общих с меньшевиками списках. О.В. Будницкий указывает только 498 тыс. голосов за Национальный блок. См.: Российские евреи между красными и белыми (1917-1920). М., 2006. С. 75.

[17] Смирнова М.И. Национальные политические партии России социал-демократического направления (конец XIX – начало XX в.) // Национальные политические партии России. С. 138.

детам. На долю же еврейских социалистов досталось лишь 100 тыс. голосов, распыленных между двумя десятками кандидатских списков.

Депутатами от еврейской диаспоры стали адвокаты О.О. Грузенберг, Н.М. Фридман, историк Ю.Д. Бруцкус, московский раввин Я.И. Мазе, глава киевской еврейской общины Н.С. Сыркин.

Но вдесятеро больше (свыше 70) евреев избралось в ВУС от нееврейских партий. Входя в их руководство, они связывали свои интересы с определенными социальными слоями российского общества, но не со специфическими интересами еврейской общины, которые, как справедливо замечает О.В. Будницкий, большинству жителей России были неизвестны или малоинтересны[18]. Почти все евреи-депутаты были социалистами, взяв фактический реванш за поражение в бывшей Черте оседлости. Этим успехом они обязаны своему влиянию в соцпартиях, где их удельный вес был велик.

В Закавказье, населенном народами, различавшимися языком, религией, культурой, в ходе революции шло интенсивное национальное размежевание. Это иллюстрируется составом депутатов, избранных от Закавказского округа: 11 азербайджанских мусаватистов, 10 грузинских меньшевиков, 9 армянских дашнаков. То, что во главе процессов национального самоопределения стояли партии, столь несхожие по идейным позициям, подчеркивает, что политический фактор в ходе выборов был вторичным. По сути, это было голосование не за либеральные или социалистические партии и не против них, поскольку данные партии выступали и воспринимались именно как выразители национальной общности и государственности. Вместе с тем автономистские устремления здесь в 1917 г. были робкими – политики региона не могли не понимать, что означает в условиях соседства Турции и Персии «автономистский вирус»[19]. Осудив октябрьский переворот как угрозу демократии и национальному суверенитету, они образовали в ноябре Закавказский комиссариат как коалиционное многонациональное правительство. Все депутаты ВУС от региона автоматически вошли в состав Закавказского сейма.

Выборы иллюстрируют асинхронность развития народов России, пребывавших на разных стадиях модернизации, соответственно, на разных уровнях национальной консолидированности. Хотя в польских губерниях выборы не предполагались, этнические поляки активно участвовали в голосовании, проведя в Волынской и Подольской губерниях Я.И. Липковского и И.И. Бартошевича. В Эстляндии все 8 депутатов были эстонцами, и даже большевики провели своих депутатов под флагом Эстляндского областного комитета партии. Иную картину явила Белоруссия, в которой национальные списки суммарно набрали менее 10 тыс. голосов из трех с лишним миллионов.

Налицо корреляция между этническим и партийным депутатским составом. Самой «интернациональной» была, разумеется, большевистская фракция. В ней русские составляли 51%, евреи – 18%, украинцы – 9% и т.д. Состав эсеров (правых, центра и левых) был более «русским»: великороссы – 67%, евреи – 10%, украинцы – 9,5%, белорусы – 4%. Однако учтем, что от ПСР в 1917 г. отпочковались национальные эсеры. Другие фракции по их малочисленности не представляют интереса в этническом отношении, за исключением меньшевиков, у которых состав делился поровну между русскими и грузинами.

С другой стороны, представляет интерес этническое «тяготение» к партиям. Среди русских по рождению депутатов 241 были эсерами (65%), 92 большевика (25%), 18 кадетов (5%); среди украинцев – 85 украинских социалистов (62%), 36 эсеров (26%), 17 большевиков (12%); среди евреев были 35 эсеров (42%), 33 большевика (41%), 2 кадета (2,5%), 12 – от национальных (не обязательно еврейских) партий и списков (14,5%).

Заседание 5 января показало остроту, которую обрел к началу 1918 г. национальный вопрос. Все национальные фракции выступили с декларациями: эстонец Ю.Ю. Сельяма, латыш Я.Ю. Гольдманис, еврейский социалист Д.В. Львович-Давидович, украинец А.С. Северов-Одоевский. С позиции невмешательства в российские дела они требовали прекращения гражданской войны и гарантий для своих автономий.

Учредительное собрание в ночь на 6 января 1918 г. провозгласило Россию демократической федеративной республикой. Но, как и другие, этот акт безнадежно запоздал. Приход к власти большевиков резко усилил сепаратизм национальных лидеров, поспе-

---

[18] Будницкий О.В. Указ. соч. С. 77.

[19] См.: Афанасьев И.Л. Проблема двоевластия и национальные движения на Украине и в Закавказье // Анатомия революции... С. 330.

шивших отделиться от «Совдепии». 11 января Центральная рада объявила об отделении Украины от России. Местные правительства появились в Крыму, на Кубани, Тереке, в Бессарабии, Туркестане, в Сибири. Страна разваливалась на части.

Развитие революции в полиэтничной стране привело к столкновению националистического и правового начала, к фактическому распаду ее на отдельные государства и территории. Победа большевизма в Гражданской войне над поборниками единой и неделимой России создала лишь иллюзию разрешения национальной проблемы, прикрыв старую имперскую суть новыми идеологическими и политическими одеждами.

DEPUTIES OF THE ALL-RUSSIA CONSTITUENT ASSEMBLY: ETHNO-NATIONAL ASPECT

L.G. PROTASOV

Tambov's State University of G.R. Derzhavin

e-mail: lev_pro@mail.ru

The article reveals the ethnic composition of the Constituent Assembly detailing the «political geography» map of 1917 Russia. The deputies were of more than 30 nationalities. The elections showed the dichotomy of national consciousness and exposed that the nationalities of Russia developed at different speeds and were consolidated unequally. Revolution in the polyethnic state led to a conflict between nationhood and legitimacy; as a result the country dissolved.

Key words: Constituent Assembly, deputies, elections, national consciousness, revolution, polyethnic state

УДК 94(47).08

ИЗБАВИТЬ ОТ ЗАБВЕНИЯ: К 60-ЛЕТИЮ СМЕРТИ Ф.И.ДАНА (1871 – 1947)

ХАРТМУТ РЮДИГЕР ПЕТЕР

Институт истории Университета Мартина Лютера (Халле-Виттенберг, Германия)

Хотя Ф.И.Гурвич (псевдоним Дан) относился к ведущим деятелям Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) и в 20-30-х гг. стоял во главе своей организации в изгнании, его имя сегодня почти забыто. Его вполне можно назвать одним из самых современных политиков меньшевизма. Ставший «западником» по опыту эмиграции, он стремился оформить свою партию как современную социал-демократическую партию, способно политически использовать даже ограниченные парламентские возможности думского конституционализма. В центре статьи стоит Дан как «профессиональный эмигрант» и его деятельность в международной социал-демократии. Здесь он выступал как тесный соратник Отто Бауэра. Хотя «бауэризм» принес ему растущую изоляцию не только внутри меньшевистской эмиграции, но и в социал-демократическом Интернационале, он остался и после смерти Бауэра настолько же верен его заветам, насколько он чувствовал себя обязанным выполнять политическое завещание Мартова, хотел быть хранителем их идей, их политического наследия. Политическая позиция Дана в последние годы его жизни оценивалась большинством меньшевиков как ренегатство. Но его эволюция была логическим следствием и итогом его жизненного пути: Дан остался и после двух десятилетий эмиграции меняющимся тактически человеком дела.

Ключевые слова: Ф.И.Дан, меньшевизм, социал-демократия, русская эмиграция, О. Бауэр, Ю.О.Мартов, ренегатство, «Социалистический вестник», Л.Блюм, К.Каутский, Социалистический рабочий Интернационал.

---

22 января 2007 г. исполнилось 60 лет со дня смерти российского социал-демократа Ф.И.Гурвича (псевдоним Дан). Хотя он уже со времен революции 1905 – 1907 гг. относился к ведущим деятелям Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) и в 20-30-х гг. стоял во главе своей организации в изгнании, его имя сегодня почти забыто. Очевиден факт, что мелкий, доволно невзрачныи врач редко освещался огнями исторической рампы и во время революционных событий 1905 – 1907 и 1917 гг. не выступил ни как харизматический вождь рабочих, ни как выдающийся оратор. И хотя история меньшевистской прессы от «Искры» через «Голос социал-демократа» до «Социалистического вестника» неразрывно связана с его именем, и он оставил обширное публицистическое наследие, он был только одним из многих талантливых литераторов среди меньшевиков. Основным полем деятельности Дана была организаторская и политическая повседневная работа, а не революционное действие. По большей части он стоял в тени других, около своего друга Ю.О.Мартова или грузина Ираклия Церетели. Что его отличает и делает интересной фигурой даже с сегодняшней точки зрения, это, однако, не его организаторское и тактическое умение. Дана вполне можно назвать одним из самых современных политиков меньшевизма. Ставший «западником» по опыту эмиграции, он стремился оформить свою партию как современную социал-демократическую партию, политически использовать даже ограниченные парламентские возможности думского конституционализма и направить Россию после февральской революции на путь парламентско-демократической системы. В том, что это видение быстро стало иллюзией, трудно упрекнуть меньшевиков, даже если внутренняя разобщенность демократическо-социалистического лагеря благоприятствовала победе большевиков. Определенно, и сегодня стоит исторически оценить альтернативы, которые они предлагали России.

На жизненный опыт Ф.И.Дана, как и многих российских социал-демократов, наложили сильный отпечаток как арест и ссылка в России, так и эмиграция. Их мышление, их понимание марксизма, их представления о политическом будущем России и о путях ее перестройки определялись как действительностью царского режима, так и знакомством с западноевропейским обществом. В симбиозе обоих влияний заключалась, с одной стороны, современность их мышления по сравнению с другими политическими силами клонящейся к закату империи. Но, с другой стороны, многочисленные конфликты с общественными реальностями России имели здесь свои причины, внутренние споры находили свой выход, способствовали образованию внутрипартийных фракций и расколу. История меньшевист-

ской эмиграции с этой точки зрения до сегодняшнего дня изучена еще далеко не достаточно. Это, однако, лишь одна из причин, почему в этой краткой зарисовке в центре внимания стоят годы эмиграции Дана. В равной мере существенно напомнить, что он провел преобладающую часть своей политической жизни за пределами России и не только на своей родине, но и в европейской социал-демократии оставил след, достойный памяти.

Профессиональный эмигрант и интернационалист.

Перефразируя термин «профессиональный революционер», который без сомнения, также относится к нему, Дана можно охарактеризовать и как «профессионального эмигранта». Уже перед революцией 1905 г. он периодически был вынужден искать за границей пристанище от преследований царской полиции. Франция, Германия и Швейцария, а позднее и скандинавские страны были ему хорошо известны. Немецкий язык, который он изучил еще ребенком при поездках во время отпусков со своими родителями, скоро перестал быть для него иностранным языком, также как и французский. Обоими языками он со временем овладел и как публицист, и как оратор. В Берлине Дан был одним из инициаторов Группы поддержки «Искры». Аналогичные группы имелись также в других немецких городах. Их активисты – наряду с политэмигрантами по большей части студенты – дискутировали, собирали и выпускали социалистическую литературу, которая позднее нелегально доставлялась в Россию, заботились о беглых и эмигрировавших. В Германии они морально, финансово и организационно поддерживались СДПГ. Федор Дан, таким образом, был причастен уже к возникновению сети организации, к структурам и опыту которой меньшевики могли вернуться уже в годы более поздней эмиграции[1].

В «искровский» период до 1903 г. Дан временно тесно сотрудничал с Лениным[2]. Находясь под влиянием своего ментора и друга Ю.О.Мартова, с сестрой которого Лидией он с 1905 г. жил вместе, он после второго партсъезда присоединился к меньшевистской группе РСДРП и быстро вошел в число ее ведущих политиков и публицистов. Целеустремленный и «способный к приспособлению теоретических выводов к делам», он отличался «деловитостью и жесткостью, которые делали его способным осуществлять запланированные партией стратегические цели»[3]. Он был человеком дела, энергичным и упорным организатором с трезвым взглядом на политическую реальность. При этом он развил целеустремленность и тактическую гибкость, которая находилась в явном противоречии с честной, но зачастую парализующе абстрактной принципиальностью многих его товарищей. В тени своих духовных приемных отцов – наряду с Л.Мартовым, П.Б.Аксельрод, А.Н.Потресовым – Дан уже в годы первой своей эмиграции начал делать себе имя в европейской социал-демократии. По поручению своей партии он участвовал в конгрессах II Интернационала. Для именитого «Нового времени» он написал две большие статьи о российской революции 1905 г.[4] С К.Каутским, виднейшим теоретиком социал-демократии, он познакомился ближе, когда помогал ему при работе с рукописями Маркса о теориях прибавочной стоимости[5].

Бытие Дана – эмигранта дважды прерывалось: революция 1905 г. сделала возможным для него краткое, но значительное, полуторагодовое возвращение на родину. Здесь он проявил себя как приверженец максимального использования легальных политических возможностей, включая участие в выборах, и стал, как говорилось в позднейшем признании[6], «собственным внепарламентским лидером социал-демократической фракции Думы, парламента царской России». Когда он снова должен был эмигрировать в конце 1907 г., его путь лежал через Финляндию в Берлин. Там, однако, полиция энергично действовала против революционных групп в русской колонии и в среде студентов из России, и беглый революционер уже через несколько дней был выслан из прусского госу-

---

[1] Brachmann B. Russische Sozialdemokraten in Berlin. 1895-1914. Berlin, 1962. S.11-37.

[2] Brachmann B. Russische Sozialdemokraten in Berlin… S.12-13.

[3] Sapir B. Theodor Dan und sein letztes Buch // Dan Th. Der Ursprung des Bolschewismus. Zur Geschichte der demokratischen und sozialistischen Idee in Russland nach der Bauernbefreiung. Hannover, 1968. S.11.

[4] См.: Dahn Th. Das Entstehen des neuen Russlands // Die Neue Zeit. Jg. 23 (Stuttgart, 1905). Nr. 2. S. 1908-1913; Dahn Th. Die Bedingungen des erneuten Aufschwungs der russischen Revolution[bez ”] // Ibid. Jg. 26 (1908). Nr.2. S.4-10, 49-58.

[5] Sapir B. Theodor Dan und sein letztes Buch… S.9.

[6] Theodor Dan 60 Jahre alt // RSD. Mitteilungsblatt der Russischen Sozialdemokratie (Berlin, 15. Oktober 1931). S.1.

дарства как нежелательный иностранец[7]. Следующие пять лет эмиграции он жил по большей части в Париже. Дан был инициатором и редактором влиятельной меньшевистской эмигрантской газеты «Голос социал-демократа». Хотя его усилия преодолеть фракционную борьбу в РСДРП и включить надолго Плеханова в редакцию «Голоса социал-демократа» провалились, он вошел в эти годы в число ведущих публицистов РСДРП[8].

Последние годы в России.

С 1913 по начало 1922 г. Дан снова действовал в России. Это были, в прямом смысле, годы постоянного экстремального состояния: вскоре после начала войны он был сослан на Дальний Восток. В Иркутске он вместе с Ираклием Церетели принадлежал к вождям «сибирских циммервальдцев». Позднее он был мобилизован как военный врач. Только февральская революция 1917 г. открыла ему дорогу назад, в Петроград. Убежденный в том, что Россия прежде всего должна пройти период буржуазно-демократического развития, он сделал, как и в 1905-1907 гг., парламентскую трибуну главным полем своей политической деятельности. Дан был рупором фракции большинства «революционных оборонцев» в РСДРП, которая и в военном вопросе была готова терпеть Временное правительство. Последствием этого восприятия был временный политический разрыв с Мартовым, который возглавлял революционно-интернационалистское меньшинство в российской социал-демократии. Одновременно Дан продолжал свое сотрудничество с Церетели в исполкоме петроградского Совета, был редактором «Известий ЦИК» и стал центральной фигурой в движении Советов, до лета 1917 г. руководимых меньшевиками и эсерами.

При всей дистанции от Ленина и большевистских методов Дан рассматривал Октябрьский переворот как порождение российской революции. Это привело его, с одной стороны, к глубокому, продолжившемуся даже в эмиграции, конфликту с Потресовым и правым крылом РСДРП, с другой стороны – возвратило его в конце 1917 г. на сторону Мартова. Он стал последовательным приверженцем мартовской «двуединой тактики», которая пыталась увязать защиту Советской России от внутренней и внешней контрреволюции с отрицанием и резкой критикой методов большевистского господства. В декабре 1920 г. он выступил с мужественной речью на VII Всероссийском съезде Советов, в которой он в стиле лидера парламентской оппозиции подверг генеральной критике политику Ленина. Вскоре после этого ему пришлось на себе испытать фактические реалии политики большевистской власти: после Кронштадтского восстания он был в начале 1921 г. арестован в Петрограде. До тех пор, пока он был под арестом там, в вотчине Зиновьева, его жизнь находилась в серьезной опасности. Только перевод в Бутырскую тюрьму в более умеренной по обстановке Москве улучшил его положение. После коллективной голодовки и международных протестов он был в начале 1922 г. с большой группой ведущих меньшевиков не сослан в Среднюю Азию, как первоначально предусматривалось, а выдворен в эмиграцию в Западную Европу[9].

Во главе эмигрантской организации.

Здесь Дан находился на месте, близко знакомом ему. Втянутый в рутину политической работы, а вместе с тем в значительной мере избавленный от тягостных забот о существовании, он относительно быстро приспособился к условиям изгнания. Он мог воспользоваться опытом и связями дореволюционных эмигрантских лет и едва ли имел проблемы с ментальной адаптацией к новому положению, тем более что первоначально казалось, что и эта эмиграция не будет особо продолжительной. Исторические, национальные, социальные и организационные связи между меньшевиками[10], изоляция по отношению к прочим группам русской диаспоры, а также надежда на скорый конец большевистского господства были достаточно сильны, чтобы сглаживать существующие тактические разногласия и укреплять чувство солидарности и эмигрантском сообществе.

---

[7] См.: Bericht über die Verhaftung und Ausweisung von Mitgliedern des Auslandsbüros russischer sozialdemokratischer Organisationen Anfang Januar 1908 in Berlin, 7. Januar 1908 // Brachmann B. Russische Sozialdemokraten in Berlin… S.158.

[8] См.: Петер Х.Р., Филимонова Т.И. «Необходимо тщательно столковаться по целому ряду вопросов». Письма Ф.И.Дана к Г.В.Плеханову. 1907-1908. // Исторический архив. 2006. №6. С.133-168.

[9] См.: Ф.Дан. Два года скитаний. Берлин, 1922.

[10] См. потробнее: Liebich A. The Mensheviks in the Second Emigration // Canadian Slavonic Papers.Vol. XXXVIII.Nos. 1-2 (March-June) 1995. P.1-14.

В германской столице, которая традиционно была местом политической, экономической и интеллектуальной встречи Запада и Востока и находилась неподалеку от советской границы, оформилась важнейшая эмигрантская группа РСДРП. Зарубежная делегация имела местом своего пребывания Берлин, и «Социалистический вестник»[11] издавался и печатался здесь. Берлинский «Клуб Мартова», являвшийся центром общественной жизни небольшой меньшевистской колонии, заводил контакты в традициях дореволюционных зарубежных групп. Тесные связи с германской социал-демократией были укреплены тем, что ряд социалистов, происходивших из России – в т.ч. такие видные, как Георг Декер (Юрий Денике), Александр Штейн (Рубинштейн) или Владимир Войтинский – сотрудничал в СДПГ или в АДГБ*.

Пользовавшийся авторитетом по причине своей многолетней принадлежности к партийному руководству, своих международных сконтактов и организаторских способностей, Дан быстро занял доминирующее положение в редакции «Социалистического вестника», а после смерти Мартова в апреле 1923 г. встал во главе эмигрантской группы РСДРП. «Линия Мартова» осталась для него руководящим политическим направлением, за которое он ухватился, несмотря на все изменения в Советском Союзе. Его попытки приспособить свое мировоззрение к новым условиям оспаривались все сильнее и рассматривались его оппонентами и внутри, и вне официального меньшевизма как постепенная капитуляция перед реалиями советской диктатуры. Также очень жесткий, почти диктаторский стиль руководства, которым он лично много способствовал ошеломляющей организационной «большевизации» эмигрантской группы, все более наталкивался на критику. Несмотря на это, его претензии на руководство длительное время серьезно не оспаривались. Это определенно было признаком того, что такой стиль вполне соответствовал трудным условиям существования в эмиграции[12]. Кроме того, даже его яростные критики не видели персональной альтернативы Дану. Внутрипартийная оппозиция была не едина, и Дан мог самостоятельно, даже без собственного большинства, доминировать в официальной линии эмигрантской партии до конца 30-х годов.

Партийное сообщество международной социал-демократии было для Дана и для большинства его коллег в годы эмиграции духовным и политическим пристанищем. Как заместитель Абрамовича он участвовал в заседаниях Исполкома, а часто также и Бюро Социалистического Рабочего Интернационала (Соцрабинтерна). Как и другие меньшевики, он стал разъездным экспертом по делам российской революции: доклады о развитии Советского Союза приводили его, в числе прочего, в Финляндию, Францию, Латвию, Литву, Польшу, Австрию, Швецию и Чехословакию. Регулярно он был гостем и оратором на партсъездах Социал-демократической рабочей партии Австрии, СДПГ, Социалистической партии Франции и поддерживал интенсивные контакты с видными лидерами европейской социал-демократии. Особенно тесными и не ограниченными одним лишь политическим сотрудничеством были его отношения с Фридрихом Адлером, Отто Бауэром и Леоном Блюмом. Семьи Дана и Адлера вместе проводили отпуска в Бельгии и во Франции. С Блюмом он также общался частным образом, уже когда тот был премьером французского правительства Народного фронта. В Берлине ли, или в Париже квартира Дана предоставлялась в распоряжение Адлера, Бауэра и прочих социалистов и это гостеприимство часто использовалось. Благодаря своим международным контактам, Дан мог посредничать между своими политическими друзьями. Тесные связи с прессой и издательствами левого спектра, которыми он располагал как редактор «Социалистического вестника», он использовал, в числе прочего, для популяризации трудов Бауэра, как например, его книги «Между двумя мировыми войнами»[13]. С Каутским Дан также регулярно переписывался. В оценке СССР оба они представляли различные мнения. Несмотря на это, Каутский предоставил ему, а не его внутрипартийным оппонентам перевод и русское издание (в издательстве «Социалистический вестник») своего полемического сочинения «Большевизм в тупике»[14].

---

[11] «Социалистический вестник» выходил с 1921 по 1965 г. сначала в Берлине, с 1933 г. в Париже и с 1940 г. в Нью-Йорке и был официальным печатным органом меньшевиков-эмигрантов.

* Всегерманская федерация профсоюзов (прим. пер.).

[12] Такого же мнения придерживается A. Liebich: Liebich A. The Mensheviks in the Second Emigration… P.9.

[13] Дан - Бауэру от 12 января и Бауэр - Дану от 8 февраля 1936 г. См.: Peter H. Fedor I. Dan und Otto Bauer. Briefwechsel 1934-1938. Frankfurt/Main, 1999. S.94, 101-104.

[14] Карл Каутский. Большевизм в тупике. Берлин, 1930. Каутский, очевидно, доверял лояльности и компетентности Дана. Во всяком случае, вмешательство против этого выбора внутрипартийных противников Дана, стоявших в русском вопросе ближе к Каутскому, оказалось напрасным. – См.: Ингерманс – Каутскому, 17. сентября 1930, International Institute of Social History Amsterdam (далее IISH), Nachlass Karl Kautsky. Inv. Nr. G 16, Blatt 56-57.

Такие контакты были для мелких групп меньшевиков-эмигрантов жизненно важны в двояком отношении: они обеспечивали поддержку мощных партий Соцрабинтерна, доступ к международной социалистической прессе, прямую финансовую помощь для зарубежной делегации и «Социалистического вестника». Условия материальной жизни изгнанников и их семей часто также зависели от таких связей. Для Дана важным источником дохода были оплата редакторства в «Социалистическом вестнике» и участие в социалистической прессе. Дружба с Адлером, Бауэром и Блюмом получала вследствие этого и материальное измерение. Ходатайству Бауэра Дан был обязан, например, в 1926 г. хорошо оплаченным заказом Германской социал-демократической рабочей партии в Чехословакии на брошюру о политических и экономических отношениях в Советском Союзе, которая должна была дать материал против большевистской пропаганды[15]. Через Адлера и Бауэра он имел доступ к венской «Арбайтер Цайтунг» и «Кампфу», где он регулярно публиковался, а также к информационному листку Соцрабинтерна, «Интернационале Информацион», через Блюма – к изданию «Популер»[16]. Для поддержания жизни, впрочем, этих доходов едва ли вполне хватало. Как и во многих эмигрантских семьях, его жена Лидия своей работой в разных предприятиях создавала предпосылки для политической деятельности своего мужа[17].

Не менее важно было то, что сотрудничество с органами и прессой международной социал-демократии дало меньшевикам возможность влиять, согласно пониманию себя самих как эмигрантской партии, на формирование образа Советского Союза и политики международной социал-демократии по отношению к России. Стремление сохранить эту возможность политического воздействия также влияло на внутрименьшевистские дискуссии об организационных и тактических спорных вопросах. Принуждение, по меньшей мере едино выступать перед лицом зарубежной социал-демократии, действовало дисциплинирующе, помогало находить компромисс и способствовало тому, что зарубежная делегация меньшевиков до конца 30-х годов, несмотря на сохраняющиеся внутренние кризисы, не раскололась. Для Дана, «профессионального революционера», социал-демократическое партийное сообщество было полем деятельности, которое позволяло ему компенсировать потерю возможности оказывать реальное политическое влияние в России. Когда эмигрантская колония меньшевиков с последней трети 20-х годов начала все более изматываться внутренним спором о направлении и персональными конфликтами, его политическая линия была поставлена под вопрос, и его главенство пошатнулось, он обдумывал даже уход из российской партии и переход в аппарат Соцрабинтерна или в редакцию «Кампфа». Сначала такие соображения были, прежде всего, средством давления в споре со своими оппонентами, однако с 1937-38 гг. они стали серьезной альтернативой[18].

Федор Дан и Отто Бауэр.

После прихода к власти в Германии фашистов и февральских боев 1934 г. в Австрии Дан вместе с Отто Бауэром стал одним из рупоров левых в Соцрабинтерне. Политическая дружба Дана с Бауэром имела свой исходный пункт в драме российской революции 1917 г. Тогда Дан как один из лидеров партии и советских деятелей стоял в эпицентре революционной борьбы и, возможно, также в зените своей политической карьеры. Бауэр, десятью годами младше Дана, был в качестве издателя «Кампфа» уже известным социалистическим публицистом и теоретиком, когда он после трехлетнего интернирования в сибирском лагере для военнопленных сделал остановку в Петрограде на пути в Вену. Даны существенно участвовали в облегчении его участи. Лидия Дан использовала свое давнее знакомство с эсером Борисом Савинковым, который служил в военном министерстве

---

[15] См.: Чех – Дану, 29 января 1926, IISH, Archiv F.I. Dan, Mappe 16. Дан получил за это гонорар в 1600 золотых марок. См.: Тауб – Дану, 13 июля 1926, Ibid.

[16] «Der Kampf» («Борьба») при этом был реферативным листком Дана и его близких приверженцев среди меньшевистской эмиграции (в т. ч. С.Шварца, А.Югова, позднее А.Шифрина) и напротив, оставался закрытым для его оппонентов. В «Gesellschaft» Гильфердинга, где часто появлялись публикации Югова, Шварца, Шифрина, позднее также Абрамовича, Г.Бинштока, Ю.Денике и Б.Николаевского, Дан, напротив, печатался очень редко.

[17] См.: Jabrak S. Mit dem Blick nach Russland. Lydia Cederbaum (1878-1963). Eine jüdische Sozialdemokratin im lebenslangen Exil. Bonn, 2006.

[18] См.: Заседание заграничной делегации от 7 сентября 1927 г., Hoover Institution Archivs, Stanford/CA, Nicolaevsky Collection (далее NC). Box № 687/8. Николаевский сообщил Церетели в декабре 1930 г., что Дан весной и летом этого года серьезно обдумывал выход из российской партии и взятие на себя работы в секретариате Соцрабинтерна. См.: Николаевский - Церетели, 4 декабря 1930. // Ibid. Box №. 505/3.

Временного правительства, и смогла внушить ему, что видный интернационалист Бауэр на своей родине может принести пользу России[20].

В Петрограде Бауэр познал элементарную силу революции. Он посещал заседания Советов, следил за событиями на улице, регулярно был гостем в квартире Дана, где жил также Мартов и бывал Аксельрод. Там он пережил волнующую атмосферу «клана Цедербаума», который, как и в революцию 1905 г. был интеллектуальным центром меньшевиков в столице и через все тактические ссоры магнитом притягивал к себе ведущие головы российской социал-демократии[21]. Переживания этих дней повлияли на дальнейшую эволюцию Бауэра и создали сильную эмоциональную связь с меньшевиками и маленькой группой личных друзей, к которым он причислял Аксельрода, Мартова и Лидию Дан[22]. Политически он, по собственному суждению, в целом стоял на точке зрения Мартова и его друзей. Об этом он писал Каутскому в сентябре 1917 г.[23] – то была позиция, со всеми ее последствиями, к которой Дан присоединился только в конце 1917 г. С ним его объединила также и в будущем чрезвычайно высокая оценка Ю.Мартова как теоретика меньшевизма и международного социализма[24].

Вместе с Бауэром Дан стоял за решительное и энергичное выступление международной социал-демократии против фашизма. Оба видели здесь не просто задачу момента, а ключ к последующим «победоносным боям» социализма[25]. Их совместный меморандум «Интернационал и война»[26] должен был создать для этого политическую платформу. Их тезисы не только выступали за антивоенную борьбу, но и поставили под вопрос отношение к СССР и к завоеванию политической власти традиционными средствами социал-демократов. Духовным отцом документа, без сомнения, был Бауэр. Дан, однако, был не только первым, подписавшимся под тезисами, но и в существенной мере участвовал в формулировании призыва. Но, прежде всего, он добился поддержки у французских социалистов и в парижских эмигрантских кругах и организовал популяризацию тезисов. Он сумел склонить к подписанию их видного левого социалиста Яна Жиромского, вел переговоры с Адлером, Блюмом, Александром Браке, Пьетро Ненни и немецкими социал-демократами. Несмотря на сопротивление оппонентов Дана во главе с Петром Гарви, меньшевики были одной из первых партий в Соцрабинтерне, которая официально солидаризировалась с меморандумом Бауэра, Дана и Жиромского.

Хотя «бауэризм» принес Дану впоследствии растущую изоляцию не только внутри меньшевистской эмиграции, но и в социал-демократическом Интернационале, он остался и после смерти Бауэра 4 июля 1938 г. настолько же верен его заветам, насколько он чувствовал себя обязанным выполнять политическое завещание Мартова. Он хотел быть хранителем их идей, их политического наследия. Подводя итоги этапа политической жизни, начавшегося с эмиграции в 1922 г., обнаруживается двойной провал Дана. Так как большинство меньшевиков-эмигрантов не следовало более за его интерпретацией мартовской партийной тактики, он сделал в начале 1940 г. выводы и сложил с себя обязанности председателя зарубежной группы и редактора «Социалистического вестника». Ушли впустую и его усилия занять в Исполкоме Соцрабинтерна место Бауэра в качестве интегрирующей фигуры и рупора левых. Гарви саркастически комментировал выступление Дана во время дискуссии о «Борьбе за мир и демократию» на январском заседании Исполкома в 1939 г.[27]: «он представлял его (Бауэра), не будучи, однако, в состоянии его заменить»[28]. Факт, что представители РСДРП на этом заседании, Абрамович и Дан, представили различные

---

[20] См.: Dan Th. Letters. S. XLVIII. Сапир основывается также на информации, полученной от Лидии Дан.

[21] Ibid. S. XXIV.

[22] Бауэр – Аксельроду, 28 сентября 1917 г. NC. Box №. 44/8.

[23] См.: Бауэр - Каутскому, 28 сентября 1917 г. // Bauer O. Werkausgabe. Band 9. Wien, 1980. S.1038-1040.

[24] См.: Bauer O. “Julius Martow”, in Julius Martow. Sein Werk und seine Bedeutung für den Sozialismus (Berlin, 1924), abgedruckt auch in Werkausgabe. Bd. 7. Wien, 1979.

[25] Ibid.

[26] Bauer O. u.a. Die Internationale und der Krieg. // Социалистический вестник (Париж). 1935. 10 августа. № 14/15. С.19-23.

[27] См.: Die Diskussion in der SAI über den Kampf für die Demokratie (Bericht für die Auslandsvertretung der Österreichischen Sozialisten). IISH. SAI-Archiv. Nr. 542.

[28] См: Гарви - Филиатцеру, 12 февраля 1939 г. NC. Box № 130/3.

доклады по вопросу «борьбы за демократию», демонстрировал Интернационалу драматическую потерю им авторитета в своей партии. Логично, что в следующем заседании Исполкома в мае 1939 г. участвовал один Абрамович[29]. Только скромный успех имел и проект Дана создать в виде журнала «Новый мир» («Новый путь»), представлявшего линию Мартова и Бауэра, как минимум, влиятельный теоретический и публицистический форум, что должно было служить собиранию новых левых сил в международном движении социалистов[30]. Хотя «Новый путь» просуществовал до 1947 г., он выходил лишь благодаря усилиям Дана и был закрыт непосредственно после его смерти. Даже в эмигрантском сообществе меньшевиков в США Дан остался после окончательного организационного разрыва с зарубежной группой в 1942 г. в значительной изоляции, в то время как он и далее поддерживал хорошие отношения с австрийскими и прочими европейскими социал-демократами, эмигрировавшими в Америку.

Разрыв с «официальным меньшевизмом».

Политическая позиция Дана в последние годы его жизни оценивалась большинством меньшевиков как ренегатство. Это мнение, без сомнения, поддерживала его усиливающаяся с конца 30-х годов просоветская позиция. В отличие от тех кругов буржуазно-либеральной и консервативной эмиграции, которые по национальным соображениям, исходя из желания Великой России, временно отодвинули в военные годы свой антисоветизм на второй план, выдвинув на первый русский патриотизм, Дан признавал в час бедствия и необходимость сохранения советской системы. Находясь под впечатлением усилий советского народа в войне против фашистской Германии, он склонился в последние два года войны к весьма позитивной оценке реформируемости сталинского режима и уважительно оценил значение советской революции для будущего демократического социализма в Европе[31]. Явившийся результатом этого политический разрыв с его коллегами, которые упрекали его в измене центральной идее российской социал-демократии, был столь значителен, что те по возможности пытались стереть его имя из истории меньшевизма. Еще в 1966 г., через два десятилетия после его смерти, было жестко отвергнуто предложение вдовы Гарви включить и работы Дана в планируемый сборник “Избранных статей «Социалистического вестника»”[32].

Исходя из видения его мировоззрения как социалиста и интернационалиста, как русского патриота и «революционера без революции», а также из его постоянных поисков в эмиграции задач, полных смысла и целеполагания, его эволюция отнюдь не была разрывом с его прежним жизненным путем, а, напротив, его логическим следствием и итогом: Дан остался и после двух десятилетий эмигрантского существования меняющимся тактически человеком дела, как его описал Сапир. Он не мог и не хотел, несмотря на фазы разочарования, примириться с ролью «сеятеля», который не должен был участвовать в сборе урожая. Стремление оказывать политическое влияние на развитие своей родины и не застывать в роли хранителя политических ценностей и традиций своей партии в эмиграции, было сильнее его способности к трезвому анализу и позволило ему при оценке развития СССР выразить собственное желание, или, лучше сказать, веру, в поворот Советского Союза к демократии. Сомнительно, можно ли это рассматривать как ревизию его меньшевистских убеждений. Он сам категорически отвергал такие упреки.

Резюме жизненного пути.

Только тяжелая болезнь, которая в последние годы часто и надолго приковывала его к постели, помешала Дану по окончании мировой войны осуществить свое намерение и снова поехать в Европу, чтобы, если возможно, вернуться и на родину. В «Новом пути» можно прочитать, как серьезно он воспринимал эту надежду для послереволюционной социалистической эмиграции и для себя самого[33]. Смерть, возможно, уберегла его от по-

---

[29] См.: “Tagung der Exekutive der SAI [bez ”], in *Internationale Information, Nr. 2* (Brüssel, 18. Januar 1939). S.23-24; Nr. 12 (Brüssel, 19. Mai 1939). S.273.

[30] См. в т.ч.: Дан Ф. Два пути // Новый мир. Русский социал-демократический орган (Париж). 1940. 20 марта. № 1. С.3-7; «Необходимое объяснение» // Там же. С.15-16.

[31] См.: Дан Ф. Пути демократии, статья 2-я // Новый путь (Нью-Йорк). 1944. 19 марта. № 3. С.570, или его тезисы о задачах «Нового пути» на новом этапе // Там же. 1945. 11 ноября. № 8-9. С.808-810.

[32] См.: Шварц – Николаевскому, 15 февраля 1966 г. NC. Box 501/24.

[33] См. в т.ч.: Дан Ф. Возвращение домой // Новый путь (Нью-Йорк). 1946. 1 апреля. №3. С.721-723.

следнего шага его «ренегатства». Она навсегда лишила его шанса переосмыслить дышащую энтузиазмом оценку революционной роли и демократического потенциала советского социализма перед лицом его новой великодержавной политики и одновременного усиления сталинской системы подавления в стране и в государствах сферы советского влияния после начала холодной войны, вернуться к реалистической позиции и снова найти общий язык с меньшевистским большинством в эмиграции. При этом остается под вопросом, сделал ли бы Дан, собственно, не только шаг на этом пути – шаг, где ему предшествовал, во всяком случае, в отношении Советского Союза сам Отто Бауэр, его горячий друг вплоть до своей смерти в 1938 г., – но и в целом в смысле своего понимания собственной миссии. «Я верю вообще, что наша функция – и если я говорю «наша», я понимаю прежде всего Вас и меня, – это, с одной стороны, передавать новому, что творится, великое наследие, которое грозит оказаться утраченным. Но, с другой стороны, наша функция – представлять историческое значение нового по отношению к старому, которое это создаваемое новое не хочет видеть и не в состоянии понять, так как оно идет иным путем, чем ожидалось и так как действительность выглядит совершенно иначе, чем мечты, которые ей предшествовали. Я вывожу эту мысль в заключительной главе моей книги об Австрии. Но она представляется международной по своей значимости. Это очень неудобная и не очень благодарная функция, но, как мне кажется, функция исторически необходимая. Я верю, что Вы для осуществления этой функции еще в высшей степени много сможете сделать и должны сделать»[34].

TO SAVE FROM OBLIVION: ON THE 60TH ANNIVERSARY OF DEATH OF F.I. DAN

HARTMUT RUEDIGER PETER

Institute of History of the Martin Luther University (Halle-Wittenberg, Germany)

Although F.I. Gurvich (pseudonym – Dan) was one of the leading figures of the Russian Socio-Democratic Workers` Party (RSDRP) and in 20s and 30s headed the organization in exile, his name is almost forgotten now. It is quite possible to call him one of the present-day politicians of Menshevism. Having become "Westerner" because of emigration experience, he sought to shape his party as a modern socio-democratic party, which is able to use even the restrained parliamentary potential of the Duma`s constitutionalism. In the focus of the article is Dan as a "professional emigrant" and his activities in the international socio-democracy. Here he was a close companion of Otto Bauer. Though "bauerism" resulted in the growing isolation for him not only within Menshevik emigration, but also in the Socio-Democratic International, even after Bauer`s death he remained loyal to his legacy, as well as felt obliged to fulfill political will of Martov; he wanted to be a guardian of their ideas and political legacy. The political stand of Dan is estimated by the most of Mensheviks as tergiversation. However, his evolution was a logical effect and outcome of his life course: after two-decade emigration Dan remained tactically changing man of deed.

Key words: F.I. Dan, Menshevism, socio-democracy, Russian emigration, O. Bauer, Yu.O. Martov, tergiversation, "Socialist Bulletin", L. Blum, K. Kautsky, Socialist Workers` International.

[34] Бауэр – Дану, 24 июля 1936 г. // Peter H. Fedor I. Dan und Otto Bauer. Briefwechsel 1934-1938. Frankfurt/Main, 1999. S.112-115.

УДК 94(47).084.6

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КОНЦЕ 1930-х ГОДОВ

М.И. ВАРФОЛОМЕЕВА

Белгородский государственный университет

Данная статья посвящена репрессивной политике советской власти в 30- е годы XX века. Автор использует архивные материалы Центрального Черноземья, позволяющие выявить причины и последствия репрессивной политики Советского государства.

Особенности репрессивной политики советского государства в 30-е годы. Идейно-политическая борьба во властных структурах была завершена.

В 30-е гг. XX в. наблюдается относительное ослабление репрессивной политики и начало восстановления справедливости в отношении невинно осужденных граждан с 1938-1939 гг. Именно тогда рядом распоряжений партии и правительства, опять таки секретных, массовые аресты были приостановлены, стали не только пересматриваться уголовные дела и прекращаться за отсутствием события или состава преступления, но и выноситься оправдательные приговоры.

И здесь возникает закономерный вопрос: почему массовые репрессии и чистки прекратились, и почему Сталин пошел на этот шаг?

В результате массовых политических репрессий, пик которых пришелся на 1937-1938 гг., в руководстве партии произошло полное перераспределение власти из рук старой гвардии в руки партийной молодежи, выдвинутой непосредственно Сталиным, достигшим, наконец, самой высшей власти. В ходе социальных потрясений невиданных до этого масштабов возникла новая иерархическая социальная структура, основанная на системе партийных номенклатурных назначений. Каждый мог рассчитывать на продвижение по службе, потому что ежедневно кого-нибудь вырывали из обыденной жизни, и его место занимал другой. Неопытные и часто очень молодые представители новой элиты получили необъятную власть, но им все еще недоставало традиций и легитимности. В известном смысле самым опасным врагом нового класса был его создатель Сталин и контролируемые им органы государственной безопасности. Несомненно, были достигнуты и другие цели «большой чистки»: уничтожены многие инакомыслящие и сомневающиеся, запугано общество в целом. Объекты быстро растущей индустрии НКВД получили сотни тысяч новых рабов.

Одновременно, массовые аресты нанесли тяжелый урон промышленности, сельскому хозяйству, работе партийного и советского аппарата. Они достигли такого размаха, что начали угрожать научно-промышленному и военному потенциалу страны. Сказывались репрессии и на политических настроениях в стране. Единственно разумным решением в сложившихся обстоятельствах условиях была попытка овладеть ситуацией. Поэтому наблюдаются признаки некоторого относительного ослабления репрессивной политики в течение всего 1938 г.

Уже в январе 1938 г. пленум ЦК компартии принял постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП (б) и о мерах по устранению этих недостатков». В нем ответственность за необоснованные массовые исключения коммунистов из партии, что практически всегда означало в дальнейшем арест, была возложена на местные партийные организации, в которых «укоренились не только карьеристы, стремившиеся на этих исключениях выдвинуться, но немало было и врагов народа»[1]. Таким образом, ответственность за репрессии снималась со Сталина и его окружения.

Чтобы окончательно себя оправдать, Сталин предложил создать комиссию по проверке деятельности НКВД СССР, введя туда начальника Управления кадров ЦК ВКП (б) Г. Маленкова и Л. Берия, назначенного в августе 1938 г. заместителем наркома внутренних дел СССР.

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат. 1992. Т. 7. С.8-17.

По предложению комиссии 17 ноября 1938 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В нем отмечалось, что в 1937-1938 гг. органы НКВД под руководством партии проделали большую работу по разгрому врагов народа и шпионско-диверсионной агентуры иностранных разведок. И, хотя, вновь вся вина за массовые репрессии перекладывалась на врагов народа, пробравшихся в этот раз уже в органы Прокуратуры и НКВД СССР, которые «сознательно извращали советские законы, привлекая к уголовной ответственности и подвергая аресту по пустяковым основаниям, и, даже вообще без всяких оснований, создавали с провокационной целью «дела» против невинных людей, пытались уйти от партийного контроля и руководства, и, тем самым, облегчить себе и своим союзникам возможность продолжения своей антисоветской подрывной деятельности»[2], в постановлении открыто говорилось о необоснованности многих арестов, фальсификации дел органами безопасности, слабости прокурорского надзора. Определялись меры по укреплению законности. В частности, запрещалось органам НКВД и Прокуратуры СССР «производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению. Аресты производить только по постановлению суда или с санкции прокурора»[3]. Цитируемый документ стал первой ласточкой растянувшегося на десятилетия процесса реабилитации жертв массовых политических репрессий.

Одновременно с целью укрепления органов НКВД было принято постановление ЦК ВКП (б) «О работниках для НКВД СССР»[4], в котором Управлению кадров ЦК ВКП (б), лично Маленкову, предписывалось подобрать группу партийных и комсомольских работников для работы в органах государственной безопасности. Тем самым предопределялась «чистка» и замена кадров в органах государственной безопасности, что, прежде всего, означало увольнение тех сотрудников, кто служил с Ежовым, и проводил массовые репрессии в 1936 - 1938 гг. (Ранее, в августе 1938 г., Ежов был назначен наркомом речного флота, что уже можно было рассматривать как первый шаг к его постепенному отстранению от дел).

А 8 декабря 1938 г. «Правда» сообщила о том, что Ежов «по собственной просьбе» освобожден от исполнения обязанностей наркома внутренних дел СССР и заменен на этом посту Берией. Характерно, что в письме на имя Сталина Ежов признавал в качестве своих недостатков засоренность кадров органов государственной безопасности карьеристами и вражескими элементами и фактический разгром им внешней разведки[5].

Сразу же после смещения Ежова были арестованы, а затем и расстреляны его ближайшие помощники - Фриновский, Заковский, Реденс. Расстреляны были и руководители отделов наркомата внутренних дел, многие начальники областных управлений НКВД, начальники тюрем и лагерей, следователи, непосредственно фальсифицировавшие уголовные дела. Возникает противоречие: с одной стороны, следователи расстреляны за фальсификацию дел, с другой стороны, приговоры по этим делам остались в силе. Отсюда можно сделать вывод, что физическое устранение исполнителей репрессий преследовало главную цель - замести следы произвола.

Важным звеном в процессе свертывания репрессивной политики явилось принятие в 1938 г. нового Закона о судоустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик и перестройка судебной системы в соответствии с этим законом. Несмотря на диктат правящей партии, провозглашение независимости суда и подчинение его только закону воспринято было большинством работников судов и прокуратуры как поворот в судебной практике к соблюдению законности, в том числе и при рассмотрении дел по политическим статьям.

Определенные изменения претерпели и судебные заседания военных трибуналов и Военной коллегии Верховного суда СССР, отличавшиеся ранее кощунствующей формальностью и завершавшиеся за 10-15 минут. Так, 22 июля 1939 г. судебное заседание военного трибунала Орловского военного округа по рассмотрению дела по обвинению в контрреволюционной бывшего редактора «Курской правды» В.И. Князева, хотя и проходило за закрытыми дверями, без участия защиты и свидетелей, но продолжалось более трех часов. Суд отказал Князеву в вызове дополнительных свидетелей ввиду того, что все они осуждены и отбывают наказание. Как следует из протокола заседания, было не только оглашено обвинительное заключение, но и подробно выслушаны показания подсудимого, в том числе и касающиеся да-

---

[2] РЦХИДНИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 1003. Л. 85.
[3] РЦХИДНИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 1003. Л. 86.
[4] РЦХИДНИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 1004. Л. 1.
[5] РЦХИДНИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 1003. Л. 82-84.

чи показаний на предварительном следствии под влиянием физического воздействия. В последнем слове он просил проверить весь следственный материал, ибо «не был контрреволюционером и не подозревал в этом работавших с ним лиц»[6]. Хотя Князев был приговорен к расстрелу, ему позволили обжаловать в кассационном порядке решение военного трибунала. И Военная коллегия Верховного суда СССР заменила ему высшую меру наказания на 10 лет исправительно-трудовых лагерей.

В декабре 1938 г. было принято совместное постановление СНК СССР и ВКП (б) «О порядке согласования арестов». С этого момента разрешения на аресты депутатов Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных республик предписывалось согласовывать с председателем президиумов соответствующих Советов. Арестовать руководящий работников наркоматов, центральных учреждений, ученых, профессоров, военнослужащих разрешалось только по согласованию руководства НКВД СССР с соответствующими народными комиссарами. На аресты членов и кандидатов ВКП (б) требовалось согласие первого, а в его отсутствие второго, секретаря районного, городского, краевого, областного комитета или ЦК компартии по принадлежности. Это вселяло, пусть и относительную уверенность «номенклатуры» в ее защищенности. В результате ограничивалась деятельность органов безопасности. Хотелось бы привести такой факт, еще весной того же, 1938 г. чекистам ничего не стоило арестовать, а потом и расстрелять по сфабрикованному обвинению председателя Курского облисполкома И.Я. Смирнова, «единодушно избранного 12 декабря 1937 года депутатом Верховного Совета СССР». Уже после первого допроса, «умело» проведенного следователем Виленским, награжденного орденом Красной Звезды за выполнение ответственных заданий партии и в связи с 20-летием органов ВЧК-ОГПУ-НКВД СССР, а, позднее уволенного из них, Смирнов «чистосердечно признался» в своей контрреволюционной деятельности. Признался и в том, что он

«являлся участником антисоветской организации, занимался вредительством и готовил покушение на Сталина и членов правительства»[7].

Приход Берия в руководство НКВД СССР совпал с первой волной реабилитации. Уже во второй половине 1938 г. были освобождены несколько десятков человек, признанных арестованными безвинно. Это событие вызвало массу слухов. Слухи ширились, раздувались, создавая иллюзию массового освобождения, порождая в обществе эйфорию надежды. Дело в том, что 26 декабря 1938 г. вышла Директива наркома внутренних дел Берия и Прокурора СССР Вышинского о рассмотрении жалоб на решения троек 1937-1938 гг. и о пересмотре следственных дел по этим жалобам. Она дала право начальникам союзных, автономных НКВД, а также краевых и областных управлений НКВД в случае признания неправильности вынесенного решения и необходимости его отмены выносить постановления о прекращении дела. Не слишком многочисленные факты реабилитации 1939-1940 гг., явившиеся следствием этой директивы, в народе назвали «бериевскими».

Наметившаяся тенденция к ослаблению репрессивной политики нашла свое подтверждение на XVIII съезде ВКП (б), проходившем в марте 1939 г. На этом съезде не было ни споров, ни бурных обсуждений, ни критики происшедшего в партии за отчетный период. Делегаты от первичных парторганизаций были способны лишь петь дифирамбы Сталину, которому были обязаны своим карьерным ростом, и который оставался единственным из крупных деятелей поколения старых большевиков, тех, кто играл в партии важную роль еще со времен Октябрьской революции. Новые кадры приходили к власти в трех областях: управлении экономикой, правительстве и партии. Но все три сферы были тесно связаны и в некотором смысле дублировали друг друга. К тому же все «новые люди» были, прежде всего, членами партии и рассматривали любое назначение как очередное партийное поручение. Каждый из выдвиженцев мог рассчитывать на быстрое продвижение по службе. А тот, кто становился частью номенклатурной системы, получал такие привилегии, о которых большинство населения страны могло только мечтать: просторные квартиры, медицинское обслуживание, специализированные магазины и распределители. Но система номенклатурных списков, утверждаемых НКВД СССР и кадровыми управления соответствующего уровня, позволяла осуществлять контроль над любой партийной или профессиональной должностью в стране. Когда чиновник смещался с

[6] Архив УФСБ РФ по Курской области. Ф. АУД. Д. П–6493. Л. 67.
[7] Архив УФСБ РФ по Курской области. Ф. АУД. Д. П–4208. Л. 121.

должности, а тем более исключался из партии, или арестовывался, и он, и его семья теряли все свои привилегии.

Выступая на съезде Сталин, отметил, что чистки 1933-1936 гг. были, неизбежными и положительно сказались на состоянии партии, в то же время был вынужден признать, что их проведение сопровождалось многочисленными ошибками. Его заявление, что в новых чистках необходимости уже нет, стало в определенной степени программным для органов прокуратуры, суда и государственной безопасности. Нельзя не отметить, что Жданов вновь всю ответственность за «ошибки» возложил на местные партийные органы[8].

Важным является то, что массовые чистки были осуждены. XVIII съезд ВКП (б) утвердил новую, более «демократичную» редакцию партийного устава. Условия приема и длительность кандидатского срока становились впредь едиными для всех и не зависели от социального происхождения вступающих. узаконивал право на обжалование, а, следовательно, и на восстановление в партии.

В 1938-1940 гг. была проведена показательная реабилитация: восстановлено в партии 164800 чел.[9], приостановлены массовые аресты, прекращена деятельность «троек» в центре и на местах. В качестве органа внесудебной репрессии сохранилось только Особое совещание при НКВД СССР. 26 ноября 1938 г. Берия подписал приказ о порядке осуществления требований постановления «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Распоряжением нового наркома внутренних дел запрещалось производство каких-либо массовых операций по арестам, отменялся упрощенный порядок расследования. Было предписано производить аресты только по постановлению суда или с санкции прокурора, ликвидировались «тройки». А 9 ноября 1939 г. НКВД СССР издает приказ «О недостатках в следственной работе органов НКВД», предписывающий освободить из-под стражи незаконно арестованных по всей стране, установить строгий контроль над соблюдением всех уголовно-процессуальных норм.

Как свидетельствует «Докладная записка о работе следственной части управления НКВД за 1939 год»[10], курскими чекистами были проведены «оперативно-следственные мероприятия, обеспечивающие немедленное устранение недочетов и извращений, имевших место в 1933-1938 годах».

С этой целью все следственные дела, оставшиеся незаконченными на 1 января 1939 г., вернули к доследованию для «тщательной проверки доказательств обвинения, предъявленного арестованным, выполнения в процессе доследования соответствующих мер УПК РСФСР».

На 1 января 1939 г. в производстве следственной части УНКВД по Курской области находилось материалов на 834 обвиняемых, из них:

арестованных в 1937 г. - 148 чел.;

арестованных в 1938 г. - 686 чел.

Кроме того, в органах прокуратуры и судах оставалось на рассмотрении следственных дел на 1478 обвиняемых. Это предполагало возможность возвращения части этих дел на доследование в УНКВД, так как «большинство из них были закончены и переданы по подсудности в период, когда следственная работа еще не была перестроена по-новому и расследование по делам производилось упрощенными способами с наличием существенных недочетов и извращений методов следствия». И, действительно, на доследование вернулось 306 материалов. Всего за время с 1 января 1939 г. по 1 января 1940 г. управлением НКВД по Курской области было завершено следственных дел, возбужденных в 1937-1938 гг., на 903 обвиняемых. Из них 400 было осуждено на разные сроки, в том числе: областным судом - 265, военными трибуналами - 51, Особым совещанием при НКВД СССР - 84 обвиняемых. Следственные дела на 503 обвиняемых были прекращены: управлением НКВД по Курской области - на 348, областным судом - на 97, военным трибуналом - на 20, прокуратурой - на 38 обвиняемых.

Анализируя прекращенные дела, следователи УНКВД по Курской области отмечали такие нарушения законности как содержание арестованных под стражей без санкции прокурора, отсутствие в делах данных для дальнейшего ведения следствия, не проведение в течение нескольких месяцев допросов обвиняемых. По другим следственным делам, в

---

[8] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат. 1985. Т. 5. С.366.

[9] Великая Отечественная война. 1941 – 1945. Суровые испытания. М., 1995. С.49.

[10] Архив УФСБ РФ по Курской области. Ф. 10. Оп 3. Д. 8 (1940 г.). Л. 121.

результате дополнительного расследования устанавливалась необоснованность проведенных арестов и отсутствие доказательств обвинения.

Для пересмотра решений бывшей тройки УНКВД, рассмотрения и проверки жалоб осужденных при следственной части управления была создана специальная группа из квалифицированных сотрудников, которой изучено 1550 архивных дел. Результаты проверки таковы: оставлено решений в силе - 1167, срок наказания сокращен - 99 осужденным, освобождено за прекращением дел - 344 человек, в том числе и Я.Е. Козлов. 12 декабря 1936 г. бюро Конышевского райкома ВКП (б) исключила из членов партии бывшего председателя Юрьевского сельсовета Я.Е. Козлова «за потерю партийных документов и как троцкиста».

21 мая 1937 г. специальная коллегия Курского областного суда признала Козлова виновным в том, что «он на торжественном заседании, посвященном 19-й годовщине Октябрьской революции, допустил нездоровое в политическом отношении высказывание, и приговорила к лишению свободы сроком на 5 лет с поражением в избирательных правах на 3 года»[11]. В связи с тем, что в деле отсутствовали достаточные доказательства виновности Козлова, и оснований для предания его суду не имелось, управление НКВД по Курской области 1 июня 1940 г. уголовное дело прекратило с освобождением его из-под стражи. А вот в партии он был восстановлен спустя пятьдесят лет. Посмертно.

В целом, по подсчетам В.П. Попова, к началу 1940 г. количество заключенных в СССР несколько снизилось, что явилось следствием ослабления репрессивной политики. В общей сложности в 1939-1940 гг. по политическим мотивам всеми судебными и внесудебными органами было осуждено 135 тыс. 695 чел., что почти в 10 раз меньше, чем в 1937-1938 гг., когда к уголовной ответственности было привлечено 1 млн. 344 тыс. 923 чел.

Еще более существенным стало снижение выносимых «расстрельных» приговоров. В 1939-1940-х гг. к смертной казни по обвинениям в контрреволюционных и других особо опасных государственных преступлениях было приговорено 4201 чел. (в 1937-1938 гг. - 681692 чел.)[12]. В Курской области в 1939-1940-х гг. было осуждено 610 чел.[13] В то время, как только в ходе специальной операции, объявленной приказом НКВД СССР № 00447 «О репрессировании бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов» и осуществленной с 6 августа по 31 декабря 1937 г., пострадало 8354 чел.[14] Смягчение репрессивной политики в 1939-1940-х гг. выразилось также в довольно резком увеличении числа оправдательных приговоров, о чем год назад не приходилось и мечтать. Так, в Курской области было вынесено 5 оправдательных приговоров в 1939 г. и 3 - в 1940 г.[15]

В соответствии с постановлением ЦК ВКП (б) «О работниках для НКВД СССР» и соответствующего приказа Берии № 59 от 3 мая 1939 г. продолжалась чистка органов НКВД. По компрометирующим материалам из управления НКВД по Курской области в 1939-1940-х гг. было уволено 13 чел., из них 8 - номенклатуры НКВД СССР[16].

По некоторым пересмотренным следственным делам были установлены прямые подлоги и фальсификации. Так, бывший начальник Томаровского райотделения УНКВД сержант госбезопасности Махов вместе со своим подчиненным Ленским в июле 1937 г., при проведении следствия «по делам на бывших кулаков, репрессированных в порядке проводившихся в то время массовых операций, сфабриковали материалы о якобы вскрытой и ликвидированной повстанческой организации»[17]. Были арестованы и привлечены к уголовной ответственности 110 чел. Проведенной проверкой установлено, что «Махов и Ленский, мерами физического воздействия вынуждали арестованных подписывать заранее составленные показания об участии обвиняемых в антисоветской организации, составляли показания свидетелей от имени лиц фактически не допрашивавшихся, сами ставили на этих протоколах подписи, приобщали в дела фиктивные документы о якобы

---

[11] Архив УФСБ РФ по Курской области. Ф. АУД. Д. П–1354.

[12] Попов В.П. Государственный террор в Советской России. 1923 – 1953: источники и их интерпретация // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 28.

[13] Архив УФСБ РФ по Курской области. Ф. 10. Оп. 3.

[14] Карнасевич В.Г., Раков В.В. О репрессиях 1937 года (на материалах Курской области) // Юг России в прошлом и настоящем история, экономика, культура. Материалы международной практической конференции. Белгород. БелГУ. 1998. С.91.

[15] Архив УФСБ РФ по Курской области. Ф. 10. Оп. 3.

[16] Архив УФСБ РФ по Курской области. Ф. 10. Оп. 3.

[17] Архив УФСБ РФ по Курской области. Ф. 10. Оп. 3.

кулацком прошлом обвиняемых». Махов и Ленский предстали перед Военным трибуналом войск НКВД СССР.

Среди осужденных к высшей мере наказания значится и бывший заместитель начальника УНКВД по Курской области Симановский. Он принимал самое активное участие в разоблачении созданного воображением местных чекистов «Объединенного правотроцкистского блока», возглавляемого бывшими секретарями обкома партии Ивановым, Ушеренко и председателем облисполкома Царевым[18]. Симановский обвинялся в том, что «являлся участником антисоветской заговорщической организации, существовавшей в органах НКВД, и по ее заданию проводил вражескую подрывную деятельность» в оперативно-следственной работе УНКВД Московской, Курской, Орловской областях и ДмитЛаге НКВД СССР. В ходе проведения операции «по изъятию контрреволюционных элементов проводил необоснованные аресты, широко применял запрещенные законом извращенные методы ведения следствия: фальсификацию следственных документов и избиение арестованных и т.д.»[19]

Обращает на себя внимание еще одна особенность первой реабилитации: руководящих работников, следователей расстреляли за фальсификацию дел, а приговоры по этим сфабрикованным делам остались в силе и сами дела не пересматривались. Военным трибуналом войск НКВД Курской области 20 ноября 1939 г. бывший начальник Мценского РО УНКВД по Орловской области Пикалов был осужден к 7 годам исправительно-трудовых лагерей. В приговоре отмечалось, что Пикалов, «руководя специальной операцией по изъятию кулацкого и другого контрреволюционного элемента в 1937-1938 годах по Мценскому району, встал на преступный путь извращения революционной законности и методов ведения следствия, создал систему массовых необоснованных и без наличия каких-либо компрометирующих материалов арестов граждан». Вместе с ним судили ряд других сотрудников и лжесвидетелей. Одновременно из-под ареста освободили 158 жителей Мценского района. Справедливость вроде восторжествовала. Но большинство неправосудных решений остались в силе. Жертвы беззакония еще долго продолжали носить клеймо врагов народа, страдали их родные. Более того, 9 декабря 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР вынес решение о помиловании Пикалова и снятии с него судимости! Режим остался верен себе. Игра в законность закончилась. В жертву были принесены наиболее одиозные фигуры политического сыска, слишком много знавшие, а потому опасные для режима и названные «пробравшимися в ряды НКВД вражескими элементами».

Следует отметить, что изменения в политическом курсе произошли, масштабы репрессий ограничились, однако полностью не прекратились. Они и не могли прекратиться. Слишком тяжелыми были удары, нанесенные партии и обществу, чтобы можно было говорить о сколько-нибудь реальной демократизации. В феврале 1939 г. Берия санкционировал расстрел большой (413 чел.) группы партийных, советских, комсомольских, хозяйственных и военных работников.

Карательные меры не способствовали улучшению положения в организации производства, подготовке квалифицированных кадров. Именно в силу этих особенностей, в конце 1930-х годов были приняты новые репрессивные законы в промышленности, усилилась борьба с «разбазариванием колхозных земель», введена погектарная разверстка заготовок в деревне. Постановлением СНК СССР, ЦК ВКП (б) и ВЦПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного и социального страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле» (28 декабря 1938 г.) ужесточались меры ответственности за нарушения трудовой дисциплины. За опоздание на 20 минут любой рабочий или служащий мог быть уволен. Указом от 26 июня 1940 г. устанавливался 8-ми часовой рабочий день при семидневной рабочей неделе, запрещался самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и учреждений. Рабочее время каждого трудящегося увеличивалось в среднем на 33 часа в месяц. «Самовольный уход с предприятия карался тюремным заключением на срок до четырех месяцев, прогул без уважительной причины - осуждением к исправительно-трудовым работам по месту рабо-

---

[18] Карнасевич В.Г. Дело объединенного правотроцкистского блока // История и культура: прошлое и современность. Материалы докладов и сообщений Второй заочной научно–методической конференции. Курск. КГПУ. 1999. С. 46.

[19] Реквием. Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине. Орел. 1994. С.36.

ты на срок до шести месяцев с удержанием до 25 % заработанной платы»[20]. Указ от 10 июля 1940 года приравнял к вредительству со всеми вытекающими отсюда последствиями выпуск недоброкачественной продукции.

В 1939-1941 гг. сохранился и порядок осуждения по спискам, хотя при этом и претерпел изменения. В случаях, когда предполагалось осуждение «в порядке Закона от 1 декабря 1934 года», нарком внутренних дел, иногда вместе с Прокурором СССР, подавал на имя Сталина записку с просьбой о соответствующей санкции. В записке чаще всего указывалось точное число подлежащих расстрелу и осуждению в лагеря, к ней прилагались, как правило, списки намеченных к осуждению. На основании этой записки Политбюро издавало формальное постановление, после чего Военная коллегия ВС СССР рассматривала дела на своих заседаниях[21]. Впрочем, надо заметить, что в этот период Военная коллегия обладала все-таки определенной долей свободы, и время от времени некоторые дела она отправляла на доследование, иногда меняла и меру наказания. Такие случаи обязательно согласовывались Сталиным.

Продолжала в эти годы свою работу и Комиссия Политбюро ВКП (б) по судебным делам. Она по-прежнему рассматривала приговоры всех судебных органов к расстрелу, прежде всего приговоры судов и трибуналов, чего не прекращала делать и в 1937-1938 гг., но также и - после двухлетнего перерыва - приговоры Военной коллегии Верховного суда СССР, в тех редких случаях, когда дело рассматривалось не «в порядке Закона от 1 декабря 1934 года».

Таким образом, смягчение репрессивной политики в 1939-1940 годах проводилось в период, когда идейно-политическая борьба во властных структурах была практически завершена, ликвидированы элементы, которые потенциально Председателем Военной коллегии Верховного суда СССР Ульрихом или Берией со могли бы воспротивиться сталинскому режиму. Как отмечалось выше, волна арестов схлынула в начале 1939 г. Несколько тысяч арестованных в ходе террора были затем освобождены из заключения. Очевидно, Сталин хотел заставить народ поверить, что уже поверженный Ежов был главным организатором террора. Этот маневр был нацелен и на то, чтобы успокоить общественное мнение, ограничить роль карательных органов, а вину за массовые репрессии возложить на Ежова и его команду. Эта уловка имела определенный успех. Перед лицом своей страшной судьбы многие из находившихся в заключении верили в то, что империалисты, осуществляя свой антисоветский заговор, захватили и органы государственной безопасности. Они видели, что коммунисты, такие же, как они сами, уничтожаются в большом числе. Поскольку они также знали, что эти люди не виновны в преступлениях, в которых их принуждают сознаваться, должно было быть какое-то иное объяснение происходящему. Они знали, что фашистские режимы преследуют коммунистов, посылают их в концентрационные лагеря, а отсюда естественным выводом была «фашистская теория» большого террора, что всячески тиражировалось в средствах массовой информации. Следовательно, ослабление репрессивной политики, наметившееся в 1938 г., было обусловлено изменениями партийных кадров различных уровней, кризисными явлениями, наиболее существенно проявившимися в экономической сфере. Однако реабилитация осталась лишь фасадом, за которым продолжала укореняться карательная политика.

PECULIARITIES OF THE SOVIET AUTHORITIES` REPRESSIVE POLICY IN LATE 1930s

M.I. VARVOLOMEEVA

Belgorod State University

The article is devoted to the repressive policy of the Soviet authorities in late 1930s. The research is based on the archival materials of the Central Black Soil Region, which allow to reveal the causes and consequences of the Soviet State`s repressive policy.

The author comes to a conclusion that the ideological-political struggle has become less rigid in late 1930s and, as a result, policy of terror has softened.

[20] Хлевнюк О.В. 26 июня 1940 года: иллюзии и реальности администрирования // Коммунист. 1989. №9.

[21] Рогинский А. Послесловие //Расстрельные списки. Москва, 1937 – 1941. Книга памяти жертв политических репрессий. М., 2000. С.500.

УДК: 94(470.67) «1978»:342

КОНСТИТУЦИЯ ДАССР 1978 ГОДА: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПРИНЯТИЯ

Л.А. ТРУЖЕНИКОВА

Дагестанский государственный университет

e-mail: lyuda-74@mail.ru

На основе архивных материалов и опубликованных исследований анализируются причины и предпосылки принятия Конституции ДАССР 1978 г.; рассматривается процесс ее разработки, отмечается, что Конституция 1978 г. сыграла большую роль в дальнейшем развитии государственности Дагестана. Она отразила новый этап в развитии всех сторон общественной и государственной жизни республики. Конституция подняла на качественно новый уровень всю государственную и хозяйственную деятельность, всю работу органов власти и управления Дагестана. В последующие годы в республике на основе Конституции 1978 г. имели место дальнейшее совершенствование законодательства и развитие государственных отношений.

Ключевые слова: Конституция, Конституционная Комиссия, государственные отношения, органы государственной власти, Верховный Совет ДАССР, Президиум Верховного Совета ДАССР, национально-государственное строительство.

К середине 1930-х гг. советский народ, в основном, построил фундамент социалистического государства. После окончания Великой Отечественной войны в невиданно короткие сроки было восстановлено практически все, разрушенное войной, и страна ускоренным темпом двинулась вперед. За 40 лет после принятия Конституции СССР 1936 г. во всем советском обществе произошли столь глубокие изменения, что возникла необходимость их обобщения в новом Основном Законе[1].

Главная причина и необходимость разработки новой Конституции, как отмечалось, была связана и с существенным изменением политического режима в стране. Хотя общество по-прежнему оставалось строго организованным на условиях руководства им со стороны одной политической партии, оно уже встало на путь освобождения от режима личной власти, произвола, беззакония и всеобъемлющего страха, режима, публично осужденного прежде всего самой партией на XX съезде[2].

Однако сегодня мы должны признать, что сам факт принятия новой Конституции носил все же несколько преждевременный и формальный характер. Это объяснялось тем, что на XXII съезде КПСС, состоявшемся в октябре 1961 г., было необоснованно декларировано: «в Советском Союзе создано реальное социалистическое общество»[3]. Видимо, поэтому тогдашнее руководство страны и сочло необходимым закрепить это в новой союзной Конституции и провозгласить дальнейшую цель – построение коммунистического общества.

Для создания новой Конституции СССР еще в 1962 г. была организована Конституционная Комиссия. Но в силу ряда известных политических событий работа Комиссии затянулась на долгие годы. Лишь в апреле 1977 г. для выработки текста проекта Конституции СССР Конституционная Комиссия была сформирована окончательно в составе Председателя Л.И. Брежнева и 73 членов, в числе которых были видные партийные, государственные и общественные деятели, рабочие, колхозники, представители интеллигенции союзных республик.

4 октября 1977 г. открылась внеочередная седьмая сессия Верховного Совета СССР, на которой с докладом по проекту новой Конституции СССР выступил Председатель Конституционной Комиссии Л.И. Брежнев. 7 октября 1977 г. Верховный Совет СССР единогласно утвердил новый Основной Закон Союза ССР[4].

Конституция СССР 1977 г. стала преемницей предшествующих Основных Законов 1924 и 1936 гг. Главной отличительной особенностью этой Конституции явилось законодательное закрепление в шестой статье руководящей и направляющей роли Коммунистической партии, объявленной ведущей силой общества.

Новая Конституция утверждала принципы общенародного государства. Однако в реальной действительности социалистические народовластные идеалы не были в полной

---

[1] Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории советской Конституции. М.,1978. С.191.

[2] См.: Авакьян С.А. Конституционное право России. Том 1. М.,2005. С.210.

[3] Соловьев А.А. Съезды и конференции КПСС: Справочник. М.,1983. С.274.

[4] Конституция развитого социализма: исторические предпосылки и значение. М., 1981. С. 43-45.

мере реализованы на практике, и не было в тот момент настоящих гарантий против реставрации капитализма. Наличие всего лишь только основ развивающегося социализма при сохранении ряда негативных тенденций объясняет сложившуюся реальность, в которой Конституция расходилась с реальной политической практикой функционирования авторитарно-номенклатурного политического режима.

Конституция СССР 1977 г. закрепила тенденцию развития национально-государственного строительства, которая была отражена в статьях Конституции: о расширении и укреплении интернациональной по содержанию советской представительной системы в развитии общесоюзной и национальной государственности при ведущей роли союзной; об усилении действия единой системы Советских Вооруженных Сил, охраняющих безопасность социалистической Родины; о совершенствовании научного управления всеми социальными процессами; об укреплении единства действия общесоюзной системы законодательства.

В третьей части Конституции, посвященной национально-государственному устройству СССР, была не только раскрыта сущность СССР как союзного государства, но был также четко определен политический статус союзных и автономных республик, автономных областей и округов, их место и функции в общесоюзной системе государственной власти.

Основной Закон (впервые в конституционной практике нашего государства) включал специальные главы, посвященные правовому положению и гарантиям дальнейшего всестороннего развития автономных республик, автономных областей и автономных округов (главы 10, 11, 18). Автономная республика имела право участия в решении вопросов, отнесенных к ведению Союза ССР и союзной республики. Верховный Совет автономной республики принимал теперь Конституцию АССР без последующего (как это было установлено Конституцией СССР 1936 г.) утверждения ее Верховным Советом союзной республики.

После принятия новой Конституции СССР была проведена большая работа по приведению законодательства страны в соответствие с новым Основным Законом. Важнейшей частью этой работы по совершенствованию правовой основы государственной и общественной жизни страны стала разработка и принятие новых конституций союзных и автономных республик. Верховные Советы союзных республик создали Конституционные Комиссии, в состав которых вошли деятели партийных, советских и общественных организаций, рабочие, колхозники, ученые.

14 марта 1978 г. под председательством Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР М.А. Яснова состоялось заседание Президиума Верховного Совета РСФСР, на котором был рассмотрен вопрос о проекте Конституции РСФСР. С докладом о проекте Конституции РСФСР выступил Председатель Комиссии Верховного Совета РСФСР по подготовке проекта Конституции, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР М.С. Соломенцев. Проект Конституции РСФСР был опубликован в центральной печати для всенародного обсуждения[5].

10 апреля 1978 г. начала свою работу седьмая сессия Верховного Совета РСФСР девятого созыва, созванная для рассмотрения проекта Конституции РСФСР. С докладом «О проекте Конституции (Основного Закона) РСФСР и итогах его всенародного обсуждения» выступил М.С. Соломенцев, отметивший, что в основу проекта были положены идеи и принципы Союзной Конституции.

12 апреля 1978 г. была принята новая Конституция РСФСР. 13 апреля 1978 г. в печати была опубликована Декларация Верховного Совета РСФСР «О принятии и объявлении Конституции (Основного Закона) РСФСР», где было сказано, что «Верховный Совет РСФСР, действуя от имени народа РСФСР и выражая его волю, принимает Конституцию (Основной Закон) РСФСР и объявляет о введении её в действие с 12 апреля 1978 года»[6].

Согласно общим положениям, закрепленным в Конституции СССР и в конституциях союзных республик, расширялись и закреплялись полномочия автономных республик и автономных областей, входящих в состав союзных республик.

Впервые в истории законодательства статья 78 Конституции РСФСР зафиксировала: «Автономная республика есть советское социалистическое государство, находящееся в составе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Автономная республика вне пределов прав Союза ССР и РСФСР самостоятельно решает вопросы, относящиеся к ее ведению. Она имеет свою Конституцию, соответствующую Конституциям СССР и союзной республики и учитывающую особенности автономной республики»[7].

---

[5] Известия. 1978. 15 марта.

[6] Там же. 13 апреля.

[7] Конституция (Основной Закон) РСФСР. М.,1978. С.23.

Автономная республика участвовала в решении вопросов, отнесенных к ведению союзной республики и Союза ССР, через соответствующие высшие органы государственной власти и управления, обеспечивала комплексное экономическое и социальное развитие на своей территории, координировала и контролировала деятельность предприятий, учреждений и организаций союзного и республиканского подчинения по вопросам, относящимся к ее ведению; территория автономной республики не могла быть изменена без ее согласия[8].

На основе Конституций СССР и РСФСР были подготовлены проекты конституций автономных республик, входящих в состав РСФСР. 23 июня 1977 г. состоялось заседание Верховного Совета ДАССР, на котором был рассмотрен вопрос о составе Комиссии для подготовки проекта Конституции ДАССР. По поручению Совета Старейшин Председатель Верховного Совета ДАССР Ш.А. Исмаилов внес предложение об образовании Комиссии Верховного Совета ДАССР по подготовке проекта новой Конституции Дагестанской АССР.

Было принято Постановление Верховного Совета ДАССР, в котором говорилось об избрании Комиссии для подготовки проекта Конституции Дагестанской АССР в составе 32 человек под председательством М.-С.И. Умаханова. В состав Комиссии вошли депутаты Верховного Совета СССР, Верховного Совета РСФСР и Верховного Совета Дагестанской АССР, среди них А.А. Абилов, Р.Г. Гамзатов, Ш.А. Исмаилов, Х.А. Казиева, Н.В. Комиссаров, А.М. Магомедова, А.С. Омаров, А.Д. Умалатов, У.Ч. Черкесов, Ш.М. Шамхалов и другие видные деятели республики[9].

15 мая 1978 г. под председательством Председателя Президиума Верховного Совета ДАССР Ш.М. Шамхалова состоялось заседание Президиума Верховного Совета ДАССР, на котором был рассмотрен вопрос о проекте Конституции республики. С докладом о проекте выступил Председатель Комиссии Верховного Совета ДАССР по подготовке проекта Конституции ДАССР, член ЦК КПСС, Первый секретарь обкома КПСС М.-С.М. Умаханов. В обсуждении проекта Конституции приняли участие С.Х. Халилов, С.Д. Курбанов, М.М. Малогусейнов, А.А. Агарзаев, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета ДАССР Р.П. Аскерханов[10].

Президиум Верховного Совета ДАССР принял Указ, которым в основном одобрил проект Конституции (Основного Закона) ДАССР, представленный Комиссией, и вынес его на всенародное обсуждение в республике. Президиум также принял Указ о созыве 29 мая 1978 г. в городе Махачкале внеочередной восьмой сессии Верховного Совета ДАССР для рассмотрения проекта Конституции ДАССР.

На этом же заседании было принято Постановление «Об организации работы по учету и обобщению предложений и замечаний, которые будут поступать в ходе обсуждения проекта новой Конституции (Основного Закона) ДАССР». В нем, в частности, отмечалось:

«1. Исполнительным комитетам районных, городских, сельских, поселковых Советов народных депутатов, Комитету по телевидению и радиовещанию Совета Министров ДАССР, редакциям республиканских и местных газет принять меры по организации всестороннего делового обсуждения проекта Конституции ДАССР на собраниях коллективов трудящихся, собраниях граждан по месту жительства, в печати, по радио и телевидению, а также обеспечить учет и обобщение вносимых в ходе обсуждения предложений и замечаний по проекту Конституции ДАССР.

2. Установить, что обобщенные данные о ходе обсуждения проекта Конституции ДАССР и о содержании предложений и замечаний к проекту Конституции ДАССР направляются в Президиум Верховного Совета ДАССР.

3. Обобщенные данные о ходе обсуждения проекта Конституции ДАССР и о содержании предложений и замечаний к проекту Конституции ДАССР направляются в Президиум Верховного Совета ДАССР один раз в пять дней по прилагаемым формам.

4. Обобщение поступающих материалов в ходе всенародного обсуждения проекта Конституции ДАССР возложить на орготдел Президиума Верховного Совета ДАССР.

5. Утвердить составы рабочих групп по учету, обобщению и рассмотрению предложений, которые будут поступать в адрес Комиссии по подготовке проекта Конституции ДАССР в период обсуждения проекта»[11].

15 мая 1978 г. под председательством члена ЦК КПСС, первого секретаря Дагестанского обкома партии, Председателя Комиссии по подготовке проекта Конституции ДАССР М.-С.И.

---

[8] История национально-государственного строительства в СССР (1917-1978). Т. II. М.,1979. С.315.

[9] Заседание Верховного Совета ДАССР. Пятая сессия девятого созыва. 23 июня 1977 г. Стенографический отчет. Махачкала,1977. С.72, 84.

[10] Дагестанская правда. 1978. 16 мая.

[11] ЦГА РД. Ф.352-р. Оп.30. Д.96. Л.л.3-4, 5-6.

Умаханова состоялось заседание Комиссии по подготовке проекта Конституции ДАССР. На заседании было отмечено, что Комиссия проделала большую и плодотворную работу по подготовке проекта. В нем в соответствии с Конституциями СССР и РСФСР отражены политические, экономические и социальные преобразования, происшедшие в республике за время после принятия Основного Закона 1937 г. В докладе и выступлениях на заседании Комиссии подчеркивалось, что в связи с предстоящим опубликованием проекта Конституции ДАССР для всенародного обсуждения в республике необходимо развернуть организационную и политическую работу по обеспечению широкого обсуждения проекта. Обсуждение должно способствовать дальнейшему подъему трудовой и политической активности масс, выполнению планов и обязательств, принятых на третий год десятой пятилетки.

В обсуждении проекта Конституции ДАССР приняли участие члены Комиссии – секретарь Ногайского райкома КПСС Б.А. Аджибаева, министр юстиции С.Ю. Сфиев, электромеханик Махачкалинской телеграфно-телефонной станции И.Б. Рахмилова, прокурор ДАССР М.М. Ибрагимов, редактор газеты «Дагестанская правда» Н.В. Комиссаров.

Комиссия рассмотрела и в основном одобрила проект и приняла решение войти в Президиум Верховного Совета ДАССР с предложением опубликовать проект Конституции (Основного Закона) Дагестанской АССР для всенародного обсуждения в республике. Комиссия в основном одобрила внесенные предложения и приняла решение внести их на рассмотрение Президиума Верховного Совета ДАССР[12].

16 мая 1978 г. в «Дагестанской правде» был опубликован текст проекта Конституции ДАССР. 17 мая 1978 года он был опубликован во всех республиканских газетах. После опубликования проекта в республике развернулась массовая работа по пропаганде положений проекта, его всестороннему обсуждению. Обсуждение проекта в печати, по телевидению и на местах продолжалось с 16 по 29 мая 1978 г.

По республиканскому телевидению прошла серия передач «Обсуждаем проект Конституции ДАССР». В главном печатном органе республики – газете «Дагестанская правда» были открыты рубрики «Обсуждаем проект Конституции ДАССР» и «Вношу предложение».

В печати была опубликована примерная тематика лекций, докладов и бесед по проекту новой Конституции ДАССР. Для обсуждения предлагались темы: «Принятие Конституции ДАССР – историческая веха в политической истории республики», «Политическая система ДАССР», «Охрана правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан – важнейшая задача Советского государства», «Экономическая система ДАССР», «Экономика Дагестана – составная часть единого народнохозяйственного комплекса СССР», «Развитие производительных сил Дагестана в десятой пятилетке», «Проект Конституции ДАССР о развитии народного образования и культуры народов Дагестана», «Национально-государственное и административно-территориальное устройство ДАССР»[13].

Трудящиеся Дагестана внесли в проект Конституции ДАССР ряд предложений, поправок и дополнений.

Так, например, народная артистка СССР, лауреат Государственной премии РСФСР им. К.С. Станиславского, актриса Кумыкского музыкального драматического театра имени А.-Г. Салаватова Барият Мурадова заметила, что «следовало бы дополнить статью 40 Конституции ДАССР словами о расширении культурного обмена с зарубежными странами, что будет верным с точки зрения того широкого взаимообмена культурными ценностями, который происходит в настоящее время с участием мастеров литературы и искусства Дагестана, а также гостей республики из многих стран».

Помимо граждан свое мнение по проекту Конституции ДАССР высказывали и государственные деятели республики. Так, Прокурор Дагестанской АССР, государственный советник юстиции третьего класса М. Ибрагимов высказал следующее мнение: «В целом работники органов прокуратуры одобряют проект Конституции ДАССР и считают, что его утверждение послужит основой для дальнейшего укрепления социалистической законности и правопорядка в республике»[14].

Таким образом, в ходе всенародного обсуждения проекта Конституции ДАССР трудящиеся Дагестана высказали свое мнение и отношение к этому важнейшему документу. Их

---

[12] Дагестанская правда. 1978. 16 мая.

[13] Каппаров Г.М. Конституционное развитие ДАССР на современном этапе. Махачкала, 1981. С.15,16.

[14] См.: Дагестанская правда. 1978. 19,24 мая.

предложения были направлены на его улучшение и дополнение. Главным политическим итогом всенародного обсуждения проекта явилось его единодушное одобрение. Однако надо признать, что это обсуждение имело зачастую заорганизованный характер. Многие выступления, замечания и предложения трудящихся готовились работниками партийных и советских органов заранее. Объявленное количество собраний, посвященных обсуждению проекта Конституции, и количество трудящихся, участвовавших в них, не всегда соответствовали действительности, а сами собрания в ряде мест проводились формально.

26 мая 1978 г. под председательством М.-С.И. Умаханова состоялось очередное заседание Комиссии по подготовке проекта Конституции ДАССР. Комиссия рассмотрела проект с учетом предложений, замечаний и поправок, поступивших от граждан республики в ходе всенародного обсуждения, одобрила его и представила в Президиум Верховного Совета ДАССР с последующим внесением на рассмотрение внеочередной восьмой сессии Верховного Совета ДАССР девятого созыва.

26 мая 1978 г. под председательством Председателя Президиума Верховного Совета ДАССР Ш.М. Шамхалова состоялось заседание Президиума Верховного Совета ДАССР, на котором было рассмотрено сообщение Председателя Комиссии М.-С.И. Умаханова об итогах всенародного обсуждения проекта Конституции ДАССР и о предложениях, поступивших в ходе этого обсуждения. Президиум с удовлетворением отметил высокую политическую активность граждан, проявленную в ходе обсуждения. По проекту Конституции выступили члены Президиума С.Б. Бабаханов и В.Н. Соколов[15].

Президиум Верховного совета ДАССР постановил принять к сведению сообщение Председателя Комиссии М.-С.И. Умаханова о том, что Комиссия рассмотрела предложения и замечания по проекту Конституции, поступившие в ходе его всенародного обсуждения в республике, внесла в проект необходимые изменения и дополнения и представила его на рассмотрение Верховного Совета ДАССР. Было решено также внести на рассмотрение Верховного Совета ДАССР проект Декларации Верховного Совета о принятии и объявлении Конституции (Основного Закона) ДАССР и проект Закона ДАССР о порядке введения в действие Конституции (Основного Закона) ДАССР[16].

На заседании Президиума Верховного Совета ДАССР был сформирован состав Редакционной Комиссии по подготовке окончательного текста проекта Конституции ДАССР в составе 51 депутата под председательством М.-С.И. Умаханова. В состав Комиссии вошли видные общественные, партийные и советские деятели республики, среди них – М.-Т.М. Абдулбасиров, А.А. Абилов, М.А. Азизов, О.А. Алиев, Ф.А. Алиева, Р.П. Аскерханов, А.С. Бойко, А.Ю. Гаджиев, Р.Г. Гамзатов, М.М. Ибрагимов, Ш.А. Исмаилов, Н.В. Комиссаров, А.М. Магомедова, Х.Г. Магидов, М.М. Мажидов, А.С. Омаров, А.Д. Умалатов, С.Х. Халилов, У.Ч. Черкесов, Ш.Ш. Шамхалов, М.С. Юсупов, М.Ю. Юсупов.

На заседании Президиума Верховного Совета ДАССР 26 мая 1978 г. была определена повестка дня и порядок работы внеочередной восьмой Сессии Верховного Совета ДАССР девятого созыва, которую планировалось провести 29-30 мая 1978 г. Основным вопросом сессии был вопрос о проекте новой Конституции (Основного Закона) Дагестанской АССР[17].

29 мая 1978 г. открылась внеочередная восьмая сессия Верховного Совета ДАССР девятого созыва. На сессии председательствовал Председатель Верховного Совета ДАССР Ш.А. Исмаилов. С докладом «О проекте Конституции (Основного Закона) ДАССР и итогах его обсуждения» выступил М.-С. И. Умаханов.

Докладчик отметил, что «перед нынешней сессией Верховного Совета ДАССР стоит задача: принять новую Конституцию (Основной Закон) ДАССР. Проект Конституции был опубликован во всех республиканских газетах общим тиражом 234571 экз. В разъяснении и пропаганде проекта приняли участие телевидение и радио. После опубликования проекта на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, в учреждениях и учебных заведениях, по месту жительства граждан прошло 3449 собраний, митингов, сходов, в которых приняло участие более 511800 граждан республики. Выступили 12514 чел., было внесено свыше 12500 предложений. В адрес Комиссии поступило множество писем, около 200 предложений было высказано гражданами в их выступлениях в печати, по радио и телевидению. Основной смысл всех писем и предложений трудящихся сводится к следующему: проект Основного Закона республики с большим удовлетворением одобрен всеми гражданами республики».

---

[15] Там же. 27 мая.

[16] ЦГА РД. Ф.352-р. Оп.30. Д.104. Л.45.

[17] Там же. Д.97. Л.л.17-21.

В докладе М.-С. И. Умаханова было сказано, что внесенный на рассмотрение сессии проект новой Конституции составлен в строгом соответствии с Конституциями СССР и РСФСР, а также с учетом местных национальных особенностей. Он сохраняет преемственность по отношению к ныне действующей Конституции ДАССР. Вместе с тем, в него внесены новые главы и статьи, которых не было раньше[18].

Далее в докладе был освещен исторический путь нашей республики, изложены основные положения проекта. Было отмечено принципиальное значение вопроса о языках, на которых публикуются законы, постановления и другие акты Верховного Совета Дагестанской АССР. Если по Конституции ДАССР 1937 г. эти акты публиковались на аварском, азербайджанском, даргинском, кумыкском, лакском, лезгинском, русском, татском и табасаранском языках, то по проекту новой Конституции указанные акты публикуются на вышеуказанных девяти языках, а также на ногайском и чеченском языках, что вполне соответствует многонациональному характеру Дагестана.

В докладе были также отмечены следующие особенности проекта новой Конституции: более четкая формулировка статьи Конституции о Совете Министров ДАССР, порядке его образования, составе, полномочиях; расширение компетенции Совета Министров, более подробное определение компетенции местных Советов; отражение дальнейшего развития демократических принципов организации деятельности Советов, повышение роли наказов избирателей, укрепление авторитета депутатов; закрепление основ правового положения общественных организаций и трудовых коллективов.

Согласно проекту значительно повышалась роль Советов как форм непосредственной демократии, совершенствовались принципы организации и деятельности органов государственного управления, суда, прокуратуры, усиливался народный контроль, расширялся круг прав и свобод граждан, укреплялись материальные, политические и другие гарантии осуществления этих прав и свобод[19].

Верховный Совет ДАССР единогласно избрал Редакционную Комиссию по подготовке окончательного текста проекта Конституции ДАССР. В прениях по докладу выступили депутаты М.С. Юсупов, М. Фролова, Х.Г. Магидов, А.Р. Османов, З.Г. Эфендиев, М.Х. Керимов, С.Х. Халилов, Б.С. Мурадова, Н.С. Омаров, А.З. Юсупова, А.Ю. Гаджиев, И.Г. Мамедова, К.Г. Гаджиев и другие.

Всего в обсуждении проекта Конституции ДАССР на сессии Верховного Совета ДАССР приняли участие 18 депутатов. Все они, в целом, одобрили проект Конституции. Многие выступившие на Сессии депутаты внесли ряд предложений, направленных на улучшение проекта.

После окончания обсуждения Редакционная Комиссия предложила утвердить текст проекта с внесенными в него в ходе обсуждения на Сессии дополнениями и поправками[20].

30 мая 1978 г. на заседании внеочередной восьмой сессии Верховного Совета ДАССР девятого созыва состоялась процедура голосования по проекту Конституции ДАССР. По каждому разделу Конституции шло отдельное голосование. Верховный Совет ДАССР утвердил Конституцию единогласно.

30 мая 1978 г. была также принята Декларация Верховного Совета ДАССР «О принятии и объявлении Конституции (Основного Закона) ДАССР», в которой было заявлено: «Верховный Совет ДАССР, действуя от имени народа ДАССР, принимает Конституцию (Основной Закон) ДАССР и объявляет о введении её в действие с 30 мая 1978 года»[21]. Декларацию от имени Верховного Совета ДАССР подписали Председатель Президиума Верховного Совета ДАССР Ш.М. Шамхалов и Секретарь Президиума Верховного Совета ДАССР А.М. Магомедова.

30 мая 1978 г. был принят Закон ДАССР «О порядке введения в действие Конституции (Основного Закона) ДАССР», в статье первой которого говорилось, что «Законы ДАССР и иные акты государственных органов ДАССР, принятые до 30 мая 1978 года, сохраняют свое действие, поскольку они не противоречат Конституции ДАССР 1978 года»[22].

С заключительным словом и подведением итогов выступил Председатель Комиссии Верховного Совета по подготовке Конституции (Основного Закона) ДАССР, член ЦК КПСС, Первый секретарь Дагестанского Обкома КПСС Магомед-Салам Ильясович Умаханов.

---

[18] ЦГА РД. Ф.352-р. Оп.30. Д.104. Л.32.

[19] Каппаров Г.М. Указ.соч. С.17,18.

[20] Казанбиев М.А. Конституция Дагестанской АССР 1978 года. Махачкала, 1985 // Рукописный фонд Института ИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.2. Д.652. Л.л.14-15.

[21] Дагестанская правда. 1978. 31 мая.

[22] Там же.

Он подчеркнул, что «принятие Конституции Дагестанской АССР – событие огромного значения. Конституция отразила новый этап в развитии всех сторон общественной жизни республики; она воплотила в себе все основные положения, идеи, принципы Конституций СССР 1977 года и РСФСР 1978 года, развила эти принципы применительно к Дагестанской АССР. Конституция ДАССР 1978 года оказала глубокое и плодотворное влияние на дальнейшую жизнь республики, ее экономическое, социальное и культурное развитие, на духовную жизнь дагестанского народа»[23].

11 июля 1978 г. состоялось заседание Президиума Верховного Совета ДАССР, на котором были подведены итоги работы по подготовке и принятию новой Конституции ДАССР. 11 июля 1978 г. был утвержден новый Государственный Герб Дагестанской АССР[24].

Подводя итоги, можно отметить, что для появления новой Конституции СССР, новых конституций союзных и автономных республик сложился ряд объективных предпосылок: стремление укрепить в политическом режиме начала законности, предотвратить даже саму возможность массового произвола, унижения личности; переход от постулатов власти одной части общества (диктатуры пролетариата) к общенародному государству и участию в осуществлении функций народовластия всех слоев общества; необходимость закрепления в Конституции широкого круга прав и свобод граждан, более четких полномочий государственных органов, соотношения возможностей Союза и республик[25]. Однако в реальной действительности практически вся власть в обществе была сосредоточена в руках бюрократического партийно-управленческого аппарата в лице верхнего его эшелона. В 1970-е гг. партийные органы руководствовались стилем прямого и непосредственного командования Советами, органами государственного управления, профсоюзами, комсомолом, общественными организациями[26].

Вместе с тем, необходимо констатировать, что принятие Конституции ДАССР 1978 г. явилось в жизни республики событием большого значения. Конституция отразила новый этап в развитии всех сторон общественной и государственной жизни республики. Она подняла на качественно новый уровень всю государственную и хозяйственную деятельность, всю работу органов власти и управления Дагестана. В последующие годы в республике на основе Конституции 1978 г. имело место дальнейшее совершенствование законодательства и развитие государственных отношений.

CONSTITUTION OF DASSR 1978: THE HISTORY OF CREATION AND ADOPTION

L.A. TRUJENIKOVA

Daghestan State University

e-mail: *lyuda-74@mail.ru*

On the basis of archival materials and research publications the reasons and preconditions of DASSR Constitution 1978 are analyses and the process of working out the Constitution is considered. It is mentioned that Constitution of 1978 played a great role in henceforth development of Daghestan statehood. It reflected a new phase further development of all aspects of state and social life of the republic. The Constitution improved the state activity and national economy; the work of all organs of state power and administration of Daghestan. In future on the basis of Constitution of 1978 further improvement of legislation and development of state relation took place.

Key words: Constitution, Committee of the Constitution, state relation, organs of state power, Supreme Soviet of DASSR, Presidium of the Supreme Soviet of DASSR, national-state building.

---

[23] Внеочередная восьмая сессия Верховного Совета Дагестанской АССР (девятый созыв). Стенографический отчет. Махачкала, 1978. С.83.

[24] ЦГА. РД. Ф.352-р. Оп.30. Д.98. Л.3.

[25] См.: Авакьян С.А. Указ.соч. С.214.

[26] См.: История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Том 2. XX век. Махачкала, 2005. С.471.

УДК 94(470)

ГДЕ БОЛЬШЕ ВЛАСТИ – ТАМ МЕНЬШЕ ЖЕНЩИН (ГЕНДЕРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ТЕКУЩЕЙ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫСШИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ РФ 1991-2006 ГГ.)

Н.Л.ПУШКАРЕВА

Институт этнологии и антропологии РАН

Объект анализа - законодательство и текущая законодательная деятельность высших органов власти, представленность в них интересов женщин. Автор ставит целью показать возможность гендерной экспертизы исторических источников нормативного характера, которые – через механизмы принуждения и поощрения – обеспечивают воспроизводство этакратической патримониальной гендерной политики РФ. Поскольку модернизация гендерной системы происходит на основе традиционной патриархальной концепции, постольку гендер продолжает рассматриваться через призму репродуктивно-биологических функций полов.

Ключевые слова: Гендер, гендерная экспертиза, политические права женщин, равноправие, Конституция 1993.

В марте 2007 г. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун призвал членов ООН сотрудничать в борьбе за обеспечение гендерного равенства[1], пригласив государства-члены ООН к партнерству в деле его обеспечения и расширения возможностей для женщин, их защиты от насилия и дискриминации. Со своей стороны Пан Ги Мун пообещал добиваться улучшения положения женщин в Секретариате ООН и тем самым «укрепить его гендерную архитектуру». Обратившись к участникам тематических неофициальных дебатов Генеральной Ассамблеи по проблеме гендерного равенства и расширения прав женщин (а они прошли в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке), глава ООН заявил, что наделение женщин всеми правами и предоставление им всех возможностей для самореализации – не есть самоцель. Он убеждал слушателей в том, что гендерное равенство – это «условие построения более здоровых, более образованных, мирных и процветающих обществ»[2].

Выступление на высоком международном уровне показывает, что, *во-первых,* «тема равенства» женщин и мужчин перестала толковаться в последние 30 лет как тема тождественности их прав. Различия признаны существующими, но не являющимися следствием биологических различий между мужчинами и женщинами, а сохраняющимися именно благодаря социально предопределенным ролям каждого из полов[3]. Под «равенством» отныне понимается равное положение, независимость, ответственность, всеобъемлющее участие во всех сферах общественной и частной жизни[4].

Во-вторых, за последние полвека в отношении равноправия женщин мировая законодательная практика сделала шаг вперед и в плане признания за женщинами не только всего комплекса прав, которые даются мужчинам, но и ряда особых, специфических, обусловленных способностями женщин к деторождению[5].

В-третьих, важным приобретением последних лет стало включение в политический дискурс этического понятия справедливости (достижение демократии, при которой женщины с мужчинами равны, понимается как реализация принципа справедливости), а «позитивная борьба с существующими структурами власти и стереотипными с точки зрения пола ролями для того, чтобы добиться структурных изменений на всех уровнях и, в

[1] Исследование поддержано грантом РГНФ N 07-01-90100 а/Б.

[2] Центр новостей ООН. 06.03.2007 // http://www.un.org/russian/ news/fullstorynews.asp?newsID=7160

[3] Воронина О.А. Женщина и социализм; опыт феминистского анализа // Феминизм: Восток, Запад, Россия. М., 1993.

[4] Комплексный подход к проблеме равенства женщин и мужчин. Концептуальные рамки, методология и ознакомление с «позитивным опытом». Заключительный доклад Группы специалистов по вопросу о комплексном подходе по проблеме равенства мужчин и женщин. Страсбург, 1998. С.8 (http://www.lib.vsu.ru/project/golossary.phtm)

[5] Айвазова С.Г. Гендерное равенство в контексте прав человека. М., 2001. С.78.

конечном счете, нового социального порядка» как эффективный инструмент достижения этой справедливости.

В-четвертых, по мере реализации принципов, изложенных во множестве международных документов, стало очевидным, что именно государство и его органы способны содействовать (или напротив, противодействовать) программам гендерного равенства. Если государство и его органы выделяют финансовые средства и административные ресурсы, если проводятся мониторинги и делаются на их основе выводы, – задуманные идеи осуществляются много быстрее[6]. Хотя, конечно, программы такого рода, как показал опыт последних 30 лет, не могут быть универсалистскими[7].

В России – на протяжении более, чем 70 лет советской власти – идеология равноправия женщин и мужчин закреплялась последовательно в каждой из Конституций (1918, 1924, 1977 гг.). Ни один из текстов Конституции в течение всего советского времени ни разу не подвергался гендерной экспертизе[8] – «женский вопрос», а с ним и вопрос о равенстве людей по полу, считался решенным. Норма равенства мужчин и женщин была официально признанной и юридически незыблемой: женщинам были гарантированы (в конституционном порядке) равные с мужчинами гражданские и социально-экономические права. Равенство представлялось как достигнутое. Оно было одновременно мифом и олицетворением победы пролетариата над старым временем. Равенство полов семь десятилетий было лозунгом пролетарской революции, становления и развития советского государства. Патернализм Власти в отношении женщин долгое время не осознавался[9].

Между тем реальное выполнение правовых норм, записанных в Конституциях, всегда было далеким от желаемого. Официальная идеология равноправия маскировала фактическую дискриминацию женщин во всех сферах жизни и патриархатную идеологию политической «второсортности», прикрытой риторикой «семейного предназначения» женщин. По сути, это было сочетание искусства убеждения и интерпелляций (составления идеологических запросов), квази-эгалитарной практики и поддержания сохранности традиционных стереотипов в массовом сознании[10]. При советской власти сформировалась трансформированная, иногда называемая «перевернутой» или «двуличной», система поддержания сексистских по сути законодательных норм. Она была весьма стройной и основывалась на определенных принципах, подходах, а также идеологии – льгот, запретов и компенсаций.

Государство и партия, провозглашая эмансипацию от старых идей и «старого мира», на деле всегда придерживались патриархально-тоталитарной идеи разделения социальных функций между мужчиной и женщиной. Они использовали женщину как инструмент решения экономических и демографических проблем в зависимости от стоящих перед страной задач. За более, чем семь десятилетий господства Советской власти, в стране (в законодательном порядке) удалось реализовать в целом лишь идею юридического (формального) равенства мужчин и женщин, устранив

---

[6] Обеспечение равенства полов: политика стран Западной Европы /Ред. Ф.Гардинер. М., 2000. С.235.

[7] Гендерные проблемы и развитие: Стимулирование развития через гендерное равенство в правах, доступности ресурсов и возможности выражать свои интересы. М., 2002.

[8] Гендерная экспертиза – мониторинг и общественно-правовой анализ национального законодательства, а также проверка проектов нормативных правовых актов в целях определения их соответствия законодательству с точки зрения равных прав и равных возможностей для обоих плов. См.: Постановление Государственной Думы от 19 ноября 1998 года и Концепция законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин. М., 1998; О некоторых проблемах методологии гендерной экспертизы законодательства. Ред. Г.И.Климантова. М., 2002; Поленина С.В. Гендерная экспертиза закона и методология ее проведения // Права женщин в России. Законодательство и практика. 2003. N 1-2 (15). См также определение: http://www.kenesh.kg/Gender/Files/Novosty/%CF%F0%EE%E5%EA%F2.doc%20for%20site.doc

[9] Патернализм – покровительство старшего по отношению к младшим; забота о подопечных (http://slovari.yandex.ru/art.xml?art=gl_social). Вождь, Партия и Государство выступали в роли патриархов, занимающих главенствующую роль в жизни семьи, женщины. Вспомоществование, которое полагалось семье через систему пособий и льгот, закреплявшихся за женщинами, не давало возможности быть патриархами действительным главам семейств — мужчинам. Экономика страны и экономика семьи была сплетена таким образом, что Вождь и Государство оказывались ответственными кормильцами для всех и каждого.

[10] Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Материалы Первой российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96». М., 1997. С.84—89.

открытую, явную дискриминацию[11]. Между формальной эмансипацией и действительным равенством возникла дистанция огромного размера. Проблема реализации (и обеспечения законодательных механизмов для этого) закрепленного Конституциями равенства была поставлена, но не решена. Идея гендерного равенства не стала ни органичной частью культуры общества, ни прав человека, ни реальной государственной политики. Женщин никогда не было на высшем уровне, уровне принятия решений о судьбах страны.

Там, где была сосредоточена настоящая власть – в Политбюро ЦК КПСС – женщин было практически не отыскать. В его составе за все время его существования было всего 3 женщины: А.М.Панкратова (академик РАН, историк) в 1950-е гг., А.П.Бирюкова и Г.Н.Семенова (до того бывшая главным редактором журнала «Крестьянка») ограниченное время в начале перестройки[12]. В высших органах власти в довоенное время было 2 женщины – А.М.Коллонтай (единственная женщина-министр в ставе большевистского правительства и П.С.Жемчужина, жена В.М.Молотова, в течение нескольких месяцев 1939 г. возглавляла наркомат рыбной промышленности)[13]. В числе 15 председателей советов министров республик лишь в Литве женщина занимала подобную должность (Казимира Прунскене). Из 38 министерств СССР последнего правительства во главе лишь одного – Государственного комитета по легкой промышленности при Госплане СССР – стояла Л.Е.Давлетова. Из 600 должностей министров, первых заместителей и заместителей, лишь 3 были отданы женщинам (П.Маевой – Отдел по делам женщин, охраны семьи, материнства и детства; Л.Ф. Безлепкиной – аналогичное управление в ГК СССР по труду и социальным вопросам и Л.И.Розеновой – ГК СССР по ценам)[14]. То есть даже в годы пресловутого, объявленного и постулируемого всюду «равенства», по показателю представленности женщин в высших сферах управления страной и отраслями ее экономики СССР стоял ниже соответствующего показателя даже для арабских стран[15].

К началу 1990-х гг. парадоксальная задача состояла не в том, чтобы адаптировать идею равенства мужчин и женщин в общественном сознании, а в том, чтобы *разрушить миф о достигнутом равенстве*, который формировали долгих 70 лет.

Повторяемый в течение 70 лет тезис о «решенности женского опроса в СССР» и равенстве женщины с мужчинами в нашей стране, сыграл с нашими женщинами, как и с общественным сознанием нации, злую шутку. Общество, освободившееся от пут тоталитарной идеологии, пребывало в уверенности, что дискриминации женщины в нашей стране нет. Так возникла задача сделать явной политику идеологов и законотворцев советской эпохи, успешно передавших государству функцию патриахатного покровительства и в такой форме господства над женщинами, которых это государство использовало для решения экономических и демографических задач, вставших время от времени перед страной.

В начале 1990-х гг. тоталитарное государство – СССР – пережило коллапс. События того времени вновь поставили вопрос о равенстве, в том числе и равенстве полов. Изменился социально-политический контекст: патерналистская власть административного государства оказалась поколебленной. На уровне текущего законодательства сохранялись его патерналистские функции, но сохранялись они номинально – в казне просто не было средств для обеспечения женских «льгот» и «привилегий» хотя бы на прежнем уровне[16]. Между тем, именно эта система десятки лет обеспечивала стабильность гендерного контракта, в котором женщины занимали неравное, неизменчивое социальное положение[17].

Обеспечительные меры условной гендерной симметрии в структурах власти (достигавшейся квотированием и обеспечением определенного представительства женщин в органах управления – 33% в Верховном Совете, 50% в местных советах[18]) оказались элиминированы. С другой стороны, оказались разрушенными прежние структуры, обеспечивающие возможность

---

[11] Завадская Л.Н. Гендерная экспертиза российского законодательства. М., 2001. С.30.

[12] Чернев А.Д. 229 кремлевских вождей: Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК // Коммунистическая партия в лицах и цифрах. М., 1996.

[13] Правительство России // Сборник авторизованных биографий. М., 1997.

[14] Совет Министров СССР: Серия «Кто есть кто». Справочник. М., 1990.

[15] Кочкина Е.В. Женщины в российских органах власти // Общественные науки и современность, 1999, № 1, С.181.

[16] Нерсесянц В.С. Наш путь к праву: От социализма к цивилизму. М., 1992. С.305.

[17] Подробнее см.: Айвазова С. Г. Гендерная асимметрия российской повседневности // Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М., 1998.

[18] Там же. С. 35.

совмещения женщинами двух функций – материнской и профессиональной (закрывались детские сады, внешкольные учреждения, система социальной помощи и социальной работы зашаталась и проч.). Поскольку мужчины никогда не стояли перед проблемой совмещения функций отцовства и профессиональной реализации, этой проблемы перед ними не стояло.

В стране начался неизбежный переходный период: сначала реформаторы двигались в сторону «социализма с человеческим лицом», затем – к демократическому правовому государству, гражданскому обществу западного образца. Началась новая фаза процесса модернизации, длившегося с начала XVIII в. и по сей день далекого от своего завершения. Начались дифференциация и усложнение общественных и властных структур[19].

Модернизация и демократизации требовали глубокой внутренней перестройки отношений между властью и гражданами на основе признания прав человека – прав мужчин и женщин. Эти же процессы поставили на повестку дня проблему перераспределения полномочий между государством и гражданским обществом, а также – между мужчинами и женщинами. В рамках этих перемен женщины должны были получить равный социальный статус с мужчинами, отстояв для себя, условно говоря, три группы прав: политические (гражданские), социально-экономические, репродуктивные права. Что касается прав политических, то – вместо резкого их расширения – на волн демократизации началось… едва ли не самое радикальное наступление на права женщин: в текст т.н. «брежневской» Конституции 1977 г. в 1992 г. была внесена поправка: из Ст. 33 было изъято положение о *равенстве возможностей* и оставлен текст лишь о том, что «мужчины и женщины имеют равные права и свободы».

Развивавшийся конституционный процесс заставил, однако, неоднократно вернуться к этому вопросу (при обсуждении базового проекта новой Конституции от 9 мая 1993 г., Ст. 9 и последующего варианта от 1 июня 1993 г., Ст. 14) и лишь активная позиция появившихся к тому времени в стране Женских неправительственных организаций (их представительницей на Конституционном совещании была Л.Н.Завадская) заставила включить в *Ч. 3 Ст. 19 новой Конституции положение о том, что мужчина и женщина в РФ имеют равные права и равные возможности для их реализации*[20]. Единственный аспект, по которому развернулась дискуссия в вопросе о равенстве, – по поводу права граждан нести военную службу. После обсуждений и споров, Конституция закрепила равенство возможностей в доступе и выборе службы в армии для обоих полов (опять-таки благодаря представителям от женских неправительственных организаций, ЖНО), и лишь в этой статье была употреблена женская форма от слова «гражданин». Таким образом, новая норма вошла в раздел «Права человека». Опыт участия в законотворческой деятельности оказался необычайно важным и показательным для тех, кто лоббировал женские интересы: стало очевидно, что передоверять отстаивание женских прав мужчинам никак нельзя[21].

Свои поправки были внесены и в Ст. 43 Проекта Конституции 1993 г. (попав в Ст. 37 готового текста). Речь в ней шла о том, в какой степени общество и государство ответственны за семью, материнство, детство. Идея, пришедшая из немецкой и скандинавской социал-демократической идеологии, была воспроизведена в одном из текстов проекта Конституции. Впервые в русской истории был поставлен вопрос о возможности приравнивания «материнского труда ко всякому другому, труду», являясь «основанием для социального обеспечения». Финансовое положение страны в тот момент казалось настолько сложным, что рассмотреть вопрос о материнском труде как производительном представлялось невозможным. Так родилась компромиссная формулировка «Труд по воспитанию детей является основанием для социального обеспечения».

В известной степени ответом на запрос времени, на бурность дискуссий о равенстве прав и обязанностей родителей в семье стал в тот год Указ Президента N 337 от 4 марта 1993 г. «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин», подчеркнувший необходимость обеспечения условий для реального участия женщин в деятельности государственных органов и общественных организаций. При Президенте Российской Федерации, в Правительстве РФ и Федеральном Собрании, на уровнях субъектов Российской Федерации, в органах местного самоуправления были сформированы комиссии и комитеты по вопросам женщин, семьи и детей.

---

[19] Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России // Полис. 1998. №2.С. 39-52; Поляков Л.В. Методология исследования российской модернизации // Полис. 1997/ № 3. С.5-15; Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта. 1991.

[20] Подробнее см.: Завадская Л.Н. Гендерная экспертиза российского законодательства. М., 2001. С.39.

[21] См: Клименкова Т.А. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России. М., 1996. С.137.

Начались разработки специальных программ[22]. По сути, во главу угла было поставлено именно равенство возможностей для двух полов. В условиях свободы оно достижимо посредством реальных мер борьбы с дискриминацией и патриархальными взглядами и отношениями в экономике, политике, быту, где женщина зависима от стереотипа подчинения мужчине. Равное положение двух полов в обществе может быть реальным лишь тогда, когда государство обеспечивает реализацию двуединого стандарта «равных прав и возможностей» через систему антидискриминационных мер, включая законодательные. Конституционная норма о гендерном равенстве (ч. 3 ст. 19 Конституции РФ) методологически верна и не вызывает сомнений, если под равенством мы понимаем не только юридически оформленное право мужчин и женщин, но и реальную практику реализации прав.

В канун второго тура президентских выборов 1996 г. был обнародован документ под многообещающим названием «О повышении роли женщин в системе федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации». К этим важнейшим актам исполнительной власти следовало бы добавить и Постановление Правительства РФ от 29 августа 1996 г. «Об утверждении Национального плана действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 года» (затем аналогичный – до 2005 г.)[23]

Во всех этих нормативных актах исполнительная власть брала на себя обязательства по претворению в жизнь конституционного принципа равных прав и равных возможностей для женщин и мужчин. Если бы эти документы заработали в полную силу, то в перспективе появилась бы возможность качественно изменить статус женщин в российском обществе - преодолеть существующую гендерную асимметрию.

Но все они оказались лишь набором благих пожеланий, явлением «призрачно-показного существования», как его характеризовал А.И. Солженицын[24]. Слабое финансирование комиссий, которые были созданы в 1990-е гг. (Комиссии по делам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ, Комиссии по вопросам улучшения положения женщин при Правительстве РФ, Департамента проблем семьи, женщин и детей в Министерстве труда и социального развития, Комитета по делам женщин, семьи и молодежи в Государственной Думе РФ) привели к тому, что деятельность их оказалась отображенной лишь в планах и программах деятельности[25]. Не удивительно, что и действовали эти комиссии подчас недолго. Так, постановлением Правительства РФ от 16 апреля 2004 г. № 215 Комиссия по вопросам улучшения положения женщин в Российской Федерации была упразднена[26].

Тогда-то и получила довольно широкое распространение практика коллективного обсуждения законопроектов женскими организациями (численность их членов достигла нескольких тысяч) через электронную почту и на различных встречах. Результаты гендерной экспертизы готовящегося и действующего законодательства рассылались в соответствующие министерства, комиссии, в комитеты Госдумы. Женские неправительственные организации (НПО) – общественно-политическое движение «Женщины России» (существует с 1993 г.), «Движение женщин России» (образовано осе-

---

[22] Постановление Правительства Российской Федерации от 25.11.94 N 1299 «О разработке Национального плана действий по улучшению положения женщин в Российской Федерации и повышению их роли в обществе до 2000 года», Постановление Правительства Российской Федерации (от 29.08.96 N 1032) «Об утверждении Национального плана действий по улучшению положения женщин в Российской Федерации и повышению их роли в обществе до 2000 года» (тексты см. www.a-z.ru/women/texts/dokladr-e.htm)

[23] Указы Президента Российской Федерации № 337 от 04.03.1993 г. «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин»; № 932 от 18.06.1996 г. «О Национальном плане действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 года»; № 1005 от 30.06.1996 г. «О повышении роли женщин в системе федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации»; постановления правительства Российской Федерации № 6 от 08.01.1996 г. «О концепции улучшения положения женщин в Российской Федерации»; № 1014 от 26.08.1996 г. «Об одобрении и внесении на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации Конвенции о равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями»; № 1032 от 29.08.1996 г. «Об утверждении Национального плана действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 года».

24 Солженицын А. Россия в обвале. М., 1998. С.103.

25 Гендерный анализ правосознания в современной России. М.: МЦГИ. 1998. С.14.

26 Подробнее см.: Карелова Г.Н. Председатель оргкомитета по подготовке и проведению Всероссийской конференции по положению женщин. Социальное партнерство – фактор общественного согласия (на примере деятельности женских неправительственных организаций) // Аналитический Вестник Информационно-аналитического управления Совета Федерации. N 10 (77). М, 1998. С.3-4.

нью 1996 г.), а также ряд других, менее крупных, искали союзников - как в исполнительных, так и в законодательных органах власти.

Поиск этот оказывался иногда результативен. Так за 2 года деятельности Госдумы 3-го созыва женские НПО, объединенные в Консорциум, передали в заинтересованные органы власти замечания, а затем (через Комитет Госдумы по связям с общественными объединениями и религиозными организациями) трансформировали их в поправки к законопроекту «О политических партиях», к Трудовому кодексу, в документах подготовки Пенсионной реформы, к избирательному законодательству. Поправки касались защиты беременных и матерей малолетних детей, предлагалось введение санкций при любых дискриминациях по признаку пола (при приеме на работу, при обеспечении переподготовки работающим с семейными обязанностями и имеющим малолетних детей). Чрезвычайно важной инициативой женских НПО явилась разработка законопроекта «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации». Вопрос о необходимости подготовки и принятия такого закона был поставлен женскими организациями на основе анализа итогов выборов в Государственную Думу 1999 г. и президентских выборов 2000 г.[27]

Казалось бы, политические права, закрепленные в Конституции 1993 г., не имеют гендерной асимметрии, четко отражают доктрину политического равноправия мужчин и женщин, соответствует установившимся в обществе представлениям о праве и возможности для двух полов избирать и быть избранными, а также универсальным международным стандартам в этой сфере (Ст. 32 Конституции РФ соответствует ст. 25 Международного Пакта о гражданских и политических правах)[28].

Конституционное право («избирать») не только закреплено, но и реализуется на практике без гендерной асимметрии. Что же касается права быть избранным/ой, то… общество – в неявном, неотрефлексированном виде – подвергает сомнению это право в отношении женщин. Право быть избранной в реальной политической жизни фактически отрицается. Оно с большим трудом реализуется в политических отношениях, отступая в ходе выборов перед стереотипом причастности к власти лишь мужчин. Таким образом, стандарт, закрепленный Конституцией РФ 1993 г., на практике отторгается обществом, которое в целом не отрицает идеологию равенства.

Подтверждением тому служит – применительно к анализу российского законодательства и политической системы – ликвидация внимания к путям обеспечения действительного равенства возможностей мужчин и женщин в политической сфере нашла отражение в неуклонном падении представленности женщин в сфере управления страной, в сфере политики.

В рассматриваемый период (1991-2006) в Российской федерации в составе действующего правительства РФ не было женщин. Женщин не было и нет среди руководителей республик, мэров крупнейших городов. Среди губернаторов, глав национальных автономий женщин нет. Нет ни одной женщины в Совете Безопасности. Примерно в трети регионов женщин вообще нет в законодательных собраниях.

В самом высшем эшелоне власти – в составе нашего действующего правительства – одна женщина, вице-премьер министр В.И.Матвиенко, отвоевавшая Санкт-Петербург осенью 2003 года. Она же возглавляет с 1998 г. Комиссию по вопросам улучшения положения женщин, но… при ней Комиссия стала преимущественно внутриведомственной. Подавляющее большинство ее составили чиновники, а наиболее активные лидерши общественных организаций, а также высококвалифицированные специалисты, научные работники, были выведены из ее состава. В ней осталось лишь 3 женских НПО[29].

---

[27] Мужчины и женщины на выборах. М, 2000.

28 «Каждый гражданин должен иметь без какой бы то ни было дискриминации… и без необоснованных ограничений право и возможность: а) принимать участие в ведении государственных дел как непосредственно, так и через посредство свободно избранных представителей; б) голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, производимых на основе всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей;в) допускаться в своей стране на общих условиях равенства к государственной службе» (Международный пакт о гражданских и политических правах Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. Вступил в силу 23 марта 1976 г.) // http://www.un.org/russian/documen/convents/pactpol.htm

[29] Ершова Е.В. Выполнение Российской Федерацией Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // http://www.wcons.org.ru

Среди депутатов нижней палаты парламента - Государственной думы РФ показатель представленности женщин неуклонно снижался. В числе депутатов Государственной Думы первого созыва (1993-1995 гг.) было 13,6% женщин. В числе депутатов Государственной Думы второго созыва (1995-1999 гг.) – 10 % женщин; в числе депутатов Государственной Думы третьего созыва, избранной в декабре 1999 г., – только 7,7% женщин. В составе верхней палаты парламента – Совета Федерации, который насчитывает 178 членов, в 2001 году была 1 женщина, в 2002 г. стало 7. Теперь: 2 женщины в верхней палате – Совете Федерации, и 35 – в Государственной Думе.

Вплоть до 2003 г. (до выборов в Государственную Думу 7 декабря 2003 г.) в системе государственной службы женщины преобладали на должностях, не предполагающих принятия ответственных решений. В общей численности работников, занимающих государственные должности в органах государственной власти, они составляли 70,6%, в то время как мужчины – 29,4%. Так называемые «руководящие» должности заняли только 9% женщин, а «высшие руководящие» должности вообще лишь 1,3% женщин (в то же время, свыше 40% депутатов, работающих в низовых органах местного самоуправления, – как раз они).

Что касается регионов, то в числе депутатов их законодательных собраний (заксобраний субъектов РФ) когда-то (в 1999 г.) было хотя бы около 9% женщин. Но Ии тогда женщины возглавляли только 3 из 89 региональных законодательных собраний России[30]. Причем этот показатель от региона к региону существенно менялся. В некоторых из них уже тогда, например, в законодательных собраниях Новосибирской, Челябинской областей женщин вообще не было. Правда, в законодательном собрании Республики Карелия в числе депутатов было тогда 32% женщин. Но со временем эти проценты снизились, и лишь в составе Московской городской думы в 2003 г. их было около 23%.

К концу 2003 г. в политической жизни РФ "влияние административной вертикали на формирование элиты усилилось…», все меньшее значение приобретал «личностный фактор» по сравнению с принадлежностью или поддержкой мощных административных или политико-финансовых структур. Эпоха «одиночек» как в современной политике, так и в экономике, ушла безвозвратно.[31] Для женщин это означало невозможность самовыдвижения и самопиара. С другой стороны, за годы, прошедшие со времен развала СССР, в законодательстве так и не было выработаны и прописаны механизмы реализации антидискриминационных норм, в частности, не предусмотрены конкретные санкции за их нарушение.[32] Никаких норм, направленных на соблюдение гендерного баланса[33] при представительстве в органах власти, не появилось.

Начиная с 1993 года, женские организации являлись самостоятельными игроками на российском политическом поле. На парламентских выборах 1993 года блок «Женщины России» получил поддержку 8% избирателей и вместе с ней – право сформировать в парламенте собственную фракцию. Однако на выборах 1995 и 1999 гг. повторить этот результат не удалось. Если в 1995 г. к участию в выборах были допущены 43 объединения, среди них одно – женское; то в 1999 г. – лишь 28 объединений, включая 2 женских. Увы: в 2003 г. женских организаций, которые ставили бы перед собой задачу завоевания депутатских мест в парламенте страны, просто не оказалось. У женских организаций не нашлось финансовых ресурсов для создания партии. Административная поддержка тоже отсутствовала: от женских организаций властью ожидалось одобрение текущей деятельности, а не ее критика.

Общее число женщин, добивавшихся депутатского мандата, составило около 13%[34] от всего корпуса кандидатов в депутаты, то есть оказалось меньшим, чем в 1999 г. Тогда в числе

---

[30] Айвазова С., Кертман Г. Мы выбираем – нас выбирают. Гендерный анализ парламентских и президентских выборов в России: 2003-2004 годы М., 2004 (Эл. Ресурс: http://wcons.org.ru/2004)

[31] Чужие здесь не ходят (Интервью Екатерины Добрыниной с Оксаной Гаман-Голутвиной) // Российская газета. 2004. 17 марта.

[32] Доклад о соблюдении прав женщин в РФ. // Сборник докладов о положении с правами человека в РФ за 1999 г. М., 2000. С.239; Дискриминация женщин в современной России (подгот. Московской Хельсинской группой). М., 2003. С.18.

[33] «По привычке советского времени такого рода нормы называют у нас «квотами». Между тем это – разные понятия: квоты спускаются сверху, их «дают», нормы – результат общественного договора, закрепленный в законе, их принятия добиваются заинтересованные группы. Сама идея введения нормы, обеспечивающей гендерный баланс при составлении списков кандидатов в структуры власти, долго вызывала отторжение в российских политических кругах» (Айвазова С., Кертман Г. Мы выбираем – нас выбирают. Гендерный анализ парламентских и президентских выборов в России: 2003-2004 годы. М., 2004. С.7).

[34] Расчеты по спискам, предоставленным Центральной избирательной комиссией по запросу Консорциума женских неправительственных объединений и датированным сентябрем-октябрем 2003 года. В ходе избирательной кампании происходили определенные уточнения и изменения этих списков, но они не оказали существенного влияния на гендерные показатели.

всех соискателей депутатского мандата было около 16% женщин. В 1995 г. тот же показатель равнялся 14%; а в 1993 – 7%. Это означает, что тенденция к росту количества женщин в числе кандидатов в депутаты Государственной Думы, сохранявшаяся в 90-е гг., несмотря на все сложности избирательной борьбы, на этих выборах не может быть отмечена[35].

В общефедеральных списках партий, имевших шансы попасть в Государственную Думу («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Яблоко», СПС, отчасти «Народная партия» и блок «Родина») показатель представленности женщин составлял около 10%, то есть примерно на 1-2% ниже, чем в 1999 г. (тогда у единороссов и ЛДПР было 8% женщин-кандидатов; в списке блока «Родина» - 9%; КПРФ – 11%; СПС – 12%; «Народной партии» – 13%, в «Яблоке» – 15%). Все политические объединения – участники избирательной борьбы предоставляли на парламентских выборах женщинам и мужчинам совершенно разные шансы для доступа в мир политики. Именно поэтому российская законодательная власть имеет сегодня четко выраженный «мужской» профиль.

Действительной представленности женщин на уровне лидерства в руководстве партиями эксперты не наблюдали ранее и тем более не наблюдают в последние 5 лет. Вплоть до последнего времени российские политические партии и практически не занимались выравниванием возможностей женщин и мужчин. Показателен тот факт, что женщин практически нет в верхних эшелонах партийных организаций, имеющих свои фракции в парламенте и оказывающих реальное воздействие на принятие значимых политических решений (за исключением И.Хакамады и ее роли в СПС, но в последние 2 года и она стала менее заметной на политической арене). Правда, если под «представленностью» женщин в партийной жизни разуметь «процесс, через который различные действующие лица в органах принятия решений проповедуют политические программы представляемых ими социумов» – то женщины, в известной степени, включены в электоральный процесс. Если же ставить вопрос о выработке собственных программных требований и умения добиться включения их в программы партий, идеи которых воплощаются в стратегии и политические действия, - то успехи женщин были малозаметны и к тому же имеют постоянную тенденцию к сокращению.[36]

Эта строгость подхода в оценке «представленности» вот уже несколько лет заставляет активисток женского и феминистского движений в РФ оценивать происходящее без какого-либо оптимизма. На постсоветском пространстве в абсолютном большинстве стран наблюдалась та же тенденция: если РФ по присутствию женщин в парламенте заняла 99 место в мире, то Украина – 105-ое, Армения – 123-е. Лишь в Республике Беларусь формальное положение с представленностью было несколько лучшим – 21-е место[37], однако о выработке собственных программных требований женщинами тоже вопрос не стоял. При этом маргинальность женщин в политике имеет своим следствием инерционность, консерватизм политического поведения избирательниц[38]. И это естественно. Раз политика остается для большинства женщин совершенно чужой сферой, далекой от их жизненных стратегий, то их поведение, как правило, оказывается продиктованным «пониженной» в сравнении с мужчинами политической ангажированностью и «повышенной» склонностью к конформному политическому поведению. То есть - к оглядке на «чужую» систему ценностей, к выбору по аффективным, а не по рациональным мотивам, не в пользу конкретного лица, а в пользу его статуса. Между тем, женщины, во-первых, численно преобладают в составе населения; во-вторых, отличаются более высоким уровнем электоральной активности, чем мужчины. А значит - оказывают значительно большее влияние, чем последние, на исход выборов[39].

В результате выборов 2003 г. руководящем составе Государственной Думы РФ третьего созыва представительство женщин выглядит следующим образом:

- среди руководителей парламентских фракций нет ни одной женщины;
- среди 9 заместителей Председателя – 2 женщины;
- среди председателей 29 Комитетов – 2 женщины;

---

[35] Дадаева Т.М. Гендерная структура современного российского общества: реальность и тенденции развития. Саранск, 2005. С.149.

[36] ООН. Экономический и социальный совет. Комиссия по положению женщин. 50-ая сессия. Доклад Генерального секретаря 27 февраля 2006 г. // http://www.un.org/russian/events/women/iwd/2006/sg-report.pdf

[37] Народная газета. 2007. 7 марта. // http://ng.by/ru/articles/655/detail/11899/back.html

[38] О гендерных различиях в политических предпочтениях и поведении россиян см. анализ Г.Л.Кертмана в книге: Айвазова С., Кертман Г. Женщины на рандеву с российской демократией. М. Эслан. 2001.

[39] Например, среди тех, кто принял участие в парламентских выборах 1999 года, было 56% женщин и, соответственно, 44% мужчин. См.: Айвазова С., Кертман Г. Мужчины и женщины на выборах. Гендерный анализ избирательных кампаний 1999 и 2000 гг. в России. Москва. Эслан. 2000. С.27.

• в Совете Государственной Думы (Председатель Думы, его заместители, руководители фракций и Комитетов) – 4 женщины (примерно 8% от его состава), между тем именно этот орган формирует повестку дня ГД, определяет приоритеты законотворческой деятельности, очередность принятия подготовленных законопроектов. Правда, не стоит забывать, что первый вице-спикер Госдумы – женщина (Л.К.Слиска);

• в администрации Президента лишь восемь женщин возглавляли те или иные подразделения или комиссии и комитеты, включая Т.Б.Дьяченко, советника по имиджу, и Е.ФЛахову, председателя Комиссии по вопросам женщин, семьи и демографии. А в президентском окружении почти 100 руководящих постов[40].

При обсуждении необходимости и возможности создания консультативного совета по представительству интересов при администрации президента, представительство по признаку пола не было учтено[41].

Таким образом, очевидно, что гендерные распределения внутри каждого отдельно взятого органа власти или ветви власти представляют собой «пирамиду» – где больше власти, там меньше женщин[42]. Гендерная структура нынешней Государственной Думы РФ свидетельствует о маргинальном положении женщин в системе законотворческой деятельности. Формально право женщин избирать и быть избранными не нарушено. Но может быть оспорен конституционный норматив о равенстве возможностей доступа к власти для обоих полов[43].

Доказательства дискриминации могут быть разнообразны. Например, гендерно-провоцирующие листовки; аудио и/или видеозаписи кандидатов, содержащие высказывания и т. д., затрагивающие честь и достоинство личности с точки зрения пола; брошюры, выражающие подобные взгляды, распространяющиеся во время избирательной кампании и т. п. Окончание фамилии претендента указывает на принадлежность претендента к мужскому или женскому полу. Таким образом, система алфавитных списков является гендерно асимметричной, так как, если кандидаты – однофамильцы, на первом месте в списке будет стоять фамилия мужчины, и выбор ведется от первого ко второму месту[44].

Несмотря на то, что в Конституции РФ закреплен принцип верховенства международного законодательства над национальным и Россия приняла на себя обязательство исполнять подписанные ею международные документы ООН, МОТ и других мировых организаций, на деле эти принципы не соблюдаются[45]. Теоретически женщины могут отстаивать в суде свои права, а после того, как все внутренние средства правовой защиты исчерпаны, – обращаться в международные органы. Но на практике никто к этому не прибегает. Общественности неизвестны случаи защиты от дискриминации по признаку пола ни в судах России, ни Уполномоченным по правам человека, ни в международных органах. «Проявление гендерного неравенства мы видим в самых разных аспектах. Доста-

---

[40] Российская Федерация: органы власти России и субъектов Российской Федерации. М. 1997.

[41] Иванова Э.И. О семинаре «Представительство интересов в демократическом обществе» // Информационный листок ИЦ НЖФ «АСИ-дайджест». 1998. 2 апреля. N 11(66).

[42] Кочкина Е.В. Женщины в российских органах власти // Общественные науки и современность, 1999, № 1, С.173-183. (http://www.a-z.ru/women/texts/kochkinar.htm#)

[43] Современные юристы полагают, что единственный путь реального обеспечения равного доступа к власти обоих полов – это введение ***квот.*** Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин предполагает установление «во всех областях, и в частности в политической … все соответствующие меры, включая законодательные, для обеспечения всестороннего развития и прогресса женщин, с тем чтобы гарантировать им осуществление и пользование правами человека и основными свободами на основе равенства с мужчинами» (ст. 3). К подобным мерам с очевидностью относится и введение квот, так как согласно Конвенции «принятие государствами-участниками временных специальных мер, направленных на ускорение установления фактического равенства между мужчинами и женщинами, не считается, как это определяется настоящей Конвенцией, дискриминационным» (ст. 4). Введение квот позволит в случае, если квоты не соблюдаются, защищать права и возможности в судебном порядке. Конвенция ратифицирована, но рекомендации не соблюдаются. Отношение к установлению гендерных квот отрицательное. (Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин Принята и открыта для подписания, ратификации в присоединения резолюцией Генеральной Ассамблеи 34/180. Вступление в силу: 3 сентября 1981 г. в соответствии со статьей 27 (1) // Права человека в России. Документы ООН. http://www.hro.org/docs/ilex/un/cvwomen.php)

[44] Московская Хельсинская группа. Дорога к равенству. Проблемы дискриминации по признаку пола. // http://www.mhg.ru/publications/2079F18; ср.: Завадская Л.Н. Развитие Конституционной идеи равенства полов в Конституциях СССР 1918, 1936 и 1977 гг. / Гендерные экспертизы российского законодательства. гл. I, II. М., 2001.

[45] Права человека в России: гендерный аспект // Правозащитник. 1999. №1.

точно посмотреть на нашу Думу, Совет Федерации, правительство, органы исполнительной и законодательной власти субъектов федерации, чтобы увидеть, что представительство женщин все-таки в этих органах явно не соответствует их реальной роли в нашем обществе. Есть и масса других примеров, где по факту это равенство отсутствует», - отметил в своем выступлении на «круглом столе» на тему «Развитие правового механизма гендерного равенства» первый заместитель Председателя Государственной Думе Олег Морозов 6 марта 2006 г. - В 2003 г. соответствующий законопроект был внесен мной в соавторстве с депутатами Володиным, Лаховой и Райковым и принят Государственной Думой в первом чтении. Мы второй шаг совершаем спустя три года… Суть сегодняшней работы над законопроектом состоит в том, чтобы отработать юридическую технику. У нас нет сомнений в правильности наших действий, но мы должны сделать идеологически верный законопроект работающим, юридически чистым, инструментом решения тех задач, ради которых он создавался…»[46]

Уровень представленности женщин в ***исполнительных органах*** власти, где собственно и сосредоточены основные управленческие функции, еще ниже.

С 1990 г. в состав различных правительств если и входили женщины, то не более 2 (назову среди них некоторые имена: министры здравоохранения И.И.Гребешева и Т.Б.Дмитриева, министры социальной защиты Э.А.Памфилова и Л.Ф.Безлепкина, вице-премьер по социальным вопросам в правительстве Е.М.Примакова В.Н.Матвиенко. Второй – после Е.А.Фурцевой, женщиной-министром культуры стала в годы перестройки Н.Л.Дементьева. Значительную должность занимала руководитель Федеральной миграционной службы Т.М.Регент, а также председатель Комитета по поддержке малого бизнеса И.М.Хакамада. Но при этом никто из женщин не входил в чрезвычайно важный орган того времени – Президиум правительства.

В регионах положение было никак не лучше.

В числе 17 президентов республик женщин нет (точнее: нет и не было!) ни одной женщины среди 16 председателей правительств республик. Редкие исключения подтверждают правило (почти десять лет назад В.Д.Броневич возглавляла Корякский АО).

Распределение женщин и мужчин по реестру государственных должностей имеет явно выраженную пирамидальную гендерную структуру – на наиболее высоких должностях мужчин уже в 3 раза больше, чем женщин; на главных должностях мужчин в 7 раз больше, на ведущих – в 2,5 раза, на старших – в 1,2 раза. А вот на младших должностях, наоборот, женщин в 3 раза больше, чем мужчин (государственных служащих-женщин в органах законодательной власти в 16 раз больше)[47].

Схожее положение и в ***судебной системе***.

Среди заместителей председателей Конституционного суда в 1990-е гг. была лишь одна Т.Г.Морщакова. В 86 верховных, краевых и областных судах общей юрисдикции на тот же период было только 4 председателя женщины (Приморский край, Брянская область, Москва, Читинская область). Из 82 региональных органов системы министерства юстиции РФ лишь 9 женщин возглавляли республиканские министерства, краевые/областные управления и управления автономных округов/областей. И это все при том, что – по данным на конец 1993 г. – женщины составляли более 67,3% обычных, рядовых работников в судебных и юридических учреждениях, а также органах прокуратуры[48].

Каждое общество включает в свои практики сложившиеся традиции. Одна из них – традиция предпочтения, отдаваемого мужчинам, при назначении на высшие должности в государстве и партиях. Мужчина олицетворяет Власть, женщина должна подчиниться – это патриархатный стандарт. На словах государство уже не поддерживает его, фактически же не способно его сломать. Обыденное, неправовое сознание россиян отрицает принцип равенства мужчин и женщин в ходе избирательных кампаний. Он остается нерабочим. Он нелогичен с позиций старой номенклатурной традиции, которая «привита» обществу. Между тем, эта традиция нарушает новый, выработанный согласно требованиям времени конституционный стандарт. Очевидно стоит выступить *против* такой традиции, идущей вразрез с закрепленными в Конституции нормами и сложившимися в современной Европе представлениями о равенстве.

---

[46] Госдума запретит дискриминацию по половому признаку // http://www.edinros.ru/news.html?id=111419

[47] Мезенцева Е.Б. Равенство возможностей в занятости или «защитные меры»: женщины перед лицом выбора // Женщины и социальная политика: гендерный аспект. М., 1992.

[48] Занятость населения. Справочник Госкомстата. М., 1995; Вся Юридическая Россия. Справочник // Юрист 1995. № ¾; Справочник «Конституционный Суд». М., 1995.

Старая традиция, традиция русского патриархального общества, опасна.

Во-первых, она противоречит идеологии равноправия.

Во-вторых – лишает опоры проведение новых политик равенства, предлагая вновь, как в советское время, вернуться к системе распределения льгот вместо включения экономических рычагов эгалитарности.

Что может быть ей противопоставлено?

Свои ответы на поставленный вопрос дали западные социальные практики. За короткий срок, около четверти века, многим странам Европы удалось достичь большей представленности женин на высших государственных должностях. В известном случае это было следствием реформирования образования и гендерно-нейтральной регламентации системы предоставления семейных пособий (от бюллетеней по болезни до права на неоплачиваемый отпуск до достижения ребенком определенного возраста при сохранении рабочего места)[49]. Свой позитивный результат могла быть дать и программа аффирмативного действия (affirmative action - *амер.* предоставление преимущественных прав; компенсационная или позитивная дискриминация). Она могла быть дать обоснование политики позитивной дискриминации во имя обеспечения интересов групп особого защищаемых. В данном случае – это женщины[50].

Чтобы обеспечить осуществление принципа равных возможностей для представителей обоих полов необходимо признание прав женщины частью общей концепции прав человека, философии отрицания единства стандарта без учета гендерных различий. Необходимо отказаться от признания стандарта «мужского» как универсального и ввести понятия «ответственности» и «равенства обязанностей» в правовое поле, где фиксируются права и свободы. Только в этом случае равные возможности перестанут быть просто словами, записанными в Конституции, и превратятся в перспективу в развитии права как меры свободы.

WHERE IS A LOT OF POWER, THERE IS NO WOMEN (GENDER EXAMINATION OF LEGAL DOCUMENTS AND LAWMAKING OF RUSSIAN SUPREME LEGISLATURE 1991-2006)

N.L. PUSHKAREVA

Institute of Ethnology and Anthropology RAN

The object of the analysis – legislature and current legislative activity of the higher authorities, representation of women` interests in them. The aim of the author is to demonstrate the perspectives of gender examination of historical sources of normative nature, which – through the mechanisms of coercion and encouragement – secure the reproduction of etacratical patrimonial gender policy of the Russian Federation. As the gender system modernization occurs on the basis of the traditional patriarchal concept, gender keeps to be considered through the prism of reproductive-biological functions of sexes.

Key words: Gender, gender examination, women political rights, equal rights, constitution 1993

---

[49] Константинова В.К. Константинова В.К. Гендер и политика. Механизмы продвижения женщин на высшие посты в общественной жизни // Отчет российской части международного сравнительного исследования. М., 1997.

50 AAP, Affirmative Action Program – программа аффирмативных действий, т.е. поддерживающих ущемленные группы // Англо-русско-английский словарь аббревиатур и официальных названий, Polyglossum. http://www.ets.ru/pg/r/dict/names.htm

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(495).01

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСТОЧНО-РИМСКОЙ И РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРНОМ ПОНТЕ (СЕР. III – VI ВВ.)

Н.Н. БОЛГОВ

Белгородский государственный университет

bolgov@bsu.edu.ru

Работа посвящена рассмотрению основных проблем внешней политики Восточно-Римской и Ранневизантийской империи по отношению к Северному Причерноморью – позднеантичным государствам и соседними с ними племенами – в период Великого переселения народов (сер. III – VI вв.). Эта политика менялась от традиционной римской имперской в финальной фазе, через этап дипломатии племен к инкорпорации позднеантичных центров в состав Ранней Византии. Главной причиной изменений этой политики была трансформация самой империи и различные возможности государства для проведения активной внешней политики.

Ключевые слова: империя, Понт, Причерноморье, Боспор, Херсонес, варвары, политика, дипломатия, Византия.

Северный Понт и Рим в конце III – IV вв. В первые века н.э. римский мир объединил под своим управлением практически все охваченные античной цивилизацией территории Европы, Северной Африки и Ближнего Востока. Возникшая как береговая, приморская культура[1], античная цивилизация расширяла свои границы не только путем прямых завоеваний, но и на основе постепенного развития хозяйства и включения новых территорий в единую экономическую систему Средиземноморья. Сложилась система «ойкумена – варвары» или «центр – периферия – дальняя периферия»[2].

Государства, существовавшие на периферии античного мира, могут быть охарактеризованы как клиентские («вассальные») по статусу и буферные по геополитическому положению. В эпоху поздней античности пояс периферийных государств сохранялся лишь на восточных рубежах Римской империи, где выполнял роль буфера по отношению к иранскому миру (империи Сасанидов). Здесь буферные государства обладали большей самостоятельностью, чем просто периферийные, были более открыты в культурной и идеологической областях. Можно вести речь о целой полосе буферных государств Востока от Боспора на севере до Аравии на юге (Апсилия, Абасгия, Лазика, Иберия, Армения, сирийские княжества, арабские

[1] Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 1923. С. 5.

[2] См.: Shils E. Center and periphery. Chicago, 1975.

клиентские государственные образования)[3]. Несмотря на значительные внутренние различия, их отношения с империей были в принципе однотипны[4].

Во внешней политике Римской империи в принципе все прочие государства и общества рассматривались как чуждые, а в мировоззренческом плане – варварские. Поэтому выделить пласт отношений империи с варварами Северного Понта в принципе несложно. Более труден вопрос об отношениях империи с античными центрами Северного Причерноморья, так как, с одной стороны, это часть общей внешней политики, т.е. имеет общие черты с политикой в отношении варваров. С другой стороны, можно попытаться выделить специфические черты политики в отношении единственного античного региона, оставшегося вне непосредственной политической власти империи. Ментально же и культурно эти земли рассматривались как часть античного мира[5].

На Боспоре после окончания набегов германцев (ок. 276 г.), очевидно, восстановилась политическая и военная зависимость Боспора от империи. Боспорские монеты выпускались с изображением на одной стороне портрета боспорского царя, на другой – императора.

Константин Багрянородный помещает на конец III – I пол. IV вв. ряд войн Херсонеса, за спиной которого стояла империя, против Боспора, проводившего антиримскую политику[6]. Ряд исследователей принимают этот тезис. Другие отрицают возможность активной политики Рима в регионе. Признавая все недостатки источника, мы все же считаем, что ряд археологических реалий, служащих аргументами «за», нуждается в дополнительной интерпретации[7].

Важным источником может служить надпись Валерия Аврелия Сога от 603 г. боспорской эры (осень 305 - осень 306 гг.)[8] (КБН 64). Эта надпись относится к ближайшему времени после отречения Диоклетиана и Максимиана, когда августами стали Галерий и Констанций Хлор. Употребление в ней слова «епархия» дало возможность специалистам высказать ряд соображений о политическом статусе Боспора в начале IV в. В частности, было высказано мнение о том, что в это время Рим опять (после Нерона) ввел на Боспоре прямое правление и дал стране статус провинции. В надписи действительно чувствуется сильная зависимость от Рима или, во всяком случае, заметный сервилизм. В.В. Латышев отмечает, что Сог особенно гордится тем, что получил какие-то почести от Диоклетиана и Максимиана. Интересно, что Сог носил те же римские nomina, какие были у августа Максимиана. Исполнив должность наместника Феодосии, Сог вошел в число высших боспорских царедворцев. Латышев делает вывод об усилении римского влияния на Боспоре, но при этом подчеркивает, что «продолжало существовать Боспорское государство»[9].

Б.И. Надэль предполагает проведение Римом активной политики в Северном Причерноморье при Диоклетиане и в связи с этим допускает некоторое ограничение власти боспорских царей в то время по аналогии с восточной политикой Нерона в 62-68 гг.[10] Встает вопрос о причинах полного молчания о боспорском царе в надписи Сога, хотя в надписях подобного типа упоминание формулы с именем царя было обязательным. Так как нам достоверно известно, что царская власть на Боспоре в то время существовала, то умолчание о ней было вызвано какими-то политическими обстоятельствами, вероятнее всего - борьбой антиримских и проримских сил. Сам факт того, что один из высших боспорских сановников в течение долгого времени, по-видимому, находился на службе у

---

[3] Подробнее см.: Болгов Н.Н. К истории клиентских государств на восточной периферии позднеантичного мира (IV-VI вв.): дескриптивный обзор // Вопросы всеобщей истории и политологии. Белгород, 1997. С. 35-48.

[4] Подробнее см.: Randsborg K. The first Millenium AD in Europe and the Mediterranian. An archaeological essay. Cambr., 1991.

[5] Иванов С.А. Восприятие пределов Империи: от Рима к Византии // Славяне и их соседи. Вып. 8. М., 1998. С. 5-6.

[6] О состоянии империи в этот период см.: Corcoran S. The Empire of the Tetrarchs: Imperial Pronouncement and Government AD 284-324. Oxf., 1996.

[7] Болгов Н.Н. Херсонес, Боспор и Рим в конце III – I трети IV вв. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 9-15.

[8] Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России. Находки 1901-03 гг. // Известия Археологической Комиссии (ИАК). 10. 1904. С. 127. № 21.

[9] Там же.

[10] Надэль Б.И. Из политической истории Боспорского государства в Крыму в начале IV в. // Acta Antiqua. T. 9, ч. 1-2. Budapest, 1961. С. 236.

римских императоров, очень показателен[11]. Само собой напрашивается предположение о том, что Сог был одним из вождей боспорских изгнанников - сторонников проримской ориентации, осевших в Феодосии, слабо контролировавшейся боспорскими царями. На это, видимо, указывает и Псевдо-Арриан, говоря в V-VI вв. о том, что в Феодосии «жили некогда и изгнанники из Боспора». Была ли Феодосия отторгнута от Боспора в конце III в.[12] или в 30-е гг. IV в., в связи с чем, и каков был ее статус? Точного ответа пока нет. Все же было бы правильнее считать Сога боспорским наместником Феодосии или признать эту микрозону в значительной степени автономной[13].

Об усилении позиций Рима на Боспоре свидетельствует также надпись КБН 1051 от 307 г. В ней употребляются римские названия двух столиц Боспора времен Августа - Кесария и Агриппия. Это кажется весьма удивительным через три столетия после первого упоминания. Вызывает интерес и формулировка, указывающая на существование автономных гражданских общин. Эта надпись также послужила в свое время аргументом в пользу гипотезы о переходе Боспора под прямое римское правление в начале IV в. Надпись имеет подчеркнуто проримский характер. Отсутствует имя боспорского царя. Но, вместе с тем, под надписью вырезан тамгообразный знак[14]. Все это в целом отражает усиление римского влияния на Боспоре в начале IV в. Видимо, при Фоформе проявились в последний раз старые претензии Боспора на гегемонию во всей Таврике[15], которые восходили ко времени Митридата и оживились после падения царства поздних скифов. Риму так или иначе удалось пресечь эти тенденции.

В IV в. боспорская знать стремилась всячески показать и подчеркнуть свою связь с империей. Это отражено и в монетных типах[16], и в сохранении клиентского статуса.

В 322 г. на Дунае херсонесские войска помогли Риму отразить каких-то северопричерноморских варваров (Zos. II. 21; Anon. Vales. 5, 21; Const. Porph. De Adm. imp. 53) Зубарь считает, что в данном столкновении варваров возглавлял бывший боспорский царь, именуемый Зосимом Равсимод[17]. Если это так, то можно было бы видеть в этом царем Радамсада, окончательно отстраненного от власти проримскими кругами Боспора во главе с Рескупоридом VI. Всякие предположения здесь, однако, очень гипотетичны (А.А. Васильев, например, полагал, что сарматы Зосима, напавшие в 322 г. на империю – это готы, причем крымские[18]). О.В. Шаров показал, что речь здесь идет о двух событиях: сарматы в 322 г. прорвались в Паннонию[19], а готы в 323 г. - через Дунай. В обоих случаях боспорского царя, сражавшегося против римлян, не было[20]. В.В. Лавров указывает, что в источниках речь идет именно о меотийских варварах[21].

Действительно, в 322 г. Константин отразил сарматов-язигов в Паннонии, а весной 323 г. на империю напали готы-тервинги во главе с Равсимодом. И этот рейд был разгромлен на варварской территории, а сам Равсимод погиб (CTh. VII. 1, 1). А.Х.М. Джоунз считает Равсимода сарматским вождем (PLRE. I, p. 762), однако, в пользу готского происхождения выступают Х. Вольфрам и Ф. Пашу[22].

---

[11] Блаватский В.Д. Боспор в позднеантичное время // Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 247.

[12] Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. К., 2000. С. 15.

[13] Петрова Э.Б. Менестрат и Сог // Боспорские исследования (БИ). I. Симферополь, 2001. С. 50-51.

[14] Соломоник Н.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. К., 1959. С. 75. Рис. 30.

[15] Крыкин С.М. Проблема сущности боспорского протектората в античном Северном Причерноморье // Проблемы исследований античных городов. М., 1989. С. 60-61.

[16] См.: Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. Т. 2. М., 1997, ряд ее статей.

[17] Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя (середина I в. до н.э. – 2-я половина V в.) / Автореф. дисс. ... д. и. н. К., 1991. С. 25; Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя: очерки военно-политической истории. К., 1994. С. 123; Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. С. 157; Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. С. 16. В начале 90-х гг. на этих позициях стояли также А.И. Айбабин и В.А. Сидоренко.

[18] Васильев А.А. Готы в Крыму. Ч.1. // Известия Российской Академии истории материальной культуры (ИРАИМК). 1921. С.289.

[19] Также см.: Ременников А.М. К истории сарматских племен на среднем Дунае в IV в. // УЗ КазГПИ. Вып. 12. Казань, 1957. С. 380-413.

[20] Шаров О.В. Рескупорид V и Константин Великий // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. I. СПб., 2002. С. 210-215.

[21] Лавров В.В. Восточные германцы в Приазовье в III-IV вв. // Stratum+. 2000. № 4. С. 331-341.

[22] Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 92-93; Zosime. Histoire nouvelle / F. Paschous. P., 1971. V. I. P. 213. № 31.

В.М. Зубарь, следуя Константину Багрянородному, принимает 330-е гг. за время еще одной (или двух) войн Херсонеса и Боспора[23]. Аргументы – четыре клада с последними монетами 328-329 гг. (два из них – в районе Судака)[24], постройка стены на Тамани архитектором Евтихом в 335 г. (КБН 1112), сокрытие ряда кладов на азиатском Боспоре 336 г. Быть может, на европейском Боспоре в это время появился узурпатор, вступивший в войну с Херсонесом, а Рескупорид VI укрылся на азиатской стороне[25]. Возведение комплекса боспорской крепости на горе Опук (с гарнизоном из готов-федератов) В.К. Голенко связывает с последним этапом херсонесско-боспорских войн – ок. 336 г.[26] Со сходных позиций выступил и В.Ю. Юрочкин[27]. Однако, К. Цукерман и А.И. Айбабин отвергают информацию Константина Багрянородного о войнах Херсонеса с Боспором (а также о походе херсонесцев на Дунай и о баллистариях)[28]. Приведя массу неточностей в тексте Константина, Цукерман выявил незнание Порфирогенитом исторических реалий IV в. в регионе и подверг критике всю 53 главу. Соглашаясь в целом с источниковедческой оценкой труда Порфирогенита, мы, вместе с тем, полагаем, что предстоит еще большая работа по интерпретации действительно имеющихся кладов и прочих археологических реалий 1-й пол. IV в. на западе и востоке Боспора и выявлению в данном источнике достоверной информации[29], а ее не может не быть, как справедливо указал В.М. Зубарь[30]. Связь войн с монетными кладами проводит в регионе и С.Ю. Сапрыкин[31].

Очень важным является факт нахождения в Керчи двух серебряных фиал или патер, относящихся к категории вотивных сосудов, а также блюда с изображением Констанция II[32]. Им посвящена обширная, в том числе и новейшая, литература. Эти чаши были, несомненно, подарены представителям высшей боспорской знати, а может быть и правителям Боспора римской администрацией[33]. Сложнее решить вопрос об общем характере взаимоотношений Боспора с Римом в середине 40-х гг. Были ли эти дары Констанция II простым актом уважения знатным пантикапейцам за твердую проримскую ориентацию, или положение было сложнее? В.Д. Блаватский предполагает, что при Рескупориде и его преемниках Боспор довольно прочно входил в орбиту римского влияния[34]. Учитывая общее состояние империи при Констанции, с этим можно согласиться.

В середине IV в. Рим, скорее всего, прекратил предоставление субсидий для Боспора. Указание на это содержит известный факт отправки боспорских послов к Юлиану в 362 г. с настоятельной просьбой о помощи (Amm. Marc. XXII. 7, 10). Анализируя этот отрывок, обычно подчеркивают страх боспорян в условиях начавшегося передвижения гуннов и их стремление заручиться помощью империи. Но при этом обычно забывают, что кроме боспорян к императору ехали послы также и «неведомых народов». И это были, скорее всего, представители каких-то племен гуннского союза, ибо аланы были известны

---

[23] Зубарь В.М. Таврика и Римская империя. К., 2004. С. 188-190.

[24] Исанчурин Р.А., Исанчурин Е.Р. Монетное дело царя Радамсада // Нумизматика и эпиграфика. Вып. 15. М., 1989. С. 90-92.

[25] Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. С. 158; Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. С. 17.

[26] Голенко В.К. К вопросу о времени сооружения «цитадели» на горе Опук // Херсонесский сборник. Вып. X. Севастополь, 1999.С. 47.

[27] Юрочкин В.Ю. Этнополитическая ситуация в позднеантичной Таврике в сочинении Константина Багрянородного и археологические реалии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999. С. 279-282; его же: Судакский регион в геополитической истории позднеантичной Таврики // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Киев-Судак, 2002. С. 280-283.

[28] Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 48.

[29] См., например: Ярцев С.В. Античный мир и варвары Северного Причерноморья в первых сюжетах «Повествования о крепости Херсон» Константина Багрянородного // Научные ведомости БелГУ. Серия: История, Политология, Экономика. Белгород, 2008 (в печати).

[30] Зубарь В.М. По поводу присутствия римских войск в Херсонесе во второй пол. III – на рубеже IV-V вв. // Stratum+. 2000. № 4. С. 291-302; его же: Таврика и Римская империя. К., 2004. С. 189-200.

[31] Сапрыкин С.Ю. Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху. М., 2005. С. 185-186, 190.

[32] Мацулевич Л.А. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926. С. 9.

[33] Блаватский В.Д. Боспор в позднеантичное время. С. 250; Midd M. Studies in the Reign of Constantius II. N.Y., 1989.

[34] Там же.

в империи с I в. н.э., а готы - с III в. Таким образом, картина гуннского нашествия предстает далеко не однозначной. Припонтийские степи могли стать для этих племен родными уже за полвека до данных событий[35]. Также трудно допустить, чтобы Боспор мог в это время, опасаясь нападения, обещать платить регулярную дань Риму, тем более, что ранее Боспор получал субсидии от империи[36].

Активность Херсонеса в его политике в Таврике в конечном счете определялась империей. На протяжении всего позднеантичного периода Херсонес был тесно связан с римской администрацией – префектурой Востока[37]. В позднеантичный период прямая военная помощь была заменена субсидиями на содержание гарнизона города и союзников-готов, осевших в окрестностях Херсонеса и на Южном берегу[38]. В районе Балаклавы в III – начале IV вв. еще действовала римская военная база (IV строительный период)[39]. Это – отдаленная периферия Херсонеса, которую контролировал V Македонский легион. Большой процент лепной керамики говорит о варваризации населения канабы и об относительном упадке экономики.

Регулярного римского военного присутствия в Херсонесе во 2-й пол. III – I пол. IV вв. не было. Это доказывается перестройками данного времени в цитадели, где часть казарменных построек была занята под обжигательные печи, а бассейн терм перестроен в небольшие новые термы.

Новые надписи указывают, что имело место локальное размещение войск, которое не было стационарным, следовательно, отряд во главе с протектором (трибуном) прибыл для решения экстраординарной проблемы (для этого и использовались части полевой армии)[40]. Эти римские части - вексилляции I Италийского и II Геркулийского легионов[41].После войн с Боспором войска были выведены в Подунавье.

Надпись 370-375 гг. Домиция Модеста упоминает о баллистариях, которые в состав регулярной армии империи не входили[42].

Об имперском военном присутствии в Херсонесе в IV в. говорит то, что в цитадели возводится здание вексилляции, казармы, терм, претория. Однако, картина римско-херсонесских отношений на рубеже III – IV вв. и в течение IV в. еще далека даже от относительной полноты. На протяжении IV в. отношения Херсонеса с империей строились на союзной основе; юридически город в состав империи не входил.

Византийская дипломатия в Северном Причерноморье (V в.). Начиная с гуннского нашествия конца IV в. империя, центр которой теперь находился в Константинополе[43], испытав постепенное политическое оформление в качестве Восточно-Римской, больше не имея возможностей для прямого вмешательства, перешла к активной дипломатической политике в регионе Северного Причерноморья, как и в других зонах варварской периферии[44].

---

[35] В.П. Яйленко полагает, что гунны могли проникнуть к Понту уже во II в. н.э., но империи не были хорошо известны. См.: Яйленко В.П. Гунно-булгары II-V вв. н.э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропонимики // Древности Боспора (ДБ). 5. 2002. С. 317.

[36] Блаватский В.Д. Боспор в позднеантичное время. С. 251.

[37] Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя: очерки военно-политической истории. К., 1994. – С. 148.

[38] Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя (сер. I в. до н.э. – 2 пол. V в.). С.25.

[39] Сарновский Т., Савеля О.Я. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Warschau, 2000. С. 155.

[40] Зубарь В.М. Таврика и Римская империя. К., 2004. С. 183-190.

[41] Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. №№ 12, 53, 60; Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсонеса в IV в. // Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии (МАИЭТ). IV. Симферополь, 1995. С. 553-558; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийская Крыма. Симферополь, 1999. С. 50; Зубарь В.М. Таврика и Римская империя. К., 2004. С. 187-188.

[42] Зубарь В.М., Сарновский Т., Антонова И.А. Новая латинская надпись из раскопок цитадели и некоторые вопросы позднеантичной истории Херсонеса // ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. Херсонесский сборник. XI. Севастополь, 2001. С. 106.

[43] Глушанин Е.П., Фарашян Е.В. Формирование государственного суверенитета Ранней Византии // Европа. Вып.2. Тюмень, 2002. С. 11-22; Глушанин Е.П. Раздел Римской империи 364 г. И начало византийского государства // Византийское государство в IV-XV вв. Центр и периферия. Барнаул, 1998. С. 4-8.

[44] Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. С. 161-166; Obolensky D. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy // Actes du XIIe Congress International d'Etudes byzantibes. V.1. Belgrade, 1964. P. 122-134; Thompson E.A. The Foreign Policy of Theodosius II and Marcian // Hermathena. 76. 1950. P. 56 sq.

При этом надо помнить о том, что дипломатия как особый способ международных отношений, противоположный войне, еще не сформировалась. Речь идет лишь об отдельных составляющих дипломатии[45].

В целом византийское правительство в рамках стратегической политики обороны проводило целый комплекс мероприятий, которые должны были воспрепятствовать проникновению варваров в пределы империи[46].

В системе правовых норм, регулировавших отношения империи с соседями-варварами, возникшей в IV-V вв., важное место занимали меры по охране приморской полосы, контролю над судами, законодательство о форме брачных союзов и союзов побратимства, в которых выражались связи пограничных жителей с варварами[47]. Распоряжения правительства Византии по охране границ подчеркивают особый характер политических порядков на византийских окраинах и служат лучшим комментарием к статьям договоров с варварами[48].

Херсонес в то время являлся не только торговым центром, но и центром дипломатического влияния, и исходным пунктом религиозных и дипломатических миссий[49].

Влияние империи в Юго-Западной Таврике, исходившее через Херсонес, в данный период неуклонно возрастало. Этапы роста византийского влияния: 1) варварское население ближней округи Херсонеса становится федератами – с начала V в.; 2) ремонт стен Херсона – к сер. VI в.; 3) крепости на Южном берегу Крыма – Алустон, Горзувиты, позднее – Сугдея – с конца VI в.; 4) расширение вглубь Юго-Западного Крыма, «длинные стены»[50]. Этап дипломатии, как видим, охватывает в основном V век.

Судя по происходящему из Херсонеса фрагменту декрета, Феодосий I, а затем в 408 г. и Гонорий разрешили варварам-федератам селиться в Херсонесе и его округе[51]. После некоторого перерыва, во 2-й пол. V в. Византия, вероятно, продолжила политику расселения федератов в Юго-Западном Крыму[52]. Византийский термин «энспондой» (федераты) несколько отличался от латинского. Энспондой имели меньший политический вес, расселялись скорее за границами империи, чем внутри них[53]. Чем сильнее империя клонилась к упадку, тем с большим уважением там относились к федератам. При Юстиниане даже стала зарождаться новая терминология[54], признававшая варваров на словах высшей знатью империи.

Важным инструментом распространения влияния империи была торговля[55]. Широкое развитие торговли в ранней Византии было тесно связано с наличием многочисленных городов, находившихся в цветущем состоянии. Некоторые «стратегические» товары, которые могли оказать влияние на политику по отношению к варварам, находились

---

[45] Нечаева Е.Н. Представления о дипломатии в эпоху поздней античности // Жебелёвские чтения – 5. СПб., 2003.

[46] Ермолова И.Е. Варвары в кодексах Феодосия и Юстиниана // Античность в современном измерении. Казань, 2001. С. 51-53.

[47] Шангин М.А. Византийские мероприятия по охране границ // Историк-марксист. Т.3. М., 1939. С. 89-92.

[48] Иванов С.А. Понятия «союза» и «подчинения» у Прокопия Кесарийского // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987; Ahrweiler H. La Frontiere et les frontieres de Byzance en Orient // Byzance: le pays et les territories. L., 1976; Liebeschuetz J.H.G.W. Barbarians and Bishops: Army, Church and State in the Age of Arcadius and Chrysostom. Oxf., 1991.

[49] Каждан А.П. Византийские города в VII-XI вв. // Советская археология (СА). 21. 1954. С.187.

[50] Герцен А.И. Ранневизантийские крепости Юго-Западной Таврики // Международная конференция «Византия и Крым». Симферополь, 1997. С.34.

[51] Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. I. Симферополь, 1990. С.67.

[52] Сидоренко В.А. Федераты Византии в Юго-Западном Крыму (последняя четверть III - начало VIII вв.) / Автореф. канд. дисс. СПб., 1994.

[53] Maspero J. Φοιδερατοι et Στρατιωται dans l'armee Byzantine au vi-e siecle // BZ. 1912. P. 21.

[54] Иванов С.А. Крымские готы и их место во внешнеполитической доктрине Юстиниана // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). Симферополь, 1994. С.23.

[55] См.: Болгов Н.Н. Позднеантичная Таврика как контактная зона (торговый аспект) // Торговля и торговец в античном мире. М., 1997. С. 127-140; Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. - V в. н.э. (на материалах Херсонеса). Харьков, 1989 и др.

под контролем властей. Так, по закону 370-375 гг. не допускалась продажа варварам вина, масла, соленой рыбы (CJ. 4, 63.5). Указ 374 г. запрещал платить варварам за товары золотом. При Маркиане (455-457) в 456 г. полностью запрещается продажа варварам оружия: панцирей, щитов, стрел, мечей, железа вообще (CJ. IV. 41, 2; Procop. BG. VIII. 15, 20), хотя эта торговля ограничивалась еще с начала III в. (Digest. XXXIX. 4, 11; XLVIII. 4, 1-4). Это была ликвидация последнего пробела в законодательстве. Отныне смертной казнью каралась продажа любого оружия и железа любому варвару или представителю варваров[56]. Прокопий сто лет спустя отмечает, что этот закон все еще действует. Запрет касался всех варваров, а не только враждебных (CJ. IV. 41, 1; 63.2). Тем не менее, торговля с варварами в той или иной форме продолжалась в «гражданской» сфере[57].

В 420 г. были приняты меры, чтобы запрещенные товары не попали к варварам морским путем: при отплытии любого судна чиновники должны были выяснить, куда и с чем оно направляется (CTh. VII. 16, 3; CJ. XII. 44 (45), 1).

В 419 г. епископ Херсонеса Асклепиад обратился к императору с прошением освободить людей, осужденных за то, что они раскрыли варварам секреты кораблестроения. Император помиловал осужденных, но пригрозил смертью всем, кто поступит так в будущем (CTh. IX. 40, 24).

В эксцерпте «О посольствах» сохранились сведения о крупных дипломатических миссиях к северопонтийским кочевникам. Так, посольство, описанное Олимпиодором, было направлено в 412 г. к гуннам Северо-Западного Причерноморья (вождь Харатон) имперским правительством.

В середине V в. посольства из Константинополя отправлялись и к Аттиле (известный фрагмент Приска).

Во 2-й пол. V в. в северопонтийском регионе византийцы напряженно интриговали между утигурами и кутригурами, подогревая противоречия между ними (Прокопий Кесарийский). Империя поддерживала утигуров против кутригуров. Кроме того, здесь обитали и пришедшие из Предкавказья ок. 463 г. более мелкие гуннские племена – сарагуры, оногуры, уроги, с которыми империя поддерживала отношения, принимала послов (Prisc. IV. 30; 37). Уже в V в. эти племена использовались для давления на Персию.

В целом период V в. был временем стратегического отступления империи, которая, не присутствуя в регионе прямо и непосредственно, тем не менее, активно участвовала во взаимоотношениях племен вокруг античных центров Северного Причерноморья. Безусловно, суть византийской дипломатии в этот период состояла в обеспечении собственной безопасности от варваров Северного Понта как бы «через голову» Херсонеса и особенно Боспора. Если Херсонес в отдельные промежутки времени в большей или меньшей степени продолжал выполнять свои функции форпоста империи в регионе, то Боспор фактически был предоставлен своей участи, несмотря на то, что в 483 (503) г. при царе Дуптуне официально использовалось прежнее династическое имя – Тиберии-Юлии, т.е. четко обозначены проримские симпатии.

К концу V в. степень фактической власти империи в Херсонесе значительно возросла (надпись императора Зенона 488 г.). Акта о вхождении города в состав империи мы не имеем, но в течение V в. здесь вводятся многие имперские должности. Существует огромная литература, как о проблемах политического строя города, так и византийской аннексии. Не ставя здесь задачей новое рассмотрение этого вопроса, ограничимся признанием несомненного факта фактической тесной интеграции города и империи.

К концу V в., по-видимому, уже вполне определилось положение города в геополитической системе византийских владений того времени. Из дозорного пункта Херсонес вновь превращается в опорный пункт империи. В конце V в. при Зеноне, видимо, была одержана некая победа над гуннами, позволившая империи взяться за укрепление своих позиций. С этого времени также шел процесс подчинения империи окружавшего Херсонес местного населения Юго-Западного Крыма. Характерно, что в ранневизантийской традиции, в восприятии столичных жителей Херсонес слывет городом варварским и даже «городом готов» или городом «в стране тавро-скифов».

---

[56] Томпсон Э.А. Римляне и варвары. СПб., 2003. С. 14-15.

[57] Домановский А.Н. Государственный контроль за иноземными торговцами в пределах Византийской империи в IV-VI вв. // Россия-Крым-Балканы: диалог культур. Екатеринбург, 2004. С. 49; Бардола К.Ю. Некоторые аспекты таможенной политики Ранней Византии // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітної історії. Харків, 2001. С. 35.

На территории города в конце V в. основное внимание было уделено юго-восточному узлу обороны (цитадель), где в римское время стоял имперский гарнизон.

Византийское утверждение в регионе (VI в.). Судьбы позднеантичного Боспора нашли свое завершение в VI веке. В начале этого столетия регион вновь попадает в сферу внимания авторов письменных источников, что связано с активизацией здесь политики Византии. «Византийское правительство, опекая свои интересы на дальней окраине Тавриды, ...не могло долее спокойно относиться к владычеству гуннов в степях полуострова»[58].

При Юстине (518-527) «боспориты отдали себя под власть императора» (Procop. Bello Pers., I.12, 8), что означало признание зависимости от империи и вхождение в «христианскую ойкумену»[59]. Юстин отправил в Боспор патрикия Проба, племянника прежнего императора Анастасия, чтобы склонить утигуров прийти на помощь иверам против персов. Раздираемые внутренними распрями варвары не выполнили просьбу, зато на Боспоре высадился византийский отряд и поставил страну под непосредственный контроль империи (около 523 г.).

Видимо, под влиянием миссионеров вождь утигуров Грод (Гордас) решил креститься и для этого поехал в Константинополь. Там над ним и было совершено таинство крещения, причем восприемником гунна был сам император. После этого Грод получил пышный имперский титул патрикия и был отправлен на Боспор «блюсти интересы империи». Рьяно взявшийся за христианизацию сородичей наместник пал жертвой гуннского мятежа по наущению гуннских жрецов. Не пожелавшие принять христианство гунны убили Грода[60]. В результате византийский отряд был уничтожен, город Боспор был захвачен варварами, многие города Боспора подверглись погромам (Тиритака[61], Зенонов Херсонес и др., главным образом, на европейской стороне). Этот мятеж привел к временному восстановлению гуннского господства в районе Боспора[62]. Здесь мы видим редкий случай того, когда крещение вождя не привело к крещению его народа[63].

Значительность боевых сил, посылаемых к Боспору после того, как гунны, противники Грода, перебили упомянутый гарнизон, обусловлена, может быть, не столько опасностью от гуннов, которые покидают город при первых слухах о приближении имперских сил, сколько необходимостью поддержать авторитет недавно приобретенной власти перед самим населением города[64].

Вскоре после этих событий Юстиниан высадил на Боспоре войска (Theophan. под 534 г.; Malala, 433). Прокопий в речи армянских послов к персидскому шаху перечислил последние успехи Юстиниана: «Разве не послал он своих военачальников к жителям Боспора и не подчинил своей власти город, совершенно ему не принадлежавший?» (Bello Pers. II.3, 40). «И стал жить в мире Боспор под управлением римлян», - заключает Иоанн Малала (433). По его же сообщению, в I пол. VI в. гунны, жившие близ Боспора, приняли христианство (481).

Таким образом, был создан единый блок византийских владений в Крыму от Херсона до Боспора.

Присоединение к империи северопонтийских позднеантичных центров привело к более четкой дифференциации в отношении империи к местным грекам и варварам. Так, Юстиниан принимал меры для выяснения, не отправлено ли к варварам из района проливов (Боспор Фракийский) «что-либо из вещей». Запрещенных к вывозу с римской территории (Expos. Tot. Mund. XXII).

Имперская граница была закреплена цепью крепостей, которую некоторые специалисты называют таврическим лимесом[65]. По нашему мнению, под классическое опре-

---

[58] Васильев А.А. Готы в Крыму. Ч. 2 // ИГАИМК. V. Л., 1927. С. 179.

[59] Храпунов М.І. З приводу часу входження Боспору до складу Візантії // Археологія. 2005. № 1. С. 29-30.

[60] История Грода Гуннского, боспорского мученика // Православные древности Таврики. К., 2002. С. 179-181.

[61] Сазанов А.В. Результаты исследования поздних слоев городища Тиритаки // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма. Керчь, 1984. С. 17.

[62] Храпунов М.І. З приводу часу входження Боспору до складу Візантії. С. 30.

[63] Томпсон Э. Римляне и варвары. С. 218.

[64] Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI-X вв. по Р.Х. М., 1908. С.9.

[65] В 1996 г. мы некритически упомянули о лимесе в одной из работ: Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород, 1996. С. 62. Теперь мы склоняемся к тому, что для лимеса линия укреплений в Таврике была недостаточна.

деление лимеса таврические укрепления не подходят, особенно в районе Боспора. Юстиниан развернул широкую строительную программу в регионе (Procop. De aedif., III.7), которая охватила 30-40-е гг. Образцовым памятником византийской крепости является Ильичевское городище[66].

Но и этот период также не был мирным. Незадолго до 545 г. Фанагория и Кепы были захвачены гуннами и разрушены (Procop. Bello Goth. VIII.5, 28-29). Интересно, что Кепы и Фанагурис ошибочно помещены Прокопием близ Херсона. Видимо, после этих событий Византия сохранила за собой на азиатской стороне лишь остров Киммериду. Трудно сказать, что вызвало рецидив агрессивности утигуров, - возможно, запоздалое понимание того, что Византия пришла сюда «всерьез и надолго»[67].

В 575 г. была издана новелла Тиберия об освобождении Боспора и Херсона от морской повинности[68]. А уже через год город Боспор и его окрестности были взяты тюркютским отрядом во главе с Турксанфом. Это вторжение принесло значительные разрушения, видимо, самые крупные после готских походов III в.[69], но вряд ли их можно назвать катастрофическими. Византия впоследствии еще не раз возвращала себе Боспор[70], но более важно другое: изменения в материальной культуре и образе жизни обитателей Боспора с конца VI – VII вв. стали необратимыми[71]. Это – истинный рубеж Средневековья. Почти одновременно Юстин II отказывается платить варварам, что знаменует перелом в отношениях империи с варварами: империя выстояла, а поток Великого переселения народов пошел на спад[72].

В течение VI в. политика империи на Боспора претерпела ряд этапов: 1) военное присутствие в отдельной административной единице с объединением военной и фискальной власти в руках командира имперского гарнизона при помощи союзных гуннов; 2) прямая власть империи административном округе двух уровней: трибун – командир гарнизона и глава налогового ведомства; архонт – глава гражданского аппарата; 3) Боспор – часть провинции Херсон, включавшей все южное побережье, во главе с дуксом.

Империя не имела здесь особой программы интеграции данных территорий, а скорее просто приспосабливалась к менявшейся ситуации. Пограничное положение Таврики заставляло концентрировать военную, фискальную и гражданскую власть в руках военных командиров. Наряду с этим сохранялись прежние муниципальные органы власти[73].

В Херсонесе при Юстиниане, по мнению А.Л. Якобсона, в рамках реставрационной политики империи, были построены новые участки оборонительных стен, а также вся приморская и береговая оборонительные линии[74]. И.А. Антонова к этому времени относит 17 куртину, повышение высоты 19 куртины и передовой стены, работы на 20 куртине и башне XVII. В VI-VII вв. в цитадели Херсона находились военный лагерь и, скорее всего, ставка городского правителя – дуки.

Крупные крепости, создававшиеся в Юго-Западном Крыму в соответствии с достижениями и канонами ранневизантийской фортификации – не результат развития традиций предшествующей эпохи. Здесь нет субстрата античного времени. Византийский облик крепостей дополняется наличием больших базилик, возводившихся обычно в центре укрепленных территорий, с учетом возможности созерцать храмы с большого расстояния. Памятники этого района принадлежат, в основном, византизированной культуре, которая сложилась здесь в эпоху Великого переселения народов.

---

[66] Николаева Э.Я. Раскопки Ильичевского городища // Проблемы античной истории и культуры (Эйрене XIV). Т. 2. Ереван, 1979. С. 378-379.

[67] О византийской дипломатии в отношении гуннских племен и тетракситов Северного Причерноморья в VI в. см.: Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2001. С. 109-144.

[68] Васильев А.А. Готы в Крыму. Ч. 2. С. 183.

[69] Николаева Э.Я. Боспор после гуннского нашествия / Автореф. дисс. … к. и. н. М., 1984. С. 21.

[70] Гумилев Л.Н. Древние тюрки. СПб., 1993. С. 50.

[71] Макарова Т.И. Средневековый Корчев по раскопкам 1963 г. в Керчи // Краткие сообщения Института археологии (КСИА). 104. 1965. С. 76.

[72] Сорочан С.Б. Око и щит империи. Херсонес к концу правления Юстиниана I и при его ближайших преемниках // БИ. V. 2004. С. 323.

[73] Храпунов Н.И. Администрация византийского Боспора в VI веке // Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Керчь, 2004. С. 382-383.

[74] Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. М.-Л., 1959. С. 66-114.

По всей видимости, именно политика Византии в Крыму в VI в. способствовала общей стабилизации положения, окончанию перемещений племен. С сер. VI в. в Юго-Западном Крыму резко увеличивается численность населения (появление новых некрополей, рост числа погребений, новые крепости)[75].

В конце VI в. в Херсонесе начинается активное храмовое строительство, явно при поддержке имперских властей. Херсон превращается в провинциальный центр отдельного регионального командования в лице дукса и, очевидно, рассматривался как составная часть соответствующей византийской эпархии[76].

В 598 г. заключается мирный договор империи с тюрками – краеугольный камень византийской политики в регионе, на 200 лет вперед определивший ее основные направления[77].

Византийская политика в регионе отличалась двойственностью. Империя всегда пыталась удержать здесь плацдарм для военных операций, торговли и дипломатического обмена. Но вместе с тем она почти всегда предпочитала не рисковать собственными силами, а иметь барьер из зависимых племен и натравливать наиболее опасных соседей друг на друга[78].

Эволюция имперской политики в регионе определялась общим ее состоянием, стратегическими и тактическими задачами, которые решала империя в Северном Причерноморье.

Целиком в русле ранневизантийской политики находится также политика создания лимитрофной области федератов в Юго-Западном Крыму близ Херсонеса[79]. Хотя статус этого района продолжает вызывать споры, все же общее направление политики Византии здесь видно вполне четко. Так же византийцы вели себя и в отношении филархов (вождей) арабов, гуннов, армянских князей[80] и пр., пока из глубин Аравии не выплеснулось море исламских воинов в VII в., полностью опрокинувшее политику империи в отношении ее варварской периферии и лишившее ее половины территории.

MAIN PROBLEMS OF EASTERN ROMAN AND EARLY BYZANTINIAN POLICY ON A NOTHERN PONTUS (HALF III – VI AD)

N.N. BOLGOV

Belgorod State University

This article include a research of main problems of foreign policy of Eastern Roman & Early Byzantinian Empire toward a Nothern Pontus – late ancient states and neighbours tribes – at a time of Great Migrations (half III – VI AD). This Policy was changed from traditionally roman in final phase, across a period of tribes Diplomacy to incorporation of late ancient states to Early Byzantium. A main cause of this changing was a transformation of Empire and different possibilities of State for active foreign Policy.

Key words: Empire, Pontus, Black Sea Coast, Bosporus, Chersonesus in Crimea, barbarians, Policy, Diplomacy, Byzantium.

---

[75] Пиоро И.С. Крымская Готия. К., 1990. С. 134-135.

[76] Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Харьков, 2005. С. 176.

[77] Там же. С. 175.

[78] Дагрон Ж. Двуликий Крым (IV-X вв.) // МАИЭТ. VII. Симферополь, 2000. С. 300. Ср.: Дюно Ж.-Ф., Ариньон Ж.-П. Понятие «граница» у Прокопия Кесарийского и Константина Багрянородного // Византийский временник (ВВ). 43. 1982. С. 64-73.

[79] Археологический контекст: Амброз А.К. Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ. IV. Симферополь, 1995. С. 57 и целый ряд др. работ.

[80] См.: Адонц Н.Г. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1971.

УДК 94(436). 08

АВСТРИЙСКАЯ ВОЕННАЯ ЮСТИЦИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПРИФРОНТОВЫХ РАЙОНОВ ЦИСЛЕЙТАНИИ. 1914–1917 ГГ.

А.Г. АЙРАПЕТОВ[1)]
В.В. МИРОНОВ[2)]

[1)] Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

e-mail: gamidro@mail.ru

[2)] e-mail: mironov.vladimir@hotmail.com

Рассмотрены содержание, формы и методы репрессивных мероприятий, осуществлявшихся военной юстицией в отношении гражданского населения Австрийской части империи Габсбургов. Показано, что юридически некорректные постановления трибуналов 1914–1918 гг. нередко обусловливались вмешательством в их компетенцию вышестоящих военных инстанций, которые требовали обеспечения «интересов армии». В статье применяется микроисторический инструментарий анализа.

Ключевые слова: военная юстиция, армейское командование, нарушение общественного порядка, оскорбление персоны императора и его фамилии, шпионаж, измена родине.

За последние десять лет произошел настоящий прорыв в отечественной историографии Первой мировой войны. Новому осмыслению подверглись устоявшиеся представления о причинах и характере первого глобального конфликта, расширилась сама тематика исследований[1].

В русле новых подходов к истории «Великой войны» произошла институционализация военно-исторической антропологии, поставившей в центр изучения психологию фронтовиков и различных категорий гражданского населения, вовлеченных в водоворот боевых действий (беженцы, перемещенные лица) или испытавших в своей тыловой повседневной жизни воздействие военного фактора[2]. Сюда же следует отнести влияние военно-юридических санкций в отношении гражданских лиц, усомнившихся в легитимности права государства на распоряжение их жизнями и возмущавшихся просчетами власти в различных сферах – от обеспечения населения продуктами до военных поражений. Трибуналы, в компетенции которых находилось рассмотрение уголовных и политических дел, превращались в важный инструмент поддержания внутриполитической стабильности. Между тем приходится констатировать, что содержание, формы и методы осуществлявшихся военной юстицией репрессивных мероприятий пока еще не получили должного освещения в российской исторической и юридической науках[3]. В то же время в западноевропейской историографии последних лет уже накоплен определенный опыт исследования уголовно-правового инструментария, применявшегося в условиях Первой мировой войны[4]. В данной статье предпринята попытка рассмотрения военно-правовой проблематики на материале Австро-Венгрии.

---

[1] См.: Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994; Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998; Мировые войны XX века. В 4–х книгах. Книга 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002.

[2] Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4; Военно-историческая антропология. Ежегодник. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002; Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005; Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2007.

[3] См. в качестве первого опыта: Миронов В.В Заложники распадающейся империи: мотивация дезертирства в австро-венгерской армии в 1917 – 1918 гг. // Человек и война в XX веке: Материалы межвузовской научно-практической конференции, г. Тольятти, 2 июня 2007 г. / Отв. ред. И.А. Белоконь. М., 2007.; он же. Нарушение субординации в австро-венгерской армии периода Первой мировой войны через призму судебно-следственных актов // Армия и общество в российской истории XVIII-XX вв.: сборник трудов международной заочной научной конференции. 18 января 2007 г. Тамбов, 2007.

[4] Jahr C. Die Militärjustiz als Steuerungsinstrument soldatischen Verhaltens in den Weltkriegen 1914 bis 1918 und 1939 bis 1945 // Erster Weltkrieg – Zweiter Weltkrieg. Ein Vergleich; Krieg, Kriegserlebnis, Kriegserfahrung in Deutschland / Hrsg. von Thoss B. Paderborn – Wien, 2002; Moll M. Burgfrieden oder stiller Bürgerkrieg? Die österreichische Militärjustiz im 1. Weltkrieg: Kärnten und Steiermark im Vergleich // Ad fontes. Europäisches Forum junger Rechtshistorikerinnen und Rechtshistoriker / Hrsg. von Feldner B. Frankfurt a/M., Wien, 2002; Oram, G. Pious Perjury: Discipline and Morale in the British Force in Italy, 1917-1918 // War in History 9. № 4. (2002); Überegger Oswald. Der andere Krieg: Tiroler Militärgerichtsbarkeit im Ersten Weltkrieg. – Innsbruck, 2002. (Tirol im Ersten Weltkrieg. Band 3).

Динамика и интенсивность военно-судебного преследования зависели от ряда факторов: общего правового климата в стране, этапа войны, места совершения преступления, типа судопроизводства и убеждений военных судей.

Проекты «исключительных законов» разрабатывались военным министерством в сотрудничестве с генштабом и правительством начиная с 1906 г. Боснийский кризис 1908 – 1909 гг. и Балканские войны 1912 – 1913 гг. стимулировали обновление правовой базы, назначением которой являлись « …не только сохранение в тайне и защита всех принимаемых в случае войны мер против шпионажа, нарушения общественного порядка и незаконного опубликования военных сведений в собственной стране, но и оказание поддержки всем действиям ведущей войну державы…»[5].

«Законы о чрезвычайном положении» существенно расширяли внутриполитические полномочия Верховного командования. Их вступление в силу влекло за собой подчинение гражданских лиц военной юрисдикции, согласно §14 военно-уголовного процессуального кодекса, на период проведения мобилизационных мероприятий[6].

Между 25 июля и 1 августа 1914 г. были обнародованы императорские указы, временно приостанавливавшие действие основных гражданских прав в австрийской половине империи (свобода личности, прессы, собраний, неприкосновенность жилища, тайна переписки) и подчинявшие всех гражданских лиц Цислейтании военной юрисдикции при рассмотрении дел по обвинению в государственной измене, оскорблении персоны императора и членов его фамилии, нарушении общественного порядка, сопротивлении представителям власти при отправлении ими своих полномочий и в ряде других преступлений[7]. Судебное разбирательство основывалось на гражданском уголовном кодексе, но процессуальная сторона регламентировалась правовыми нормами военного судопроизводства, по времени более короткого[8]. Примечательно, что «Директива на случай войны» 1912 г. ограничивала сферу действия военной юрисдикции в отношении гражданских лиц только приграничными регионами Цислейтании (югославянские земли, Галиция, Буковина)[9].

Распространение военной юрисдикции в июле 1914 г. на остальную территорию австрийской половины империи было осуществлено на основе 14-ой статьи конституции, наделявшей императора и кабинет министров правом издания законов в обход парламентской процедуры[10]. 25 июля 1914 г. вступил в силу принятый в 1912 г. «Закон о трудовой повинности в военное время», касавшийся всего работоспособного гражданского мужского населения в возрасте от 17 до 50 лет. В первую очередь положения закона относились к оружейной, угольной отраслям промышленности, металлургии, а также к предприятиям, обслуживавшим прочие потребности армии (пошив униформы и т.д.). Персонал этих предприятий приравнивался к принявшим присягу ландштурмистам, подсудным военной юрисдикции[11].

Расширение правового поля военной юрисдикции происходило в условиях оформления авторитарного режима «военного абсолютизма»[12]. В этом же контексте следует оценивать санкционированное кабинетом министров прекращение деятельности судов присяжных в Цислейтании. Высшим органом, надзирающим за соблюдением норм чрезвычайного законодательства, стал учрежденный при военном министерстве военно-контрольный комитет[13].

Указанный комплекс мер вводился на один год, но, будучи пролонгированным, действовал до 8 июля 1917 г., когда созванный императором Карлом австрийский рейхсрат изъял преступления, совершенные гражданскими лицами, из компетенции военной

---

[5] Цит. по: Führ C. Das k.u.k. Armeeoberkommando und die Innenpolitik in Österreich 1914-1917. Wien, 1968. (Studien zur Geschichte der österreichisch-ungarischen Monarchie. Band 7). S. 17-18.

[6] Ibid. S. 18.

[7] Moll M. Kein Burgfrieden. Studien zum deutsch-slowenischen Nationalkonflikt in der Steiermark vor dem und im Ersten Weltkrieg. Graz, 2002. Univ. Habilitationsschrift. S.211–212.

[8] Führ C. Op. cit. S.18.

[9] Ibidem.

[10] Hautmann H. Prozesse gegen Defätisten, Kriegsgegner, Linksradikale und streikende Arbeiter im Ersten Weltkrieg // Sozialistenprozesse. Politische Justiz in Österreich 1870–1936 / (Hrsg.) Karl R. Stadler. Wien– Mnchen–Zürich, 1986. S.157.

[11] Ibid. S.157–158.

[12] См.: Spann G. Das Zensursystem des Kriegsabsolutismus in Österreich während des Ersten Weltkrieges 1914 - 1918 // Justiz und Zeitgeschichte VIII. Symposion. Zensur in Österreich 1780 bis 1989 am 24. und 25. Oktober 1989 / Hrsg. von Erika Weinzierl, Rudolf G. Ardelt. Wien, 1991.

[13] Führ C. Op. cit. S.19.

юстиции. Видный теоретик австрийской социал-демократии Отто Бауэр писал по этому поводу, что « [парламентское] большинство, составленное из социал-демократов и представителей славянских национальностей,...вырвало из рук милитаризма его наиболее мощное оружие»[14].

В австрийской историографии 1970–1980–х гг. получила распространение концепция линцского исследователя Г. Гаутманна, объясняющая перевод правосудия на военные рельсы в Цислейтании согласованным гражданской и военной администрациями планом установления диктатуры. В основе концепции Г. Гаутманна лежит географическая и временная дифференциация использования военно-правового инструментария. Автор ранжирует провинции Цислейтании по масштабам репрессий, осуществлявшихся на их территории военно-судебными органами. Констатируя, что собственно австрийская этническая территория, население которой сохранило лояльность, в целом мало пострадала от деятельности военной юстиции, Г. Гаутманн подчеркивает тот факт, что беспощадность военного правосудия проявилась в полной мере в тех регионах, которые совпадали с «зоной действующей армии» (Галиция, Буковина, Босния-Герцоговина, Далмация). Историк из Линца обращает внимание и на то обстоятельство, что большинство процессов над гражданскими лицами по обвинению в измене приходится на осень 1914 – весну 1915 гг., в то время как с весны 1917 г. наблюдалось ощутимое смягчение военно-судебных репрессий[15].

Новая генерация австрийских историков, не ставя под сомнение состоятельность концепции Г. Гаутманна, все же внесла в нее ряд дополнений. Исследователь из Граца М. Молль, проанализировавший репрессии военной юстиции в отношении словенского национального меньшинства в Штирии в начальный период войны, указывает, что отношения военных кругов и правительства характеризовались временно обострившимся конфликтом из-за полномочий. Автор особо останавливается на вопросе об обосновании чрезвычайных мероприятий кабинетом К. Штюргка, изложенном в официальной «Wiener Korrespondenz – Bureau». Ссылаясь на военную необходимость, правительство стремилось убедить население в том, что приняты все меры во внутриполитической сфере для успешного ведения войны. М. Моль приводит не учтенные Г. Гаутманном аргументы, доказывая, что целью правительства являлось не только преодоление обусловленных войной трудностей, а – главное – долгосрочное исключение парламента из политической жизни и отмена основных гражданских свобод, гарантированных конституцией 1867 г. Отстранение рейхсрата и ландтагов от законодательной деятельности, санкционированное кабинетом К. Штюргка 26 июля 1914 г., по своей форме являлось закрытием их сессий, а не принудительным роспуском, что неминуемо повлекло бы за собой новые парламентские выборы, которых власти стремились избежать. С завершением сессии прекращал свое действие депутатский иммунитет, что позволяло при необходимости привлечь парламентариев к уголовной ответственности. Исследователь из Граца находит совершенно удивительным и объяснимым только отвлечением внимания всех слоев населения надвигавшейся военной грозой тот факт, что переход к беспарламентскому правлению был безучастно принят к сведению всеми, за исключением социал-демократов, и даже приветствовался отдельными депутатскими группами. В венгерской половине империи, где парламент работал без перерыва, «военный абсолютизм» носил более мягкий характер, поэтому принятые кабинетом К. Штюргка мероприятия сложно объяснить одной лишь военной необходимостью. Конкретные действия правительства, обоснованно или необоснованно сомневавшегося в лояльности отдельных народов империи, не могут быть интерпретированы в этом ключе. Хитроумная система «военного абсолютизма» ударила по считавшемуся политически благонадежным немецкому населению не менее, по крайней мере теоретически, чем по всем остальным этническим группам. Так, передача уголовных дел, связанных с совершением политических преступлений, в компетенцию военного правосудия отражала сомнения «верхов» в лояльности гражданских прокуроров и судей немецкой национальности[16].

Императорским рескриптом от 31 июля 1914 г. Верховное командование со ссылкой на необходимость обеспечения военных интересов в прифронтовых провинциях (Га-

---

[14] Бауэр О. Австрийская революция 1918 года. М. - Л., 1925. С.56.

[15] Hautmann H. Kriegsgesetze und Militärjustiz in der österreichischen Reichshälfte 1914-1918 // Justiz und Zeitgeschichte. Symposionsbeiträge 1976-1993 / Hrsg. von Erika Weinzierl, Oliver Ratkolb, Rudolf G.Ardelt, Siegfried Mattl. Wien, 1995. Bd. 1. S.77 -78.

[16] Moll M. Kein Burgfrieden... S.214-217.

лиция, Буковина, Далмация и северо-восточная часть Моравии) было наделено полномочиями гражданского управления[17]. Указанные территории составили «зону действующей армии» («Bereich der Armee im Felde»), где действовали законы военного времени («Standrecht»). Военно-контрольный комитет издал 27 августа 1914 г. распоряжение, предписывавшее скорейшее принятие самых решительных мер военными трибуналами: «…Следует, как только возможно, ускорить судопроизводство и позаботиться о безотлагательном исполнении вынесенных приговоров и их оглашении общественности»[18].

Печальную славу снискало оговоренное в этом же документе «право военной самообороны» («Kriegsnotwehrrecht»), предоставлявшее судебные полномочия командному составу действующей армии и полевой жандармерии. Казни враждебно настроенного местного населения могли производиться командирами по собственному усмотрению и без приговора трибунала[19]. Забегая вперед, отметим, что отсутствие какого-либо учета жертв «права военной самообороны» затрудняет установление истинных масштабов репрессий в прифронтовых провинциях. Лишь в 1917 г. император Карл наложил запрет на внесудебные казни гражданского населения в отвоеванных областях Галиции и Буковины[20].

Созданная австрийским парламентом после крушения Габсбургской монархии в 1918 г. комиссия по расследованию должностных преступлений офицерского корпуса зафиксировала вопиющие случаи нарушения законодательства военной элитой, допущенного в отношении гражданских лиц. Обратимся к делу крестьянина И. Греко, поскольку в нем отразился конфликт из-за полномочий между судейским корпусом и командованием воинских частей. 5 августа 1914 г. двадцатилетний И. Греко был принят на работу на мельницу, принадлежавшую А. Тунису (деревня Липица, Тарнополь). После объявления всеобщей мобилизации он отправился в свою родную общину Войнилов справиться о том, не призван ли он на военную службу. На свою беду ученик мельника владел цирковым трюком: он брал в рот керосин и, поднося зажженную спичку, извергал из себя столп огня. Вечером 8 августа Греко показывал свое искусство группе крестьян на фоне белой стены мельницы, периодически освещавшейся пламенем. Стена была обращена на север, в сторону русского противника. Не вняв советам сельчан, предупреждавших Греко о близком расположении австро-венгерских войск, он продолжил свое выступление. Со стороны казалось, что кто-то подает сигнал. Передовые посты австрийцев засекли его с расстояния двух километров, направив к подозрительному месту патруль. Не подозревая о намерениях военных, Греко, продемонстрировал и им свое мастерство. Командовавший патрулем вахмистр решил, что Греко выдал позиции австрийцев русским с помощью азбуки Морзе. Ученик мельника был арестован и предстал перед военным трибуналом 11-ой пехотной дивизии. Судебное разбирательство по подозрению в шпионаже проводилось 14 августа по законам военного времени. Незадачливому фокуснику грозила смертная казнь. Но согласно 441-ой статье военно-уголовного процессуального кодекса для разбирательства по законам военного времени отводился трехдневный срок, соблюсти который не удалось. Поэтому дальнейшее расследование дела Греко могло вестись лишь в рамках обычного военного судопроизводства. Командующий 11-ой пехотной дивизией фельдмаршал-лейтенант А. Покорны пришел в ярость, порвав протокол с результатами расследования, представленный капитаном-аудитором С. Тысовским. Мотивируя свои действия защитой интересов армии на войне, военачальник потребовал от подчиненного ему судьи проведения в течение дня нового разбирательства по законам военного времени. На возражения капитана – аудитора, что подобный приказ идет вразрез с военным уголовно-процессуальным кодексом и его исполнение противоречит данной аудитором клятве, Покорны разразился угрозами привлечь Тысовского к уголовной ответственности за неподчинение. Повторно заседавший военно-полевой суд приговорил Греко к 10 годам заключения. Уже на следующий день Тысовский направил подробный доклад в военное министерство, попросив отстранить его от должности судьи и начать против него уголовное разбирательство. Ознакомившись с содержанием доклада, Покорны сопроводил его сво-

[17] Führ C. Op. cit. S.21.

[18] Цит. по: Rasche Justiz, Kriegsnotwehrrecht // Das Militärstrafverfahren im Felde. Nach Gesetzen, Verordnungen und Erlässen als Hilfsbuch zusammengestellt von Schager Albin und Kadečka Ludwig. Wien, 1916. S.163-164.

[19] Ibidem.

[20] Verbot der Justifizierungen nach Kriegsnotwehrrecht // Das Militärstrafverfahren im Felde. Nach Gesetzen, Verordnungen und Erlässen als Hilfsbuch zusammengestellt von Schager Albin und Kadečka Ludwig. Wien, 1918. Nachtrag III. S.228.

им документом, из которого следовало, что повторный суд был обоснован необходимостью образцово сурового наказания в назидание остальным местным жителям. Одновременно Покорны направил командованию 2-ой запасной армии доклад, датировав его 15 августа. В нем он обвинил Тысовского в недостатке энергии и потребовал его смещения. 8 октября 1914 г. неправомочный приговор был отменен Верховным военным трибуналом, постановившим произвести разбирательство в обычном судопроизводстве[21].

Приведенный материал свидетельствует о том, что юридически некорректные постановления трибуналов нередко обуславливались вмешательством в их компетенцию вышестоящих военных инстанций, требовавших обеспечения «интересов армии». Подобная практика в целом соответствовала духу времени. Вряд ли следовало ожидать от армейских институтов, перенявших полномочия гражданского управления, обходительного обращения с попавшими в их руки гражданскими лицами. Логика войны, автоматически переносившаяся на прифронтовую полосу, требовала человеческих жертвоприношений. Галиция, Буковина и оккупированная часть Сербии погрузились в «средневековье». Улицы городов и сел «украшали» спешно построенные виселицы[22]. Вместе с тем сложно обвинять в массовых репрессиях одну лишь военную юстицию. Их следует скорее инкриминировать командованию воинских частей, действовавшему на скорую руку и чаще всего несведущему в правовой области. Нельзя сказать, что приступы шпиономании, преследовавшие австрийцев в Галиции и Буковине, особо сказывались на постановлениях военно-судебных органов. Достоверно известно лишь о двух смертных приговорах, вынесенных 28 сентября 1914 г. православному священнику и его сыну в Ной-Сандезе (Галиция) по обвинению в государственной измене[23]. Приведя только этот факт, Г. Гаутманн обосновывает свой вывод о «тенденциозной юстиции», бездоказательно обрекшей на смерть двух человек, вся вина которых состояла в русофильских настроениях[24]. Можно ли согласиться с выводами авторитетного исследователя? Наши собственные архивные изыскания свидетельствуют скорее об обратном. Схема Гаутманна, согласно которой пик репрессий пришелся на осень 1914 – весну 1915 гг., иллюстрирует скорее их количественную сторону, не вдаваясь подробно в содержание уголовных дел. Большинство этих дел были прекращены на стадии предварительного следствия или переданы гражданским судам. Обратимся к конкретным, документально зафиксированным фактам, отражающим практику военного правосудия. Весной 1915 г. группа русинских крестьян в районе Коломеа (Галиция) повредила маскировку австрийских окопов и похитила принадлежавшие военно-строительному отделу колья. Согласно обвинению, крестьяне стремились «нанести ущерб австро-венгерской военной мощи и принести пользу врагу». Из свидетельских показаний жандармского вахмистра И. Броцко следует, что крестьянин С. Скварчинский ненамеренно переехал своей повозкой окопы, не совершив уголовно-наказуемого деяния. Кража же кольев, по заключению военного коменданта Коломеа, не могла рассматриваться как преследуемый в военно-уголовном порядке деликт: «Обвиняемые не русофилы, а бедные и тихие граждане, похитившие колья без умысла нанести ущерб австрийской армии и сделавшие это по незнанию». Дело было передано в гражданскую прокуратуру Коломеа[25].

Следуя логике Гаутманна, русинских крестьян ожидал бы расстрел на месте, но вместо этого было начато расследование, результаты которого разрушают легенду о якобы изначально присущем аппарату военной юстиции предубеждении в отношении русинского населения, огульно обвинявшегося в сотрудничестве с русской армией. На деле, су-

---

[21] Doppelbauer W. Zum Elend noch die Schande. Das altösterreichische Offizierskorps in der jungen Republik Österreich. (Militärgeschichtliche Dissertationen österreichischer Universitäten. Band 9). Wien, 1987. S.163-168.

[22] Friedrich E. Krieg dem Kriege. Berlin, 1924-1926. 2. Aufl. Bd.1. S.132–135. Помещенный здесь фотоматериал уличает австро-венгерскую армию в организации массовых казней гражданского населения в районах боевых действий. Среди новейших исследований, затрагивающих проблему военных преступлений австро-венгерской армии в годы Первой мировой войны, следует выделить две работы: Wachtler M, Oberegs G. Krieg in den Bergen. Dolomiten. Bozen, 2003; Wachtler M. Menschen im Krieg. Der Erste Weltkrieg in den Bergen. Bozen, 2005.

[23] Platzer K. Standrechtliche Todesurteile im Ersten Weltkrieg. Graz, 2004. S.72.

[24] Hautmann H. Prozesse gegen Defätisten, Kriegsgegner, Linksradikale und streikende Arbeiter im Ersten Weltkrieg // Sozialistenprozesse. Politische Justiz in Österreich 1870 – 1936 / Hrsg. von Karl R. Stadler. Wien-München-Zürich, 1986. S.163–164.

[25] Österreichisches Staatsarchiv (Wien) (далее – ÖStA) – Kriegsarchiv (далее - KA) – Militärgerichtsarchiv (далее – MGA), Feldkriegsgericht Lemberg, Karton 4685/15, Strafakt K 249/15.

дебные разбирательства, квалифицируемые австрийским исследователем как поспешно проведенные процессы над «русофилами», могли продолжаться по нескольку лет и необязательно завершаться вынесением смертного приговора. Так, трибунал Лемберга смог вынести вердикт (4 и 3 года лишения свободы) строительному подрядчику Л. Родзену и частному служащему И. Громадзки по обвинению в совершении преступления против «военной мощи государства» 14 февраля 1917 г., спустя два года после начала расследования[26]. Арестованному 1 октября 1915 г. в расположении 51-го полка 35-й пехотной дивизии Василю Усако было предъявлено обвинение в шпионаже, хотя тот искал офицера, намереваясь сообщить ему о промышлявшем вблизи воинской части шпионе. За недостатком доказательств обвиняемый был выслан во внутренние провинции Австрии с клеймом «политически неблагонадежного»[27]. Вместе с тем нельзя игнорировать данные статистики о том, что преступления против «военной мощи государства», нередко не доказанные, лидируют в структуре смертных приговоров, составляя 23,9 % (351 человек)[28].

В уголовном преследовании других деликтов, подпадавших в сферу действия императорских указов от 25 июля – 1 августа 1914 г., военная юстиция в «зоне действующей армии» демонстрировала некоторую избирательность. Главное внимание обращалось на пресечение оскорблений персоны императора и членов его фамилии, государственной измены, нарушений общественного порядка[29]. В структуре смертных приговоров, вынесенных в 1914 – 1918 гг., деликты «государственная измена» (88 казненных, или 6 %) и «нарушение общественного порядка» (51 казненный, или 3,5 %) не столь многочисленны, чтобы вести речь о массовых «юридических преступлениях» австро-венгерской армии на собственной и оккупированной территориях[30] Разумеется, случались совершенно необъяснимые казусы, бросавшие тень на военное правосудие в целом. Так, в разоблачительной статье главного редактора «Arbeiter-Zeitung» Ф. Аустерлица, опубликованной 5 июля 1917 г., сообщалось о судьбе видного члена Словенской клерикальной партии Ф. Графенауэра, отбывшего 13-месячное тюремное заключение по обвинению в нарушении общественного порядка, прежде чем узник смог воспользоваться объявленной в 1917 г. императорской амнистией. Первым пунктом обвинения значились произнесенные им в трактире Й. Ледерича (Делах, Каринтия) слова «Россия – великая держава и имеет больше зерна», которые военный трибунал при командовании 10-й армии в Клагенфурте (Каринтия) интерпретировал как пожелание победы России в войне. Второй пункт был составлен на основании разговора обвиняемого с некой М. Пипп, намеревавшейся заказать заупокойную мессу по своему погибшему брату. Ф. Графенауэр попытался убедить убитую горем женщину в том, что ее брат не погиб, а перебежал к противнику. В качестве третьего пункта обвинения фигурировало нарушение распоряжения командования юго-западного (итальянского) фронта от 12 ноября 1915 г., запрещавшего контакты между гражданским населением и военнопленными. Ведя беседу на кухне трактира, обвиняемый в присутствии многочисленных свидетелей не нашел ничего предосудительного в том, что молодая девушка поддерживает отношения с русским военнопленным. 26 мая 1916 г. по совокупности предъявленных обвинений трибунал приговорил Ф. Графенауэра к пяти годам лишения свободы. Проведенное Ф. Аустерлицем журналистское расследование установило новые обстоятельства дела, достойные пера Я. Гашека. Главным доказательством на процессе служило то, что Ф. Графенауэр уже представал перед судом по обвинению в государственной измене, но случилось это в …1888 г. Насмехаясь над военной судебной машиной, Ф. Аустерлиц подводит итог расследованию обстоятельств деликта: «Пьяный отпустил по адресу официантки трактира глупую шутку; теперь он должен быть брошен в тюрьму на пять лет»[31].

---

[26] Ibid. Strafakt K 675/15.

[27] Ibid. Feldkriegsgericht der 6. AK, (Quartiermeisterabteilung), Karton 640/16, Strafakt 127/G 16, Vasil Usako.

[28] Platzer K. Op. cit. – Tabelle 3: Häufigkeitsverteilung der am meisten begangenen Delikte von Personen, die mit dem Tod bestraft wurden in absoluten Zahlen und Prozenten. S.75.

[29] Научный архив Института Российской истории РАН. Ф.18. Разд. «Ж». Д.139. Л.210 – 211. Подготовленный военным прокурором Праги отчет о количестве заведенных уголовных дел (июль 1914 – июнь 1915 гг.) включал четыре раздела: оскорбление персоны императора, оскорбление членов императорской фамилии, нарушение общественного порядка и государственную измену.

[30] Platzer K. Op. cit. – Tabelle 3: Häufigkeitsverteilung der am meisten begangenen Delikte von Personen, die mit dem Tod bestraft wurden in absoluten Zahlen und Prozenten. S.75.

[31] Das Gespräch in der Küche // Austerlitz Friedrich. Austerlitz spricht. Ausgewählte Aufsätze und Reden. Im Auftrag der Sozialdemokratischen Arbeiterpartei Deutsch-Österreichs / Hrsg. von J. Braunthal. Wien, 1931. S.123-130.

Симптоматично, что автор газетной статьи стремился сформировать в общественном мнении негативный образ военной юстиции накануне судьбоносного заседания рейхсрата 8 июля 1917 г., подведшего черту под почти трехлетней практикой применения военно-уголовных норм в отношении гражданских лиц, совершивших политические преступления. В северо-восточной Моравии, прилегавшей к линии фронта, в декабре 1914 г. нарушение общественного порядка стоило жизни двум подмастерьям, обвиненным в оскорблении персоны императора и верховной государственной власти. Примечательно, что, хотя законы военного времени еще не действовали в том округе, где заседал военно-полевой суд, министерство юстиции подтвердило правовую безукоризненность процесса[32].

Австрийское военное правосудие практически сразу после Сараевского покушения 28 июня 1914 г. столкнулось с лавинообразным ростом оскорблений персоны императора. Источники передают противоречивую гамму милитаристских и антивоенных настроений, корректирующую якобы типичную для августа 1914 г. картину военного воодушевления. Отклики различных слоев общества на расклеенное повсеместно обращение Франца-Иосифа «К моим народам» свидетельствовали о десакрализации института монархии. К. Платцер констатирует, что оскорбление персоны императора чаще всего исходило от представителей низших слоев и мотивировалось ими крайней нуждой[33]. Ответная реакция аппарата военной юстиции, призванного блюсти государственные интересы, относительно редко (26 случаев) характеризовалась применением смертной казни[34].

В числе обвиняемых часто значились женщины, повышенная эмоциональность которых нередко толкала их на необдуманные поступки. Так, П. Свициска, мать четырех детей, не владевшая имуществом, в декабре 1914 г. в Дядковице разразилась бранью по адресу императора: «Я плюю в лицо нашего императора, такой старый шваб не должен жить, он не выйдет из этой войны с победой». Спустя год военный трибунал ландвера в Станиславе приговорил обвиняемую к двум годам лишения свободы, сочтя смягчающим обстоятельством недостаток воспитания у подсудимой[35].

Исследование действий австрийской военной юстиции в отношении гражданского населения в 1914 – 1918 гг. показывает, что, во-первых, некорректно отождествлять осуществление судебных полномочий командованием воинских частей с действиями собственно военной юстиции. Именно этот недостаток свойственен некоторым современным историкам, необоснованно возлагающим на австрийское военное правосудие ответственность за массовые репрессии[36].

Во-вторых, было бы явной идеализацией представлять себе деятельность военных трибуналов как работу механизма, функционирующего без каких- либо сбоев. Ведь и в вердиктах гражданского правосудия того времени мы обнаружили бы немало судебных ошибок. Оказавшись в роли последнего оплота государства, далеко не все военные судьи приняли предложенные им «правила игры», постоянно соотнося их с действовавшим законодательством и со своей совестью. Осознавая, что масштабное применение военно-юридических норм способствует формированию враждебно настроенного общественного мнения, судьи были, однако, бессильны перед военной администрацией, решавшей многие правовые вопросы по своему усмотрению.

THE AUSTRIAN MILITARY JUSTICE AND CIVIL FRONT-LINE POPULATION OF CISLEYTANYA. 1914-1917.

A.G. AYRAPETOV[1]
V.V. MIRONOV[2]

[1] Tambov state university named after G.R. Derzhavin,

e-mail: gamidro@mail.ru

[2] e-mail: mironov.vladimir@hotmail.com

The Considered contents, the forms and methods of repressive actions, realized by military justice among civil population in the Austrian part of Gabsburg empire. It is shown that legally incorrect tribunal resolutions (1914-1918) were quite often conditioned by higher military locations' interference in their competency, which required the providing the «army interest «. Micro-historical toolbox of the analysis is used in article.

Key words: military justice, army command, breach of the public order, insult of the emperor and his surnames persona, espionage, treason to native land.

---

[32] Muhri Georg A. Das Standrecht in Österreich im 19. Jahrhundert bis 1938. Graz, 1998. Univ. diss. S.139.

[33] Platzer K. Op. cit. S.77.

[34] Ibid. Tabelle 3: Häufigkeitsverteilung der am meisten begangenen Delikte von Personen, die mit dem Tod bestraft wurden in absoluten Zahlen und Prozenten. S.75.

[35] ÖStA– KA – MGA, Feldkriegsgericht Lemberg, Karton 4685/15, Strafakt K 249/15, Pauline Swiecicka.

[36] Wachtler M, Oberegs G. Op. Cit.; Wachtler M. Op. cit.

УДК [9:329]-054.72 (470)+929

ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КАМПАНИЯ СОЦИАЛИСТОВ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИСТСКОГО РЕЖИМА

А.П. НОВИКОВ

Саратовский государственный технический университет

e-mail: novikov@rol.ru

Рассматриваются основные направления деятельности эсеровской эмиграции по организации политической кампании в защиту членов Центрального Комитета партии социалистов-революционеров, преданных суду Верховного революционного трибунала в 1922 г., анализируются итоги и последствия данной кампании. Особое внимание уделяется освещению политико-идеологической деятельности лидера партии эсеров В.М. Чернова и возглавляемой им Заграничной делегации ПСР. Показано, что московский судебный процесс социалистов-революционеров вызвал со стороны социалистических партий и демократической общественности Запада широкое протестное движение, которое имело антибольшевистский характер и, в сущности, являлось первой международной кампанией против антидемократического политического режима в России.

Ключевые слова: Русское Зарубежье XX в., политическая история русской эмиграции, история российских политических партий, партия социалистов-революционеров, В.М. Чернов, социал-демократия, политический режим, тоталитаризм.

В общем потоке беженцев, вынужденных покинуть пределы России в 1918 - 1920 гг., немало было и тех, кто в течение многих лет самоотверженно боролся с самодержавием и не представлял будущее своей родины без демократии и социализма. Речь в данном случае идет о членах Партии социалистов-революционеров. Большая часть эмигрировавших эсеров осела в западноевропейских столицах. Париж стал местом сосредоточения главным образом правых и правоцентристских сил эсеровской эмиграции, а Прага и Берлин – тех, кто придерживался левоцентристских партийных позиций. «Парижские» эсеры группировались вокруг Н.Д. Авксентьева и А.Ф. Керенского, а «пражские» и «берлинские» – В.М. Чернова, возглавлявшего Заграничную делегацию, которая официально являлась полномочным представителем Центрального Комитета ПРС за границей. Несмотря на существенные разногласия между двумя этими течениями, бывали такие моменты, когда и правые, и левые, на время забыв о своих идейно-политических и тактических распрях и расхождениях, объединялись и выступали единым фронтом. Именно так произошло в 1922 г., когда главным направлением политической деятельности всей эсеровской эмиграции стала мобилизация зарубежного общественного мнения против готовившейся большевиками расправы над видными российскими деятелями Партии социалистов-революционеров, не один год томившихся в советских тюрьмах.

Как свидетельствуют недавно опубликованные документы, политическое решение о предании суду Верховного трибунала заключенных эсеров было принято на пленуме ЦК РКП (б) 28 декабря 1921 г[1]. Причем изначально будущий судебный процесс замышлялся как массовый и показательный, как важное средство дискредитации руководства эсеровской партии в глазах российских трудящихся и международного общественного мнения. Тем самым планировалось завершение беспощадной борьбы на уничтожение – политическое и физическое – сильной и реальной оппозиции большевистской власти в лице эсеровской партии.

В центральных партийно-советских газетах «Сообщение о контрреволюционной и террористической деятельности партии социалистов-революционеров» появилось от имени ГПУ и с санкции Политбюро ЦК РКП (б) 28 февраля 1922 г. До заграничных эсеров весть о намерении большевистской власти начать судебный процесс дошла 2 марта 1922 г. С этого момента со всей очевидностью стало ясно подлинное предназначение брошюры бывшего эсера Г.И. Семенова «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917-

[1] См.: Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов / Сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. М., 2002. С.147.

1918 гг.», опубликованной в Берлине в конце февраля 1922 г. Именно материалы этой брошюры и показания бывшей эсерки Л.В. Коноплевой, написанные под диктовку органов ГПУ, легли в основу предъявленного партии эсеров обвинения.

Первым против предателя и агента ГПУ Семенова выступил В.М. Чернов со статьей «Иудин поцелуй», которая была опубликована 25 февраля в эсеровской газете «Голос России», выходившей в Берлине. Обрисовав неприглядный морально-политический облик автора брошюры, Чернов дал резкую отповедь содержавшимся в брошюре инсинуациям[2]. При этом мысль о «сверхзадаче» семеновского «творения» – послужить основанием для инспирирования судебного процесса, – по всей видимости, даже не приходила в голову в силу абсурдности такого процесса с правовой точки зрения.

Ответом на статью Чернова стала пространная публикация под названием «Политическая помойка (К характеристике партии соц.-рев.)», напечатанная 26 февраля в газете «Новый мир» за подписью М. Петрова. Построенная на обширном цитировании брошюры Семенова, статья содержала грубые выпады в адрес ЦК ПСР и особенно В.М. Чернова, которого автор именовал «Иудушкой» и причислял к числу «наемных убийц», «негодяев» и «политических проституток». Чернов обвинялся в сговоре с русской буржуазией и высшим духовенством, якобы пытавшихся в борьбе с большевиками «опереться на немецкие штыки», в получении от них и иностранной буржуазии денег на подготовку террористических актов против советской власти.

Реакция заграничных эсеров на публикацию Петрова последовала незамедлительно. На заседании Заграничной делегации 1 марта 1922 г. было решено поддержать инициативу Виктора Михайловича обратиться в берлинский суд с иском к газете «Новый мир» за распространение клеветы[3]. В этот же день газета «Голос России» напечатала «Открытое письмо» Чернова[4], разоблачавшее пробольшевистскую деятельность «Нового мира», и его заявление о намерении привлечь редакцию газеты к судебной ответственности[5].

Таким образом, В.М. Чернов, сам того не ведая, своими выступлениями против лжесвидетельств Семенова и «Нового мира» нанес весьма ощутимый удар по начавшейся было за границей большевистской пропагандистской кампании, призванной дискредитировать пребывавших за рубежом эсеровских лидеров и сослужить идеологическим прикрытием готовившегося судебного процесса против социалистов-революционеров.

7 марта 1922 года по решению ЗД ПСР была организована специальная комиссия, которая стала центром по сбору материалов, относившихся к предстоявшему процессу, и по рассылке таковых зарубежным группам ПСР, социалистическим и рабочим лидерам, партиям и организациям, средствам массовой информации и германскому телеграфному агентству. Уже через пару дней комиссия передала в телеграфное агентство для распространения по 244 адресам два подготовленных Черновым от имени ЗД ПСР воззвания, в которых содержался призыв к международному социалистическому движению возвысить свой голос в защиту российских социалистов-революционеров и предотвратить готовившуюся расправу над российскими социалистами[6].

Насколько эффективными были меры, предпринятые зарубежными эсерами уже в первый месяц развернутой ими пропагандистской кампании в защиту своих соратников, свидетельствуют многочисленные протесты против преследования российских эсеров, поступавшие от зарубежных социалистов, трудящихся, представителей интеллигенции. Протесты направлялись в адрес ЗД ПСР, председателя Совнаркома В.И. Ленина, советского правительства, наркоматов иностранных дел и юстиции, в адрес Коммунистического Интернационала. Только за вторую половину марта 1922 г. свое возмущение действиями большевистской власти высказали 14 зарубежных социалистических партий, 10 рабочих организаций и профсоюзных объединений, Второй, Венский и Амстердамский Интернационалы, Лига в защиту прав и свобод человека, видные деятели международного

---

[2] См.: Чернов В. Иудин поцелуй // Голос России. 1922. 25 февраля; Революционная Россия. 1922. № 16 - 18. С. 11 - 12.

[3] См.: Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection (далее – HIA NC). Box 9. Folder 8.

[4] См.: Чернов В. «Невольникам своего ремесла». Открытое письмо // Голос России. 1922. 1 марта.

[5] См.: Чернов В. Заявление о привлечении редакции газеты «Новый мир» к судебной ответственности за клевету // Там же.

[6] См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. М., 2000. С. 813 - 819.

социалистического и рабочего движения – Э. Бернштейн, К. Каутский, Ф. Туратти, А. Гендерсон, а также известный французский писатель Анатолий Франс, всегда сочувственно относившийся к Советской России[7]. В.М. Чернов отмечал: «Список протестующих коллективных и единоличных голосов затоплял страницы наших газет и бюллетеней. По всему миру пронеслась буря нравственного негодования, от которого диктаторской кучке, занявшей Кремль, стало неспокойно. Она привыкла дотоле своей умелой демагогией и пропагандой пожинать симпатии, привыкла обзаводиться во всех странах «попутчиками» из людей идейных, но лишенных должной устойчивости и политического равновесия. А тут стало получаться впечатление, что вся тонко организованная многолетняя работа просоветской пропаганды может быть стерта, как стирается мокрой губкой запись мелом на грифельной доске»[8].

Действенную солидарность с партией социалистов-революционеров как в России, так и за рубежом продемонстрировала и РСДРП. Она полностью поддержала борьбу эсеровской партии с террором, развязанным большевиками против российских социалистов. «Здесь, – отмечал член ЗД ПСР В.М. Зензинов, – мы работаем в этом вопросе в полном контакте с меньшевиками, и они делают большую работу у независимых (*Независимая социал-демократическая партия Германии – А.Н.)*»[9]. Справедливость этого замечания подтверждает тот факт, что накануне созыва Международной социалистической конференции делегаций от трех Интернационалов, на которой предусматривалось обсудить условия образования единого рабочего фронта против наступления капитала на права трудящихся, зарубежные меньшевики и эсеры провели совместное совещание с целью выработки общей позиции на предстоявшей конференции. В ходе обсуждений было решено, что вопрос о спасении жизни арестованных эсеров должен быть одним из главных на Международной конференции в Берлине. При этом В.М. Чернов заявил, что эсеры подготовят по данному вопросу специальный меморандум[10].

Представленный Конференции трех Интернационалов эсеровский меморандум имел, прежде всего, пропагандистскую направленность и был рассчитан в первую очередь на то, чтобы показать международному социализму подлинное лицо большевистской диктатуры и вызвать еще более активное давление на советское руководство со стороны западного общественного мнения в вопросе о суде над социалистами-революционерами. Более трех с половиной тысяч экземпляров меморандума Заграничная делегация разослала по рабочим и социалистическим организациям Европы и Америки, а 50 экземпляров было распространено среди участников Берлинской конференции уже в первый день ее работы[11].

Международная социалистическая конференция работала в Берлине 2 – 5 апреля 1922 г. В качестве гостей на конференции присутствовали члены ЗД ПСР В.М. Чернов, В.М. Зензинов и В.В. Сухомлин. На первом же заседании представители Второго и Венского Интернационалов подняли «русский вопрос» и выдвинули большевикам ряд требований, которые во многом были созвучны эсеровскому меморандуму. К.Б. Радек и Н.И. Бухарин резко протестовали. Однако в ходе дальнейших дискуссий, переговоров и консультаций стороны пошли на взаимные уступки и в результате приняли общую декларацию, провозглашавшую необходимость образования единого рабочего фронта и проведение всемирного рабочего конгресса. При этом одним из условий будущего сотрудничества социалистов и коммунистов в борьбе против капитала должно было стать выполнение обязательств, взятых на себя большевиками в отношении привлеченных к суду эсеров. Конкретно речь шла о том, что к процессу социалистов-революционеров будут допущены все, желательные обвиняемым, защитники; вынесение смертного приговора в этом процессе должно быть исключено; в качестве слушателей, с правом получения стенографических отчетов всего процесса, допускаются представители всех трех Интернационалов[12].

После Берлинской конференции для зарубежных эсеров наступил новый этап их протестной кампании – организация защиты своих соратников на суде. Заграничная де-

---

[7] См.: Единый фронт // Революционная Россия. 1922. № 16 -18. С. 56.

[8] HIA NC. Box 383. Folder 1.

[9] Там же. Box 9. Folder 18.

[10] См.: Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года: Документы из архива П.С-Р. Amsterdam, 1989. С. 602 – 607.

[11] См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 820 - 841, 846.

[12] См.: Сухомлин В.В. Итоги Берлинской конференции // Революционная Россия. 1922. № 19. С. 29 - 36; Отчет о Берлинской конференции трех Интернационалов // Там же. С. 36 - 42.

легация проделала большую организационную и техническую работу: велась обширная переписка с зарубежными социалистическими партиями и международными социалистическими объединениями, состоялось несколько встреч эсеровских представителей с Ф. Адлером, Э. Вандервельде, Д. Макдональдом и другими лидерами рабочих и социалистических партий Запада, шли поиски источников финансирования для поездки в Москву иностранных адвокатов-социалистов, готовился для защиты необходимый материал. К середине мая 1922 г. удалось сформировать группу защитников, которая вскоре была отправлена на московский процесс. В нее вошли авторитетные деятели международного рабочего и социалистического движения Э. Вандервельде, А. Вотерс, Т. Либкнехт и К. Розенфельд.

Судебный процесс, начавшийся 8 июня 1922 г., продолжался два месяца. Но уже во второй день слушаний председатель Верховного трибунала официально заявил, что берлинское соглашение трех Интернационалов относительно судебного процесса не имеет для Верховного трибунала формально обязательной силы в виду отсутствия соответствующих указаний со стороны ВЦИК. В этой связи ведение и возможность получения некоммунистическими представителями стенограмм процесса не продержались дольше нескольких заседаний, трем адвокатам эсеров от ЦК РСДРП отказали в праве участвовать в судебном процессе, в самом суде и по всей стране была инспирирована оголтелая антиэсеровская кампания с требованием смертной казни для обвиняемых и организована настоящая травля иностранных защитников.

Зарубежные эсеры совместно с меньшевиками вновь апеллировали к совести международного пролетариата. В обращении «К социалистическим партиям и рабочим организациям» они заявили: «Мы, представители всех российских социалистических партий объявляем международному пролетариату: готовится неслыханное преступление, сопряженное с неслыханным нарушением честного слова со стороны людей, называющих себя революционерами. Совершается неслыханное издевательство над единодушно выраженной волей международного пролетариата. Во имя социалистической солидарности, во имя будущего русской революции требуем от всех социалистических партий и рабочих организаций немедленного принятия всех мер, которыми они располагают, для предотвращения этого преступления»[13].

Среди демократических и социалистических сил Европы и Америки данное обращение и начавшийся судебный процесс вызвали новую мощную волну солидарности с российскими социалистами, международная антибольшевистская кампания получила новое дыхание и новый размах. Не было, пожалуй, ни одной социалистической партии, которая бы не выразила в той или иной форме свое негодование по поводу московского процесса. Протестным движением были охвачены десятки рабочих организаций, многие общественные деятели, писатели и ученые[14]. Особо большое значение имели протесты таких лиц, как А. Эйнштейн, А. Риль, Р. Гильфердинг, Г. Зудерман, А. Олар, А. Франс, А. Барбюс, Р. Роллан, Г. Уэллс, М. Горький. Вспоминая те дни, В.М. Чернов писал: «Как только был намечен этот зловещий процесс, все мы, деятели партии, оказавшиеся за границей, решили приложить все наши усилия к тому, чтобы мобилизовать против него весь духовный авангард и моральный цвет цивилизованного мира. <...> И понемногу все образованные слои Европы втянулись в ход процесса, ждали новостей о нем, трепетали нервами от ожидания и все громче реагировали на вести из Москвы, не укладывавшиеся в нормы правосознания современного человечества. Все отзывы, все отклики сливались в гул всесветного морального протеста против неслыханной пародии на правосудие. Мировая совесть отказывалась с ним мириться»[15].

Безусловно, основная заслуга в организации и координации широкого и мощного протестного движения принадлежала возглавляемой Черновым Заграничной делегации ПСР, чей авторитет среди зарубежных социалистических и рабочих организаций в 1922 г. заметно вырос и окреп. При этом исключительно важную роль в правдивом информировании западного общественного мнения, пропаганде и агитации играли зарубежные эсеровские периодические издания левоцентристского направления.

---

[13] Социалистический вестник. 1922. № 12. С. 13.

[14] Подробнее см.: Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. Берлин, 1922. С. 86 - 96; Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922 - 1926): этика и тактика противоборства. М., 2005. С. 245 - 274.

[15] HIA NC. Box 383. Folder 1.

Главенство здесь принадлежало ежедневной газете «Голос России», помещавшей на своих страницах все поступавшие в ЗД ПСР материалы о ходе судебного процесса: многочисленные корреспонденции, телеграммы, отклики, стенографические отчеты. По справедливому замечанию В.М. Чернова, газета стала «первоисточником для осведомления всей мировой прессы» о творившемся в Москве «беспримерном издевательстве над самыми основами права»[16]. Немаловажное значение в развернувшейся антибольшевистской кампании имели издаваемая И.А. Рубановичем на французском языке газета «Народная трибуна» и выходивший в течение четырех месяцев на пяти языках (немецком, французском, английском, итальянском и еврейском) ежедневный бюллетень «Социалист-революционер», дававший оперативную информацию о ходе судебного процесса и о положении социалистов в России. Свою лепту в разоблачение подлинных причин обрушившихся на эсеров массовых репрессий внесли и такие повременные издания, как «Воля России» и «Революционная Россия». Так, из восьми черновских публикаций, появившихся в это время на страницах «Революционной России», особый интерес в контексте рассматриваемого вопроса заслуживает его статья «Лицом к лицу», в которой автор сделал, что называется по горячим следам, два принципиально важных вывода.

Первый касался глубинных мотивов и сущности задуманного и проведенного большевиками антиэсеровского процесса. Чернов указывал, что московский процесс явился своего рода кульминацией многолетнего противоборства большевиков и социалистов, за которым стояли разные представления о моделях общественного развития России – коммунистически-тоталитарной и социалистически-демократической. Насилием и террором пришедшие к власти большевики пытались уничтожить и самих носителей идей демократического социализма, и сами идеи, и социально-политическую базу, являвшуюся питательной средой этих идей, чтобы в конечном итоге беспрепятственно навязать российскому народу пути и методы реализации собственной модели общественного устройства[17].

Второй имел преимущественно прогностический характер, предсказывавший неизбежное и полное банкротство большевизма в глазах европейского пролетариата и западного общественного мнения в силу его органической несовместимости с «душой» социализма – истинной демократией. Чернов пророчески замечал: «И когда-нибудь – когда в Западной Европе среди пролетариата растают и рассеются последние остатки когда-то нашумевшей «большевистской легенды», последние пережитки расцвеченного народной молвой красного мифа о русском коммунизме, когда поймут, какой жестокой насмешкой и издевательством над пролетарскими чаяниями был режим Совнаркома – тогда поймут, как много сделал для просветления сознания европейских рабочих масс этот мощный голос строгой и гордой революционной совести, звучащей миру со скамьи подсудимых московского верховного трибунала»[18].

Донести правду о большевизме до западного общественного мнения, способствовать развенчанию имиджа большевиков как борцов за интересы социализма и демократии в глазах зарубежных социалистов и коммунистов были призваны и две обличавшие большевистский режим книги, изданные ЗД ПСР в 1922 г., – «Че-Ка: Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий» и «Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве».

Сборник «Че-Ка» состоял из 12 документальных очерков, повествовавших о кровавых преступлениях как центральных, так и местных органов ВЧК в 1919 – 1921 гг. Причем авторы сборника не понаслышке, а на своем личном опыте познали все многообразие иезуитски-коварных и беспощадных методов и средств, использовавшихся красной охранкой против политических противников РКП (б) и всех инакомыслящих. Данное обстоятельство придавало книге особое звучание и существенно усиливало ее разоблачительную мощь. Предисловие к сборнику было написано В.М. Черновым. Анализируя природу имманентно присущего большевистской системе управления «военно-диктаториального начала», он подчеркивал: «Большевистский режим, вытравивший из социализма самую душу его – свободу и оставивший от него только бездыханный разлагающийся труп – коммунистическую каторгу, в чрезвычайках имеет свое неизбежное логическое дополне-

[16] HIA NC. Box 383. Folder 1.
[17] См.: Чернов В.М. Лицом к лицу // Революционная Россия. 1922. № 20. С. 31.
[18] Чернов В.М. Лицом к лицу // Революционная Россия. 1922. № 20. С. 32.

ние. Кто хочет сохранения этого режима, но уничтожение ужасов чрезвычайки – тот хочет католицизма без папы, империализма без войны, самодержавия без зубатовщины»[19].

Другую книгу – «Двенадцать смертников» – ЗД ПСР издала в октябре 1922 г. на пяти языках: русском, чешском, французском, английском и немецком. В книге в популярной форме освещались цель, подготовка, ход и итоги судебного процесса эсеров. Среди российской эмиграции и зарубежных социалистов эта книга вызвала не меньший интерес, чем «Че-Ка».

Вводная статья принадлежала одному из авторитетнейших лидеров международного социализма Карлу Каутскому, что уже само по себе придавало книге особый политический вес. А оценки, данные Каутским большевизму (он называл его бонапартистским режимом) и самому судебному процессу, безусловно, способствовали разоблачению попыток большевиков выдать себя за поборников социализма и демократии. «Московский процесс, – писал Каутский, – был отчаянной попыткой большевиков опорочить в глазах русского пролетариата и вместе с тем всего мира их самых опасных в настоящее время противников, представив их как пособников контрреволюции, и вернуть коммунизму утерянные им симпатии пролетариата. Этот процесс проигран большевизмом. Не подсудимые, а обвинители, судьи и их наемники вышли из этого процесса осужденными в глазах России и за пределами ее, заклейменными, преданными глубочайшему презрению»[20].

Свою роль в зарубежной антибольшевистской кампании сыграли и «Воспоминания о советских тюрьмах» О.Е. Колбасиной, второй жены В.М. Чернова. Небольшая по объему, но полная драматизма книжка эта повествовала о пятнадцати месяцах тюремного заключения, проведенных ее автором в чекистских застенках. Книжка вышла в Париже в 1922 г., ее издание было осуществлено на средства парижской группы эсеров, и она тем самым стала одним из вкладов правых эсеров-эмигрантов в общее дело борьбы против преследований российских социалистов.

Парижская группа правых эсеров, хотя и не столь активно, как члены левоцентристской ЗД ПСР, с самого начала антиэсеровской кампании большевиков встала на защиту своих российских соратников. М.В. Вишняк свидетельствовал: «Эти события всех нас захватывали политически, а некоторых к тому же лично. <...> Различия во взглядах и в принадлежности к разным группировкам отступали на задний план перед напряженным стремлением каждого сделать все возможное для облегчения судьбы большевистских жертв»[21]. Наиболее активными из правых и правоцентристов были Е.К. Брешко-Брешковская и А.Ф. Керенский, подключившие все свои личные связи и знакомства, чтобы мобилизовать западное общественное мнение против готовившейся большевиками расправы над видными деятелями ПСР.

Итак, инициированная Заграничной делегацией во главе с В.М. Черновым международная кампания против массовых преследований социалистов в России вылилась в мощное протестное движение, охватившее широкие зарубежные демократические и социалистические круги. Катализатором этого движения стала резко негативная реакция на судебный процесс социалистов-революционеров – первый по времени показательный процесс, инспирированный и разыгранный большевиками против своих политических противников. Именно широкое протестное движение на Западе не позволило большевистскому режиму осуществить немедленную кровавую расправу над осужденными. Так, нарком иностранных дел Чичерин сообщал из Берлина в ЦК РКП (б): «Из всех крупных стран сочувствующие нам элементы предупреждают, что в случае казни некоторых эсэров, все отшатнуться от нас, и наши ярые враги будут свободно действовать против нас, будет открыт путь самой агрессивной политике против Советской России»[22]. А Бухарин, один из организаторов и руководителей процесса, спустя 13 лет в частной беседе с меньшевиком Б.И. Николаевским говорил: «Да, нужно признать, что вы, социалисты, сумели

---

[19] Чернов В.М. Кровавые психозы. (Вместо предисловия) // Че-Ка: Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Берлин, 1922. С. 18.

[20] Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. С. 11, 13.

[21] Вишняк М.В. Годы эмиграции. 1919 - 1969. Париж - Нью-Йорк. (Воспоминания). Stanford, 1970. С. 89.

[22] Там же. С. 300.

тогда поставить на ноги всю Европу и сделать невозможным приведение в исполнение смертного приговора над эсерами»[23].

Смертный приговор все же был вынесен: 7 августа 1922 года Верховный трибунал приговорил 12 из 22 представших перед судом эсеров к расстрелу. На следующий день постановлением Президиума ВЦИК приговор был утвержден, но его исполнение решено было приостановить с тем условием, что партия социалистов-революционеров должна отказаться от активных, прежде всего, террористических выступлений против советской власти. Большевики квалифицировали свой приговор как применение принципа условного осуждения, фактически же они сделали из «смертников» бессрочных заложников.

И хотя смертных казней не последовало, так называемое условное осуждение, как и итоги процесса в целом, были встречены на Западе как издевательство над правосудием. Борьба за жизнь осужденных эсеров продолжалась.

С осени 1922 года вплоть до 1926 года эта тема не сходила со страниц зарубежных эсеровских изданий, к ней нередко обращались печатные органы западноевропейских социалистических и рабочих организаций. Запросы о положении осужденных, протесты против условий их содержания в тюрьмах и ссылке постоянно поступали от зарубежных социалистов в советские полпредства по всей Европе. Заграничная делегация ПСР искусно поддерживала неослабевавший интерес западного общественного мнения к судьбе «двенадцати смертников» и других видных деятелей ПСР, продолжавших пребывать в советских тюрьмах в тяжелейших условиях.

Так, в конце февраля 1923 г. в эмигрантских газетах распространилась информация о том, что Н.В. Крыленко якобы заявил о готовности временно выпустить некоторых осужденных эсеров за границу для поправления здоровья, но с одним условием: их место в тюрьме должны занять находившиеся за рубежом видные деятели ПСР. И хотя данная информация не подтверждалась никакими официальными сообщениями, она стала основой целой серии публичных заявлений со стороны зарубежных эсеров. Пребывавшие за границей лидеры ПСР – В.М. Зензинов, А.Ф. Керенский, С.П. Постников, Н.С. Русанов, В.М. Чернов, Г.И. Шрейдер и другие – заявили о своем желании пойти на такой обмен, если от советского правительства будет на то официальное предложение[24].

От имени Заграничной делегации В.М. Чернов составил открытое обращение к «трем интернациональным объединениям социалистического рабочего класса», которое 25 февраля 1923 г. появилось в эмигрантской газете «Дни», а затем было перепечатано в «Революционной России»[25]. Зарубежные эсеры, подтвердив свою готовность стать заложниками за осужденных, просили международные рабочие и социалистические организации вступить в переговоры с Москвой об условиях обмена. Безусловно, данное заявление было не только эффектным пропагандистским ходом, но и актом неподдельного, настоящего мужества эсеров-эмигрантов.

Настоящий переполох у кремлевских властителей вызвало самоубийство одного из 12 «смертников», члена ЦК ПСР С.В. Морозова, который добровольно ушел из жизни 20 декабря 1923 г. Смерть Морозова была расценена политическими противниками большевиков как жертвенный подвиг, как самораспятие во имя других, как протест смертью, что грозило власти новыми и серьезными осложнениями в международных делах. В значительной мере для того, чтобы предотвратить очередную волну антибольшевистского движения за рубежом или хотя бы не позволить ей подняться в полную силу, ВЦИК в январе 1924 г. отменил смертные приговоры осужденным по процессу 1922 г. и назначил им пятилетние сроки тюремного заключения с последующей высылкой в отдаленные районы страны.

Ясно, что большевистский режим без непрекращавшихся протестов самих осужденных, самоотверженно боровшихся в тюремных застенках за свои права политзаключенных, без усилившихся в связи с судебным процессом антибольшевистских настроений в стране и без опасения оказаться окончательно изолированным от международного социалистического движения вряд бы пошел на подобные уступки. В.М. Чернов совершенно справедливо подчеркивал: «Заграничная делегация с честью выдержала свою миссию – охвата всего цивилизованного мира энергией своей агитации»[26]. К этому следует добавить, что зарубежные эсеры постоянно

---

[23] Цит. по: Вишняк М.В. Указ. соч. С. 90.

[24] См.: Дни. 1923. 24, 25 февраля.

[25] См.: Революционная Россия. 1923. № 26 - 27. С. 38-39.

[26] HIA NC. Box 383. Folder 1.

поддерживали своих осужденных товарищей и материально – слали им и их семьям денежные переводы, посылки с продовольствием и предметами первой необходимости.

Таким образом, ценой неимоверных усилий эсеровская эмиграция смогла добиться некоторых успехов в неравной борьбе с большевистской властью. Московский судебный процесс не только не дискредитировал эсеров в глазах демократических и социалистических сил европейских стран, на что рассчитывали большевики, но и имел прямо противоположный результат – рост известности и авторитета эсеровской партии в рядах международного социалистического и рабочего движения. В европейских социалистических и демократических кругах начало складываться более трезвое и адекватное представление о большевизме как о социальном явлении и политической практике. А инициированная эсерами-эмигрантами международная кампания в защиту российских социалистов по своей сути явилась первой широкомасштабной акцией объединенных сил мирового социализма против одной из нарождавшихся форм тоталитаризма.

THE FIRST INTERNATOINAL POLITICAL CAMPAIGN OF SOCIALISTS AGAINST BOLSHEVIK REGIME

A.P. NOVIKOV
Saratov State Technical University

e-mail: ***novikov@rol.ru***

The article deals with the main stream activities of Russian émigré socialist revolutionaries in organizing political campaign for defending the members of the Central Committee of the Socialist Revolutionary Party, prosecuted to the Supreme Court of Revolutionary tribunal in 1922; it analyzes the results and consequences of this campaign. Special attention is paid to the description of political and ideological activities of V.M. Chernov – the leader of socialist revolutionaries, and Foreign Delegation of SR party headed by him. It shows that Moscow hearing of the case over socialist revolutionaries caused a great protest in the West socialist parties and democratic community, which had anti-Bolshevik character and, in essence, was the first international political campaign against anti-democratic political regime in Russia.

Key-words: Russian Foreign Community of the XX century, political history of Russian emigration, the history of Russian political parties, the Socialist Revolutionary Party, V.M. Chernov, Social Democracy, bolshevism, political regime, totalitarism.

УДК 94(460).088.2

ЕВРОПА И ИСПАНИЯ (СЕНТЯБРЬ 1936 г. – МАЙ 1937 г.): КУРС «НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА»

В.В. МАЛАЙ

Белгородский государственный университет
e-mail: malay_v@bsu.edu.ru

На основе международного Соглашения о невмешательстве в дела Испании (август 1936) в Лондоне был сформирован Комитет по невмешательству в дела Испании. На основе большого круга архивных источников в статье прослеживается, в какой степени политика невмешательства, рожденная с целью сдержать разрастание Гражданской войны в Испании до общеевропейского конфликта, выполнила эту задачу (конец 1936 – первая половина 1937), и какие новые акценты она внесла в международные и двусторонние отношения.

Ключевые слова: гражданская война в Испании 1936-1939, политика невмешательства в дела Испании, Комитет по невмешательству, международные отношения

В разрастании начавшейся в июле 1936 г. Гражданской войны в Испании до масштабов общеевропейского конфликта не была заинтересована ни одна из держав. Но тактика «погашения» конфликта существенно различалась. Очевидность зависимости исхода войны едва ли не полностью от факта помощи извне побудил 27 европейских стран поторопиться подписать в августе 1936 г. Соглашение о невмешательстве. В национальных интересах Англии и Франции было стараться максимально дольше соблюсти нейтралитет, фашистских стран – иметь формальное прикрытие своих действий и связать соглашением Советский Союз. СССР, не питая особых иллюзий по поводу практической реализации данного соглашения, справедливо счел необходимым подключиться к нему, но к моменту подписания имел в виду несколько вариантов дальнейшей тактики.

Проблемы, с которыми столкнулись члены сформированного международного Комитета по невмешательству в дела Испании (Лондон), и которые столкнули их между собой, выкристаллизовались уже в ходе согласования и подписания Соглашения: косвенное вмешательство, права воюющих сторон, формы и методы организации контроля над поставками оружия и амуниции обеим воюющим сторонам, волонтерство и др.

Все члены Соглашения надеялись на кратковременность конфликта на Пиренейском полуострове. Формируемому Комитету по невмешательству (далее: КПН) в дела Испании изначально задавались полупассивные функции – «суммирование информации о мерах, принятых отдельными странами в связи с соглашением о невмешательстве в испанские дела, а также практическое разрешение могущих возникнуть вопросов», что заставляет задуматься о целесообразности его создания, а потом и функционирования. В этом контексте симптоматичными выглядели заявления французского и бельгийского представителей на первых заседаниях КПН и подкомитета при председателе (сформирован 15 сентября 1936 г.) о необходимости избежать дискуссий политического характера и превратить Комитет в «скромный орган примирения»[1]. По образному выражению известного испаниста Д. Пуццо, КПН виделся его организаторам, как «собрание безобидных бездельников-дипломатов»[2].

Первый месяц реализации политики «невмешательства» при относительном равенстве сторон в Испании подтвердил стремление членов Комитета не принимать решительных мер по погашению конфликта (при объективной заинтересованности в этом). Главная проблема того периода – пресечение поставок оружия мятежникам – рассматривалась в подчиненном контексте, подменялась организационными вопросами, рассмотрением «косвенного вмешательства» (займов, сборов средств и пропаганды в пользу республиканцев, реэкспорта оружия и военной амуниции), отношениями с прессой и т.д.[3]

---

[1] Documents on British Foreign Policy (DBFP). 2nd ser. Vol. 17. Doc.178. P. 236, 247. Стенограмма 1 заседания Комитета по невмешательству в дела Испании. 9 сентября 1936 г.; Майский И.М. Испанские тетради. М., 1962. С.27.

[2] Puzzo D. The Nonintervention Committee and Italo-German Aid to the Nationalist/ The Spanish Civil War. Domestic Crisis or the International Conspiracy? Ed. by G. Jackson. Boston, 1967. P.69.

[3] Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф.010. Оп.11. П.71. Д.53. Л.75-77.

Большинство военно-технических поставок мятежникам на начальном этапе шло транзитом через Португалию. НКИД СССР по указанию ЦК ВКП (б) не форсировал обсуждение в КПН вопроса о нарушениях Португалией Соглашения о невмешательстве до факта принятия советским руководством решения о помощи Мадридскому правительству (28 сентября 1936). «Я, считаю, что выдвижение подобного предложения нами могло бы слишком связать нас на будущее по отношению к каким-либо другим странам… Предлагаю, поэтому этого предложения по нашей инициативе не ставить, но в случае его выдвижения другими, голосовать за него» – подчеркивал зам. наркома по иностранным делам СССР Н.Н. Крестинский[4].

Как следует из записи беседы зав. 3-м Западным отделом НКИД СССР А. Неймана с поверенного в делах Франции в СССР Ж. Пайяром (4 октября 1936), Советское руководство сочло, что для того, чтобы Комитет занялся своей непосредственной функцией, и поскольку никто другой с такой жалобой не выступал, «мы готовы внести ее со своей стороны и дать тем самым комитету возможность заняться, наконец, вопросом об имеющихся сведениях о нарушении соглашения некоторыми из участников», о чем был предупрежден французский дипломат[5]. В советском послании председателю Комитета от 6 октября 1936 г. предлагалось срочно обсудить этот вопрос и в качестве меры для его, хотя бы частичного, разрешения направить комиссию на испано-португальскую границу для расследования проблемы и установления там контроля в целях предотвращения незаконными поставками. На следующий день, 7 октября, советский представитель С.Б. Каган сделал от имени правительства СССР заявление председателю Комитета лорду Плимуту, помимо прочего, повторявшее требование сконцентрировать внимание КПН на расследовании действий Португалии[6].

Появление этой ноты вызвало недовольство в европейских политических кругах. На заседании КПН 9 октября 1936 г. лорд Плимут при активном содействии итальянского и немецкого представителей старался уйти от существа вопроса, прибегая к процедурной стороне дела. Советский Союз был обвинен Плимутом в том, что, несмотря на неоднократное привлечение внимания к деятельности Португалии, делал это в общих чертах, что не позволяло Комитету, согласно протоколу, принять предложения к рассмотрению[7].

Политика невмешательства, не принимавшая каких-либо мер против эскалации испанского конфликта, пережила первый серьезный кризис в октябре 1936 г. Его катализировали советские заявления от 7 и 23 октября. К тому времени Советский Союз начал оказывать прямую военную помощь Испанской Республике, информация о чем имелась в распоряжении стран-членов Комитета.

Советское заявление от 7 октября (утвержденное в тот день Политбюро ЦК ВКП (б))[8] отталкивалось от реального положения дел в Комитете и опережало ожидаемый поток обвинений в свой адрес: подчеркивалась мысль, что сложившаяся ситуация делало соглашение о невмешательстве несуществующим, и что в случае не прекращения нарушений о соглашении, советская сторона будет считать себя свободной от обязательств о невмешательств[9].

Реакция западных политиков (вне зависимости от политической принадлежности) на данное советское заявление была в целом отрицательной. Пресса называла его запоздалым (британская «Пипл», французская «Эвр»), обвиняла СССР в срыве Локарнских соглашений, собственно невмешательства в дела Испании («Дойче дипломатиш-политише Корреспонденс», «Фигаро», «Обсервер», «Дейли телеграф», «Таймс» и др.)[10].

Выходить из КПН Советский Союз не планировал: в случае срыва соглашения Германия и Италия получили бы бóльшую возможность поставлять оружие мятежникам, чем он – законному правительству.

Обращает внимание, что советская сторона в тот момент не заостряла особого внимания на нарушении соглашения Италией и Германией. Тезис о том, что это диктовалось стремлением форсировать свою помощь Мадриду при минимально возможном к этому вни-

---

[4] Там же. Л.84. Крестинский Н.Н. – секретарю ЦК ВКП (б) Кагановичу Л. 23 сентября 1936.

[5] Там же. Ф.0136. Оп.20. П.167. Д.828. Л.39-40.

[6] Там же. Ф.69.Оп.24. Д.5. П.77. Л.116; ДВП СССР. Т.19. С.463-464.

[7] DBFP. 2nd ser. Vol. 17. P.378, 389-393. Стенографический отчет 6-го заседания Комитета по невмешательству, 9 октября 1936.

[8] Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б). Повестки дня заседаний. Т.2. Т.2. 1930-1939. М., 2001. С.812.

[9] ДВП СССР. Т.19. С. 463-464.

[10] АВП РФ. Ф.010. Оп.11. П.71. Д.55. Л.29, 31-32, 47-49, 54-55; DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 277. P.377; Sunday Express. 1936. Oct. 12.

мании, находит подтверждение в письме Н. Крестинского Л. Кагановичу (начало октября 1936 г.): «Я считаю, что нам надо обжаловать действия только одной Португалии и, соответственно, требовать посылки комиссии только на испано-португальскую границу, а не во все испанские порты. Я думаю, что сосредоточение вопроса только на одной Португалии облегчит аргументацию (имеется больше материалов) и исключит посылку комиссии в те порты, через которые может идти снабжение мадридского правительства»[11].

Выступление итальянского представителя на заседании Комитета 9 октября 1936 г. с обвинениями против СССР создало прецедент для дальнейших взаимных нападок о нарушении соглашения о невмешательстве Советским Союзом и фашистскими государствами как с целью придания этому большей гласности, так и отвлечения Комитета от решения других проблем[12].

Об углублении кризиса политики невмешательства свидетельствовал и отрицательный ответ лорда Плимута на советское заявление от 12 октября, в котором настаивалось на организации в португальских портах контроля силами английского и французского флотов и срочном обсуждении сделанного предложение. Плимут мотивировал отказ отсутствием в советской ноте дополнительных доказательств нарушения Соглашения и тем, что ответ португальского правительства, предусмотренный заседанием 9 октября, не получен: «нецелесообразно в этой стадии созывать новое заседание Комитета для существа вопроса»[13].

Примечательна тактика ведущих европейских держав до знаменитого Советского заявления в КПН 23 октября 1936 г. Фашистские государства после каждой советской ноты через своих представителей в Лондоне осуществляли зондаж английских политических кругов. Накануне заседания Комитета 23 октября итальянский посол Гранди при встрече с министром иностранных дел БританииА. Иденом поинтересовался, что тот считает нужным предпринять в ответ на советские демарши. Гранди доверительно сообщил, что по имеющимся данным, германский ответ на советскую ноту от 12 октября будет содержать антисоветские обвинения, и что итальянцы намерены поддержать эту линию[14]. Великобритания заняла выжидательную позицию. Французский поверенный в Москве Пайяр, согласно дневникам А.Ф. Неймана, едва ли не каждый день заходил «проинформироваться о положении на Лондонском комитете и об оценке этого положения нами»[15]. На замечание Неймана, что было бы неплохо, если бы Пайяр информировал Париж о том, что «мы относимся к нашим демаршам перед Комитетом весьма серьезно и не можем понять причин уклонения от созыва заседания в данной обстановке», французский дипломат сослался на то, что «французское правительство в этом вопросе находится под английским давлением». При этом французский поверенный выражал озабоченность, не получит ли Германия свободу рук в случае объявления соглашения недействительным[16].

Новые нюансы советской тактики открываются по ставшими доступными архивным документам. 14 октября 1936 г. советский посол в Лондоне И. Майский вместе с Каганом посетил Плимута и подтвердил советское требование о немедленном созыве Комитета. Плимут аргументировал отказ тем, что до получения ответов на запросы Комитета от Португалии, Германии и Италии или от одной Португалии, делать это бесполезно. Плимут вручил Майскому уже заготовленное письмо, содержащее такой ответ. Получивший об этом информацию Н.Н. Крестинский в докладной Л. Кагановичу предлагал в случае отказа созыва Комитета дать в печать письмо Кагана от 12 октября. Следующая записка Кагановичу от того же дня предусматривала поручение И. Майскому и полпреду СССР в Париже В. Потемкину посетить, соответственно, А. Идена и И. Дельбоса, опротестовывая «поведение председателя Комитета». По мнению Крестинского, этот демарш был необходим, чтобы «иметь возможность потом сказать, что мы исчерпали все меры для созыва Комитета». Проект сообщения в печать прилагался[17]. Днем ранее, 13 октября, советское руководство допускало возможность в случае созыва заседания Комитета, письмо не публиковать, а сразу напечатать речь, с которой И. Майский должен был выступить на заседании в обоснование предложения о контроле над португальскими портами[18].

---

[11] АВП РФ. Ф.010. Оп.11. П.71. Д.55. Л.2.

[12] Там же. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.64. Л.21-23.

[13] Там же. Л.13; Там же. Ф.010. Оп.11. П.71. Д.55. Л.66; DBFP. 2nd ser. Vol. 17. P.477; Doc.328. Note 4. P.467.

[14] DBFP. 2nd ser. Vol. 17. P.449.

[15] АВП РФ. Ф.069. Оп. 20. П.60. Д.9. Л.73-74, 77,78-79, 91-93. Там же. Ф.0136. Оп.20. П.167. Д.828. Л.35, 41, 42.

[16] Там же. Ф.0136. Оп.20. П.167. Д.828. Л.42; Там же. Ф.069. Оп.20. П.60.Д.9. Л.78-79.

[17] Там же. Ф.010. Оп.11. П.71. Д.55. Л. 71, 72-74. Зам. НКИД Крестинский Н.Н. – секретарю ЦК ВКП (б) Кагановичу Л. 14 октября. Копии: Сталину, Молотову, Ворошилову, Орджоникидзе.

[18] Там же. Л.67.

Отказ Плимута созвать срочное заседание побуждал советскую сторону «в близком будущем опубликовать свое третье заявление без предварительного развертывания вопроса на заседании Комитета». Крестинский справедливо допускал, что в таком случае «*наши враги* (курсив наш: В.М.), а также представители французского и английского правительств» обвинят СССР в том, что он не исчерпал всех возможностей для созыва Комитета, удовлетворившись отрицательным ответом председателя Комитета. И в докладной Л. Кагановичу от 15 октября он предлагал, чтобы И. Майский и В. Потемкин при посещении министров иностранных дел стран своей аккредитации подчеркнули, что советская сторона расценивает известный отказ «как доказательство нежелания английского и французского правительств принять эффективные меры к прекращению незаконного снабжения мятежников оружием». Крестинский предлагал, чтобы эти заявления были сделаны устно: «Мы не будем немедленно сообщать в печать об этих демаршах. Но мы сошлемся на них тогда, когда будем выступать с нашим последним заявлением»[19].

В телеграмме Майскому 19 октября Крестинский подчеркивал, что нужно будет выступить с заявлением, «когда окончательно выяснится крах политики невмешательства, ...момент и форма Вашего выступления с этим заявлением будут Вам дополнительно указаны по телефону». Поправки, которые Майский предложил по телеграфу, были «сообщены руководящим товарищам»[20]. Посетивший А.Ф. Неймана 20 октября Пайяр просил хотя бы «намёка на дальнейшие намерения советского правительства»[21].

Днем ранее А. Нейман в служебной записке Н.Н. Крестинскому уточнял советскую тактику в Лондоне, справедливо сомневаясь, что после подготовленного советского заявления о потенциальном выходе из Комитета тот «не будет сохранен и не превратится в орган, отвечающий устремлениям немецкой политики, поскольку в нем будут участвовать все страны за исключением СССР. «Прямая постановка вопроса о роспуске Комитета, – по мнению Неймана, – может не привести к положительным результатам». Он полагал, что советский представитель должен был добавить, что «Если Вы, господин Председатель, сочли бы уместным созвать (еще одно) заседание комитета, я позволю себе зарезервировать за собой право на этом заседании более подробно изложить приведенные выше соображения». Таким образом, мы обеспечили бы себе возможность принять участие в заседании комитета даже после декларации о прекращении существования соглашения». В отношении Франции советская дипломатия придерживалась прежней тактики – извещение той о советском демарше за несколько часов до его оглашения[22].

22 октября из советского полпредства в Париже в НКИД СССР пришло сообщение о заявлении Дельбоса относительно позиции Франции в случае выхода СССР из Комитета и войны между СССР и другими государствами: франко-советский пакт не будет действовать автоматически, вопрос должен передаваться на рассмотрение Лиги Наций, для ввода пакта в действие необходим факт нападения на территорию СССР[23].

Советское заявление, оглашенное на заседании Комитета 23 октября 1936 г. [ввиду систематических нарушений другими странами Соглашения о невмешательстве Советское правительство не может считать себя связанным им в большей степени, чем любой из остальных участников этого соглашения: В.М.], было сдержанно расценено официальным Парижем, хотя Пайяр в беседе при встрече с А.Ф. Нейманом в тот же день высказал мысль, что ему лично советская позиция кажется логичной[24].

Тремя днями позже, пытаясь попасть на прием к М. Литвинову, Пайяр подчеркнул Нейману: «Я не знаю, нарушаете ли Вы соглашение или нет, и не желаю этого знать. Я не знаю, нарушает ли соглашение и мое правительство. Что мне кажется особенно важным в настоящий момент, это обеспечить функционирование комитета». В беседе присутствовали завуалированные взаимные обвинения в бездеятельности. На вопрос Пайяра, планирует ли СССР соблюдать соглашение о невмешательстве, Нейман ответил, что «мы связаны соглашением в тех пределах, в которых это соглашение действительно выполняется другими»[25].

---

[19] Там же. Л.83.

[20] Там же. Л.97.

[21] Там же. Ф.0136. Оп.20. П.167. Д.828. Л.43б.

[22] Там же. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.64. Л.14-16.

[23] Там же. Ф. 010. Оп.11. П.71. Д.55. Л.127.

[24] Documents Diplomatiques français. 2-e sér. (DDF). T.3. Doc.429. P.661-662; АВП РФ. Ф.069. Оп.20. Д.9. П.60. Л.95.

[25] АВП РФ. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.64. Л.17-18; Ф.069. Оп.20. П.60. Д.9. Л.91- 93.

В ноте Португалии от 26 октября подчеркивалось, что в роли обвиняемого должно выступать Советское правительство: «Коммунизм борется на Пиренейском полуострове в большой битве, от результатов которой зависит судьба Европы. Розенберг [советский полпред в Испании: В.М.] принимает участие в заседаниях кабинета – факт, который является исключительным в дипломатической истории»[26].

Сохранение видимости невмешательства отвечало в тот момент интересам всех членов Комитета. Крах этой политики мог повлечь еще более серьезные осложнения в международных и двусторонних отношениях, чем сам факт начала испанской войны. 24 октября 1936 г. на встрече Идена с французским послом Корбеном была достигнута договоренность, что оба правительства будут действовать в тесном контакте по выводу «невмешательства» из кризиса: «продолжать все, что в наших силах, чтобы сохранить Комитет действующим и Соглашение эффективным»[27].

Таким образом, Советский Союз в результате демаршей октября 1936 г. объявил себя свободным от обязательств о невмешательстве, но остался в Комитете по невмешательству. Соглашение о невмешательстве ликвидировано не было. Советская дипломатия справедливо прогнозировала, что Германия и Италия изменят свою тактику и переведут центр тяжести на вопрос о контроле, но контроле, в первую очередь, над каталонскими портами[28].

На заседании Комитета 28 октября Плимут добился утверждения резолюции, признающей необоснованность советских обвинений против Италии и Португалии. Вместе с тем, Комитет принял к сведению 15 из 20 пунктов итальянской ноты против СССР[29].

Несколько ранее Плимуту удалось отстоять новый «процедурный момент», помогающий избегать острой постановки вопросов на заседаниях Комитета путем передачи их на рассмотрение в подкомитет при председателе, круг участников которого был сужен по сравнению с Комитетом с 27 по 8 членов. Поэтому британский проект посылки специальных агентов Комитета в испанские порты и пограничные железнодорожные узлы был представлен 24 октября на заседании подкомитета. В полномочия агентов входили сбор и передача в Комитет информации обо всех случаях нарушения Соглашения. Английское предложение лишь дополняло советское. Но лорд Плимут настаивал на его обсуждении как самостоятельного, подчеркнув в очередной раз невозможность рассмотрения вопроса о контроле в Португалии. Советская сторона заострила внимание на необходимости установления действенного контроля, требуя при этом определения основ его организации[30].

Первый кризис политики невмешательства был преодолен относительно безболезненно для международных отношений, но осложнил двусторонние, углубил собственно испанский кризис. Никто не был готов и заинтересован в решении его основных задач. Кризис выявил, что одной из главных проблем политики невмешательства являлся контроль над поставками оружия и амуниции в Испанию. Другая принципиальная проблема – волонтерство – обозначится немного позже.

Дебаты по проблемам контроля шли в Комитете и подкомитете в конце октября – первой половине ноября 1936 г. Плимут уже тогда настаивал обратиться к «обеим сторонам» в Испании с его формулой (это случайно стало известно из разговора И.М. Майского с Корбеном) в расчете, что испанское правительство или мятежники отклонят предложение Комитета, и уже на законном основании можно будет не предпринимать почти никаких мер. Ответом на это были категорические возражения советского представителя против принятия каких-либо шагов до выработки проекта контроля с требованиями более точного определения основ организации контроля, функций местных агентов Комитета, вопроса их назначения[31].

К концу заседания подкомитета 2 ноября был разработан проект основных положений о контроле в следующей формулировке: нейтральные агенты Комитета будут посланы в Испанию и испанские владения с согласия обеих сторон, одна группа на территорию испанского правительства, другая – мятежников. Агенты должны были назначаться единогласно пленарным заседанием Комитета. Их функция состояла в расследовании дошедших до сведения Комитета случаев нарушения невмешательства. Советское пред-

---

[26] Там же. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.64. Л.36-37.
[27] DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 327. P. 465.
[28] АВП РФ. Ф.082. Оп.19. П.83. Д.4. Л.117.
[29] Там же. Ф.69. Оп. 27. П.88. Д.29. Л.103-104, 106-107; DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 339. Note 2. P. 444.
[30] АВП РФ. Ф.69. Оп.27. Д.29. Л.109; Д.31. Л.51.
[31] Там же. Ф.010. Оп.11. П.71. Д.55. Л. 237-239, 249-250; Ф.69. Оп.27. Д.29. Л.109-110.

ложение о правах уполномоченных по своей инициативе сообщать в Комитет о поставках оружия, а также о контроле в португальских портах за ввозом самолетов (в противном случае контроль был бы половинчатым и неэффективным) не было принято во внимание[32]. Утверждение 12 ноября Пленарным заседанием КПН схемы контроля не имело следствием срочного принятия практических мер. Обсуждались детали, увязки применения плана контроля на практике.

Справедливости ради отметим, что в рассматриваемый период подобная тактика устраивала до определенной степени и советскую сторону. Министр финансов Испанского правительства Негрин на встрече с поверенным в делах СССР в Испании С. Марченко 18 ноября подчеркивал, что у испанского руководства «все еще мало власти,... Поэтому нам было бы выгодно закончить войну в ближайшие 2-3 месяца, ибо за это время мы еще успеем навести порядок внутри страны. Победа нам нужна не ранее чем через полгода»[33]. 4 ноября М.М. Литвинов передавал полпреду СССР в Испании М.И. Розенбергу: «...Я веду дело в Лондонском Комитете на перемещение центра тяжести его деятельности на установление контроля на будущее время. Необходимо несколько отвлечь Комитет от вопросов о том, что считаем ли мы еще себя связанными соглашением о невмешательстве. Эти вопросы ставят нас в неудобное положение, ибо формально фашистские страны не признаны нарушителями соглашения, а нам грозит еще опасность неприятных разоблачений... Я не думаю, чтобы Мадрид имел возможность получить сколько-нибудь серьезные грузы из других источников. Таким образом, сам Мадрид будет заинтересован в максимальном затруднении поставок мятежникам, если он сам **несколько** (выделено: В.М.) пострадает от контроля. Если бы нам удалось провести в Комитете наши предложения касательно контроля, то Италия и Германия вынуждены были бы либо совершенно отказаться от снабжения мятежников, либо открыто денонсировать соглашение. Нам же выгодно и то и другое. Сомнительно, однако, чтобы наши предложения были бы приняты Комитетом. Скорее всего, будет установлен контроль, оставляющий лазейки для поставок, но и такой исход облегчит наше пренебрежительное отношение к Комитету и наши дальнейшие разоблачения»[34].

В конце ноября 1936 г. Марченко сообщал Литвинову об удовлетворительной реакции испанских руководителей в связи с совпадением их мнения с советским: «нужно... вновь и вновь возвращаться к этому вопросу и **максимально оттянуть признание и контроль**» (выделено: В.М.)[35].

Письмо И.М. Майского лорду Плимуту (11 ноября 1936 г.), где поднимался вопрос о т.н. «добровольцах» (или волонтерах), под видом которых Франко получал хорошо экипированные и обученные регулярные иностранные части, не было поставлено на обсуждение.

Советское предложение от 4 декабря 1936 г. предлагало усовершенствовать план контроля, распространив соглашение о невмешательстве на проблему «волонтеров». Отсутствие у Комитета стремления поставить этот вопрос в повестку дня заставило советскую сторону вновь подчеркнуть актуальность проблемы в нотах М.М. Литвинова (9 декабря) английскому и французскому послам в Москве и письме советского представителя в КПН секретарю этой организации Хеммингу (18 декабря)[36].

19 декабря в письмах Чилстона и Кулондра М. Литвинову была поднята проблема посредничества между законным испанским правительством и франкистами. М. Литвинов такой возможности не исключал, располагая информацией о беседе Л. Блюма с М. Розенбергом, в которой французский премьер предложил эту идею вместе с назначением в Испании плебисцита под иностранным контролем: «Я лично считаю такое предложение заслуживающим внимания, но вопрос у нас не будет обсуждаться до официальной его постановки»[37].

И.М. Майский дополнил эту мысль предложением «приложить максимум усилий к реализации англо-французского проекта посредничества между борющимися сторонами»: «если с помощью германских и итальянских «добровольцев» Франко опять начнет побеждать и, может быть, захватит Мадрид, нашему престижу будет нанесен сильный удар». Советский

---

[32] Там же. Ф.010. Оп.11. П.71. Д.55. Л.249-250.
[33] Там же. Ф.097. Оп.13. П.103. Д.24. Л.4.
[34] Там же. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.64. Лл.45-46.
[35] Там же. Ф.011. Оп. 1. П.4. Д.37. Л.151.
[36] Там же. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.64. Л.69; ДВП СССР. Т.19. С. 675-676.
[37] АВП РФ. Ф.010. Оп.11. Д.53. Л.165-166; Ф.0136. Оп.20. П.167. Д.828. Л.28.

дипломат осознавал все трудности этого варианта и не исключал, что «Германия и Италия захотят пойти напролом». Наряду с реализацией посредничества он справедливо считал нужным изыскать все возможные средства для парирования опасности, которую представляло появление германских и итальянских войск на испанской территории[38].

В начале декабря 1936 г. советская, как и испанская сторона, относительно пессимистически оценивали перспективы обороны Мадрида. Возможность его падения допускалась и связывалась с расширением итало-германского присутствия в Испании[39]. И если инициатива остро необходимого контроля над поставками мятежникам положительно оценивалась официальным Парижем, то у Лондона она не вызывала энтузиазма, требующегося для его срочной реализации. «Таймс» утверждала, что эта мера продиктована узкопрактическими мотивами и подчеркивала, что «организация сейчас эффективного контроля над портами и границами сохранит военное преимущество, достигнутое Россией в Испании»[40].

Таким образом, в политике невмешательства к концу 1936 г. сложилась двойственная ситуация: функционирование Комитета, члены которого – Германия, Италия, с одной стороны, и СССР – с другой, помогали воюющим сторонам. При этом фашистские государства почти не скрывали своего присутствия на Пиренейском полуострове, участие в КПН носило для них подчиненный характер, следовательно, дискуссии по основным вопросам играли не первостепенную роль, т.к. не могли принципиально повлиять на испанскую составляющую их внешней политики.

По информации, полученной советником полпредства СССР в Испании Гайкисом от испанского посланника в Берне, в конце декабря 1936 г. Гитлер собрал совещание по вопросам политики в Испании, на котором обозначились некоторые расхождения относительно дальнейшего немецкого вмешательства в испанские дела[41].

Советский Союз старался обеспечить максимально возможную информационную поддержку своей политике, на каждое обвинение отвечая, что он оказывает помощь законному правительству, а не мятежникам. Он выступал с инициативами в КПН, фактически представляя как свои, так и испанские интересы.

В английской позиции тесно переплетались две тенденции: боязнь как «красной Испании», так и перспектив итало-германского господства на Пиренейском полуострове. Эта тактика зависела от обстановки в самой Испании, и в Европе. Поэтому в КПН Великобритания на уровне дебатов изображала активную деятельность по урегулированию испанского вопроса, но, не выказывая реального стремления к осуществлению нужных мер. Франция по большинству позиций в Комитете поддерживала Англию, вызывая справедливые нарекания советской стороны. Как замечал в декабре 1936 г. М. Литвинов, «имеются все признаки усиления тревоги в Париже и Лондоне в связи с развитием испанских дел, но это не значит, что Париж и Лондон существенно изменят свою тактику»[42].

Советское руководство считало, что шедшие в декабре 1936 г. переговоры по вопросам контроля, волонтерства и посредничества создавали повод для более решительных выступлений Англии и Франции, а именно, в случае отклонения предложений по этим вопросам Германией и Италией или задержки ими ответа заявить, что Лондон и Париж оставляют за собой свободу действий: «Только такое заявление могло бы произвести впечатление в Берлине и Риме»[43].

На заседании подкомитета 22 декабря лорд Плимут ограничился заявлением, что британское правительство очень озабочено фактом увеличивающегося притока в Испанию волонтеров и предложил всем странам в ближайшее время (было упомянуто 4 января 1937 г.) принять на себя обязательство о запрещении волонтерства[44]. Англо-французским планом от 24 декабря предлагалось установить контроль на франко-испанской и испано-португальской границах, а прибрежные воды Испании патрулировать военным флотом стран-участниц Соглашения. Параллельно велась подготовка к со-

---

[38] Там же. Ф.069. Оп.20. П.60. Д.4. Л.71.

[39] Там же. Ф.069. Оп.20. П.60. Д.4. Л.71; Ф.05. Оп.16. Д.64. Л.89.

[40] DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 498. P.714-715; The Times. 1936. 14 Dec.

[41] АВП РФ. Ф.097. Оп.12. П. 102. Д.17. Л.67.

[42] Там же. Ф.0136. Оп.167. Д.828. Л.34-а.

[43] Там же.

[44] Там же. Ф. 069. Оп. 20. Д..5. Л.51-52; Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б). Повестки дня заседаний. Т.2. С.835.

глашению между Великобританией и Италией[45]. «Почти невозможно доверять искренности британцев в их позиции нейтралитета, исходя из моих частных бесед с британским послом Чилтоном, – писал посол США в Испании Бауэрс. – Каждое их действие идет так далеко, что явно ведет к падению правительства и служит мятежникам»[46].

9 января 1937 г. английское правительство запретило своим гражданам выезд в Испанию. Советский Союз принял аналогичное постановление 20 февраля.[47].

Согласованные на заседании подкомитета 15 февраля 1937 г. планы по вопросам о добровольцах и о контроле должны были вступить в силу, соответственно, 20 февраля и 6 марта. Схема контроля обладала рядом слабых мест: поставки по воздуху не затрагивались, португальское побережье не патрулировалось. План не предусматривал санкций против стран-нарушительниц Соглашения[48].

Советская дипломатия, проводя активную линию на установление контроля, периодически шантажировала участников КПН угрозой выхода из этой организации в ответ на проволочки в решении проблем[49]. Характерен маневр, предпринятый советской стороной (декабрь 1936 – февраль 1937), – вслед за борьбой за право участия флота СССР в морском контроле, после его получения последовал отказ под предлогом отсутствия в Испании собственных баз при нежелании пользоваться английскими или французскими[50].

В советской тактике сочетались заявления типа: «положение в Испании может быть урегулировано лишь немедленным отзывом всех волонтеров» с тактическими установками: «... до осуществления контроля должно пройти немало недель, в течение которых необходимо постараться ввезти максимальное количество снарядов»[51].

Советский Союз до последнего задерживал выплату первого взноса на организацию контроля за поставками в Испанию. 31 января 1937 г. решением Политбюро ЦК ВКП (б) доля советских расходов в этом направлении была увеличена до 136 тыс. ф.ст. При этом оговаривалось, что первый взнос в размере 20 тыс. ф.ст. будет переведен тогда, когда начнут поступать взносы от других государств. В начале марта 1937 г. И. Майский сообщал в Москву, что дальнейшая отсрочка платежей невозможна. 10 марта М. Литвинов в письме Председателю Совнаркома СССР В. Молотову просил дать указания Наркомфину о немедленном переводе денег в Лондон[52].

Обладавший принципиальными недостатками контроль способствовал дальнейшим успехам мятежников. Он не устраивал ни одну из сторон, ведших борьбу в Испании, или стоявших за ними. Но европейские страны вынуждены были играть по правилам, экспромтом, складывавшимся в ходе «игры». Италия, Германия и СССР получали возможность хоть частично отвести от себя обвинения в нарушении Соглашения о невмешательстве. По понятным причинам от поддержки воюющих сторон в тот момент отказываться никто не планировал. Великобритания и Франция получали возможность продемонстрировать приверженность политике «невмешательства». Эта «хорошая мина при плохой игре» станет обычной практикой в дальнейшей деятельности Комитета по невмешательству.

Дает основания для такого вывода и анализ хода реализации другого актуальнейшего вопроса политики невмешательства – вывода иностранных войск из Испании. 13 марта 1937 г. испанский посол в Лондоне Аскарате передал Плимуту ноту с конкретными примерами итальянской интервенции и просьбой рассмотреть эту проблему. В меморан-

---

[45] По т.н. «джентльменскому» англо-итальянское соглашению от 2 января 1937 г. Средиземноморье признавалось зоной жизненных интересов Британской империи и Италии. Италия фактически получала свободу рук в Испании в обмен на обязательство не затрагивать английские интересы в Испании и Средиземноморье. – АВП РФ. Ф.069. Оп.21. П.62. Д.4. Л.8.

[46] АВП РФ. Ф.69. Оп.27. Д.25. Л.54-56; FRUS. Diplomatic Papers. 1937. Vol. 1. P.224-225.

[47] АВП РФ. Ф.069. О.21. П.62. Д.8. Л.133-136.

[48] ДВП СССР. Т.20. С.86.

[49] АВП РФ. Ф.69. Оп.27. Д.27. Лл.60-61; Д.28. Лл.122-123; Ф.05. Оп.16. Д.64. Л.66-67; Ф.097. Оп.12. Д.15. Л.39. В начале февраля 1937 г. выход СССР из Комитета допускался уже не в декларативной форме. «Возможно, в случае неудовлетворения наших требований, мы даже уйдем из Комитета», – писал М. Литвинов М. Розенбергу 4 февраля 1937 г. – АВП РФ. Ф.011. Оп.1 П.4. Д.37. Л.14.

[50] См.: Малай В.В. Судьба Республики решалась не в Мадриде. Белгород, 1999. С.35-36.

[51] АВП РФ. Ф.069. Оп.21.П.62. Д.8. Л.97. Дневник В.П. Потемкина. Беседа с английским послом Чилстоном 16 октября 1937 г; Там же. Ф.097. Оп.12.Д.15. Л.39. М.Литвинов – полпреду СССР в Испании М.Розенбергу М.И., 7 февраля 1937.

[52] Там же. Ф.069. Оп.21. П.62. Д.8. Л.28.

думе испанского правительства руководителям Англии и Франции от 21 марта 1937 г. подчеркивалась готовность Мадрида «пойти на некоторые жертвы – испанская зона Марокко», принять во внимание в своих экономических, военных, морских и воздушных отношениях «интересы обеих держав, поскольку они будут совместимы с ее собственными интересами». В качестве ответного англо-французского шага предлагалось принять «зависящие от них меры, чтобы впредь прекратить окончательно вмешательство Германии и Италии в испанские дела», а первого шага – «элиминирование из испанской борьбы всякого иностранного вмешательства»[53].

На 43-м заседании подкомитета (23 марта 1937 г.) И.М. Майский поднял этот вопрос. На следующий день на пленарном заседании он потребовал от Комитета расследования жалоб, содержащихся в испанской ноте, и предложил направить в Испанию комиссию для выяснения случаев посылки итальянским правительством после 20 февраля (вступление в силу соглашения о добровольцах) «волонтеров» и продолжающегося снабжения Франко материалами, участия регулярных частей итальянской армии в военных действиях. Для придания большей огласки этой проблеме речь И. Майского на заседании была передана через ТАСС. Плимут упрекнул И.М. Майского в несоблюдении дипломатических формальностей – нота с заявлением не была передана ему лично, а зачитана на заседании. Под предлогом нарушения советским представителем протокольных моментов и, не желая «усилить напряжение и затруднить реализацию основной задачи, стоящей сейчас перед Комитетом – эвакуацию волонтеров из Испании», английские дипломатические круги инспирировали отклонение советского предложения. В беседе с И. Майским 6 апреля 1937 г. Плимут пообещал, что, если в течение недели от итальянского правительства не будет получен положительный ответ по названному вопросу, подкомитет все равно будет созван, и на обсуждение будет поставлено советское заявление от 24 марта. Это обещание выполнено не было. Тем более, что Гранди подчеркнул в беседе с Иденом 10 апреля, что «для итальянского правительства невозможно согласиться на предложение, хоть на квоту исходящее от Советского правительства»[54].

Таким образом, Комитет по невмешательству в дела Испании на первом этапе своего функционирования при ведущей роли британской дипломатии, соглашательстве Франции и молчаливом одобрении фашистских государств саботировал большинство инициатив, способных смягчить испанский конфликт, расценивая их не как попытку урегулирования, но как стремление советской стороны к «коммунистической экспансии». В итоге серьезных оснований для локализации испанского конфликта к весне 1937 г. создано не было. Он приобретал все более затяжной характер, обостряя также международные отношения в Европе.

Можно согласиться с Д. Пуццо, что «испанская война выигрывалась и терпела поражение не в Бургосе и Мадриде, не у Теруелл или вдоль Эбро, а в кабинетах Европы»[55].

Политика «невмешательства» дорого обошлась самой Испании и всей системе международных отношений накануне Второй мировой войны, подрывая веру в действенность международных пактов, соглашений, договоров, способных остановить агрессию.

EUROPE AND SPAIN (SEPTEMBER 1936 – MAY 1937): THE COURSE OF THE NON-INTERVENTION

V.V. MALAY

Belgorod State University
malay_v@bsu.edu.ru

The international Non-Intervention Committee (London) was formed on basis of Agreement on Non- Intervention to Spain (August 1936). The Non-Intervention policy given birth with the purpose to constrain growth of the Spanish conflict up to all-European is traced on the base of rich sources including archives. It is studied in what degree this problem has been decided at the end of 1936 - first half of 1937, and what new accents have been brought to two-sided and international relations.

Key words: Spanish Civil war 1936-1939, Non-Intervention policy, Non-Intervention Committee, international relations.

---

[53] Там же. Ф.011. Оп.1. П.4. Д.37. Л.26-28.

[54] Там же. Ф.69. Оп.27. Д.33. Л.89-90; Известия. 1937. 27 марта; ДВП СССР. Т.20. С.158; DBFP. 2nd ser. Vol. 18. Doc.392. P. 605.

[55] *Puzzo D.* Spain and Great Powers.1936-1941.N.Y, 1961. P.195.

УДК 94(47).084.8

К ВОПРОСУ О ЛЮДСКИХ ПОТЕРЯХ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941-1945 гг.

А.И. ИСМАИЛОВ

Южно-Казахстанский государственный университет имени М. Ауезова (Республика Казахстан, г. Шымкент)

Статья посвящена проблеме людских потерь в Вооружённых Силах Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., в том числе среди военнослужащих, призванных из Казахстана. В ней затрагиваются также вопросы историографии, источниковедения и методов научного исследования данной проблемы.

Ключевые слова: архивы, методики, история исследования проблемы людских потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне, убитые, раненые, умершие, пленные, пропавшие без вести, дезертиры, эмигранты, трудности учёта, научная полемика, данные по Республике Казахстан, задачи современных историков.

Со времени окончания Великой Отечественной войны прошло более 60 лет. Вопрос о людских потерях со стороны бывшего СССР и гитлеровской Германии обсуждался многократно, были обозначены разные подходы, приводились данные о количестве погибших и умерших воинов, потерях из числа гражданского населения в оккупированных фашистами областях и республиках Советского Союза.

В Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО, г. Подольск Московской области) в картотеке людских потерь учтено 14 507 296 чел. Автор данной статьи имел возможность лично ознакомиться с методиками учёта потерь в период войны.

В ЦАМО учёт ведётся по двум направлениям:

Первое. Движение и потери офицерского состава РККА (Рабоче-крестьянской Красной Армии).

Второе. Персональный учёт безвозвратных потерь рядового и сержантского состава, который включает более 32 тыс. архивных дел.

В годы Великой Отечественной войны учёт назначений, перемещений и потерь офицерского состава Красной Армии контролировало Главное управление кадров (ГУК МО СССР), создавшее алфавитную картотеку потерь на основании поступивших докладов и боевых донесений с фронтов. К началу 2000 г. учтено в ЦАМО 1 млн. 100 тыс. офицеров, погибших, пропавших без вести, умерших от ран и болезней (в том числе во время пребывания в плену). Офицеры и матросы Военно-морского флота СССР учтены в Центральном Военно-морском архиве (г. Гатчина Ленинградской области). Общее число флотских потерь определено архивистами в 154 771 чел.[1]

В 1966–1968 гг. исследовательская группа, созданная по поручению Министерства обороны СССР во главе с начальником Генерального штаба Вооруженных Сил генералом армии С.М. Штеменко, провела тщательный анализ имеющихся архивных и других документов, определила общее число людских потерь Действующей армии. Это – 7 миллионов человек. Однако эта цифра ещё не была окончательной.

В 1988 г., по поручению тогдашнего руководства СССР, ещё раз была проделана исследовательская работа, которую возглавил известный военный историк, доктор военных и исторических наук, генерал армии М.А. Гареев. Комиссия расширила рамки изучения документов и материалов. Ею было установлено, с учётом военнослужащих, вернувшихся из плена, что общее число безвозвратных потерь СССР составило 11 444 100 чел.; санитарных потерь – 18 344 100 чел. Демографическая утрата составила 8 666 400 чел.[2] Именно эта цифра была названа в марте 1990 г., в интервью с редактором «Военно-исторического журнала», начальником Генерального штаба ВС СССР генералом армии М.А. Моисеевым. Он показал, что в годы Великой Отечественной войны, в том числе и в ходе кампании на Дальнем Востоке против империалистической Японии, убитыми и пропавшими без вести, попавшими в плен и не вернувшимися из него, умершими от ран,

[1] См.: «Гриф секретности снят». М.: Воениздат, 1993. С.133; Военно-исторический архив. 2001. №7 (22). С.78-79.

[2] Военно-исторический журнал. 2002. №11. С.76.

по болезням, от несчастных случаев Советские Вооруженные Силы потеряли 8 668 400 чел. В том числе потери армии и флота – 8 509 300; внутренних войск – 97 700; пограничных войск – 61 400 чел.

Эта же цифра была названа в крупнейшем исследовании по людским потерям в годы Великой Отечественной войны «Гриф секретности снят», вышедшем в 1993 г. под общей редакцией генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева. Генерал Кривошеев в 1980-х гг. был начальником штаба Туркестанского военного округа, затем служил в центральном аппарате Министерства обороны. После распада СССР был депутатом Государственной Думы России.

Вопросы о человеческих потерях в военные годы, несмотря на уточнённые данные, являются темой обсуждения в научной, специальной и популярной литературе, поскольку помимо статистического значения они имеют острый политический и нравственный подтекст.

Трудности восстановления подлинной картины заключаются в том, что до последних лет не было достоверной архивной информации из официальных источников, а также отсутствовала единая система критериев учёта людских потерь в годы Великой Отечественной войны. Поэтому историки, демографы, военные статистики называли различные цифры, которые в целом не вызывали доверия. Так было, например, с 20 млн. человеческих потерь, продекларированными в середине 60-х гг., когда в Советском Союзе впервые было достойно отмечено 20-летие Победы. Указанная цифра потерь, как выяснилось впоследствии, не отражала истинного положения дел в данном вопросе.

Хочу ещё раз подчеркнуть, что встречающиеся в докладах, выступлениях и литературе данные о потерях следует использовать ответственно и осторожно. Особенно это касается данных о раненых и пропавших без вести. Ведь некоторое количество раненых воинов после излечения возвращалось в строй, другие увольнялись из Вооружённых Сил по инвалидности, а определённая часть - умирала от ран. Не менее сложным является и учёт без вести пропавших. Среди них были попавшие в плен; умершие (или всё-таки уцелевшие) в фашистских концентрационных лагерях; дезертировавшие и выехавшие в другие страны.

Учётом потерь личного состава Действующей армии в СССР занялись в начале июля 1941 г., когда в штате Главного управления формирования и комплектования Красной Армии (Главупраформ РККА) были созданы Отдел учёта персональных потерь и бюро писем. Затем, 19 апреля 1943 г. на базе этого отдела было создано Управление персонального учёта потерь личного состава Действующей армии. Материалы и документы этого Управления после войны, а, точнее, в 1965 г. были переданы в Центральный архив МО СССР. Так что полная информация, включая сведения из тыловых военных округов о военнослужащих, скончавшихся от ран, болезней и по другим причинам в госпиталях, сосредоточена в данном фонде. Кроме того, сразу после войны и до 1949 г. военные комиссариаты проводили так называемый подворный обход, когда их сотрудники ходили по дворам – по домам с персональным опросом проживающих там родных и близких не вернувшихся с войны фронтовиков, с целью выявления лиц, пропавших без вести. Военнослужащих данной категории, учтённых таким способом, в картотеке потерь насчитывается до 60 %.

По всем категориям безвозвратных потерь по состоянию на 01.11.2000 г. (исключая данные о дезертирах, осуждённых и расстрелянных) сведения имеются следующие:

Всего безвозвратных потерь рядового и сержантского состава Красной Армии – 12 434 398 чел. Неполные данные по безвозвратным потерям офицеров РККА – 751 529 чел. Из этого числа потерь погибшие из высшего офицерского состава (генералы) – 347 чел.; из числа старшего офицерского состава (майор, подполковник, полковник) – 221 382 чел.; из младших офицеров (младший лейтенант - капитан) – 529 800 чел.

В итоге потери среди рядовых и сержантов (12 434 398), офицеров и генералов армии (1 100 000); личного состава ВМФ (154 771), внутренних (97 700) и пограничных войск (61 400) достигают отметки в 13 850 000 чел.[3] Эти данные оспариваются отдельными исследователями, которые исчисляют общие потери в 11 944 000 военнослужащих[4], в том числе погибшими – 6 885 000, пленными и пропавшими без вести – 4 559 000.

Нынешним читателям, особенно пытливым молодым людям, заинтересованным в историографии вопроса, хочу подсказать, что проблему потерь в её разнообразных аспек-

---

[3] Военно-исторический архив. 2001. №7(22). С.80.

[4] См.: Военно-исторический архив. 2001. №3. С.91.

тах основательно изучал советский исследователь Б.В. Соколов[5]. Он называл следующие цифры: 8 500 000 убитых в боях; 3 300 000 погибших в фашистских лагерях; 2 600 000 умерших от полученных ранений. Однако другой автор, Р.А. Степанов приводит несколько иные данные о потерях на полях сражений[6]. Помимо этого, полезно знать, что первые статистические исследования по вопросу о людских потерях воюющих армий проводил известный советский демограф Б.Ц. Урланис[7]. Его труды не потеряли ценности и сегодня.

Остановлюсь вкратце и документально напомню историю вопроса о потерях в войне с фашистами.

Санитарное управление РККА ещё в начале войны дало распоряжение частям и соединениям Действующей армии об обеспечении быстрого выноса раненых с поля боя, своевременном оказании им необходимой помощи и незамедлительной эвакуации в армейские госпитали. Появилась также специальная директива Генерального Штаба «О мерах по улучшению выноса раненых с поля боя». Эти и другие меры, несомненно, имели большое значение для спасения жизни раненных в боях красноармейцев и командиров. Ведь недостатки в оказании своевременной медицинской помощи на фронтах, особенно в начальный период войны, бывали причиной гибели некоторой части раненых на передовых позициях.

Но, в конечном итоге, спасение жизни раненых было поставлено как дело первостепенной государственной важности. Уже в августе 1941 г. в передовой статье главной советской газеты «Правда» говорилось: «Ураганный артиллерийский обстрел, налёты воздушных пиратов, угроза очутиться во вражеском окружении, ничто не может служить препятствием, когда речь идет о спасении раненого воина»[8].

Сегодня можно к этим словам отнестись по-разному, как к пропаганде, зная горькие реалии окопной жизни миллионов солдат, ценою жизни спасавших родные земли от фашистских оккупантов. Ведь нам стали известны из документов, воспоминаний фронтовиков, да и кинофильмов «нового поколения» факты принесения многочисленных напрасных жертв на полях сражений. Однако не подлежит сомнению, что глубинный смысл той газетной передовицы, которую я процитировал, состоял в призыве к гуманизму и в организации общей заботы о раненых и контуженных фронтовиках.

В военное время впервые о потерях РККА было сказано в известном докладе Сталина на торжественном собрании в Москве 6 ноября 1941 г. Он обнародовал сведения: «...за четыре месяца войны мы потеряли убитыми 350 тысяч и пропавших без вести 378 тысяч человек, а раненых имеем 1 млн. 20 тысяч человек. За тот же период враг потерял убитыми, ранеными и пленными более 4-х с половиной млн. человек. Не может быть сомнения, что в результате 4-х месяцев войны Германия, людские резервы которой уже иссякают, - оказалась значительно более ослабленной, чем Советский Союз, резервы которого только теперь разворачиваются в полном объёме»[9]. При этом данные, приведённые в дневнике начальника Генерального Штаба Сухопутных войск Германии Ф. Гальдера, 700 тыс. убитых советских воинов[10], существенно отличаются от тех, которые прозвучали в сталинском докладе.

В целях улучшения учёта потерь в ходе боевых действий, кардинального изменения отношения к судьбе солдат и младших командиров, заместитель Народного комиссара обороны СССР Е.А. Щаденко подписал приказ № 0270 «О персональном учёте безвозвратных потерь на фронте». В нём говорилось: «Большое количество писем в ЦК ВКП (б) и в Наркомат обороны от граждан, справляющихся о судьбе своих близких, родственников на фронтах, свидетельствует, что учёт личного состава, в особенности учёт потерь, ведётся в Действующей армии неудовлетворительно». В приказе отмечалось «большое несоответствие между данными численного и персонального учёта потерь. На персональном учёте в настоящее время состоит не более одной трети действительного числа убитых». Такова была горькая правда, указанная в приказе Е.А. Щаденко. Поэтому и до сих пор возникают дискуссии между историками, когда речь заходит о численности потерь военнослужащих: фактические потери, видимо, превышают данные персонального учёта.

---

[5] Соколов Б.В. О соотношении потерь в людях и боевой технике на советско-германском фронте в ходе Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1988. №9. С.116-126.

[6] См.: Военно-исторический журнал. 1989. №6. С.38-42.

[7] Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. Историко-статистическое исследование. М., 1960.

[8] Медицина на службе фронта // Правда. 1941. 9 августа.

[9] Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. М., 1948. С.20.

[10] Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1971. Т.3. Кн.2. С.41.

Это важно подчеркнуть, так как неполный учёт потерь был характерен для начального периода Великой Отечественной войны, когда части и соединения РККА вынуждены были отходить, оставляя противнику не обследованным поле боя, да и нередкими бывали случаи пленения фашистами советских воинов.

Кроме того, нельзя не сказать и о том, что в Управление по учёту потерь не сообщались данные об умерших военнослужащих, мобилизованных на объекты оборонного назначения. Эти данные сосредоточивались в военных отделах партийных комитетов. Из Казахстана и республик Средней Азии на предприятия и стройки Урала, Сибири и Поволжья было отправлено значительное количество призывников старшего возраста. Точный учёт этой категории мобилизованных надо выявить в архивных фондах этих республик, а также больниц и госпиталей Министерства здравоохранения. К сожалению, мы сегодня не имеем полной картины о ходе, количестве и особенностях мобилизации казахстанцев, о точном числе потерь в войну по республике.

Содержательная и в научном отношении выверенная Книга памяти Казахстана[11] даёт данные по названным вопросам. Ценные, но не полные. Так, всего мобилизовано по Казахской ССР за 1938-1945 гг. – 1 366 164 чел., из них в 1941-1945 гг.- 1 196 164 чел. Но по 4 областям данных нет. Безвозвратные потери – 601 011 чел., пропали без вести – 271 503. Казахов призвано из 10 областей – 268 143, безвозвратные потери – 158 831 чел.; русских (соответственно): 239 077 и 109 912. В книге «Боздактар» подытожены данные о мобилизованных в ряды Вооруженных Сил из Казахстана. Они составили 21,2 % всего населения республики на начало 1941 года (6 425 000 человек). На начало января 1943 г. в армии и на флоте служили 177 455 и в госпиталях находились на излечении 21 714 воинов-казахов, всего 199 169 чел. Казахи составили 1,5 % всех погибших советских военнослужащих. На фронтах войны погибло русских 5 747 100 или 66,3 %; украинцев – 1 376 500 или 15,4 %; белорусов – 251 400 или 2,9 %; татар – 183 300 или 2,2 %; евреев – 138 700 или 1,6 % от общего числа военнослужащих СССР[12].

Неполный характер данных по Казахской ССР объясняется и тем, что западные области республики в годы войны входили в состав Южно-Уральского военного округа (Управление и штаб в г. Оренбурге). Сведения по Гурьевской (ныне Атырауской), Мангистауской и Западно-Казахской областям требуют уточнения, так как в Казахский Республиканский военный комиссариат (Казвоенком) данные от этих областей о ходе мобилизации поступали нерегулярно, потому они и оказались недостаточно полными[13].

Такова картина по призыву, а также учёту потерь – погибшими и пропавшими без вести. Историкам предстоит ещё немало потрудиться, чтобы получить более полные сведения о судьбе призванных в Вооружённые Силы из Казахской ССР, да и из других советских республик, ибо массовая мобилизация в ряды армии и флота проводилась по всей великой стране.

ON THE LOSS OF LIFE IN THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941- 1945

A.I. ISMAILOV

South-Kazakhstan State University named after M.Auezov

The article deals with the casualties in Soviet troops at the time of the Great Patriotic war of 1941-1945 focusing on conscripts from Kazakhstan. The article touches upon historiography, source study and methods of scientific research of this problem.

Key words: Archives. Research methods. History of Soviet casualties study in the Great Patriotic war. Killed. Wounded. Dead. Prisoners of war. Missing. Deserters. Emigrants. Problems of accounting. Scientific dispute. Data on the Republic of Kazakhstan. Problems facing modern historians.

[11] Боздактар. Книга памяти Казахстана. Сводный том. Алматы, 1995.
[12] Там же. С.272-274.
[13] ЦАМО. Ф.158. Оп.12 829. Д.48. Л.172.

УДК 940.53

РЕАЛИЗАЦИЯ СОВМЕСТНЫХ ПРОЕКТОВ УЧЕНЫМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАН ЕС ПО ПРОБЛЕМАМ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙН

С.И. ФИЛОНЕНКО[1)]
Т.В. ФИЛОНЕНКО[2]

[1)] Воронежский государственный аграрный университет им. К.Д. Глинки

[2)] Воронежский государственный педагогический университет

В работе анализируется процесс международного сотрудничества историков Воронежского государственного аграрного университета имени К.Д. Глинки с учеными ФРГ, Италии, Венгрии и других стран Европейского Союза по проблемам истории Второй мировой войны. Рассматривается совместная работа по организации научных конференций, изданию монографий, научных трудов, сборников документов периода войны. Освещается ход совместных проектов по подготовке телефильмов, сотрудничеству музеев, анализируются некоторые аспекты военно-мемориальной работы в Центральном Черноземье России.

Ключевые слова: история войны, Россия, страны ЕС, сотрудничество.

В настоящее время широкое распространение получили попытки фальсификаторов переписать историю Великой Отечественной и Второй мировой войн, выхолостив ее сущность – решающий вклад СССР в разгром армий гитлеровской Германии, ее сателлитов, и спасение мира от коричневой чумы. Казалось бы любой здравомыслящий человек, сопоставив цифры и факты, характеризующие ход боевых действий на фронтах, согласится с тем, что Восточный фронт был главным фронтом Второй мировой войны. Ведь военные действия на советско-германском фронте отличал несравнимый пространственный размах. Его протяженность в 1941 г. составляла около 4 тыс. км, а в 1942 г. превысила 6 тыс. км, в то время как западный фронт составлял 800 км, североафриканский – 350 км, итальянский – 300 км. Из 1418 суток существования советско-германского фронта активные боевые действия на нем велись 1320 суток, на итальянском фронте из 663 суток – 492, на западном из 338 суток – 293, на североафриканском из 973 суток – 309. На советско-германском фронте было осуществлено 37 крупномасштабных наступательных операций со стратегическими целями, на западном – 6, на итальянском и североафриканском – по 3[1].

Но и в странах ЕС так же существуют ученые, которые строят свои научные изыскания на строго документальной основе, широко используя архивные документы. Они ведут поиск истины, отвергая приоритет политических оценок и ярлыков прошлого в процессе исторического познания. С такими учеными в начале XXI в. началось сотрудничество коллектива кафедры истории Отечества Воронежского государственного аграрного университета им. К.Д. Глинки. Связано это с тем, что на Верхнем и Среднем Дону, на территории Воронежской области против частей Красной Армии воевали армии не только гитлеровской Германии, но и фашистской Италии, а также хортистской Венгрии.

В городе Россоши Воронежской области в годы войны располагался штаб 55-тысячного итальянского альпийского корпуса. Из его четырех дивизий, 3 были разгромлены, а их командиры генералы Баттисти, Реканьо и Пасколини оказались в советском плену. Они были единственными итальянскими генералами, взятыми в плен за всю Великую Отечественную войну. Это поражение является самым крупным за всю более чем 200-летнюю историю итальянских альпийских войск. По этому, к 50-летию этих событий, в 1993 г. в Россоши в знак примирения и дружбы Национальной ассоциацией итальянских альпийских стрелков на собственные средства был построен детский сад «Улыбка». Через 10 лет в парке рядом с детсадом итальянцы и русские установили памятный знак с надписью «От трагического прошлого через дружественное настоящее к будущему братского сотрудничества». К этому времени относится проведение в итальянском городе Тренто по инициативе общества итало-российской дружбы «Искра» научной конференции «Dalla parte di Ivan» по проблемам истории Второй мировой войны. Именно из этого

[1] Белоусов А. Эта Победа – наша! // Красная звезда. 2005. 20 окт.

города в 1942 г. более 200 эшелонов с техникой и войсками Муссолини отправил на Дон, но в 1943 г. только 12 эшелонов возвратились домой[2]. Это была вторая научная конференция по данной тематике, а первая была организована Институтом сопротивления в Кунео в 1979 г.

Ученые Воронежского государственного аграрного университета приняли участие в конференции в Тренто, и с этого момента такие научные форумы стали проводиться регулярно. В 2005 г. в честь 60-летия Великой Победы в Воронеже прошла международная научная конференция «Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне», в которой приняли участие 250 ученых и ветеранов из 6 стран. В приветствии, направленном участникам конференции Председателем Государственной Думы Российской Федерации Б.В. Грызловым говорилось: «В вашей научной конференции принимают участие не только историки России, Украины Белоруссии, заслуженные ветераны Великой Отечественной войны, но и специалисты из Германии, Италии, Венгрии. Это глубоко символично и знаменательно. За прошедшие 60 лет в Европе произошли огромные перемены, и страны, которые когда-то противостояли друг другу в ходе Второй мировой войны, теперь вместе решают многие насущные проблемы. Между нашими странами осуществляется разностороннее взаимодействие, в котором участвуют и военные историки. Будем рассчитывать на то, что в результате совместных исследований история Второй мировой войны получит более полное и объективное освещение. Это важно в русле наших общих усилий по укреплению мира, безопасности и сотрудничества на европейском континенте»[3]. Этим мыслям созвучно и обращение к научному форуму полковника М. Мултари, начальника исторической службы Генерального штаба сухопутных войск Министерства обороны Италии: «Воспоминания этих трагических событий должны передаваться потомкам и остаться жить в будущих поколениях. Память о тех, кто отдал свои жизни за Родину и за освобождение своей страны от фашизма, будет храниться вечно. Поэтому я с большим удовольствием согласился принять участие в международной конференции «Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне»[4].

В апреле 2008 г. в Воронеже под эгидой Генерального штаба Вооруженных сил России состоится международная научная конференция «Война на Дону. 1942-1943 гг.», в которой примут участие представители 12 стран СНГ и Европейского Союза. Совместные научные конференции ученых ЕС и стран СНГ будут проводиться и в будущем. Очередная конференция пройдет в Будапеште или Тренто.

Следующим направлением научного сотрудничества являются совместные публикации. В частности, материалы конференции 2003 г. были изданы в Италии в одном томе на итальянском и русском языках[5]. Таким образом, студенты лингвистического лицея «Леонардо да Винчи» (ассоциативный член ЮНЕСКО) изучают русский язык по докладам русских ученых. Студенты факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета изучают итальянский язык по докладам итальянских ученых. В 2003 г. воронежскими и итальянскими историками в Милане были опубликованы протоколы опросов итальянских генералов, взятых в плен войсками Воронежского фронта[6]. В 2007 г. в Тренто итальянским историком Дж. Скотони опубликована монография «Красная Армия и итальянское поражение»[7]. На обложке указано: «В сотрудничестве с Воронежским государственным аграрным университетом (ВГАУ)». Она состоит из трех частей: а) собственно текста итальянского ученого; б) фрагментов мемуаров советских полководцев, воевавших против 8-й итальянской армии; в) фрагментов некоторых работ советских и российских историков по данной теме. В обращении к читателям глава итальянского Сената Франко Марини указал: «Хочу выразить свое самое искреннее уважение к историческому исследованию, проведенному Джорджо Скотони и историками Воронежского агроуниверситета по военным событиям на Среднем и Верхнем Дону, когда

---

[2] Dalla parte di Ivan. Il racconto della ritirata del Don a confronto con la storia locale Russa. Trento: ISKRA, 2003. P.97.

[3] Цит. по: Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне: Материалы международной научной конференции. Воронеж: ФГОУ ВПО ВГАУ, 2006. С.10.

[4] Там же. С.17.

[5] Dalla parte di Ivan. Il racconto della ritirata del Don a confronto con la storia locale Russa. Trento: ISKRA, 2003.

[6] Calendario del popolo. №683. Febbraio 2004.

[7] Scotoni G. L'Armata Rossa e la disfatta italiana (1942-43). Trento: Casa Editrice PANORAMA, 2007.

советское наступление смело и уничтожило 8-ю Армию с такими потерями человеческих жизней, которых не знала история итальянских Вооруженных Сил». Книга стала бестселлером в Италии, и сейчас готовится к выходу в свет ее второе издание.

В настоящее время ученые кафедры истории Отечества ВГАУ, совместно с историками университета Тренто, работают над проектом «Письма с русского фронта». Российскими учеными в Воронеже найдена коллекция писем из Италии, которые не были доставлены итальянским военнослужащим, воевавшим на Дону, т.к. были перехвачены наступающими советскими войсками. В Италии найдены письма, которые не попали адресатам из-за фашистской цензуры. Этот совместный труд российских и итальянских ученых будет способствовать сохранению исторической памяти о той войне.

Огромный интерес в Италии вызывает совместный российско-итальянский проект по публикации сборника документов, содержащего трофейные материалы, захваченные советскими войсками в начале коренного перелома в войне. Его рабочее название: «1942 год: закулисье 8-й итальянской армии на Дону». Книга должна выйти в свет в 2008 г.

ВГАУ имеет договоры о сотрудничестве и активно работает с Историческим национальным музеем войны (г. Роверето) и Национальным музеем альпийских войск в Тренто. В течение пяти лет российские делегации посещают эти музеи, реализуя совместные проекты. На их базе так же проходят презентации книг воронежских историков. Кроме того, аналогичные презентации прошли в Риме и Флоренции.

Российские и итальянские историки совместно осуществляют научное сопровождение и консультирование документальных телефильмов. В частности, съемочная группа из Флоренции под руководством Р. Соттили снимает документальный фильм «Россия-Италия: фронт памяти», рассказывающий о трагедии 8-й итальянской армии в России.

Первый канал немецкого телевидения WDR также снимает телефильм «Тихий Дон» (режиссер Ш. Тольц), значительная часть которого будет посвящена боям под Воронежем, на Дону в 1942-1943 гг.

Но первыми на этом поприще были венгерские тележурналисты. В 2003 г. в Воронеже они сняли два телефильма «Зеркало Дона» и «Наши могилы смотрят на Дон» (режиссер П. Эрдели). Это связано с тем, что в 1943 г. под Воронежем погибла 200-тысячная 2-я венгерская армия. На двух центральных кладбищах венгерских военнослужащих в с. Рудкино Хохольского района и Болдыревке Острогожского района захоронено около 26 тыс. мадьяр. Летом 2007 г. посещая эти места, Министр обороны Венгерской Республики Имре Секереш на вопрос авторов данной статьи о количестве контрактников в современной венгерской армии назвал цифру 25 тыс. чел. По этому так многогранно сотрудничество российских историков с венгерскими коллегами. Военно-исторический институт и музей Министерства обороны Венгерской Республики предоставляет россиянам возможность для проведения научно-исследовательских работ в фондах архива и музея. Его генеральным директором генерал-лейтенантом Й. Холло в дар музею ВГАУ передана коллекция стендов, содержащих информацию о всех захоронениях советских воинов на территории Венгрии. В течение пяти лет обществом венгеро-российской дружбы г. Пакша осуществляются культурные обмены студентами и преподавателями, с посещением мест боев периода Второй мировой войны. В посольстве Венгерской Республики в Москве в период с 2003 по 2007 гг. проходили презентации трудов военных историков ВГАУ. В 2008 г. аналогичная презентация состоится в Будапеште.

Очень перспективным направлением сотрудничества является подготовка соискателями из стран ЕС кандидатских диссертаций под руководством российских профессоров. Имеющийся опыт с Италией и ФРГ вселяет оптимизм.

Сегодня в черте города Воронежа находится 46 братских могил, в которых покоится прах 26 791 советского солдата и офицера. Они в течение 212 дней сражались и гибли на его улицах и площадях, разделенных линией фронта на две части. Ежегодно на территории Центрального Черноземья поисковые отряды находят и предают земле останки ранее неизвестных героев.

Никак не поставят точку в той войне и страны, чьи солдаты в составе оккупационных войск пришли 65 лет назад на донскую землю. За последние годы останки около 10 тыс. итальянских солдат и офицеров были эксгумированы в России и отправлены на родину. Только в начале XXI в. в Венгрии был открыт общенациональный монумент, посвященный погибшим на Дону гонведам. И только в 2009 г. планируется официально открыть сборное кладбище немецких военнослужащих на 12 тыс. человек в с. Беседино Кур-

ской области. Впереди еще очень много работы как для правительств - стран участниц Второй мировой войны, так и для военных историков.

Главное, чтобы мир помнил уроки той страшной войны. Из века в век русские повторяют: «Кто с мечом к нам придет – от меча и погибнет!». И из века в век так и происходит. Почему? Потому что многие власть имущие не учатся на чужих ошибках, пренебрегая уроками истории.

THE REALIZATION OF THE JOINT PROJECTS OF THE SCIENTISTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE SCIENTISTS OF THE EUROPEAN UNION ON THE ISSUES OF THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC AND THE SECOND WORLD WARS

S.I. FILONENKO[1)]
T.V. FILONENKO[2)]

[1)] Voronezh State Agricultural University after K.D. Glinka

e-mail: *S.Filonenko@diip.vsau.ru*

[2)] Voronezh State Pedagogical University

e-mail: an@vsau.ru

The process of the international cooperation of the historians of Voronezh State Agricultural University after K.D. Glinka with the scientists from Germany, Italy, Hungary and other countries of the European Union on the issues of the Second World War is analyzed in the article. The authors consider the joint work towards the organization of scientific conferences, publications of monographs, scientific works, collections of documents for the Second World War period. The passage of the common projects towards the preparation of the television films, the cooperation between museums is illustrated; some aspects of military-memorial activity in the Black Soil Region of Russia are examined.

Key words: military history, Russia, the countries of the European Union, cooperation.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

УДК 930.1

РОЛЬ «НЕМЕЦКОГО ОБРАЗЦА» В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ РОССИИ XIX ВЕКА: ОЦЕНКИ И МНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ И ИСТОРИОГРАФИИ*

С.И. ПОСОХОВ

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

В статье анализируются оценки и мнения, которые прозвучали в российской публицистике и историографии о роли и степени влияния немецких университетов на процесс становления и развития университетов Российской империи. Делается вывод, что данный вопрос в литературе был увязан не только с решением практических задач, но и имел идейно-политическую направленность, так как многие оценки определялись политическими пристрастиями, определенным пониманием исторического пути развития России. Отмечается также, что вопрос заимствования опыта связан со сложным процессом становления национального самосознания, долгое время он решался в контексте проблемы «своей» и «чужой» культуры. В настоящее время актуальной видится задача глубже изучить процесс трансфера идеи университета, адаптации соответствующих идей и форм на местном уровне, усвоения устоявшихся и развития новых университетских традиций.

Ключевые слова: Российские и немецкие университеты, публицистика, историография

Собственно, немецкое влияние на процесс становления и развития российских университетов как таковое не отрицалось никогда. Вместе с тем, оценки этого влияния на различных историографических этапах были весьма различны. Современная историография во многом продолжает нести на себе груз этих оценок.

Очевидно, что такие мнения о роли «немецкого образца» звучали уже с момента создания первого университета в Российской империи (их можно обнаружить в переписке, воспоминаниях, оставшихся неопубликованными заметках и рассуждениях). Однако эти мнения не имели и не могли иметь общественного резонанса, так как оставались известны лишь

* Исследование выполнено в рамках научного проекта, поддержанного Германским историческим институтом в Москве.

узкому кругу лиц. Для примера приведем мнение Н.М. Карамзина, высказанное в его «Записке о древней и новой России»: «Вся беда от того, что мы образовали свои университеты по немецким, не рассудив, что здесь иные обстоятельства. В Лейпциге, в Геттингене надобно профессору только стать на кафедру – зал наполнится слушателями. У нас нет охотников для высших наук…»[1]. Характерно, что его «Записка», написанная в 1811 г., впервые была опубликована в Берлине в 1861 г., а в России была опубликована полностью только в 1900 г. (отдельным изданием – в 1914 г.). Впрочем, имеющаяся информация, относящаяся к первой половине XIX в., позволяет говорить о периодах увлечения «немецким образцом» (1810-е и 1830-е гг.), а также периодах «отката» (1820-е и 1840-е гг.). Определенные сведения в этом плане в 1830-е – 1840-е годы дает и публицистика.

Как известно, в 1834 г. началось издание «Журнала министерства народного просвещения». Проблемы университетов в нем хотя и затрагивались, но не имели самостоятельного звучания. Тема заимствования западного опыта находит свое выражение в отдельных высказываниях. Так, в одной из статей утверждается, что в деле развития университетов «Россия охотно уступает это первенство старшим сестрам своим [имеются ввиду страны Западной Европы. – С.П.], открыто признает себя их ученицею и всегда готова принимать с благодарностью истинное просвещение, ей сообщаемое, не смотря на то, каким путем оно доходит к ней»[2]. Однако в 1840-е гг. наблюдаются уже иные взгляды на западное влияние. Так, М.П. Погодин и С.П. Шевырев в «Москвитянине» высказались следующим образом: «Два направления видны во всем движении русского образования. Они должны отразиться противоположными образами мыслей и в литературе. Одни признают западноевропейское образование почти единственным источником, из которого должна черпать жизненные силы наша Россия, другие, напротив, полагают, что Отечество наше только на самого себя и через самого себя при содействии старших учителей, должно и может развивать свое образование»[3]. Конечно, это более общий взгляд на «просвещение вообще», но вскорости будет поставлен вопрос и об университетах. К слову, даже в приведенных цитатах также можно обнаружить немецкое влияние, если вспомнить «Речи к немецкому народу» И.Г. Фихте, где звучала идея о построении национального государства и воспитании национального характера через образовательную систему государства. Идеи Фихте имели немало приверженцев и в России.

В 1848 г. университеты окажутся в центре внимания российского правительства, ибо в Европе они станут очагами революции. После того, как в 1849 г. в «Современнике» появилась статья анонимного автора «О назначении русских университетов», не содержавшая в себе ничего предосудительного, министр народного просвещения С.С. Уваров получил «Высочайший выговор» и «Высочайшее повеление» о решительном запрещении печатать «за университеты и против них». Осенью 1849 г. Уваров выйдет в отставку.

Объектом общественного внимания данная тема стала с середины XIX в., когда собственно и возник так называемый «университетский вопрос». К.Д. Кавелин, Н.Х. Бунге, Н.И. Пирогов и некоторые другие стали теми авторами, которые в своих публицистических произведениях конца 1850-х – 1860-х гг. не только подняли вопрос о степени немецкого влияния на российские университеты, но и пытались увязать этот вопрос с направлением дальнейших университетских реформ.

Б.Н. Чичерин еще в 1856 г., в самом начале дискуссии, выступил в «Русском вестнике» со статьей, в которой недвусмысленно определил свою позицию: «если мы хотим призвать народ к просвещению, к науке, мы не должны твердить ему: будь своеобразен, вырабатывай свои воззрения, отличные от других». Он считал, что «русскому народу надобно твердить одно одно: учись, учись и учись! А для этого нужно усвоить науку западную», поскольку «мы – отсталая единица новейшей образованности»[4].

В своих публицистических произведениях авторы этого времени обосновывали свой акцент на западном опыте тем, что уже само зарождение университетской идеи произошло не в ходе развития отечественной традиции, а западноевропейской. Соответственно, пер-

---

[1] Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. М., 1991. С.66.

[2] Фишер А. О ходе образования в России и об участии, какое должна принимать в нем философия // ЖМНП. 1835. №1. С.38.

[3] Шевырев С.П. Критический перечень произведений русской словесности за 1842 год // Москвитянин. 1843. Ч.1. №1. С.282.

[4] Чичерин Б.Н. О народности в науке // Русский вестник. 1856. Т.3. Кн.1. С.68, 71.

вым шагом в направлении правильного реформирования российских университетов публицисты считали знакомство «с современным положением европейских университетов, которые послужили образцом для устройства наших» (к этому призывал, например, Г.Е. Благосветлов[5]). Молодой тогда еще публицист М.Н. Катков в 1864 г. писал, что для того, чтобы «быть наравне с немцами, французами и англичанами, мы непременно должны учиться всему тому, чему учатся немцы, французы и англичане»[6]. Можно сказать, что такой взгляд на прошлое, настоящее и будущее российских университетов объединял многих людей того времени, которые готовили реформы или готовились к ним.

Помимо обсуждения общего вопроса об использовании «западного опыта», применительно к проблеме реформирования российских университетов, снова встал вопрос о лучшей университетской модели. Большинство авторов второй половины XIX – начала XX в. продолжали видеть таким образцом немецкие университеты. Аргументы выдвигались очень разные. Например, в 1860-е гг. А.А. Чумиков необходимость заимствования традиций и устройства именно немецких университетов мотивировал тем, что «в самом нашем славянском характере… более соответствия и сочувствия порядкам и направлению германских университетов»[7]. Но все же большинство авторов и в эти годы, и в начале XX в. акцент делали на том, что «немецкие университеты стали нормой для университетов всего цивилизованного мира»[8].

Проблема поиска «идеального университета» ставилась не только в ходе полемики, но и в качестве серьезной научной задачи. К.Д. Кавелин специально был направлен для изучения опыта функционирования европейских университетов. Симпатии его оказались на стороне немецких университетов. Он акцентировал внимание на главном преимуществе немецкой системы: «Свобода науки, мысли, преподавания и учения есть единственно правильное начало университетской организации»[9].

Вполне резонно вследствие этого, возникал вопрос о том, насколько российские университеты отличаются от этого идеала. Кавелин подчеркивал, что „организация немецких университетов с первого взгляда… мало чем отличается от принятой у нас», однако эта схожесть только внешняя, так как под одними и теми же названиями кроется тут и там разное содержание»[10]. Он считал, что устройство и управление немецких университетов, которые были заимствованы российскими университетами, «как и всякое заимствование, на новой почве потеряло свой исторический характер»[11]. Для того, чтобы действительно достичь уровня Европы, К.Д. Кавелин считал необходимым «создать у себя такое же отношение к знанию, науке, которое существует там»[12]. Такой взгляд станет весьма характерным (впрочем, вспомним Карамзина!). Не удивительно, что часто в работах речь шла об академической свободе, которая вообще понималась как интеллектуальная свобода, как свобода личности, мысли. В поисках не только университетских, но и общественных идеалов авторы смотрели в сторону Запада, университеты были хорошим поводом для этого.

Однако были и такие авторы, которые настаивали на заимствовании прежде всего всех основных принципов организации немецких университетов. Данный подход в полной мере проявится в 1870-е гг. Так, Н.А. Любимов, определяя общий тип российских университетов как такой, что был создан по немецкому образцу[13], обращал внимание на отступления от известных принципов немецкой образовательной системы. Он писал о том, что «в

---

[5] Благосветлов Г.Е. О значении университетов в системе народного воспитания // Русская старина. 1861. №12. Отд.1. С.2.

[6] Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1864 год. М., 1887. С.396–397.

[7] Чумиков А.А. Чего мы желаем от наших университетов? // Воспитание. 1860. Т. 7. № 4. С.263.

[8] Сперанский Н. Кризис русской школы: Торжество политической реакции. Крушение университетов. М., 1914. С.4.

[9] Кавелин К.Д. Свобода преподавания и учения в Германии // Кавелин К. Д. Собр. соч. СПб., 1899. Т. 3. Стб.9.

[10] Кавелин К.Д. Устройство и управление немецких университетов // Кавелин К.Д. Собр. соч. СПБ., 1899. Т.3. Стб.92, 93.

[11] Там же. Стб.102.

[12] Кавелин К.Д. Наш умственный строй // Кавелин К.Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С.317.

[13] Любимов Н.А. Мой вклад. Статьи, записки, чтения, заметки. Т.1. Университетский вопрос. М., 1881. С.425.

наших университетских уставах и правилах по отношению к преподаванию и экзаменам в их взаимной связи издавна господствует смешение начал школьной системы [французской. – С.П.] с свободною системой германских университетов»[14]. Он подчеркивал, что со временем все больше возрастает противоречие между «германским типом наших университетов» и системой экзаменов, «несогласной с академической свободой преподавания и слушания»[15]. Кроме того, он обратил внимание на существование иных, неуниверситетских учебных заведений, которые дают немалые преимущества своим воспитанникам при прохождении службы. Соответственно, он констатировал тот факт, что «наши университеты» находятся в менее благоприятных условиях, нежели в Германии[16]. В своем стремлении во всем следовать образцам немецких университетов Любимов затронул и такие болезненные вопросы, как систему управления (полномочия университетского совета) и право назначения профессоров министром. Его позиция последовательно придерживаться немецкого опыта была воспринята либерально настроенными публицистами как провокационная. В его настроениях увидели стремление власть предержащих начать поход на университетскую автономию.

Отчасти с этим можно связать тот факт, что на смену всеобщему увлечению немецкими университетами, приходит их критика, впрочем, поначалу весьма сдержанная (авторы начинают говорить о возможности и праве иметь отличия в устройстве российских университетов).

Характерными в этом плане являются оценки и мысли известного историка В.И. Герье[17]. Он писал: «Теперь давно уже перестали спорить о лучшей организации государства и о лучшем образе правления, потому что убедились, что это вопрос не философский, а исторический и практический. Ту же аксиому следует применить и к вопросу об университетах. Лучшая для них организация та, которая наиболее соответствует местным условиям, удовлетворяет общественному мнению, наиболее обеспечивает самостоятельность науки, наиболее охраняет ее от давления на нее различных посторонних интересов»[18]. Герье отмечал не только «свет», но и «тени» «немецкого устройства». Хотя, следует подчеркнуть, что в большей степени исследуя «тени» (т.е. некие пережитки старины, сохранившиеся в немецких университетах), он неоднократно подчеркивал позитивное движение немецких университетов к большей автономии относительно администрации[19] (каждый стремился видеть то, что ему хотелось!). Кроме того, он обращал внимание на свободу преподавания, богатство учебной базы. Процветание немецких университетов он связывал с высокой духовной культурой немецкой нации – свободой мысли и слова[20].

Таким образом, в этом случае вопрос очевидно переводился из сугубо университетской плоскости в широкий социальный контекст. Связь идейных убеждений и оценок западного влияния на российские университеты достаточно сильно выражена в творчестве многих авторов того времени.

Начиная с 1880-х гг., стали звучать голоса о том, что вообще следует прекратить копировать опыт западноевропейских университетов (как выразился В. Модестов, «рабское подражание порядкам, существующим в немецких университетах»[21]). Появилось и мнение о том, что уже настала пора для создания «такого нового устава для наших университетов, который был бы всецело проникнут русским началом, а не представлял собой более или менее удачную копию европейских, в особенности немецких, уставов»[22]. Однако, не следует думать, что эта тенденция отражала лишь усиление «патриотических чувств» среди публицистов. Напомним, что в своем стремлении изменить устав 1863 г. консервативные идеологи университетской политики начали апеллировать к европейскому, прежде всего, - немецкому опыту. Это и вызвало соответствующую реакцию. Не имея возможности отбросить такие традиционно привлекательные понятия как «академическая свобода» или «свобода преподавания», либеральные публицисты сосредоточи-

---

[14] Там же. С. 94.
[15] Любимов Н. А. Мой вклад. С. 122.
[16] Там же. С. 312.
[17] Герье В.И. Свет и тени нашего университетского быта // Вестник Европы. – 1876. №2. С.702.
[18] Герье В.И. Наука и государство // Вестник Европы. 1876. №11. С.345.
[19] Герье В.И. Свет и тени нашего университетского быта // Вестник Европы. 1876. № 2. С.647, 659.
[20] Там же. С.691.
[21] Модестов В.И. Университетский вопрос // Наблюдатель. 1882. №2 (февр.). С.60.
[22] «Университетский вопрос» и наши университеты // РВ. 1897. Т.249. № 6. С.394.

лись на критике «примитивного заимствования». Так, уже упоминавшийся В. Модестов, критикуя Любимова, писал: «Все своеобразности немецкой жизни в его глазах имеют вид авторитета, перед которым можно только склоняться...»[23]. И далее: «германская система преподавания не есть такой талисманом при помощи которого только и возможны успехи науки и просвещения, это доказывают другие западно-европейские страны с высокой культурой и совершенно различными системами преподавания в высших учебных заведениях»[24]. Следует также учесть, что это было время, когда возникла Германская империя с консервативным политическим режимом, и теперь такие сюжеты (с заимствованием опыта) некоторым либерально настроенным авторам показались тем более нежелательными. Впрочем, это не означает, что с этого времени поиск идеала университета в Германии прекратился. И в начале XX века немало авторов указывало на полезный немецкий опыт[25]. Важно отметить тенденцию – хотя противопоставление «свободных западных» и «угнетенных российских» университетов продолжалось, но акценты сменились. Характерным для начала XX в. (особенно накануне и с началом Первой мировой войны) становится осуждение «пресмыкательства перед заграницей», выдвигается требование проявлять больше настоящей любви и уважения «к своему родному», советовалось перенимать чужой опыт «с умом»[26]. К слову, такой позиции придерживались авторы разных идейных убеждений (хотя, естественно, в большей степени – представители консервативного идейного направления).

Таким образом, можно констатировать, что поиски идеала университета (и соответственно оценки роли влияния немецких университетов, «немецкого образца») в дореволюционное время в значительной мере определялись политическими пристрастиями и стремлением найти ту модель университета, которая бы соответствовала этим идейным ориентирам, видам на возможную модернизацию российского общества. Как пишет один из современных авторов, «В Российской империи, социомодернизация которой разворачивалась по сценариям «развития вдогонку», университетский вопрос приобрел явственную идейно-политическую направленность. Формирование и эволюция университетской системы в немалой степени отражали противоборство реформаторских и традиционалистских, охранительных тенденций развития российского общества»[27].

Изменение интереса к коллективному минувшему в 1920-е – 1930-е гг., когда в основу интеллектуальных конструкций было положено противопоставление прошлого и настоящего, привело к тому, что мы имеем, пожалуй, наиболее последовательный вариант критики идеи университета как такой на основе классового подхода и принципов утилитаризма.

Кризис российского дореволюционного университета, о котором неоднократно упоминалось в литературе этого периода, станет видеться как кризис всего старого европейского университета. Считалось, что российский университет был взят на Западе в готовом виде, поскольку Россия отставала в своем развитии. К тому же это была копия, которая конечно хуже оригинала: «к началу революции мы имели в царской России дурную копию германской системы, отличающуюся от последней своей сравнительной тусклостью»[28]. В этот период в истории европейских университетов искали такие факты, которые должны были доказать их отсталость, а то и реакционность. Так, в частности, в литературе позитивно оценивался факт закрытия университетов после Великой французской революции, считалось, что история полностью оправдала этот акт. Отмечалось, что немецкие университеты выступали и выступают как «хранители глубокой буржуазно-монархической реакции», с большим подозрением относятся к передовым реформам в системе образования[29], к демократизации науки и

---

[23] Модестов В.И. Университетский вопрос // Наблюдатель. 1882. №2. С.69.

[24] Модестов В.И. Университетский вопрос // Наблюдатель. 1882. №2. С.72.

[25] Симоненко Г.Ф. Возможно ли возрождение наших университетов при сохранении в них нынешней системы преподавания. Варшава, 1901 и др.

[26] Сперанский Н. Кризис русской школы. С.80, 134, 74.

[27] Бухараев В.М. Классический университет: откуда и куда? // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство. Казань, 2005. С.5–6.

[28] От гимназии к профшколе, от университета к техникуму и институту // Путь просвещения. 1924. №10 (20). С.58. Подпись: М.А.

[29] Гринько Г. Очерк истории и системы профобра // Путь просвещения. 1923. № 6. С.42; Гринько Г. Наш путь на Запад // Путь просвещения. 1923. №7-8 (15-16). С.9.

школы[30]. Естественно это объясняли глубоким кризисом педагогической мысли, который в свою очередь связывали с кризисом всего капиталистического общества. Университет вообще стал видеться символом отсталости. Интересным в связи со сказанным является такое утверждение: «Если бы революционное движение на Западе в своих школьных преобразованиях резко разбило-раскололо университет, то мы могли бы с уверенностью говорить, что пред нами революционная борьба, аналогичная нашей, с аналогичным же успехом»[31]. В противовес европейскому университету иногда приводили пример американских университетов, которые включали технические факультеты. Более передовой, с точки зрения этих авторов, характер американских университетов объяснялся тем, что в Америке капитализму не мешали остатки феодализма[32]. Но, в целом, можно утверждать, что проблема связи российских и немецких (европейских) университетов не виделась как сколько-нибудь важная, так как университет как таковой был отнесен к пережиткам старины. Во второй половине 1930-х гг. оценки университета будут несколько смягчены, но, одновременно, еще более критично станет оцениваться западный университет. Например, отмечалось, что положение «демократических» студентов на Западе – хуже чем в царской России[33]. Такое противопоставление усилится в ходе т.н. «патриотических» тенденций второй половины 1940-х гг.

Во второй половине XX в. тема немецкого влияния на российские университеты не привлекала советских исследователей. Вообще можно считать, что сравнение российских и западноевропейских университетов отбрасывалась как научная задача. Об этом может свидетельствовать следующая цитата из работы Г.И. Щетининой, которая, характеризуя взгляды П.Н. Милюкова, писала: «Анализ правительственной политики в отношении к университетам он сводил к *искусственному* сравнению университетского строя в России с исторически сложившимися типами западноевропейских университетов. [...] Вигляд на иностранные университеты как своего рода образцы организации высшего образования был впервые обоснован К.Д. Кавелиным в соответствии с характерными для либералов поисками политических идеалов на Западе»[34]. Но не только с либералами связывали интерес к западноевропейскому университетскому опыту. Советские исследователи в не меньшей степени связывали такого рода искания с консервативными тенденциями в правительственной политике, которые безусловно оценивались отрицательно. В частности, считалось, что идея «спасительного классицизма» была позаимствована в Германии[35], отмечалось, что реакционер Катков опирался на опыт европейских стран[36]. В этих утверждениях проявлялись определенные антизападные настроения, которые были характерны для советской историографии. В этом же ряду – акцент на собственных достижениях и положительном опыте. Характерными являются также фразы о том, что недостатки российских университетов и науки были общемировыми. Стремление показать собственные достижения, и при этом даже не дать повода задуматься о возможном западном влиянии или заимствовании, еще более характерен для юбилейных работ по истории отдельных университетов. «Патриотический» подход акцентировал внимание исключительно на «своем», идея «самодостаточности» давала свою проекцию в прошлое.

Таким образом, в советский период историческая связь российских и европейских университетов была принесена в жертву новым политическим идеям и реалиям.

В постсоветское время исследователи стали значительно больше внимания уделять проблеме «западного влияния» на российские университеты XIX в. Но часто такого рода суждения выглядят голословными, так как не подкрепляются соответствующими данными. К тому же, рассуждения на эту тему весьма противоречивы, спектр оценок в современной литературе весьма широк. Так, в одной из работ утверждается, что «инкорпорированные в российский образ общественной жизни, университеты с большим трудом приживались на россий-

---

[30] Готалов-Готлиб А.Г. Кризис университета и вопрос о подготовке учительства // Путь просвещения. 1923. № 2. С.51.

[31] От гимназии к профшколе, от университета к техникуму и институту // Путь просвещения. 1924. № 10 (20). С.59.

[32] Там же.

[33] Борисов М. Право на образование // Советское студенчество. 1937. №8. С.60.

[34] Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976. С.10.

[35] Щетинина Г.И. Университеты и общественное движение в России в пореформенный период // Исторические записки. 1969. Т.84. С.196.

[36] Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н.Катков и его издания). М., 1978. С.262.

ской почве»[37]. В другой, можно прочитать, что «апробированные на Западе демократические принципы и формы, будучи перенесены в практику русских университетов, попали на подготовленную почву и сравнительно быстро привились»[38]. Третьи пишут о том, что «опыт организационного устройства университетов Европы [...] не был *механически* [выд. – С.П.] перенесен на русскую почву», что «всеобъемлющая, доходящая до педантизма немецкая ученость не могла *полностью* прижиться на русской почве, однако именно германские университеты послужили моделью создания российской автономной корпорации»[39].

Точно так же, в одном случае идет речь о том, что ориентация на Берлинский университет началась с устава 1835 г.[40], в другом, - что ориентация на модель Гумбольдта была обозначена в уставе 1863 г.[41]. Высказывается мысль о том, что основанный в 1834 г. Университет Св. Владимира стал «антиобразцом» Гумбольдтовского университета[42].

С разным вектором оцениваются результаты этого заимствования. В одном случае идет речь об успешном усвоении позитивного опыта постановки университетского образования западных стран[43], благотворном влиянии западной интеллектуальной культуры и науки[44], что уже в Московском университете с середины XVIII в. произошло «гармоничное совмещение достижений западного опыта с особенностями и традициями русской жизни»[45].

В другом случае – встречаем противоположные мысли: «в процессе этого обучения целые поколения российской интеллигенции попадали в духовный плен Западу»[46], «целый ряд ее [профессуры. – С.П.] представителей в своем увлечении Западом потеряли чувство меры»[47], «германской бациллой такого преклонения были заражены многие российские ученые»[48].

Иногда такого рода противоречия можно встретить в одной книге : «на первых порах в качестве образца были выбраны немецкие университеты» – «система российских университетов представляла собой российский феномен, восходивший еще к идеям Петра I и М.В. Ломоносова»[49].

Особенностью постсоветского этапа стали поиски отличий российских университетов и попытки их объяснения. Начали использовать и термин «российский тип университета» или «российская университетская модель». Отличительными особенностями этого типа называют значительную роль государства, как при основании университетов, так и функционировании, характерную фундаментальность общенаучной подготовки[50], большую «дифференциацию научных дисциплин»[51], «курсовую систему и требования согла-

---

[37] Ляхович Е.С., Ревушкин А.С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. С.101.

[38] Колесников В.И., Круглов Ю.Г., Олесеюк Е.В. Формирование системы управления университетами в России // Педагогика. 2003. № 2. С.53.

[39] Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. М., 2002. Кн.1. С.11, 12.

[40] Андрєєв А. „Національна модель" університетської освіти: проблеми виникнення та розвитку в Західній Європі та Російській імперії // Схід / Захід: Іст.-культурол. зб. Х.; К., 2005. Вип.7. С.97.

[41] Ляхович Е.С., Ревушкин А.С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. С.546.

[42] Біленький С. Заснування Київського університету: спадковість, переривчатість, імперська сваволя // Схід / Захід. Історико-культурологічний збірник. Х.; К., 2005. Вип.7. С.204.

[43] Чиненный А., Стоян Т. Студенчество российских университетов (XIX век) // Высшее образование в России. 1999. № 5. С.141.

[44] Карпачев М. Д. [Рецензия] // ОИ. 2001. №4. С.189. Рец. На кн.: Итенберг Б.С. Российская интеллигенция и Запад. Век XIX. Очерки. М.: Наука, 1999.

[45] Колесников В.И., Круглов Ю.Г., Олесеюк Е.В. Формирование системы управления университетами в России // Педагогика. 2003. № 2. С.49.

[46] Ткачев В.С. Идеалы русской интеллигенции. Иркутск, 1998. С.214.

[47] Искра Л.М. Б.Н.Чичерин и университетский вопрос в начале 60-х годов XIX века // Российские университеты в XVIII – XX веках. Воронеж, 1999. Вып.4. С.30–31.

[48] Чесноков В.И. Проблема замещения кафедр и формирование системы «профессорских стипендиатов» в российских университетах времени царствования Александра II // Российские университеты в XVIII – XX веках. Воронеж, 2000. Вып.5. С.111.

[49] Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. М., 2002. Кн.1. С.12-13.

[50] Колесников В.И., Круглов Ю.Г., Олесеюк Е.В. Формирование системы управления университетами в России // Педагогика. 2003. №2. С.48–49; Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. М., 2002. Кн.1. С.10.

[51] Кричевський Г.Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России // Ученые степени в России: XVIII в. – 1918 г. М., Ставрополь, 1996. Вып.1. Ч.1. С.13.

совывать преподавание с утвержденными государственными программами»[52], более значительное общественное и государственное значение университетов[53] и т.д.

При этом иногда идет речь о «несомненных достоинствах русских университетов»[54], о том, что «Россия за сто лет пробежала расстояние, на которое университетам Европы потребовалось 5 – 7 веков», что «русские создали максимально эффективную университетскую систему, отлично управляемую и, что не менее важно, дешевую», с учетом экономической бедности России[55]. Делается вывод, что «классический тип российского университета», который возник в 1830-е – 40-е гг., просуществовал с тем или иными изменениями до нынешнего времени[56].

Вместе с тем, исследователи стремятся не только зафиксировать особенности российских университетов, но и сопоставить их с университетами других стран, проследить путь становления «национальной модели». В этом плане очень интересны работы А.Ю. Андреева, который одним из первых на данном историографическом этапе заявил: «широко распространенное суждение о том, что российская система была образована под европейским влиянием, нуждается в уточнении и конкретизации»[57]. Он же сделал принципиально важное замечание о том, что «в историографии не учитывалось то принципиальное обстоятельство, что в период становления российских университетов происходило изменение самих иностранных образцов»[58]. Хотя он и считает, что «идея университета» брала верх над отличиями цивилизаций и культур, обращает внимание также на то, что в XIX веке университет рассматривали и в другом плане – как нациосоздающий феномен, что университеты превратились в национальные символы, и каждая нация стремилась увидеть в своих университетах плод «национального развития» высшей школы, воплощение национального духа. При этом он считает, что понятие «национальная модель» университета охватывает не только внутренние и внешние черты того или иного университетского устройства и принципы его функционирования, но и механизмы, которые делают возможным его распространение и взаимодействие с другими институтами в образовательной сфере. Он подчеркивает, что изучая эту модель, большое внимание следует уделить вопросу о том, как взаимодействует или конкурирует позаимствованная модель с уже устоявшимися образовательными традициями, религиозными, политическими институтами определенной страны, пока наконец не получит статус национального (или интернационального) стандарта[59]. По мнению А.Ю. Андреева, университетский устав 1835 г. стал шагом вперед – к национальному российскому университету[60].

Другое дело, насколько та или иная «модель» была близкой к «классическому» университету и какой из этого сделать вывод. Для А.Ю.Андреева такой «классикой» являются немецкие университеты.

Но возникает вопрос: насколько сам немецкий университет является «национальной моделью»? И может быть следует сконструировать для характеристики классической эпохи в истории университетов некий идеальный тип, который бы объединил основные черты? Ведь само по себе отклонение одной национальной модели от другой является обычным делом. И поскольку мы признаем существование той или иной национальной модели, то мы должны согласиться, что она несет в себе свой элемент «разумности» («классичности» по отношению к окружающей социальной действительности). Возможно, именно такой взгляд позволяет некоторым исследователям считать, что «на 1917 г.

---

[52] Андрєєв А. „Національна модель" університетської освіти: проблеми виникнення та розвитку в Західній Європі та Російській імперії // Схід / Захід: Іст.-культурол. зб. Х.; К., 2005. Вип.7. С.103.

[53] Чесноков В.И. Обзор движения университетов в Российской империи // Российские университеты в XVIII – XX веках. Воронеж, 1998. Вып.3. С.21.

[54] Колесников В.И., Круглов Ю.Г., Олесеюк Е.В. Формирование системы управления университетами в России // Педагогика. 2003. № 2. С.48.

[55] Там же. С.53.

[56] Очерки русской культуры XIX века. М., 2001. Т.3. С.163.

[57] Андреев А.Ю. „Гумбольдт в России": Министерство народного просвещения и немецкие университеты в первой половине XIX века // Отечественная история. 2004. №2. С.37.

[58] Там же.

[59] Андрєєв А. „Національна модель" університетської освіти: проблеми виникнення та розвитку в Західній Європі та Російській імперії // Схід / Захід: Іст.-культурол. зб. Х.; К., 2005. Вип.7. С.7577.

[60] Там же. С.96.

система университетского исторического образования в России сложилась как классическая уже в том смысле, что ее основы оказались устойчивыми»[61].

В последнее время мы видим немало интересного на пути изучения исторических связей России и Германии в XVIII – XIX вв. в области образования. Так, А.Ю. Андреев проследил судьбы студентов- уроженцев России, которые получили образование в немецких университетах (таких с 1698 по 1849 он насчитал 926!)[62]. Началось изучение немецкой «философии педагогики»[63], то, что виделось как «очевидное» в принципах построения системы образования, обрело своих творцов. Стали изучать историю восприятия этих и других идей в России[64] и т.д.

Подводя итог изложению данного историографического сюжета, предложим свои интерпретации интерпретаций.

1. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что долгое время (более столетия: XIX – начало XX вв.) проблема немецкого влияния на российские университеты была увязана с решением практических задач. Шел поиск адекватных форм научной и образовательной деятельности и анализировался конкретный опыт европейских университетов. Советские авторы идеальный университет на Западе уже не искали, но, вплоть до середины XX века данный вопрос если и возникал, то преимущественно в публицистической литературе. Реформирование университетов в 1920-е годы проходило через отрицание «старого университета». В целом, можно назвать такой подход к теме «практическим интересом».

2.Следующий подход можно назвать «политическим». Очевидно, что очень часто авторы выражали не столько свое отношение к «немецкому образцу» университета, сколько к Германии как объекту для возможного подражания. Многим, по всей видимости, казалось, что из Германии брали и берут не только образец университета, но и всего общественного устройства, со всеми вытекающими последствиями. Отсюда отмеченные колебания «маятника» восприятия «немецкого образца» университета.

3.Данную тему можно рассматривать и через призму «общественного интереса». В первой половине XIX в. проблема «немецкого образца» была практической проблемой правящей элиты и отдельных интеллектуалов. Во второй половине XIX – начале XX вв. «университетский вопрос» обозначился как вопрос большой общественной значимости, через него шел поиск ориентиров социальной модернизации. Не случайно данной теме посвящены сотни работ публицистического характера. В 1920-е – 1930-е гг. университет трактовали как часть ненужной старины, привнесенный в свое время извне, в основном к этой теме проявляли интерес лишь реформаторы образования. Во второй половине XX в. университет видится преимущественно как «свое» достижение, интерес к теме проявляется в основном в университетской среде. В начале XXI в. вопрос снова начинает приобретать общественное звучание в контексте решения проблемы мультикультурных коммуникаций.

4.Не менее, а скорее более интересной и перспективной видится «призма национального университета». На первый взгляд частный вопрос заимствования опыта выводит нас на сложный процесс становления национального самосознания. Если в XIX в. и вплоть до 1940-х гг. российский университет виделся преимущественно как «чужое» явление, привнесенное, «приобретенное», то начиная с 1880-х гг. и далее до конца XX в. постепенно будет усиливаться восприятие этого университета как продукта внутреннего развития, как «своего». Такой подход порождал конфликтную интерпретацию, которая шла от решения вопроса: могли ли создать университет без посторонней помощи? Естественно при ответе на него не обходилось без влияния предрассудков культуроцентризма. Теперь вопрос ставится иначе: каким образом чужое стало своим, как происходил процесс адаптации идей и форм, что воспринималось, а что отбрасывалось и почему. Только на этом пути мы может увидеть связь университета как общеевропейской идеи с российским

---

[61] Чесноков В.И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // Российские университеты в XVIII – XX веках. Воронеж, 1996. Вып.2. С.5.

[62] См.: Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М., 2005.

[63] Абрамова Л.Г. Философия педагогики. Немецкая традиция. Калининград, 2004.

[64] См., например: Зорин А.Л. Идеология «православия-самодержавия-народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996 и др.

типом университета как реальным ее воплощением. В таком контексте проблема «своей» и «чужой» культуры по сути снимается – ведь последняя из противостоящей и потенциально враждебной превращается всего лишь в культуру «другого»[65].

В заключение важно отметить, что в последнее время наблюдается тенденция дальнейшие исследования увязать с анализом глубинных внутренних связей такого уникального социального явления как университет с окружающим социокультурным контекстом. Такое осознание происходит на рельсах культурной истории. Тем самым наблюдается своего рода изменение кода – переход от политического регистра (отделяющего) к культурному (целостному), от «конфликтующей» интерпретации к «консенсусной». Собственно, такой подход лежит в основе того проекта, который поддержан ГИИМ: «Трансфер и адаптация университетской идеи в России XVIII – первой половине XIX в.», который предполагает изучение как «носителей» этой идеи, так и процесс восприятия ее в местной среде, всесторонний анализ сложной судьбы российских университетов.

THE ROLE OF «GERMAN SAMPLE» DURING THE PROCESS OF STANDING AND DEVELOPMENT OF RUSSIAN UNIVERSITIES IN XIX CENTURY: ESTIMATIONS AND OPINIONS IN RUSSIAN PUBLICISM AND HISTORIOGRAPHY

S.I. POSOKHOV

V. N. Karazin Kharkiv National University

Estimations and opinions, which have sounded in the Russian publicism and a historiography about the role and degree of influence of German universities on the process of standing and development of Russian empire universities, are analyzed. It was shown, that the given question in the literature has been coordinated not only with the answering on practical problems, but also had an ideological and political orientation, because many estimations were defined by the political predilections, the certain understanding of the historical way of Russia's development. It is also marked, that the question of adoption of the experience is connected with complex process of becoming national consciousness, for a long period of time it was solved in a context of the problem of «our own» and «another's» culture. Nowadays the problem is in more deep studying of the process of transfer of "idea of university", adaptation of corresponding ideas and forms at local level, mastering of settled university traditions and development of new ones.

Keywords: Russian and German universities, publicism, historiography.

[65] Об этом см.: Культура «своя» и «чужая»: Материалы международной интернет-конференции. М., 2003.

УДК 947.083.3+378.4

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ КИЕВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА СВ.ВЛАДИМИРА В 1917-1918 гг.

С.И. МИХАЛЬЧЕНКО
Е.В. ТКАЧЕНКО

Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского,

e-mail: smikh10@hotmail.com

Статья рассказывает об особенностях академической (внутренней) жизни Киевского университета св.Владимира в революционные 1917-1918 гг. Характеризуются деятельность Совета университета, борьба университетской профессорской корпорации за сохранение автономии, против украинизации учебного процесса, участие представителей университета в работе государственных и общественных структур Украины.

Ключевые слова: Киевский Университет св.Владимира, революции 1917-1918 гг., высшее образование в России в начале XX в.

Академическая (внутренняя) жизнь высших учебных заведений привлекала значительно меньшее внимание исследователей в советское время, чем, например, участие студенчества и преподавателей университетов в революционной борьбе. Лишь с середины 1980-х гг. начинает восстанавливаться интерес историков к истории университетов как *учебных* заведений[1] – интерес, столь характерный для дореволюционной историографии[2]. Именно поэтому, если история академической жизни университетов в XVIII-XIX вв. разработана достаточно подробно, эта проблематика по отношению к революционным 1917 – 1920 гг. содержит немало лакун. Настоящая статья рассказывает о некоторых деталях академической жизни Киевского университета св.Владимира (УСВ), одного из старейших в палитре отечественной высшей школы, в 1917-1918 гг.

С началом февральских событий высшим учебным заведениям все труднее стало существовать отдельно, вне бурлящей вокруг жизни. Как вспоминал учившийся тогда в УСВ Н.Полетика, «март-апрель 1917 года были медовыми месяцами революции. Киев – да и все города России – превратился в площадку для митингов. Митинг был сплошным. Он начинался с раннего утра и продолжался до поздней ночи. В нем принимали участие все желающие»[3].

Историк университета подчеркивал позднее, что «академическая жизнь была выбита из колеи»[4]. По воспоминаниям Н.Полетики, «в обстановке все растущей разрухи учиться было трудно. Занятия в университете шли в необычно опустевших аудиториях. Почти все студенты 1 и 2 курсов, кроме признанных негодными по здоровью, были призваны в армию. «Старики» с 3 и 4 курсов тоже поредели. Студенты, жившие вдали от Киева (кавказцы), остались дома и не приехали в Киев. Лекции посещались мало, но в здании университета было всегда людно: университет стал центром не только учебной, но и «деловой» жизни, своеобразной биржей труда, где можно было включиться в какую-нибудь студенческую артель по распилке дров или разгрузке вагонов»[5].

Студенты практически перестали заниматься, присвоив себе, фактически, право распоряжаться жизнью университета. В «Докладной записке Совета Университета» в Министерство Народного просвещение от 9 июня говорилось, что «вскоре после того, как в Киеве было получено известие о государственном перевороте, нормальные занятия в Университете прекратились и университетские аудитории стали местом беспрерывных собраний как студентов, так посторонних лиц», занятия удалось возобновить только че-

---

[1] См. например: Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX в. – начале XX в. М., 1991. См. также статьи сборников: Российские университеты XVIII-XX веков. Воронеж, 1993-2006. Вып.1-8.

[2] См. например: Владимирский-Буданов М.Ф. История Императорского университета Святого Владимира. Киев, 1884. Т.1.

[3] Полетика Н. Виденное и пережитое: Из воспоминаний. Tel-Aviv, 1982. С.92.

[4] Спекторский Е.В. Столетие Киевского университета св.Владимира // Alma Mater: Університет св.Володимира напередодні та в добу Української революції. 1917-1920. Матеріали, документи, спогади. Київ, 2000. Кн.1. С.59.

[5] Полетика Н. Указ.соч. С.80.

рез 19 дней на всех факультетах, кроме медицинского[6]. Для урегулирования ситуации была создана комиссия из профессоров и студентов, заседания которой проходили в очень напряженной атмосфере. «Один из представителей студенчества, потрясая кулаками, кричал профессорам: мы вас никогда не уважали и уважать не будем»[7]. Правда, постепенно собрания стали носить более миролюбивый характер.

С началом осеннего семестра университетская жизнь все более расстраивалась. Большой проблемой, наряду с нарастанием общей неустроенности, был рост украинского национального движения. По сути, в Киеве в 1917 г. установилось не двоевластие, а «троевластие» – наряду с существовавшими органами власти Временного правительства и Советами рабочих депутатов, огромную роль играла образованная в марте Центральная Рада, которая в издаваемых ею Универсалах прокламировала отход от России. 29 мая Всеукраинский крестьянский съезд поручил Раде позаботиться о том, чтобы «обучение в школах на Украине от низшей до высшей, происходило с осени 1917 года на украинском языке с обеспечением прав меньшинства»[8]. В июле в связи с провалом наступления на Юго-Западном фронте и страхом перед его возможным полным развалом Временное правительство признает Генеральный Секретариат Центральной Рады в качестве органа управления пяти украинских губерний. Это был наивысший успех Рады[9].

Следует подчеркнуть, что образованный в 1834 г. университет св.Владимира всегда рассматривался властями как противовес польскому[10], а с началом XX в. и малорусскому (украинскому) влиянию. Украинофилы, работавшие в университете (например, В.Б.Антонович) должны были глубоко скрывать свои чувства и мысли, если они хотели остаться на службе. И, например, несмотря на общее полевение и либерализацию общественной мысли и государственной политики в стране по украинскому вопросу в начале XX в., крупнейшему украинскому историку, тогда профессору Львовского университета, М.С.Грушевскому в 1907 г. перейти в Киев не удалось. При этом большинство членов профессорской корпорации не были противниками украинского языка и культуры, но они выступали против абсолютной украинизации, которая начала навязываться уже в 1917 г. 26 июля Советом университета был принят «Протест… против насильственной украинизации Южной России». Совет обращал внимание Временного правительства, что Центральная Рада уже выполнила ряд мер, направленных на превращение Украины в «автономную политическую единицу с характером государства» и одной из этих мер является навязывание местному населению «чуждого и малопонятного» ему «украинско-галицкого» языка. «Стремление к замене общерусского литературного языка в будущей Украине таким искусственно созданным и недостаточно еще разработанным языком грозит задержкою развития образованности того народа, который будет вынужден им пользоваться и не может быть объяснено иначе, как желанием разрушить установившуюся уже вековую культурную и духовную связь между великорусским и малорусским племенем»[11]. Подписанный ректором проф. Н.М.Цытовичем протест был опубликован в номере «Университетских известий», датированных ноябрем-декабрем 1916 г., но вышедших значительно позже, а также в газетах и, конечно, не мог повлиять на ситуацию в стране, доставив разве что моральное удовлетворение профессуре[12].

Что касается перевода преподавания на украинский язык, то он не состоялся, однако в штатное расписание университета постановлением Временного правительства от

---

[6] Alma Mater: Університет св.Володимира напередодні та в добу Української революції. 1917-1920. Матеріали, документи, спогади. Київ, 2001. Т.2. С.82-83.

[7] Спекторский Е.В. Указ.соч. С.60.

[8] Там же. С.32.

[9] Субтельний О. Україна: Історія. Київ, 1993. С.427.

[10] Министр Народного Просвещения граф А.С.Уваров в 1837 г. при посещении университета заявил, что «назначение университета … распространять русское образование и русскую народность в ополяченном крае западной России» (Цит. по: Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии (школа западно-русского права). М.-Брянск, 1996. С.17).

[11] Университетские известия. Киев, 1916. № 11-12. С. 1-7.

[12] В августе 1917 г. Временное правительство приняло решение о придании университетам полной автономии, т.е. о выведении их из-под надзора попечителя учебного округа и передаче в подчинение напрямую министру. Бессилие власти привело к тому, что университет мог фактически принимать окончательные решение относительно своей структуры в пределах сметы на год. См.: Alma Mater: … Т.2. С.87.

19 сентября были введены кафедры украинской истории, языка и литературы, а также западно-русского права, причем по ним разрешено преподавание на украинском языке[13].

Летом-осенью 1917 г. возникла сложнейшая ситуация с утверждением в должности ректора университета Н.М. Цытовича. Николай Мартинианович Цытович, доктор политической экономии и статистики, 56-летний профессор по кафедре полицейского права юридического факультета, к 1917 г. был ректором университета уже 13-й год[14]. В мае 1917 г. Советом университета он был переизбран вновь, что вызвало оппозицию со стороны образованного незадолго до этого Совета старост, поскольку в переданном перед выборами Совету списке желательных для студентов кандидатур фамилия Цытовича не значилась. Согласительная комиссия из профессоров и студентов, сформированная еще в марте для решения спорных вопросов жизни университета, оказалась бессильной и фактически развалилась. В обращении к студенчеству Совет университета говорил: «По вопросу о ректоре мы просим понять нас в следующем. Проф. Н.М. Цытович избирался ректором непрерывно со времени введения в 1905 году выборных ректоров. В мае Совет переизбрал его вновь, как человека, пользующегося доверием и уважением Совета. При таких условиях Совет не выполнил бы своего долга перед Университетом, перестал бы сам уважать себя и должен был бы потерять Ваше уважение, если бы согласился на смену выбранного им ректора под напором насилия»[15]. Противостояние студентов и профессуры, однако, не ограничилось устными протестами – 11 сентября, когда ректор пытался в сопровождении проректора, также профессора-юриста В.В.Карпеки и декана юридического факультета Е.В.Спекторского проникнуть в университет, он был туда не пропущен представителями старост. При этом каких-то конкретных претензий Цытовичу не выдвигалось, его готовы были пропустить как профессора, но как ректора – нет[16]. О событиях в Киеве было поставлено в известность Министерство Народного Просвещения (в лице товарища министра В.И.Вернадского). В итоге Цытович попросил отставки. В ответ на эту просьбу Совет высказался против. Вновь была собрана Согласительная комиссия, председателем которой был избран Спекторский. 6 октября состоялось специальное заседание Совета университета по заслушиванию итогов работы комиссии. Они были противоречивы – пойдя навстречу представителям профессуры (а кроме Спекторского в состав комиссии входили профессора В.В.Зеньковский, В.И.Лучицкий и др.) в вопросах организации академической жизни, студенты заявили, что «отказываются от мер насилия в отношении к ректору, хотя все же выражают ему недоверие как ректору, сохраняя полное уважение как профессору»[17]. А член комиссии проф. И.Косоногов специально подчеркнул, что «только такту председателя Комиссии профессора Спекторского... мы обязаны окончательным благоприятным результатом работы комиссии», правда, и по мнению Косоногова, «студенты, отказавшись от насильственных мер по отношению к профессору Цытовичу, ждут, что профессор Цытович подаст в отставку от должности ректора»[18]. 7 октября 1917 г. Министерство народного просвещения приняло отставку ректора[19]. При этом роль Спекторского в университете безусловно выросла, он приобрел известность не только среди коллег-юристов, но и в целом среди преподавателей и студентов вуза. Тем не менее, исполняющим должность ректора стал вначале декан физико-математического факультета Г.Де-Метц, а с 28 ноября – декан медицинского факультета проф. А.А.Садовень[20].

С началом революционных событий и, особенно, Гражданской войны Киев вступил в тяжелейший период своей истории, когда за три года власть в городе менялась 12 раз[21].

---

[13] Постановление Временного правительства. 19 сентября 1917 г. // Alma Mater: ... Т.2. С.224.

[14] Послужной список см.: Alma Mater: ... Т.1. С.355-358.

[15] Alma Mater: ... Т.2. С.152.

[16] Alma Mater: ... Т.2. С.151.

[17] Виступ проф. В.Зеньковського // Alma Mater: ... Т.2. С.161.

[18] Виступ професора Й.Косоногова // Alma Mater: ... Т.2. С.163.

[19] Історія Київського університету. Київ, 1959. С.314. Последний протокол, где Цытович значится ректором (при этом уже не председательствует в Совете), тем не менее, датирован 30 октября 1917 г. (Alma Mater: ... Т.2. С.88).

[20] Історія Київського університету. Київ, 1959. С.314.

[21] Некая киевская студентка записала в своем дневнике 6 февраля 1919 г.: «Вечные перемены власти могут с ума свести. Которое это у нас правительство, начиная с 1-го января 1917 г.? Царское, временное, рада, большевики, рада, гетман, директория, теперь снова большевики». (Дневник и воспоминания киевской студентки // Архив русской революции. М, 1993. Т. 16. С.209).

Н.Полетика вспоминал: «В ... чересполосице военных режимов и диктатур и их быстрой смене мирные жители могли сохранить свою жизнь лишь посредством социальной и политической мимикрии. Быть очень «щирым» украинцем было нельзя - при очередной смене власти могли расстрелять «большевики». Быть очень советским - тоже нельзя, могли расстрелять деникинцы или «сичевики». Взбаламученное море политических, национальных и социальных страстей захватывало жизнь и душу мирных жителей. «Все течет, все меняется ... с быстротой выстрела», – острили молодые философы, ученики профессора Гилярова. Было важно уцелеть под ливнем противоречивых требований и приказов быстро сменяющихся властей»[22].

Тем не менее, если ознакомиться с протоколами заседаний Совета, университет продолжал жить обычной академической жизнью – избирались на должности новые преподаватели, проводились экзамены для своих студентов и для бывших студентов других университетов (Пермского, Саратовского), демобилизованных из армии. 20 декабря 1917 г. Совет рассмотрел заявление вдовы умершего годом ранее профессора истории государства и права М.Ф.Владимирского-Буданова о безвозмездной передаче его библиотеки университету. Библиотека была принята с благодарностью[23]. 31 января 1918 г., через несколько дней после кровавых январских событий в Киеве (восстания рабочих и его подавления), Совет утвердил дату начала занятий во 2-м семестре с 1 февраля. По воспоминаниям Спекторского, «Петлюровское правительство и большевики под страхом жестоких наказаний объявляли мобилизацию всех студентов и в то же время устанавливали жесточайшее наказание для всех, мобилизованных предшествующей властью. Чтобы спасти несчастную молодежь, университет обращался к быстро сменявшимся правительствам с меморандумами, в которых умолял беречь культурную смену страны»[24]. Совет ходатайствовал: «ввиду частичной демобилизации армии весьма желательно освобождение студентов Университета св. Владимира от несения военной службы. Освобождение молодых людей даст им возможность продолжать прерванные занятия в Университете и таким образом вернет нашей родине культурных работников, в которых явится большая нужда при преобразовании государственной жизни»[25].

Последним пунктом повестки дня заседания стоял вопрос о финансовом положении университета. Исполняющий обязанности ректора университета декан медицинского факультета А.А.Садовень «доложил Совету о крайне тяжелом положении университета», так как Министерство Народного Просвещения (надо понимать, уже свергнутого Временного правительства) «не открыло необходимых кредитов на покрытие перерасходов... В данное время в силу крайне неблагоприятно сложившегося общего политического положения невозможно сказать, будут ли отпущены... кредиты и когда именно. Еще более тяжелое финансовое положение Университета представляется в нынешнем 1918 году, так как сметы на этот год до сих пор еще не утверждены по той же причине – общей политической разрухи». По докладу А.А.Садовеня предлагали увеличить плату, взимаемую со студентов за слушание лекций, но временно вопрос был отложен[26].

1 марта по приглашению Центральной Рады в Киев вошли австро-германские войска. (Как вспоминал В.В.Шульгин, «немцы вошли в Киев 1 марта мирно. Ведь они были как бы призваны украинской властью. Они делали вид, что это не оккупация, помощь»[27]). Вернулась и сама Центральная Рада. Возникла иллюзия некой стабильности и не собиравшийся два месяца Совет университета собирается вновь[28]. На заседании 19 марта (1 апреля) 1918 г. принимается решение (пункт 18 повестки дня): «Избрание Ректора произвести в ближайшем заседании Совета»[29]. Протокол не разъясняет причин такого решения. На предыдущих заседаниях вопрос не обсуждался. Спекторский в воспоминаниях говорит, что причина – выяснившаяся дальнейшая невозможность «обходиться без пол-

---

[22] Полетика Н. Указ.соч. С.91.

[23] Alma Mater: ... Т.2. С.91.

[24] Спекторский Е.В.Указ.соч. С.60-61.

[25] Alma Mater: ... Т.2. С.101.

[26] Там же. С.103.

[27] Шульгин В.В. 1917-1919 // Лица. Биографический альманах. М.-СПб., 1994. Вып.5. С.202.

[28] Стабильность, конечно, оказалось обманчивой. Антигерманские выступления вскоре стали происходить по всей зоне оккупации. См.: Петров В.И. Отражение страной Советов нашествия германского империализма в 1918 г. М., 1980: Свидетельства современника см. например: Слободской А. Среди эмиграции. Мои воспоминания: Киев-Константинополь. 1918-1920. Харьков, 1925: Он же. Это было... (На Украине и в Крыму в 1918-1920 годах). Харьков, 1926.

[29] Alma Mater: ... Т.2. С.112.

номочного представительства вовне»[30]. К этому времени разруха в высшем образовании достигла такого уровня, что представители разных учебных заведений ставили вопрос о выработке единой политики. Одним из главных инициаторов этого стал ректор Новороссийского университета А.Д.Билимович, в марте 1917 г. приехавший в Киев с предложением собрать совещание представителей вузов Юга России. Этот же вопрос был поднят и на совете 19 марта. Делегатами на совещание были избраны 8 человек, при этом за Спекторского было подано 29 человек, а за А.А.Садовеня только 8 и он вошел только в список кандидатов в делегаты[31]. Это еще больше показало популярность Спекторского, так что вопрос о выборах ректора на следующем заседании, видимо, был решен заранее. Во всяком случае, никакой борьбы протоколы Совета не зафиксировали. 5 апреля 1918 г. Е.В. Спекторский был избран ректором Университета св.Владимира (56 голосов «за», 7 – «против»)[32]. Он оказался последним избранным ректором русского университета в Киеве.

Совещание представителей высших школ Украины было громко названо участниками «съездом». Между тем, проходило оно в кабинете ректора Университета св.Владимира и объединяло менее двадцати делегатов от вузов Киева и Одессы. Позже присоединился представитель Нежинского историко-филологического института. Главным вопросом съезда был вопрос об украинизации высшей школы. Неоднократно выступавший на съезде Спекторский доказывал на примере Конституций других европейских многонациональных государств (прежде всего, Швейцарии), что возможно существование нескольких государственных языков и преподавание на них[33]. При этом Спекторский не высказывал резкого неприятия украинского языка, что было свойственно, например, декану историко-филологического факультета Киевского университета Н.М.Бубнову и профессору Новороссийского университета И.А.Линниченко (Бубнов, например, говорил: «Украинский язык не нужен даже для существования украинского государства. Но украинцы стремятся к его существованию из политических мотивов. Но приветствовать украинский язык, пока его не существует, не представляется возможным. Вводить же преподавание на украинском языке – излишне»)[34]. Спекторский подчеркивал, что ему «понятно стремление к насаждению украинского языка, к возрождению культуры… Мы, преподаватели, охотно идем навстречу украинцам, рекомендуем книги для перевода на украинский язык и пр.» Однако, поскольку «они сами сознаются, что языком еще не владеют», то «пока несвоевременно вводить в качестве государственного украинский язык»[35].

Таким же болезненным был и вопрос о проектировавшемся властями Рады слиянии возникшего еще в 1917 г. Украинского народного университета (размещавшегося здесь же, в здании УСВ) с Университетом св.Владимира. Съезд высказался против слияния, заявив, что нужно развивать новые вузы, а не ликвидировать старые[36].

Поскольку в съезде смогли принять участие не все вузы, и часть вопросов осталась нерассмотренной, было принято решение собрать в мае второй съезд. Второй съезд прошел с 21 по 25 мая н.ст. и, в общем, подтвердил решения Первого съезда. В нем принимало участие уже большее число учебных заведений, включая частные с правами государственных. Спекторский вновь был избран председателем съезда[37]

29 апреля 1918 г. Центральная Рада была свергнута, и при поддержке немецких оккупационных властей к власти пришел гетман П.Скоропадский. Гетман проводил более взвешенную политику в украинском вопросе. Сам плохо знающий украинский язык, он не настаивал на немедленной украинизации образования. Министром образования в правительстве гетмана стал приват-доцент УСВ Н.П.Василенко, известный своими работами по украинской истории, ученик М.В.Довнар-Запольского. Министром по делам исповеданий – профессор философии УСВ В.В.Зеньковский[38].

---

[30] Спекторский Е.В. Указ.соч. С.61.

[31] Alma Mater: … Т.2. С.112.

[32] Alma Mater: … Т.2. С.115.

[33] 5-е заседание съезда 16 апреля 1918 года (утреннее) // Alma Mater: … Т.2. С.31-32.

[34] Там же. С.33.

[35] Там же. С.31-32.

[36] Alma Mater: … Т.2. С.42.

[37] См.: Резолюции II-го Делегатского Съезда профессоров и преподавателей высших государственных и частных учебных заведений городов: Киева, Харькова, Одессы, Екатеринослава и Нежина, происходившего в г.Киеве от 21(8) мая до 25 (12) мая 1918 года // Alma Mater: … Т.2. С.531-539.

[38] Зеньковский В.В. Пять месяцев у власти (15 мая-19 октября 1918 г.): Воспоминания. // Alma Mater: … Т.2. С.378, 380.

Важнейшим содержанием жизни высшей школы при гетмане была работа Комиссии по высшим учебным заведениям и ученым учреждениям Украины, возглавляемой академиком В.И.Вернадским и действовавшей с июня по декабрь. Владимир Иванович Вернадский, к тому времени 55-летний всемирно признанный ученый в области естественных наук, с 1912 г. академик Петербургской АН, осенью 1917 г. имел непродолжительный опыт государственной службы в качестве товарища Министра народного просвещения в правительстве А.Ф.Керенского, причем занимался там как раз высшей школой и наукой. Оказавшись летом 1918 г. в Полтаве, он был привлечен Министром народного просвещения гетманского правительства к аналогичной работе на Украине. Вернадский переехал в Киев и в течение полугода проделал громадную работу, закончившуюся организацией Всеукраинской Академии наук, Государственной библиотеки Украины, а также решения многих вопросов по деятельности вузов. Фактически Вернадский являлся министром высшей школы и науки. В состав Комиссии вошли многие известные профессора, в том числе Спекторский. Комиссия, наряду с частными (хотя и важными) вопросами признала необходимым открыть два государственных украинских университета – в Киеве и в Каменце-Подольском (в 1934 в эмиграции Спекторский будет с благодарностью вспоминать, что Вернадский отвел опасность украинизации УСВ, канализировав устремления украинцев в сторону создания самостоятельных вузов[39]). А к осени важнейшим вопросом стал хозяйственный – опыт предыдущий зимы показал необходимость заранее запасаться дровами, и ректор университета Спекторский ставит вопрос снабжения топливом на заседании Комиссии. 4 сентября 1918 г. обращается в ликвидационный комитет 1-го района Подольской губернии с ходатайством о выделении для нужд служащих университета чая, свечей, крупы, мыла, белья и т.п.[40] В письме на имя Василенко 28 октября Спекторский умолял: «Положение этих лиц [сотрудников университета. – Е.Т.] в связи с наступающими холодами еще больше ухудшается, благодаря необходимости обзаводиться на зиму дровами, теплой одеждой, обувью и проч. Многие доведены до отчаяния». Спекторский просил немедленно выплатить хотя бы аванс на приобретение всего необходимого[41].

Несмотря на трудности в организации учебного процесса для студентов, в 1918 г. отдельные его формы существовали. Н.Полетика вспоминал: «Летом 1918 года я хорошо сдал «Историю Византии» у проф. Ю.Кулаковского и «Историю новой философии» у проф. Гилярова (высшая оценка). Теперь можно было приступить к сдаче государственных экзаменов. Как студент-государственник я получил койку в общежитии, устроенном в одном из коридоров Киевского Университета. Здесь ютились 10-12 студентов-государственников, приехавших для сдачи экзаменов из провинции. Это была разнородная (юристы, филологи, математики, биологи), но очень веселая и уже умудренная житейским опытом компания. Все стремились возможно скорей получить дипломы, все сейчас занимались «промыслами» – разгрузкой вагонов и барж. В общежитии соблюдалась строжайшая тишина».

14 декабря 1918 г. гетман бежал, его правительство пало, в Киев вошли войска Директории. Начались страшнейшие еврейские погромы. А 15 декабря состоялось заседание Совета университета, на котором решались текущие дела. Поразительно, но в таких тяжелых условиях сотрудники университета продолжали защищать диссертации. Защитивший докторскую по русской истории Г.А.Максимович был избран на должность ординарного профессора по кафедре украинской истории, а защитивший магистерскую Б.Г.Курц – на должность штатного доцента.

Проблемным стало собирать кворум для принятия решения – Спекторский сетовал, что «некоторые члены Совета в последнее время стали неаккуратно посещать заседания Совета, некоторые же уходят из заседаний не ожидая их окончания». Приняли реше-

---

[39] Спекторский Е.В. Указ.соч. С.36-37.

[40] Alma Mater: … Т.2. С.663.

[41] Там же. С.664. Уместно привести мнение пережившего эти годы в Киеве А.А.Гольденвейзера: «Интеллигенция и, в особенности, деятели высшей школы были, напротив, совершенно безоружны в борьбе с ограблением и обнищанием. Ни запасов, ни кредита у них не было. Выехать очень многие из них не могли или не решались. И они остались и страдали больше и глубже других. Для человека духовного труда выселение, мобилизация, лишение привычной работы – все это чувствуется острее и болезненнее, чем для всякого иного. А этому подвергались все – интеллигенты не меньше других» (Гольденвейзер А.А. Из Киевских воспоминаний (1917-1921 гг.) // Архив русской революции. М., 1991. Т.6. С.295-296).

ние – не учитывать при исчислении кворума тех, кто гарантированно не может присутствовать по болезни[42].

Несмотря на все усилия Спекторского по обеспечению университета топливом, достать дров не удалось, и занятия не проводились. 11 января 1919 г. газета «Наш путь» сообщала: «Занятия в университете не могут возобновиться из-за отсутствия дров. Заготовленные для университета дрова реквизированы. По словам ректора университета профессора Спекторского, надежд на скорое возобновление учебных занятий очень мало»[43]. На рубеже 1918-1919 гг. наряду с политическими неурядицами и холодом, на город надвинулась новая беда – «эпидемия сыпного (голодного) тифа, развитию которого способствует переполнение города, отсутствие воды, загрязненность улиц и дворов и необычайная дороговизна»[44].

После недолгого шестинедельного правления Директории Киев 5 февраля 1919 г. был взят Красной Армией. Начался новый период в истории университета.

ACADEMIC LIFE OF THE KIEV ST. VLADIMIR UNIVERSITY IN 1917-1918 YEARS

S.I. MIKHALCHENKO
E.V. TKACHENKO

Bryansk State Academician I.G.Petrovsky University

e-mail: smikh10 hotmail.com

The article tells about features of academic (internal) life of the Kiev st.Vladimir University in the revolutionary 1917-1918 years. Activity of the Council of the University, struggle of the University professorial corporation for preservation of an autonomy, against ukrainization of educational process, participation of the representatives of the University in work of the state and public structures of the Ukraine are characterized.

Key words: the Kiev st.Vladimir University, revolution 1917-1918 , higher education in Russia at the beginning of the XXth c.

[42] Протокол заседания Университета Св.Владимира 15 декабря 1918 года // Alma Mater: … Т.2. С.629-633.

[43] Цит. по: Пучков А.А. Юлиан Кулаковский и его время. СПб.,2004. С. 265.

[44] Цит. по: Там же.

УДК.930.1

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ В ВУЗАХ УКРАИНЫ

В.М. ДУХОПЕЛЬНИКОВ

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

В статье рассматривается современное состояние учебников и учебной литературы по истории России в странах СНГ. Показаны проблемы преподавания истории России в современных независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР. Предложены возможные пути выхода из создавшегося положения как в содержании учебников, так и преподавании истории России.

Ключевые слова: история, Россия, учебник, страны, проблема, поиск, путь.

Распад Советского Союза и образование независимых государств поставили перед историками, и исторической наукой в целом, серьезные проблемы. И, прежде всего, что и как преподавать. Значительное количество историков, отказавшись от традиционной для советского государства марксистско-ленинской методологии и формационной периодизации, стараются «втиснуть» историю России (или независимого государства) в рамки западноевропейской периодизации и цивилизации. При этом взятая схема наполняется событиями, которые, мягко говоря, совершенно не вписываются в европейскую периодизацию. Так, например, все учебные программы по истории Украины и всемирной истории, а также большинство учебников, изданных под эти программы, утверждают, что правопреемницей Киевской Руси является Галицко-Волынское княжество. Однако не дается разъяснений почему именно оно, а не Киевское, Черниговское, Переяславское или Владимиро-Суздальское. Почему не Великое княжество Литовское, на 9/10 состоявшее из русских, в том числе и теперешних украинских земель. Ведь всем хорошо известно, что на половцев в 1185 г. ходил Новгород–Северский князь Игорь, а в Киеве княжил сильный князь Святослав. И только в 1199 г. волынский князь Роман занял Галич и положил начало Галицко–Волынскому княжеству[1]. Или, новая история Украины и России начинается с конца XV – начала XVI столетия[2]. Реально же для данных хронологических рамок в отношении Польши и России (поскольку такого государства как Украина в тот период не существовало) говорить преждевременно.

Да, наши предшественники Н.М, Карамзин, Н.И. Костомаров, С.М. Соловьев находили много общего в историческом развитии европейских государств и России. Но это они рассматривали с точки зрения выяснения закономерностей исторических процессов Европы и России Так. Н.М. Карамзин в письме из Парижа (май 1790 г.) писал: «У нас был свой Карл Великий – Владимир: свой Людовик XI – Царь Иоанн; свой Кромвель – Годунов и еще такой государь, которому нигде не было подобных: Петр Великий»[3]. В «Записке о Древней и Новой России (1811 г.) Карамзин уже не проводит параллели, а пишет уже о негативном влиянии европейских стран на Россию. В результате реформ Петра I русские люди «стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях, гражданами России»[4]. Между тем, в своей «Истории...» автор часто говорит о многих народах и их влиянии на русские земли. Этот прием достаточно широко и полно применял С.М. Соловьев.

Вторая проблема состоит в том, что многие современные историки часто территориальные границы нынешних государств механически переносят в более раннее время. Это, естественно, требует от авторов события прошлого, часто не согласующиеся между собой, подстраивать под свою собственную, а часто и политическую концепцию. Что также хорошо прослеживается на примере учебников по истории Украины и других государств. Но против такой модернизации истории, перенесения современных представлений в прошлое и тем самым искажение истории в угоду настоящему, еще в XIX в. резко

---

[1] См.: ПСРЛ. Т. II, Татищев В.Н. История Российская. Т. 3; Карамзин Н.М. История государства Российского. Т.3. Гл.3; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.1. Т.2.

[2] См.: Программы «Історія України. Всесвітня історія, 5-12 кл.» К., 2006.

[3] Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С.253.

[4] Карамзин Н.М. Записка о Древней и Новой России. СПб., 1911. С.47.

выступал С.М. Соловьев[5]. «Соловьев, – писал историк Дмитрий Александрович Корсаков, высказывался против гаданий, исторических гипотез». Историк, по мнению Соловьева, «всегда должен иметь твердую фактическую почву под ногами»[6].

Не малую проблему представляет и сохраняющаяся в литературе историческая терминология советского периода. Терминология, которая не отвечает современным научным исследованиям, а порой, и современным территориальным образованиям[7].

Еще одна проблема. В современных вузах Украины только в классических университетах учебными планами предусмотрено чтение отдельного общего курса по истории России, СССР и СНГ. В современных педагогических университетах эти курсы читаются в общих курсах всемирной истории. Отсюда, естественно, и подготовка специалистов – учителей происходит на разных уровнях, что в последующем сказывается на обучении учащихся. Проблемы в историческом образовании заметны уже сейчас. «История», можно сказать история России, перестает быть «учительницею бытия». Раскрывая этот тезис, уместно привести и слова В.Н. Татищева: «...никаков человек, ни един стан, промысл, наука, ниже кое - либо правительство, меньше человек единственный без знаний оной (истории) совершен, мудр и полезен быть не может»[8].

И последнее. В Украине отсутствуют учебники по истории России. (В России, наоборот, их огромное разнообразие).

На кафедре истории России Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, понимая все эти проблемы, перерабатываются все общие и специальные лекционные курсы. В основу лекционных курсов положен, в основном, документальный, фактический материал. Мы считаем, что хорошим методическим, да и методологическим подходом для структуры лекционных курсов и учебников по истории России, а также историй независимых государств, может стать, Вам покажется странным, «Предисловие» к «Царствованию царя Федора Алексеевича», написанное в конце XVII столетия[9], и пересказанное В.Е. Чистяковой и А.П. Богдановым[10].

Автор «Предисловия» хорошо был знаком с целями и задачами, которые ставили древние авторы Аристотель, Цицерон, Фукидид, Геродот, Платон, Полибий, Тацит к историческим исследованиям[11]. Так, Дионисий в начале своего труда «Археология» пишет, что историку следует быть «истинну», потому что истина есть начало всякой мудрости. История без истины – как слепой, везде заблуждается и тело имеет непотребное. Ясность истории не только в правдивом и верном рассказе разумными словами, но и в правильной последовательности событий, в приличном объяснении их причин. Без объяснения хода и причин событий, по словам Полибия, написанное будет баснословием, а не историей. При этом историк должен и хвалить, и осуждать по заслугам, как учит нас славный историк Тацит: добродетели не должны умалчиваться – и злодеяние да будет явлено, чтобы потомки могли получить надежду от добрых дел и страх от злодейств[12]. В «Предисловии» прекрасно сказано, что «Ничем иным так не украшаются предки и народы, как разумными и истинными историями, открывающими всем дела их славные бывшия, которые покрыты были темностию забвения»[13]. В этих словах, на мой взгляд, и содержится ответ на вопрос: Каким должно быть преподавание истории в XXI веке?

Нам представляется, что в настоящее время ученые России, издавая значительное количество архивных документов, делают огромное, положительное дело. Такие документы позволяют по-новому взглянуть на многие процессы, происходившие в прошлом, пересмотреть данные ранее оценки. Между тем, знакомство с современной исторической литературой, выходящей в России, позволяет нам утверждать, что большинство авторов

---

[5] Соловьев С.М. Собр. соч. Издательство «Польза, СПб. Б.г. С.887.

[6] Корсаков Д.А. Из воспоминаний о Н.И. Костомарове и С.М. Соловьеве. // Вестник Европы, 1906, №9. С.266.

[7] Венков А.В. Преподавание истории восточных славян в современных условиях.// Проблеми вивчення історії Росії в класичних університетах. Харків, 2007. С.18.

[8] Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. М.-Л., 1962 С.80-81.

[9] Замысловский Е. Е. Царствование Федора Алексеевича. Ч. 1. СПб., 1871, приложение. С.XLI-XLII.

[10] Чистякова Е. В., Богданов А. П. Да будет потомкам явлено. – М., 1988

[11] Там же. С.3-4.

[12] Цит. Чистякова Е.В., Богданов А.П. Укз. соч. С.4.

[13] Цит. Замысловский Е.Е. Укз. соч. Приложения. С.XLI.

еще остается на прежних методологических позициях. Здесь я, имею ввиду то, что вся история Российского государства представляется как естественная, закономерная деятельность государственных органов власти и управления. При этом мало, практически совсем, не учитывается вклад в становление и развитие государства представителей различных народов. Мне представляется, что этот недостаток и вызывает, прежде всего, у отдельных народов стремление написать свою самостоятельную, чаще всего, субъективную историю. Это хорошо прослеживается на примере истории Украины[14].

Действительно, если мы внимательно почитаем современные учебники по истории России, то об украинском народе, да и о народах, входящих в современную Российскую Федерацию, найдем несколько отдельных упоминаний. Это «Освободительная война под руководством Богдана Хмельницкого, Гетман Иван Мазепа, Великая Отечественная война, Беловежская пуща». В советский период это не вызывало никаких вопросов. Все считали себя родственным народом, стремящимся к единой конечной цели. Все действия Российского государства по отношению к другим народам рассматривались как прогрессивные. Только российский царизм нес угнетение народам окраин. В настоящее время каждое самостоятельное государство стремится идентифицировать себя с титульной нацией. Отсюда, все, что было связано с общегосударственной властью, вызывает неприятие. В современной Украине почти для всех учебников по истории Украины, в отношении России, характерно, употребление терминов: завоевание, агрессия, антиукраинская или антиукраинский. В целом, создается такое впечатление, что современная Украина ни- когда не являлась составной, причем со второй половины XIX столетия наиболее развитой в хозяйственно – экономическом и культурном отношении частью Российской империи, а затем, второй и первой по многим показателям республикой СССР, что многие процессы протекали помимо воли всех народов и не всегда отвечали их интересам.

Рамки доклада не позволяют детально остановиться на многих проблемах. Однако и то, о чем шла речь, позволяет определить основные направления в развитии исторической науки и преподавании истории. И здесь большую помощь нам могут оказать наши предшественники. Н.И. Костомаров в своей «Русской истории в жизнеописаниях её главнейших деятелей»[15] неоднократно указывает на взаимовлияния Малороссов и Великороссов. Одновременно не забывает указать и на имеющиеся противоречия.

Гораздо шире такую взаимосвязь показывает С.М. Соловьев в своем основном труде «История России с древнейших времен».

Учитывая опыт прошлого и состояние современной исторической науки, нам представляется, что в основе учебника должен находиться источник. На это неоднократно указывал С.М. Соловьев, подчеркивая, что «Его величество факт» должен заменить домыслы и нравственные сентенции. Его анализ проводится с позиции современной науки, но оценка события должна даваться с точки зрения исторической психологии, т.е. с позиции человека, причастного к тому или иному событию.

Во-вторых; в учебной литературе и материалах учебных занятий должны найти достойное место представители различных национальностей, участники хозяйственных, внутриполитических внешнеполитических процессов, деятели науки, образования, культуры. В российских школьных и вузовских учебниках следует говорить не только о Богдане Хмельницком, Иване Мазепе, Тарасе Шевченко, но и других деятелях. К ним можно отнести киевских ученых монахов, которые приехали в XVII в. в Москву переписывать церковные книги и расписывать соборы Московского кремля. Что в XVIII в. в С.-Петербурге раскрылся талант художников, украинцев Дмитрия Левицкого и Григория Боровиковского. Что Кирилл Разумовский в России, из простого пастуха стал графом, президентом Российской академии наук, принимал активное участие в дворцовом перевороте 1762 г. Что светлейший князь, канцлер Александр Безбородко являлся составителем многих манифестов и других документов Екатерины II, долгие годы возглавлял внешнеполитическое ведомство государства. Председателем Государственного совета и Кабинета министров при Николае I являлся также украинец Виктор Павлович Кочубей. Этот перечень украинцев можно продолжать до бесконечности. Во власти находились и представители других национальностей. Что стало особенно ощутимо в советский период истории.

---

[14] См. Кучма Л. Д. Украина не Россия. – К., 2002.

[15] Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М., 1991.

Я понимаю, что в независимых государствах на современном этапе их становления, это сделать сложно. Думаю, что первый шаг в этом важнейшем деле должны сделать российские ученые – историки и преподаватели. Образцом, уберем оценки методологического характера, на мой взгляд, может стать фундаментальный труд С.М. Соловьева. Именно этот труд М. Горький в 1911 г. рекомендовал изучать одному из своих адресатов, указав: «…Позвольте дать дружеский совет! Будете учиться – не занимайтесь только теорией, но постарайтесь вооружить себя и фактами, т.е. знакомьтесь с сырым материалом. Имею ввиду, главным образом "Историю России" и не Ключевского, не Покровского, а чисто фактическую Соловьева. Возьмите все 29 томов и хорошенько прожуйте; результаты будут очень хорошие: во-первых, под теорию вы подложите фундамент, во-вторых, вам будет понятна психология русского народа и русского интеллигента»[16]. К этим словам М. Горького мало, что можно добавить.

RUSSIAN HISTORY TEACHING PROBLEMS IN HIGHER EDUCATION ORGANIZATIONS OF UKRAINE

V.M. DUKHOPELNYKOV
V. N. Karazin Kharkiv National University

This article is analyzing of the contemporaneous state of textbooks and class literature about history of Russia in Independent Countries Council. The special attention is paid to the history of Russia teaching problems in modern independent countries, which arose on the Union of Soviet Socialist Republics territory. The author is proposing to the possible outlets courses of this situation as in textbooks contents so in history of Russia teaching.

Key words: Russia, text-book, countrys, problem, search, way, history.

[16] Горький М. Собр. соч. в 30 т. Т. 28. М., 1954. С.267.

УДК 93/99 (4/9)

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРЕПОДАВАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В РОССИИ В КОНЦЕ XX - НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ (ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ)

А.В. ТРЕТЬЯКОВ

Курский государственный университет

e-mail: istor_kgu@mail.ru

В статье говорится о некоторых дискуссионных аспектах состояния, изучения и преподавания отечественной истории в конце XX – начале XXI вв. Автор показывает, то серьезный вред изучению исторического процесса в России нанесли отсутствие государственности, «всеобще знание» истории, политизация образования и социально-политическая направленность исторического знания. Показано, что качество научных исследований улучшится в ходе совершенствования методологии и привлечения новых источников исторических исследований. В целях показа реального исторического процесса следует особое внимание уделять роли природно-климатического фактора в социальной истории, исторической психологии сословий и частных лиц, взаимоотношениям культуры и власти, власти и общества, истории образования и образованию в истории общества и государства. Все это в совокупности станет основой самоидентификации российской истории.

Ключевые слова: историческая наука, преподавание истории, исторический процесс, методология, природно-климатический фактор, историческая психология, культура, власть, общество, история образования, образование в истории.

Вторая половина и особенно конец XX – начало XXI вв. стали для исторической науки и исторического образования сложным, противоречивым и наиболее драматичным периодом. Его сущность состоит в том, что, победив фашизм в годы Великой Отечественной войны, восстановив на основе величайшего подъема национальной гордости, народное хозяйство и образование мощнейшее государство Советский Союз трагически распалось. Его правопреемником стала постсоветская суверенная Россия.

Не открою никакой и не для кого тайны, сказав, что во все времена историческая наука и образование развивались, преодолевая субъективные и объективные трудности. Большой вред развитию исторической науки и образованию носил и носит субъективный фактор. Он основывается на «энциклопедичности каждого обывателя». «Историю и педагогику знают все, поэтому имеют право сказать, высказаться, вести исторические передачи…», – утверждают знатоки и любители истории. Это «всеобщее всезнайство» носит трудновосполнимый урон исторической науки и образованию.

Особый вред развитию исторической науки и образования в России нанесла политизация образования. На наш взгляд, это выражалось в ускоренном насаждении одной и той же идеи, но имевшей разную политико-смысловую направленность в различных временных рамках. К примеру, в советский период развития отечественной историографии (1917-1991 гг.) стремление убедить население в исторической неизбежности утверждения нового социально-экономического строя привело к безосновательному, но во многом талантливому ниспровержению достижений и ценностей дореволюционной (исторической) России. Причем не все досоветское было плохим. Методология отбора исторической фактуры способствовала обоснованию и утверждению новых истин.

Напротив, в постсоветской отечественной историографии (90-е гг. XX – начало XXI вв.) в обоснование смены модели социально-экономического развития, развала СССР и насаждения демократических ценностей вымарываются из истории и людской памяти бесспорные успехи советской истории или «Советской цивилизации»[1]. Все это в совокупности затрудняет объективное прочтение исторических источников, разработку концептуального видения исторического процесса и содержания преподавания отечественной истории в вузах.

Серьезным тормозом на пути изучения российской истории в последнее двадцатилетие стало отсутствие государственности и безвременье в сфере, особенно гуманитарного образования. Современная российская жизнь практически не отличается от советской (а тен-

[1] Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация (Книга первая). М., 2001.

денции последних лет указывают на возврат к советскому – уже проверенному), потому что в России остался прежний правящий класс. Если учесть, что на закате брежневского времени элита состояла «из партийных и государственных чиновников «красных директоров», криминальных и полукриминальных дельцов, а также верхушки научной и творческой интеллигенции... эта в общем безыдейная и разношерстная публика взяла на вооружение бухаринское «Обогащайтесь!» И вот этот народец, насквозь пропитанный советскими мещанскими ценностями, стал обустраивать Россию «по-новому», то есть «по-старому»[2]. А им-то реальная российская история не нужна, потому что история самая жесткая из всех наук, способная сказать правду о нас самих, о нашем прошлом, настоящем и будущем[3].

Особый вред определению направлений научных исследований и отбору материала для преподавания нанесли и наносят теперь (хотя уже заметно меньше) журналисты, телекомментаторы и творческая интеллигенция (Н. Сванидзе, Э. Радзинский и другие). Их сила, прежде всего в том, что они имеют огромную практически неподготовленную аудиторию, владеют литературно-художественной технологией и художественным словом. Поэтому им удавалось и удается еще формировать исторические интересы населения и недоверие к исторической науке и преподаванию истории. Вместе с тем, профессиональные историки пишут «скучнее», потому что хуже владеют искусством слова, а привлекательных героев объективно делают людьми, жившими и работавшими в определенных временных рамках.

В настоящее время достаточно активно исследуются влияние природно-климатического фактора на социально-экономическую историю России. Об этом много сказано в научной, учебной литературе и публицистике. Однако, по нашему мнению, публицистика выигрывает. К примеру, в статье академика Л.В. Милова достаточно подробно говорится о влиянии природно-климатического фактора на особенности российского исторического процесса. «Поскольку индивидуальное хозяйство, – пишет автор, – стало на ноги лишь ценою потерь в уровне производства, то сама самостоятельность этого хозяйства не стала подлинной самостоятельностью. Дело в том, что при паровом трехполье скудные почвы стремительно «выпахивались» и теряли плодородие. Практика же восстановления его связана была исключительно со старой архаической традицией – применением подсеки и перелога. А это вновь требовало больших затрат труда и помощи общины, которая, потеряв свое абсолютное господство, все-таки продолжала оставаться важным элементом не только быта и жизнеустройства крестьян, но и его земледельческом производстве»[4]. «Основная причина, –- подчеркивает Л.В. Милов, – кроется в специфике природно-климатических условий исторического центра России. Ведь здесь, при всех колебаниях в климате, цикл сельскохозяйственных работ был необычайно коротким, занимая всего 125-130 рабочих дней (примерно с середины апреля до середины сентября по старому стилю). В течение, по крайней мере, четырех столетий русский крестьянин находился в ситуации, когда худородные почвы требовали тщательной обработки, а времени на нее у него просто не хватало, как и на заготовку кормов для скота»[5].

Безусловно, эта статья напечатана в научном журнале и отвечает всем требованиям. Но по эмоциональному и психологическому воздействию на читателя она уступает характеристикам того же процесса, сделанным А.С. Кончаловским. «Климат Западной Европы, – пишет режиссер, – позволял интенсивно развиваться земледелию. То есть почва приносила урожаи, дающие излишек продукта. Для реализации излишков возник рынок, который, в свою очередь, положил начало развитию товарно-денежных отношений и накоплению капитала. Появление более успешных хозяйств привело к классовому расслоению крестьянства и потом к разрушению общинного строя и, в конце концов, возникновению буржуазии. На Руси, как известно, неблагоприятный климат не способствовал производительности труда: в среднем каждый третий год был неплодородным – не только на еду, но и на семена не хватало. Поэтому рынок, как инструмент развития капитализма и возникновения буржуазии в России практически отсутствовал до середины второго тысячелетия»[6].

---

[2] Кончаловский А., Пастухов В. На трибуне реакционера. М., 2007. С.189.

[3] См.: Сахаров А.Н. О новых подходах к истории России // Вопросы истории. 2002. № 8. С.3.

[4] Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4-5. С.37-38.

[5] Там же. С. 39.

[6] Кончаловский А., Пастухов В. Указ. соч. С.115.

Анализ нынешнего состояния исторической науки и преподавания отечественной истории на непрофильных факультетах показывает важность и нужность этой работы в вузах «История, – обращает внимание профессор математики, ректор МПГУ В.Л. Матросов, – составляет канву «вертикаль» гуманитарного знания. Благодаря ей знания о человеке, природе, обществе нанизываются на единую линию времени, вечного движения. Школа, как социальный институт, призвана помочь преодолеть дистанцию между биологическим возрастом объекта обучения и воспитания, и историческим опытом человечества»[7].

В настоящее время интерес к исторической науке и историческому образованию перерос из простого изучения прошлого нашей Родины в обеспечение национальной безопасности и государственной целостности России в исторической перспективе. Безусловно историю ускорить сложно, а написать неверно бессмысленно потому, что описываемое произошло и вызвало определенные последствия. Многогранность и сложность исторического процесса требует не переписывания, а переосмысление отечественной истории, ее изучения и преподавания.

Углубление изучения и описания реального исторического процесса требует совершенствования методологии исторического познания. Современные публикации на страницах академических журналов подтверждают правомерность наших суждений[8]. Дело в том, что основные принципы и составляющие методологии были разработаны в то время, когда история являлась главным и определяющим компонентом в системе гуманитарного знания. В тот период еще не было культурологи, МХК, религиоведения и других, самостоятельных теперь наук и учебных дисциплин, вышедших из истории, но со своими специфическими методами исследования исторического процесса. Неслучайно в конце XX – начале XXI вв. наибольший интерес стали представлять междисциплинарные исторические исследования. Их наибольшая объективность базируется на широте и новизне источников изучения проблем и новых методологических подходах.

В настоящее время в методологии исторических исследований наряду с огромными достижениями, нет по нашему мнению, главного – верных и эффективных способов изучения историко-психологических основ мотивации поведения элит, сословий, групп и отдельных личностей, а усредненной истории не бывает, она гораздо сложнее наших представлений о ней.

Поэтому особое внимание в настоящее время следует уделять исторической психологии. В советское время выходили отдельные работы по названной теме. Но фундаментальных таких как работа Б.Ф. Поршнева[9] практически не было. В конце XX – начале XXI вв. интерес к данной тематике заметно окреп. Это выразилось в создании в С.-Петербурге Международной ассоциации исторической психологии им. проф. В.И. Старцева. К примеру, в 2007 г. ассоциация провела две конференции: «Природа терроризма и психология человека на историческом фоне его угрозы» и «Быт как фактор экстремального влияния на историко-психологические особенности поведения людей»[10].

На эти проблемы неоднократно обращал внимание А.А. Искендеров[11]. «В системе исторического познания, – подчеркивает член-корреспондент РАН, – важное место занимает выявление побудительных мотивов, предопределяющих ход человеческой истории, взлеты и падения, крутые и неожиданные повороты в судьбах народов, государств, цивилизаций и культур. Многие явления и события исторической и культурной жизни не имеют достаточно обоснованных объяснений. Необходим не только более тонкий механизм, который давал бы возможность вскрывать и определять многосложные переплетения и связи между обществом, цивилизацией и государством, показывать жизнь людей во

---

[7] Матросов В.Л. Историческое образование в МГПУ // Исторические наука и образование на рубеже веков: Сб. ст. / Сост. А.А. Данилов. М., 2004. С.9.

[8] Всероссийская научная конференция «Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики» // Новая и новейшая история. 2007. № 2. С.96-102; Смоленская Н.И. Из опыта ведения курса по методологии истории // Там же. С.132-143; Калимонов И.К. Преподавание теории и методологии истории в Казанском университете // Там же. № 3. С.156-165 и другие

[9] Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979.

[10] См.: например, Природа терроризма и психология человека на историческом фоне его угрозы: Мат. XXI Межд. научн. конф. С.-Петербург, 14-15 мая 2007 г. / Под ред. проф. С.Н. Полторака. - СПб: Нестор, 2007.

[11] См.: Искандеров А.А. Гражданская война в России: причины, сущность, последствия // Вопросы истории. 2003. №10. С.75-95; Он же. Два взгляда на историю // Там же. 2005. №4. С.3-22.

всем ее многообразии, устанавливать степень и глубину взаимопроникновения культур, языков, религий, мироощущений проявляемых в духовно-нравственных и правовых установлениях, национальных традициях, нравах и обычаях. Необходимы принципиальные новые подходы, которые позволяли бы выявлять более глубокие причины тех исторических явлений, событий и процессов, которые не имеют пока убедительных объяснений, а некоторые из них все еще покрыты плотной занавесой тайн»[12]

Однако еще не определились основные направления историко-психологических исследований, методология и методы исторической психологии. Особый интерес и практическую научную значимость в этой связи приобретает поиск новых, но сущностных с точки зрения социальной психологии исторических источников, которые дадут возможность максимально полно увидеть эпоху, жизнь людей и понять их социально-психологическую активность. К их числу следует отнести художественную литературу[13] и кинематографию[14]. Академик С.О. Шмидт подчеркивает, что «...первичными источниками представлений о прошлом и теперь являются, как правило не труды ученых историков..., а произведения художественной литературы...».

В этом направлении также сделаны определенные, но к сожалению практически первые шаги. Интересны и перспективны работы воронежских, курских и тамбовских исследователей Дорошенко Н.Е., Антипиной С.Ф., Тонких Н.В., Басенко Ю.Н., Антимонова М.Ю.[15] Авторы названных диссертаций предприняли успешные попытки на основе разнообразных источников и особенно художественной литературы проникнуть в индивидуальный мир людей и показать социальную психологию периодов исследования, что им дало возможность наиболее близко приблизится к реальной истории и увидеть «живых» людей в историческом процессе.

К числу психологических характеристик, определяющих мотивацию поведения личности, в историческом процессе относится социальная зависть. Характеризуя особенности русского характера, писатель В. Максимов сказал: «Мне кожаной обуви не надо, но и ты, сука, ходи на кожимите (искусственной коже)». Вот этим-то и руководствуется в повседневной жизни российский человек. Феномен зависти в истории предстоит осмыслить и решить. Она присутствует повсеместно.

«Русская зависть – это мотор, это воздух, это стихия русской жизни ... Самое отрицательное проявление русской зависти заключается в том, что в отличии от стран, которые мы уважительно и с традиционным пиететом называем цивилизованными... в России все, что выделяется по своим достоинствам и качеству, откровенно ненавидят. Из зависти. Все, что выходит за рамки среднего, серого, вызывает в русских настороженность, беспокойство, и когда русский человек понимает, что ... само по себе хорошо, он начинает это лучшее вокруг себя гнобить, искоренять – из зависти и из опасения, что на фоне этого он сам покажется, недостаточно хорошим ... практически во всем мире уважают успех, красоту, ум, талант и пытаются подражать, следовать за ними, прилагая усилия над собой. И только в России талант и все ценное вызывает неприятие. Кто вспомнит, когда в России умные, талантливые, сильные и красивые люди признавались при жизни? Нет таких. Большинство из них (поэтов, инженеров, мыслителей) умирало рано, в нищете, под шумок завистливого русского общества.

Зависть и недоверие ко всему, что выходит за пределы среднего и серого, болотная инертность и подленькое чувство «не выделяться, все как-нибудь пережить и хорошо пристроится» порождают в России феномен тотальной стадности и круговой поруки, которую облюбовали любители русской старины, выдавая ее то за соборность, то за общинность, то за природный русский коллективизм. Спросим себя, что двигало революцию

---

[12] Искандеров А.А. Два взгляда на историю // Вопросы истории. 2005. №4. С.19.

[13] Шмидт С.О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. 2002. №1. С.40-49; Секиринский С. История и литература. В несовпадающих ракурсах? // Отечественная история. 2002. № 1.

[14] См.: Поляков Ю.А. Кино - великий историк // Отечественная история. 2003. №6. С.7-8; Дашкова Т.Ю. Любовь и быт в кинолентах 1930 - начала 1950-х гг. // Там же. С.59-67; Цимбаев Н.И. «На семи ветрах»:фильм о войне (наблюдения историка) // Там же. С.82-91.

[15] См.: Дорошенко Н.Е. Историческое развитие России как отражение политического генотипа в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2003; Антимонов Н.Ю. Жизненный мир старшеклассника. 1937 - 1941 гг. (на материалах Тамбовской области): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2006; Басенко Ю.Н. Судьба интеллигенции в контексте эпохи в творчестве А.И. Солженицына: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006.

1917 года? Зависть! Зависть к дворянству, к «кулакам», к буржуям, к империалистическим странам. В итоге – кровавая Гражданская война и большевизм с повальными расстрелами и стукачеством, всеобщая, но средняя и одинаковая для всех – нищета.

Что двигало революцию 1991 года? Зависть! Зависть к номенклатурным карточкам, столовкам, партпайкам и дачам, к загранпоездкам и «Березкам». И все та же вечная зависть к загнивающему Западу. Советским людям сказали, что номенклатура жирует за его счет, показали витрины западных супермаркетов ... и советский нард гордо пр...л все, за что заплатили огромную цену его отцы и деды десятилетия назад, все предав и все продав, рванув кто в большой хапок, кто – кому не повезло – на социальное дно», – написал К. Навозников на форуме сайта «Россея – Zaozersk.ru»[16]. Естественно не бесспорное, утверждение. Но оно не лишено смысла, имеет под собой широкую социально-историческую основу и требует всесторонней научной проработки.

В своей статье А.Н. Сахаров[17] определил основные перспективные направления научных исследований. Работа по ним, естественно ведется, достигнуты значительные результаты. Вместе с тем для более эффективного и качественного изучения, описания истории и совершенствования ее преподавания необходимо решить еще несколько задач.

В настоящее время историки серьезное внимание уделяют изучению истории представительных учреждений в России на различных этапах становления государственности, истории государственного и муниципального управления. Однако до сих пор неисследованным остается вопрос о роли местного самоуправления в жизни общества и истории российского государства. Если первая часть получила относительное научное осмысление, то вторая остается нерешенной до сих пор. Особой проработки требует вопрос – почему государство в дореволюционный, советский и постсоветский периоды постоянно декларировало о необходимости развития самоуправления, расширении сфер его влияния, но по мере реализации законов и активизации населения возможности самоуправления ограничивались. В народе по этому поводу говорили и говорят: «Самоуправление в России как горизонт, по мере приближения к нему оно отдаляется».

Уже известны многие, впечатляющие достижения историков культуры. Вместе с тем остается неразработанной темой, затрудняющей научное осмысление российского исторического процесса – культура в российской истории. Особого внимания требует изучение взаимоотношения культуры и политики, власти и культуры. Важно определить и показать, что является первичным, а что производным и к каким последствиям в истории ведет непонимание данного соотношения.

И в этой ситуации особенно важно понять и донести до читателя проблему человеческой жизни в истории России. Убийство, как способ решения социально-экономических и политических конфликтов известно, на протяжении всей истории человечества. Однако отношение нашего народа к убийству как обычной повседневности поражает своей прозаичностью и требует серьезного научного осмысления. Одной из причин такого положения дел стало отсутствие в дореволюционной России предпосылок для возникновения буржуазии как класса, а у русского купечества не было ни прав, ни свободы и главное что купечество к ним не стремилось.

Исторический опыт показывает, что бесправный человек не осознавал и не осознает своей ценности. У находящегося в зависимости человека вырабатывается фатальное отношение к своей и чужой жизням: «Бог дал – бог взял». В этом смысле интересно наблюдение И.А. Бунина. Он вспоминает как в годы революции один орловский мужик произнес типичные слова: «Мы, батюшка, не можем себе волю дать. Взять хоть меня такого-то. Ты не смотри, что я такой смирный. Я хорош, добер, пока мне воли не даешь. А то я первым разбойником, первым грабителем, первым вором, первым пьяницей окажусь». Все это в совокупности с иными обстоятельствами формирует своеобразие российской жизни. «Так, – говорил А.М. Горький в «Несовременных мыслях», – и мчится жизнь: одни грабят, убивают, другие – топят и расстреливают грабителей, третьи говорят и пишут об этом. И все «просто». Даже – весело порою. Но когда вспомнить, что все это происходит в стране, где жизнь человека до смешного дешева, где нет уважения к личности и труду ее, когда подумаешь, что простота убийства становится «привычкой», «бытовым явлением», – делается страшно за Россию»[18].

---

[16] Цитирую по: Кончаловский А., Пастухов В. Указ. соч. С.117-118.

[17] См.: Сахаров А.Н. О новых подходах к истории // Вопросы истории. 2002. № 8. С.3-20.

[18] Цитирую по: Кончаловский А., Пастухов В. Указ. соч. С.138-140.

В истории нет незаметных или незначительных тем. Все они важны и способны раскрыть суть российской истории. Вместе с тем историографический анализ показывает, что история образования, хоть и испытывала на себе воздействие историков, но все равно находилась на задворках исторической науки. В настоящее время исследователям особое внимание следует обратить на проблему – образование в российской истории. Причем образование следует рассматривать как систему от элементарных способов обучения грамотности и просвещения до высших уровней профессиональной подготовки. Это даст возможность увидеть и понять сущность крестьянской и российской ментальности, русский реформизм и либерализм, а так же механизм и сущность восприятия россиянами зарубежных идей и последствия реализации их в России. Изучение истории образования и образованности населения позволит более рельефно и объективно понять весьма актуальную и требующую решения проблему «Власть и общество». Об их не простых взаимоотношениях говорил еще Геляровский: «В России две напасти. Внизу власть тьмы, а на верху тьма власти».

Объективное изучение истории образования и его роли в жизни российского общества и государства позволит выделить незаметные стороны «истории повседневности», личностные основания российских и региональных процессов, а так же сущность идеи и концепции национальной безопасности России. В настоящее время ученые говорят о внутренней и внешней безопасности, ее социальной, экономической, продовольственной и идеологической составляющих, но остается неразработанным, а скорее непонятным вопрос о том, что образование является систематизирующим фактором национальной безопасности России.

Из вышеизложенного видно, что это отдельные еще нерешенные или недостаточно активно решаемые проблемы исторической науки, затрудняющие понимание сущности исторического процесса в России, что, безусловно, затрудняет организацию изучения курса Отечественной истории на непрофильных факультетах вузов. Образование и государственная образовательная политика являлись и остаются основой самоидентификации Российской истории.

HISTORICAL SCIENCE AND TEACHING OF NATIVE HISTORY IN RUSSIA AT THE END OF THE XXth – AT THE BEGINNING OF THE XIXst CENTURY (DISCUSSION ASPECTS)

A.V. TRET'YAKOV

Kursk State University

e-mail: istor_kgu@mail.ru

The article concerns some discussion aspects of the condition, study and teaching of Native history at the end of the XXth – at the beginning of the XIXst century. The author shows that the study of the historical process in Russia has been seriously harmed by the absence of the State system, "universal knowledge" of history, education's politicization and social-political direction of historical knowledge. It's been revealed that the quantity of scientific researches will improve during the methodology perfection and brining in new sources of historical researches. In an effort to show a real historical process special attention should be paid to the role of a natural-climatic factor in social history, historical psychology of estates and private persons, interaction between culture and power, power and society, history of education and education in society and state's history. These factors in the aggregate will form a basis for the self-identification of Russian history.

Key words: historical science, teaching of history, historical process, methodology, natural-climatic factor, historical psychology, culture, power, society, history of education, education in history

УДК 94(47).06

ЛАБОРАТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ТАМБОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Г.Р. ДЕРЖАВИНА

В.В. КАНИЩЕВ[1)]
Ю.А. МИЗИС[2)]
Р.Б. КОНЧАКОВ[3)]

[1)]Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

e-mail: valcan@mail.ru

[2)]e-mail: decan_hist@tsu.tmb.ru

[3)] e-mail: rom_kon@mail.ru

Рассматривается работа лаборатории социальной истории Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина в изучении проблем социальной истории и демографии, создания информационных ресурсов, геоинформационных систем и мультимедийных программ. Прослеживаются совместные международные и российские проекты по изучению проблем социальной истории.

Ключевые слова: Социальная история, историческая демография, историческая информатика, геоинформационные системы.

Лаборатория социальной истории Тамбовского государственного университета им. Г.Р.Державина была создана распоряжением ректора университета от 4 сентября 1995 г. Идея создания лаборатории была предложена и реализована В.В. Канищевым, ныне д.и.н., профессором кафедры Российской истории, который является научным лидером исследований по социальной истории, проводимых в Лаборатории сегодня. Возглавляет Лабораторию – к.и.н., доцент кафедры Российской истории Р.Б. Кончаков.

Создание подобной структуры в середине 90-х г. неслучайно. Помимо общих для российской исторической науки конца XX в. процессов поиска новой парадигмы исторических исследований, шел активный процесс создания межуниверситетских и международных исследовательских групп. К 1995 г. сотрудники кафедры Российской истории уже участвовали в совместных проектах по исторической демографии и интегральной истории на локальном уровне. Первым проектом руководил др. С. Хок (США, университет г.Айова), известный американский специалист по социальной истории русской деревни XIX в., второй проект, посвященный интегральной истории на локальном уровне, выполнялся совместно с командой историков университета г. Гронинген (Нидерланды) под руководством др. П. Коойе.

Оба проекта, в первую очередь, велись в русле социально-демографической истории, в оборот вовлекались широкие пласты массовых источников, применялись количественные методы обработки источников, появились первые опыты создания баз данных и т.д. В российско-голландском проекте в течении 6 с лишнем лет, помимо демографических сюжетов, были изучены различные аспекты семейной истории, экологической истории, истории города, церковной истории и т.д. Специально для этих исследований был разработан комплекс баз данных, охвативший большинство видов массовых источников: метрики (БД «Когорты» и «Общеприходская»), ревизские сказки (БД «family»), исповедальные ведомости (БД «Исповедь») , экология (БД «эко»), социальной стратификации и мобильности (окладные книги, адрес-календари, списки избирателей в единой базе «UNION»), сведения о приходах.

Эффективная апробация микроисторического подхода и успешное освоение информационных технологий позволило выйти на новый этап работы с региональными массовыми источниками и определило характер основных исследований, выполняемых лабораторией по сегодняшний день.

Кроме того, на кафедре Российской истории ведутся самостоятельные исследования в рамках социальной истории и квантификации исторического знания. Так, профессор Л.Г.Протасов в ходе исследования состава депутатов Учредительного собрания разработал совместно с Лабораторией исторической информатики МГУ (Л.И. Бородкин) просопографическую базу данных. В.В. Канищев провел контент-анализ документов бунтарской активности в городах России в 1917-1918 гг. Ю.А. Мизис создал обширную БД по та-

моженным книгам Юга России XVII-XVIII вв. В ходе совместной деятельности с СПбГУ была разработана база данных, содержащая материалы более 800 уставных грамот крестьянской реформы 1861 г.

Важным направлением работы лаборатории является разработка теоретических и практических основ создания баз данных на основе материалов исторических источников. Достигнуты заметные успехи в разработке экспертных систем, позволяющих автоматизировать такие сложные задачи как, например, восстановление истории семей, анализ семейных типов, классификации видов социальной мобильности и т.д. Используются геоинформационные системы и изучается потенциал пространственного анализа. Разработаны электронные карты Тамбовской губернии и области, г.Тамбова (XVII-начала XX вв.), некоторых уездных городов Тамбовской губернии. Созданы тематические карты социально-культурных учреждений, социального состава жителей г. Тамбова, заселения Тамбовского края.

Направлением, связанным с информационными технологиями и количественными методами руководит к.и.н., доцент кафедры Российской истории Р.Б. Кончаков, который является разработчиком большинства создаваемых в лаборатории баз данных.

Международные проекты простимулировали и межрегиональные контакты, способствовали вовлечению тамбовских историков в формирующее сообщество исследователей социальной истории. Так усилились контакты с исследователями Москвы, Санкт-Петербурга, Барнаула, Ярославля, Курска, Воронежа, Твери.

Таким образом, Лаборатория социальной истории ТГУ с момента своего создания оказалась в центре процесса формирования новых подходов к изучению Отечественной истории. Вместе с технологическими и методологическими инновациями это привело к возникновению мобильного и эффективного коллектива исследователей.

С момента возникновения перед лабораторией были поставлены задачи повышения научного уровня подготовки будущих специалистов, изучение методов исторической информатики и формирование баз данных по истории России, поддержание связей с отечественными и зарубежными специалистами по социальной истории. В современных формах эти направления реализуются и сегодня.

Лабораторией накоплен богатый опыт сотрудничества с крупными отечественными и зарубежными научными фондами. Большая часть выполняемых в лаборатории проектов имеет финансовую поддержку РГНФ или РФФИ[1].

На базе лаборатории неоднократно организовывались межрегиональные и международные конференции. Так в 2002 г. была проведена международная конференция «Социальная история Российской провинции». Регулярно проводятся конференции по актуальным проблемам и направлениям современной исторической науки. В 2006-2007 гг. проведены конференции по экологической истории, исторической урбанистике, проблемам сохранения историко-культурного наследия, семинар по контент-анализу.

Об уровне подготовки молодых специалистов лучше всего свидетельствует большое количество кандидатских диссертационных исследований, посвященных различным сторонам социальной истории. Со времени открытия диссертационного совета в 2000 г. было защищено более 20 диссертаций по социально-исторической проблематике. Активно поддерживается и студенческая наука: привлекаются к участию в научных проектах молодые, талантливые исследователи. Студенты, ведущие, работу в Лаборатории принимают участие в региональных и международных конференциях и семинарах, участвуют в конкурсах.

В рамках лаборатории ведется большая издательская работа. Издаются как тезисы и доклады конференций, так и научные монографии, учебно-методическая литература. Сотрудники лаборатории принимали участи в разработке крупных региональных изданий «Тамбовская энциклопедия» и учебники по историческому краеведению. В 2007 г. предпринята удачная попытка создания периодического сборника работ молодых историков «Новый взгляд».

---

[1] Поведение властей и общества в условиях холерных кризисов XIX в.» (РГНФ), «Микромиграционные процессы в российской Евразии во второй половине XIX- начале XX вв. Тамбовская губерния-Алтайский округ». «Модернизационные процессы в российском уездном городе в 1785-1870 г.: сравнительное изучение городов Санкт-Петербургской и Тамбовской губернии» (РГНФ), аналогичный проект в сотрудничестве с западносибирскими историками.

На исторических специальностях АГСО, существует несколько схем подключения студенческой молодежи к проектной деятельности.

Первая схема касается участия студентов в работах по созданию информационных ресурсов. Создание информационных ресурсов используется нами как начальная ступень вовлечения студенческой молодежи в инновационную деятельность. Разработка и ввод информации в базу данных позволяет студенту накапливать навыки владения информационными технологиями (важнейшими из которых для историков является СУБД), с другой стороны он получает навык работы с историческим источником. Специфика этой работы позволяет привлекать студентов младших курсов и быстро выявляет наличие или отсутствие требуемого сочетания способностей. На старших курсах созданная база данных уже является материалом для собственного исследования, которое находит отражение в курсовых и дипломных работах. А постольку, поскольку этот вид студенческой деятельности координируется и контролируется преподавателем, то чаще всего студент уже к 4 или 5 курсу имеет несколько самостоятельных публикаций, становиться участником научного проекта.

Вторая схема предполагает выявление студентов с хорошей базовой подготовкой по комплексу дисциплин связанных с информатикой, обладающих широким кругозором и хорошей успеваемостью по предметам профильной специальности. Здесь возможна целевая подготовка специалиста по одной из информационных технологий конкретно значимых для общего направления исследований кафедры или научной лаборатории. Так в течении 2004-2007 гг. в Лаборатории социальной истории координировалась подготовка нескольких студентов-историков как специалистов в области исторического картографирования и геоинформационых систем. В ходе этой работы руководитель Лаборатории определял возможные варианты стажировок и конференций, связанных с ГИС–технологиями, проводились индивидуальные занятия. В результате, участвующие в этом проекте студенты смогли стать важными участниками крупных межрегиональных проектов, связанных изучением городской истории, разрабатывают исторические карты как для исследовательских (изучение динамики развития городской инфраструктуры), так и для образовательных нужд (некоторые карты для учебника по историческому краеведению Тамбовской области).

Иногда выделяются студенты уже владеющие какой-либо информационной технологией и обладающие научной инициативой, которую важно вовремя и умело поддержать. Хорошим примером реализации подобного подхода является создание трехмерной модели крепости Тамбов – исследовательского и образовательного проекта, где основная работа была по созданию компьютерной исторической реконструкции и обработке видеоматериала была выполнена студентами 3-4 курсов. Этот проект принял участие в конкурсе грантов управления культуры Тамбовской области и получил финансовую поддержку. В силу своей «визуальной» направленности проект генерирует массу контента, который может получить коммерческое использование, например, в изготовлении наглядных пособий в сфере школьного образования.

Третьей схемой является целенаправленная углубленная подготовка студентов по информационным технологиям, имеющим ключевое значение для профессиональной деятельности по полученной специальности. Позитивный опыт здесь накоплен в отношении специальности «музейное дело». По такой схеме с углубленным изучением систем и принципов разработки мультимедийных выставок и экспозиций, музейных информационных систем подготовлен специалист так же принявший участие в одном из совместных проектов Управления культуры Тамбовской области, Областного краеведческого музея и ТГУ по созданию электронного варианта выставки «Тамбовская Вандея. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии 1920-1921 гг.)».

Другим примером такой работы является подготовка и издание красочного альбома «Иллюстративная история Тамбовского края» и создание на его базе мультемидийной программы для школ и вузов Тамбовской области.

Таким образом, подключение студентов–гуманитариев к серьезным проектам доступно лишь на старших курсах, по мере становления студента как специалиста. Однако, существует немало способов поддерживать позитивную мотивацию студентов за время роста их профессиональной подготовки по историческим и информационным дисциплинам. Наиболее важные из них:

– совместные или самостоятельные студенческие публикации, в т.ч. издание собственных сборников студенческих работ (например, международный сборник студенческих работ «Новый взгляд»), интенсивное использование возможности электронных публикаций;

– участие в конференциях, проводимых ТГУ, (в том числе и активность Лаборатории по организации и проведению конференций и семинаров, где доминирует проблематика, связанная с направлениями инновационной деятельности, с участием студентов);

– поиски возможностей финансирование поездок студентов на стажировки, семинары, конференции в других городах, используя как из средства ВУЗа, так и из средства разных проектов, рассматривая это финансирование как *инвестиции* в будущих специалистов. Такой подход, как показал опыт, полностью себя оправдывает, создавая в коллективе молодых исследователей атмосферу научной конкуренции, а, главное, интегрируя студента в научное сообщество;

– участие в студенческих научных конкурсах. Этот пункт на сегодняшний день является важным источником дополнительного финансирования научной студенческой деятельности в рамках исторических специальностей. Здесь от преподавателя требуется вовремя обратить внимание на конкурс, помочь правильно заполнить необходимые документы и т.д. Такая работа сплачивает научный коллектив, поддерживает энтузиазм и интерес к дальнейшим исследованиям.

Перечисленные выше позиции имеют ключевое значение и для формирования научного коллектива в рамках базовой кафедры и Лаборатории. Не секрет, что специалист-гуманитарий, обладающий широким кругозором и сильной подготовкой в области информационных технологий без труда найдет работу с высоки оплатой, которая может быть и не связана с его основной специальностью. Поэтому формирование сплоченного коллектива имеют ключевое значение как фактор концентрации интеллектуального капитала для дальнейшего успешного ведения инновационной деятельности и привлечения инвестиций научных фондов на качественно новом уровне.

LABORATORY OF SOCIAL HISTORY TAMBOV'S STATE UNIVERSITY OF G.R. DERZHAVIN

V.V. KANICHEV[1]
Y.A. MIZIS[2]
R.B. KONCHAKOV[3]

[1] Tambov's State University of G.R. Derzhavin, e-mail: valcan@mail.ru

[2] e-mail: decan_hist@tsu.tmb.ru

[3] e-mail: rom_kon@mail.ru

The work of the laboratory of social history of Tambov's State University of G.R. Derzhavin is acknowledged in studding of social history and demography, creating of informational resources, geoinformational systems and multimedia programs. There is a mutual international and Russian projects of studding of social history problems.

Key words: Social history, history demography, historical information, geoinformational systems.

УДК 930

НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И ТЕРМИНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В.А. КОСМАЧ

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова

e-mail: V.Kosmach @tut.by

В статье на первый план выдвигаются некоторые спорные проблемы современного европейской, российской и белорусской истории. Также поднимаются вопросы исторической терминологии, периодизации истории и трактовки фашизма. Автор дает аргументированную собственную интерпретацию представленных результатов.

Капитализм, социализм, коммунизм, административно-командная система, закон, периодизация истории, фашизм.

1. Проблема исторической терминологии или вопрос о целесообразности и объективности использования «старого», изжившего себя, заидеологизированного **категориального аппарата** в современной отечественной исторической науке. Прежде всего это относится к таким ключевым понятиям и сегодня в отечественной историографии как **«капитализм», «социализм», «коммунизм»** и **«империализм»,** которые следует переосмыслить и в их реальном и **позитивном содержании** (именно в позитивном! – В.К.).

Не вдаваясь в пространные рассуждения, процитируем вначале классиков марксизма: «Вы приходите в ужас от того, – обращались **К. Маркс** и **Ф. Энгельс** в своем знаменитом «Манифесте Коммунистической партии» к собственным оппонентам, – что мы хотим уничтожить частную собственность. Но в вашем нынешнем обществе (а это, напомним, середина XIX в. – В.К.) частная собственность уничтожена для девяти десятых его членов, она существует именно благодаря тому, что не существует для девяти десятых. Вы упрекаете нас, следовательно, в том, что мы хотим уничтожить собственность, предполагающую в качестве необходимого условия отсутствие собственности у огромного большинства общества. Одним словом, вы упрекаете нас в том, что мы хотим уничтожить вашу собственность. Да, мы действительно хотим это сделать»[1]. В произведении, ставшим классикой, «Капитале» основатели подчеркивали: «Лишь там, где работник является свободным частным собственником своих, им самим применяемых условий труда», лишь там соответствующий способ производства «достигает расцвета, проявляет всю свою энергию, приобретает адекватную классическую форму»[2]. В том же «Манифесте Коммунистической партии» К.Маркс и Ф.Энгельс отмечали, что «отличительной чертой коммунизма является не отмена собственности вообще, а отмена буржуазной собственности»[3].

Отсюда можно сделать, по крайней мере, **три вывода**:

1. К. Марк и Ф. Энгельс, а значит и их учение – марксизм, считали именно **частную собственность** необходимым условием и детерминантой, движителем прогресса; естественным и необходимым состоянием справедливого общества.

2. Уже ранний марксизм принципиально подчеркнул, что он выступает не против частной собственности как таковой, а против буржуазной (капиталистической) частной собственности.

3. Уже ранний марксизм четко определил, что капитализм середины XIX в. – это несправедливое общество, поскольку в нем имущее меньшинство (10%) владеет собственностью, а следовательно и властью, и на этой основе эксплуатирует неимущее большинство (90%), что можно легко изобразить в виде небольшой схемы по принципу «двух кругов»:

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.4.С.440.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С.771.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.4. С.438.

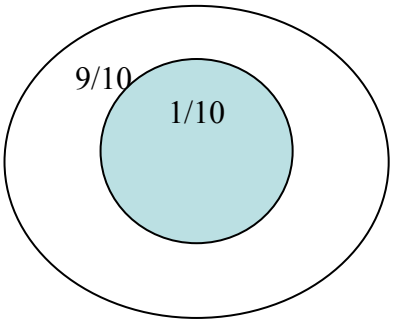

Рис. 1. Капитализм середины XIX в.
(заштрихована имущая, т.е. владеющая собственностью, и обладающая властью часть европейского и североамериканского общества).

Такому, действительно несправедливому обществу – капитализму середины XIX в. – марксизм заявил свою решительную аппозицию. Что предлагалось взамен, какая альтернатива? **Движение к коммунизму через социализм путем расширения числа частных собственников, а значит и числа граждан, участвующих в управлении государством и обществом, как в центре, так и на местах.** Изобразим логику рассуждений классиков марксизма об эволюции капитализма в коммунизм через социализм схематично (заштрихована имущая и обладающая властью часть общества):

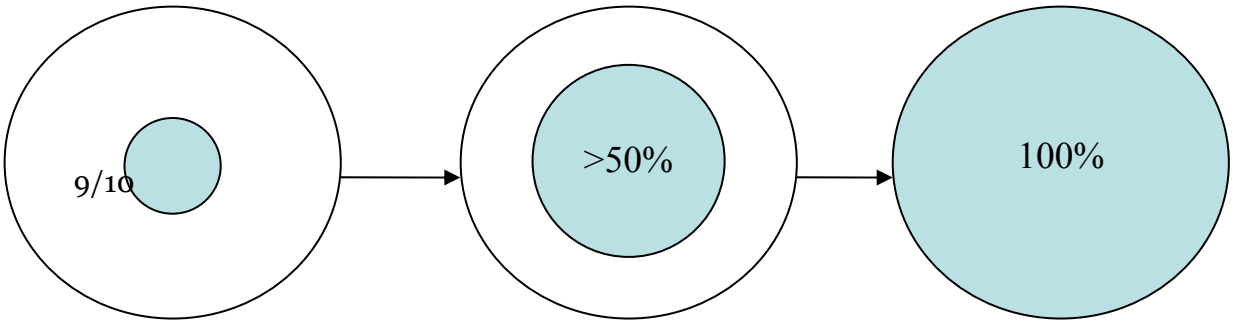

Рис. 2. Доля населения, обладающего собственностью и властью в обществе

Другое дело, что марксизм не исключал двух вариантов движения общества к коммунизму через социализм: **путем реформ** (социал-демократический вариант), отрицая революцию, и, лево – социалистический (лево – радикальный) вариант – **путем революции и диктатуры парламента**.

Нет сомнения поэтому в том, что понятиям «капитализм», «социализм» и «коммунизм» следует придать «второе дыхание», возродить их реальный, настоящий, объективный смысл и содержание. С нашей точки зрения: **«капитализм»** – это такой общественный строй (общество), где собственность и власть принадлежит имущему меньшинству, владеющему капиталом; **«коммунизм» -** это общество свободных собственников – производителей, в котором собственность, власть и капитал доступны каждому**; «социализм»** – это общественный строй (общество) переходного типа, где собственность, власть и капитал принадлежат имущему большинству. **Исторический смысл социализма** – в превращении максимально большего числа наемных работников в собственников.

Многие и сегодня ошибочно полагают, что раз частная собственность предполагает (и что в принципе верно – В.К.) экономическую свободу, верховенство личности, рынка и гражданского общества, демократии и парламентаризма, то и в политической и иных сферах жизнедеятельности общества позиции государства должны быть вторичны или сведены лишь к «регулированию», а авторитет «великой личности» вообще исключен. Это, мол, тоталитаризм, диктатура, вождизм, фашизм, национал – социализм, стали-

низм, маоизм и т.д. Это так, но это лишь одна тенденция в истории, поскольку есть и вторая. История часто свидетельствует и о том, что **«великая личность», действительно национальный лидер не меньшее благо и польза, как и свободный индивид – собственник в гражданском обществе.** Частная собственность нереальна без свободной личности**,** так и сильное государство своими успехами и процветанием своих граждан может быть ведомо сильной личностью. Достаточно назвать в качестве примера Ф.Д. Рузвельта, У.Черчилля, Ш.де Голля, К.Аденауэра и других. Возрождающаяся Россия сегодня так же определилась в своем историческом настоящем и будущем в лице В.В. Путина и сильной президентской республики.

«Империализм» как понятие, как термин генетически привнесен в наше сознание наследием и теорией ленинизма, причем в ложном, извращенном (по – В.И. Ленину – Ульянову) содержательном смысле. На самом деле, «империализм» – это вполне оправданный и в лексическом, и в содержательном значении термин (категория) для обозначения и фиксации великодержавных, захватнических намерений того или иного государства, не исключая такие формы внешней агрессии (экспансии) как войны или локальные конфликты. Империализм связан, прежде всего, с великодержавностью и внешней экспансией. Иногда «империализмом» называют недемократические (тоталитарные) формы организации и существования власти, государства или общества. Западногерманские и другие историки Западной Европы во второй половине XX в. и ранее активно использовали в работах по истории внешней культурной политики Германии и других европейских государств, а так же США, такой собирательный термин как «культурный империализм», обозначая им духовно – культурную экспансию империализма и государств Западной Европы и США в XIX – XX вв.

2. Проблема объективного, и в этом смысле повторного, **изучения советского прошлого**, истории большевизма и сталинизма, истории советского общества (СССР), и в особенности причин и факторов, которые привели к краху и распаду действительно мировой державы – Советского Союза. Сегодня же нет сомнений, что одну из решающих ролей в распаде СССР сыграли спецслужбы западных государств, прежде всего США, Великобритании, Франции и Германии, а так же сложная геополитическая игра среди самих государств так называемого «би-» или «двухполярного мира» (противостояние «капитализм» - «социализм» в советском идеологизированном обозначении и понимании). Первые, и достаточно объективные работы на эту тему, уже есть[4].

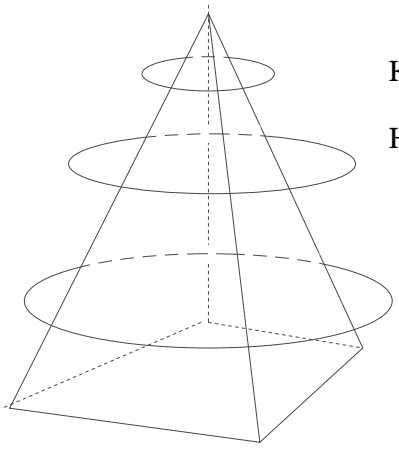

Рис. 3. «Пирамида». Административно-командная система базировалась на четырех факторах собственной силы и воспроизводства.

Вместе с тем, отрицать тот факт, что **административно – командная система** к началу 1990х гг. в СССР изжила и исчерпала себя, так же нельзя, поскольку она покоилась и воспроизводила себя десятилетиями на основе так называемых «экстенсивных факторов». Эта система породила и востребовала своего «могильщика» - М.С. Горбачева и его «продолжателя» - Б.Н. Ельцина.

[4] Чешко С.В. Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. М.,2000.

А выглядела она схематично так:

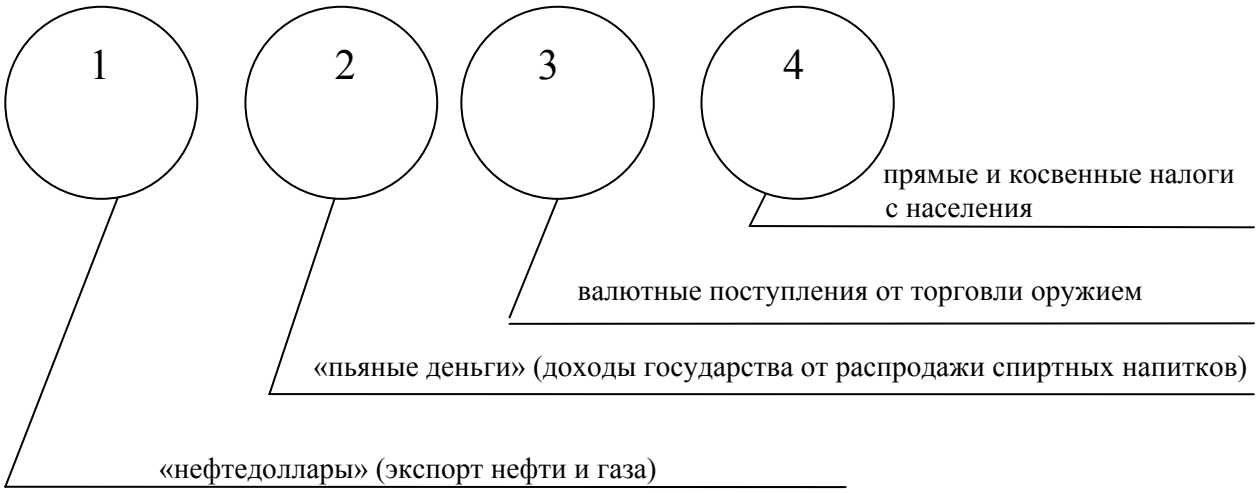

Рис. 4. Экстенсивные факторы

Поэтому следует и сегодня учитывать уроки исторического советского прошлого. В этом плане величайшая ответственность в наше время ложиться на современных политических лидеров и гуманитариев – обществоведов, и прежде всего на историков.

3. Проблема «повторного» и объективного изучения большевизма и сталинизма актуальна сегодня как никогда. В этом ещё одна историческая миссия самой современной исторической отечественной науки. Следует признать, что большевизм и сталинизм уходят своими корнями глубоко в российскую историю, поведенческо – бытовую культуру и менталитет русского народа и восточнославянской цивилизации. Следует признать, что Россия в 1917 г. и далее переживала аналогичные события и потрясения, подобные Франции времен Великой французской буржуазной революции 1789-1799 гг. Полагаем, что в современной отечественной историографии правильнее будет говорить **о «Великой российской буржуазно – демократической революции 1917-1920 гг.»**, начало которой связано с низвержением монархии Романовых, а финал – с окончанием гражданской войны и переходом Советской России к новой экономической политике (нэпу). У нас так же были свои «лафайэты» и «дантоны», жирондисты и якобинцы, террор и гражданская война, наконец, свой «термидор». Если присмотреться внимательно и объективно к истории Франции и России, то основные периоды и этапы не только Великой французской буржуазной революции второй половины XVIII в. и Великой Российской буржуазно – демократической революции первой четверти XX в., но и французской истории XVIII – XX вв. или идентичны или весьма похожи с российской историей XIX – начала XXI вв.. Много аналогии можно найти в германской и российской истории XVIII – XX вв. Все это во многом потому, что в самой истории как реальности функционируют свои собственные законы и закономерности.

4. Отсюда ещё одна тема и проблема для современной отечественной историографии – **проблема поиска и формулировки исторических законов и закономерностей** (ведь мы не отрицаем, что история – это наука, а любая наука формулирует их) **и на этой основе объективного определения в периодизации с не менее объективной трактовкой таких понятий как «эпоха», «период», «этап»**. Для начала предложим четыре ключевых закона именно исторического контекста и содержания[5]:

1. **Закон исторической эволюции и кризиса цивилизаций:** «Весь ход истории определяется развитием и соперничеством различных форм и типов собственности, столкновением и конфликтами интересов людей. В случае, если одна форма или тип собственности пытается доминировать, а соперничество интересов приобретает характер глубокого социального антагонизма, происходит цивилизационный разлом – одна цивилизация (культура, формация, эпоха) меняет другую».

[5] См. подробнее: Космач В.А. История как наука: предмет и проблемное поле, специфика исторических законов и периодизация // Веснік Віцебскага дзяржаўнага універсітэта. 2001. №1 (19). С.3-8.

2. **Закон «народ – личность»:** «И народ и личность в отдельности есть творцы истории. Бывают исторические эпохи (в узком понимании этого слова), когда не массы, а великие личности определяют весь ход истории, развитие и судьбы той или иной цивилизации или культуры».

4. **Закон исторического позитива или негатива:** «Ход истории может быть или позитивным или негативным. Негатив в истории (социальные катаклизмы, войны, революции, диктаторские режимы и т.д.) больше наблюдается там, где доминируют коллективистские, в том числе государственная, формы собственности и где не сложилось гражданское общество. Там, где преобладает частная форма собственности и ее различные модификации, где сложилось и де-факто существует гражданское общество, развитые институты и традиции парламентаризма и демократии, в истории той или иной страны, государства, цивилизации преобладает позитив».

4. **Закон «массы-элита»:** «История конкретной страны, конкретного государств, той или иной цивилизации (культуры) в большей степени зависит не от того, что думают и как ведут себя народные массы, а от того, какую политическую, хозяйственную и духовную элиту они порождают. Реакционная и великодержавная элита чаще формируется в государствах и обществах «вождистского» и «общинного» типов».

Важнейшее значение в исторической науке принадлежит **периодизации,** которая предполагает деление истории развития той или иной цивилизации, страны, государства или народа (народов) на эпохи, периоды и этапы. При всей разноречивости подходов к периодизации всемирной истории с точки зрения европоцентризма основные эпохи всемирной истории устоялись. Это – **древность** (по V в. н. э.), **средневековье** (V – XV вв.), **новое время** (XVI—начало XX в.), **новейшая и современная история** (1917/18 гг. – по н/время). Но хронологические рамки самих эпох из этой «четырёхчленки» – предмет самых острых дискуссий сегодня. На наш взгляд, это объясняется тем, что историки бывшего СССР, с одной стороны, слишком отягощены наследием марксизма – ленинизма и не могут до сих пор отойти от подобного «наследия», а с другой стороны, чувствуется тупиковость в самом варианте периодизации, прежние критерии периодизации явно устарели. Историки-профессионалы интуитивно ощущают необходимость обновления периодизации всемирной истории и вопрос о её критериях – один из ключевых.

С нашей точки зрения, минимум **три основных критерия** должны лежать в основе периодизации всемирной истории, которые мы сводим к следующим трём постулатам (положениям):

1. Переходное время от одной исторической эпохи к другой определяется событиями всемирно-исторического масштаба. Конкретные даты в данном случае весьма условны и относительны.

2. Периодизация всемирной истории с точки зрения европоцентризма должна учитывать прежде всего уровень развития цивилизаций и культур самой Европы, её ведущей, основной цивилизации – западноевропейской.

3. Европейская идея и геополитика Европы – важнейшие моменты при определении эпох и периодов во всемирной истории с точки зрения европоцентризма. Степень их реализации в реальной жизни, в реальной истории должна просматриваться чётко в самих эпохах и периодах европейской и всемирной истории.

Древняя эпоха объединяет «предысторию» и историю первобытных культур, а также цивилизации народов Древнего Востока и античного мира. Начальные хронологические рамки данной эпохи уходят в глубокую древность, они тесно связаны с историей антропо- и социогенеза, формированием «Homo sapiens», появлением первых цивилизаций древности. Конечная грань древней эпохи, казалось бы, не должна также вызывать никаких сомнений. Это V век нашей эры и традиционный 476 г. – год нападения Западной Римской империи, точнее, год взятия Рима варварами. Далее начинается эпоха средневековья. Но вот что писал в своё время известный русский историк С.В. Ешевский:

«Было принято начинать историю средних веков с 476 г., так называемым падением Западной Римской империи. Теперь это обыкновение сохранилось разве в немногих учебниках. Свержение Ромула-Августила такой ничтожный факт, что его едва заметит сколь-нибудь серьёзно занимающийся историк. Было бы смешно принимать его за черту, разграничивающую две великие эпохи человечества, два мира, столь непохожие друг на друга и столь своеобразные. Сверх того, невозможно тем или другим годом обозначить такой великий переворот, который совершился в конце истории древней и в начале но-

вой. И если нужно хронологически обозначить грань, отделяющую историю древности от истории новой Европы, то этой гранью приличнее принять первое столетие нашей эры. Христианство и варвары – вот два всемирно-исторические явления, проложившие конец античному миру… Свержение Ромула-Августила не произвело ни малейшего впечатления даже на современников». Великолепно сказано, причём ещё в 1870 г.!

Эпоха средневековья, на наш взгляд, будет занимать в европейской истории и мировой истории с точки зрения европоцентризма минимум пятнадцать веков (I – XV вв. нашей эры). Разумно и логично делить эту эпоху на три периода: раннее средневековье (I – IX вв.), высокое средневековье (X – XIII вв.) и позднее средневековье (XIV—XV вв.). Открытие Америки Колумбом (1492 г.), знакомство европейцев с «Новым светом» и назревшие изменения цивилизационного масштаба в «Старом свете» (канун Реформации) – грань всемирно-исторического масштаба по своей значимости и последствиям и для Европы, и для мира в целом.

Далее наступает **эпоха Нового времени.** Новое время, подчёркивают А.В. Савельева и А.В. Полетаев, это время всего мира, всего человечества, диктуемое Европой, независимо от типа или ступени развития того или иного общества. Подчеркнём слова «диктуемое Европой». На наш взгляд, это 1492 – 1945 гг. Именно Европа определяет в это время судьбы всего мира и свою собственную. Минимум четыре периода можно выделить внутри самой эпохи Нового времени. Это: раннее Новое время (1492 – 1640 гг), зрелое Новое время (1640 – 1870 гг.), позднее Новое время (1870 – 1917/18 гг.) и (предлагаем авторский вариант – В.К.) новейшее Новое время (1919 – 1945 гг.). После второй мировой войны уже не Европа, а США, североамериканская цивилизация, будут определять судьбы мира и во многом самой Европы.

А далее можно говорить об **эпохе новейшей и современной истории** (1945 г. – по н/), которой мы живём. Судьбоностное значение в Европе и геопотическую значимость для всего мира по своим последствиям имели Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки (1975 г.) и распад Советского Союза в 1991 г.

В заключение изобразим всё вышесказанное в виде таблицы, учитывая историю российской (евразийской) цивилизации и историю Беларуси:

Эпохи Периоды Этапы	Всемирная история	История России	История Беларуси
I	**Древняя эпоха (эпоха древности) – по I в. н. э.**		
1.	Первобытные (древнейшие) культуры	Первобытные (древнейшие) культуры	Первобытные (древнейшие) культуры
2.	Древние культуры:	Древние культуры:	Древние культуры:
2.1	Древневосточные	Фино-угорские и славянские	Фино-угорские и славянские
2.2	Античные	Балто-славянские и скифо-азиатские	Балто-славянские
II	**Эпоха средневековья (I – XV вв.)**		
1.	Раннее средневековье (I – IX вв.)	Старославянский период (I – IX вв.)	Старославянский период (I – IX вв.)
2.	Высокое средневековье (X – XIII вв.)	«Киевский период» (IX – XII вв.)	«Полоцкий период» (IX – XIII вв.)
3.	Позднее средневековье (XIV – XV вв.)	«Московский период» (XIII – XV вв.)	«Белорусско-литовский период» (XIII – XV вв.)
III	**Эпоха Нового времени (XVIв. – 1945 г.)**		
1.	Раннее новое время (1492 – 1640 гг.)	Великорусский период (XVI – нач. XVIII вв.)	«Белорусско-литовский период» (по 1569 г.)
2.	Зрелое Новое время (1640 – 1870 гг.)	Имперский период (1721 – 1917 гг.)	«Польский период» (1569 – 1795 гг.)
2.1	Этап «великих революций» (1640 – 1800 гг.)		«Российский период» (1795 – 1917 гг.)
2.2	Этап «реформ и реставраций» (1800 – 1870 гг.)		
3.	Позднее Новое время (1870 – 1917/18 гг.)		

4.	Новейшее Новое время (1919 –1945 гг.)	Советский период (1917 – 1945 гг.)	Советский период (1917 – 1945 гг.)
4.1	Межвоенный период (1919 – 1939 гг.)	ВРБДР и гражданская война (1917 – 1920 гг.)	ВРБДР и гражданская война (1917 – 1920 гг.)
4.2	Период второй мировой войны (1939 – 1945 гг.)	Ранний сталинизм и НЭП (1921 – 1929 гг.)	Белоруссизация и НЭП (1921 – 1929 гг.)
4.3		Сталинизм (1929 – 1945 гг.)	Сталинизм (1929 – 1945 гг.)
IV	**Эпоха новейшей и современной истории (1945 – по н/время)**		
1.	Послевоенный период (1945 –1975 гг.)	Советский период (1945 –1993 гг.)	Советский период (1945 – 1996 гг.)
2.	Новейший период (1975 – 1991 гг.)	Сталинизм (1945 – 1953 гг.)	Сталинизм (1945 – 1953 гг.)
3.	Современный период (1991 г. – по н/время)	Либеральный коммунизм (1953 – 1964 гг.)	Консервативно-либеральный коммунизм (1953 – 1964 гг.)
4.		Неосталинизм (1964 – 1985 гг.)	Неосталинизм (1964 – 1985 гг.)
5.		Либеральный коммунизм (перестройка) (1985 – 1991 гг.)	Консервативно-либеральный коммунизм (перестройка) (1985 – 1990 гг.)
6.		Реформаторский неокомунизм (1991 – 1993 гг.)	Реформаторский (национально-демократический) неокоммунизм (1991 – 1994 гг.)
7.			Бюрократический неокоммунизм (1994 – 1996 гг.)
8.		Российский период (1993 г. -- по н/время)	Постсоветский период (1996 г. -- по н/время)
9.		Олигархический либерализм (1993 – 1999 г.)	Бюрократический неокоммунизм (1996 г. -- по н/время)
10.		Либеральный патриотизм (2000 г. -- по н/время)	
Примечание: **ВРБДР – Великая Российская буржуазно-демократическая революция**			

5. По – прежнему дискуссионными остаются вопросы, связанные с историей фашизма и германского национал – социализма. Написано сотни и тысячи работ, в том числе по трактовке фашизма и его сущностным характеристикам[6]. Однако дискуссии на эту тему не утихают. Мы предлагаем выводить определение фашизма и его основные характеристики из такого понятия как **«тоталитарные революции»,** рассматривая фашизм как их следствие и одновременно как классическую форму тоталитаризма в XX в. Термин **«тоталитарные революции» следует вводить, с нашей точки зрения, в научный оборот в качестве нового понятия**, которое означало бы новую разновидность, новый тип социальных революций в эпоху новейшей и современной истории. **Основными характеристиками тоталитарных революций** могли бы быть следующие положения:

1. Тоталитарные революции характерны только для XX века, новейшей и современной истории.

2. По своим основным движущим силам, своей социальной базе – это революции реакционно и великодержавно настроенной номенклатуры и мелкобуржуазных сословий, а также их союзников из числа люмпенизированных низов и интеллигенции.

3. Основными лозунгами таких революций выступают обычно идеи социального равенства, национального величия, государственного вмешательства во все сферы жизни общества, дисциплины и порядка.

4. Для таких революций характерно переплетение левого и правого радикализма в сочетании с лозунгами популизма и социальной демагогии.

---

[6] См.: Космач В.А. Трактовка фашизма в историографии 20-40-х гг. и второй половины XX века // Веснік Віцебскага дзяржаўнага універсітэта. 2000. №4 (18). С.136-144.

5. Такие революции происходит обычно в форме насильственных полулегальных или легальных государственных переворотов.

6. Основное следствие таких революций – тоталитаризм и тоталитарные режимы самых разных форм (итальянский фашизм, германский национал – социализм и т.д.)

7. Эти революции обычно отрицают классические формы либерализма, парламентаризма и демократии, предлагая взамен «свою» (пролетарскую, национальную, антиеврейскую и т.д.) демократию или тоталитарное государство. На самом деле тоталитарные революции глубоко враждебны гражданскому обществу, демократии и правовому государству. Они по совей сути глубоко антидемократичны.

8. Тоталитарные революции всегда радикально настроенного «народного» вождя и партию вождистского типа.

С учетом всего этого, по нашему мнению, фашизм следовало бы определять так:

Фашизм (от итальянского fascio – пучок, связка, союз, соединение) – это собирательный термин для обозначения тоталитарных форм политических движений и политической власти, сопутствующее явление и следствие тоталитарных революций в XX веке; это идеология и власть реакционно и шовинистически настроенных номенклатуры, бизнеса и мелкобуржуазных сословий, их союзников из числа люмпенизированных низов и «патриотической» интеллигенции; это синтез крайнего национализма (шовинизма), популизма и антидемократизма с идеями «национального единения» и «социального мира», государственного покровительства экономике и антикоммунизма; это антипод гражданского общества, парламентской демократии и правового государства.

Ради завоевания и удержания власти фашизм обычно активно использует: социальную демагогию, лозунги дисциплины и порядка, шовинизм и великодержавный патриотизм, антикоммунизм и антисемитизм, вождизм и идею однопартийной диктатуры «народного типа», антипармаментаризм и силовые методы давления на оппозицию, жесткую цензуру над средствами массовой информации, тотальный контроль над экономикой и всеми сферами жизни общества, включая быт, семью и личную жизнь граждан. Фашизм объединяет в одном политическом движении крайний национализм и радикальный социализм. Он открыто демонстрирует свою неприязнь к ценностям демократии, гражданского общества и правового государства; извращает патриотические ценности, превращая их в открытый шовинизм.

SOME DEBATABLE QUESTIONS (PROBLEMS) OF MODERN DOMESTIC HISTORICAL SCIENCE

V.A. KOSMACH

Vitebsk State University

e-mail: V. Kosmach @tut.by

The article highlights some arguable issues of modern European, Russian and Belarusian history. It also deals with the matters concerning historical terminology, periodization of History and understanding of fascism. The author gives his own well-reasoned interpretation of the presented findings.

Key words: capitalism, socialism, communism, administrative and command system, law, regularity, periodization of History, fascism.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айрапетов А.Г. – заведующий кафедрой всеобщей истории Академии гуманитарного и социального образования Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, профессор, доктор исторических наук

Болгов Н.Н. – заведующий кафедрой всеобщей истории Белгородского государственного университета, доктор исторических наук, доцент

Варфоломеева М.И. – доцент кафедры документоведения Белгородского государственного университета, кандидат исторических наук

Дворецкий Е.В. – заведующий кафедрой отечественной истории и политологии Белгородского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент

Духопельников В.М. – заведующий кафедрой истории России Харьковского национального университета им. Н.В. Каразина, профессор, кандидат исторических наук

Захарова О.А. – старший преподаватель кафедры всемирной истории Черниговского государственного педагогического университета имени Т.Г.Шевченко, кандидат исторических наук

Земцов Л.И. – декан исторического факультета Липецкого государственного педагогического университета, доктор исторических наук

Исмаилов А.И. - профессор Южно-Казахстанского государственного университета имени М. Ауезова (Республика Казахстан, г. Шымкент), доктор исторических наук, заслуженный деятель республики Казахстан, полковник в отставке

Канищев В.В. – профессор кафедры Российской истории Академии гуманитарного и социального образования Тамбовского государственного университета им. Г.Р.Державина, доктор исторических наук

Кончаков Р.Б. – доцент кафедры Российской истории Академии гуманитарного и социального образования, зав. Лабораторией социальной истории Тамбовского государственного университета им. Г.Р.Державина, кандидат исторических наук

Космач В.А. - декан исторического факультета Витебского государственного университета им. П.М. Машерова (Республика Беларусь, г. Витебск), доктор исторических наук, профессор

Лобанов К.Н. – начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белгородского юридического института МВД России, доктор политических наук, доцент

Малай В.В. – профессор кафедры всеобщей истории Белгородского государственного университета, доктор исторических наук, доцент

Мизис Ю.А. – профессор кафедры Российской истории Академии гуманитарного и социального образования Тамбовского государственного университета им. Г.Р.Державина, доктор исторических наук,

Миронов В.В. – доцент кафедры всеобщей истории Академии гуманитарного и социального образования Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, кандидат исторических наук

Михальченко С.И. – проректор по научной работе и международным связям Брянского государственного университета им. академика И.Г.Петровского, доктор исторических наук, профессор

Новиков А.П. – доцент кафедры социологии Саратовского государственного технического университета, кандидат философских наук, доцент

Перепелицын А.В. – профессор кафедры новейшей истории Воронежского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, доцент

Петер Х.Р. – доцент Института истории Университета Мартина Лютера (Германия, г.Халле-Виттенберг), доктор исторических наук

Посохов С.И. – декан исторического факультета Харьковского национального университета им. Н.В. Каразина, заведующий кафедрой историографии, источниковедения и археологии, кандидат исторических наук. профессор

Прокофьева Е.Ю. – декан исторического факультета Белгородского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент

Протасов Л.Г. – заведующий кафедрой Российской истории Академии гуманитарного и социального образования Тамбовского государственного университета, доктор исторических наук, профессор

Пушкарева И.М. – ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской Академии Наук, доктор исторических наук

Пушкарева Н.Л. – ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской Академии Наук, доктор исторических наук

Рянский Л.М. – доцент кафедры истории России Курского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент

Сафронова Н.В. - аспирант кафедры Отечественной истории нового и новейшего времени Воронежского государственного педагогического университета

Ткаченко Е.В. – соискатель кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. академика И.Г.Петровского

Третьяков А.В. – заведующий кафедрой отечественной истории Курского государственного университета, доктор исторических наук

Труженикова Л.А. – доцент кафедры теории и методики преподавания истории исторического факультета Дагестанского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент

Филоненко С.И. – проректор Воронежского государственного аграрного университета, доктор исторических наук, профессор

Филоненко Т.В. – профессор кафедры отечественной истории нового и новейшего времени Воронежского государственного педагогического университета, доктор исторических наук

Фурсов В.Н. – заведующий кафедрой новейшей истории Воронежского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор

Шайдуров В.Н. – докторант кафедры исторического регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент

Шаповалов В.А. – проректор по заочному и дистанционному образованию Белгородского государственного университета, доктор исторических наук, профессор

Шаповалова И.В. - студентка 3 курса исторического факультета Белгородского государственного университета

Шатохин И.Т. – заведующий кафедрой Российской истории Белгородского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент

Ячменихин К.М. – заведующий кафедрой всемирной истории Черниговского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор.